РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Памяти Ю.С.Борисова

РОССИЯ И МИР ГЛАЗАМИ ДРУГ ДРУГА:

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ

Выпуск первый

Москва – 2000

042(02)1

Редколлегия издания:

к.и.н. Агеева О.Г.; к.и.н. Голубев А.В. (отв. ред.);
д.и.н. Невежин В.А.; д.и.н. Нежинский Л.Н.;
д.и.н. Соколов А.К.

Редколлегия первого выпуска:

к.и.н. Агеева О.Г.; к.и.н. Аурова Н.Н., к.и.н. Бойко Т.В.;
к.и.н. Невежин В.А.; к.и.н. Сергеев Е.Ю.

Под редакцией

к.и.н. Голубева А.В.

Работа подготовлена
в Центре по изучению отечественной культуры
ИРИ РАН

ISBN 5-8055-0043-4

© Институт российской
истории РАН, 2000 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Институт российской истории РАН продолжает серию коллективных трудов, посвященных проблеме взаимовосприятия России и внешнего мира.

С 1994 г. в Центре по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН работает группа по изучению международных культурных связей России. На ее основе был создан и успешно функционирует научный семинар по проблемам взаимовосприятия культур, в который входят, помимо основного состава группы, как исследователи из ИРИ РАН, так и представители различных научных учреждений России. В последние годы к работе семинара подключаются и ученые из так называемого «дальнего зарубежья». В 1994-2000 гг. было проведено 7 ежегодных «круглых столов» на тему «Россия и внешний мир»*. На основе их материалов вышли два издания, соответственно «Россия и Европа в XIX-XX вв.: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур» (М., 1996) и «Россия и внешний мир: диалог культур» (М., 1997), а также коллективная монография «Россия и Запад: Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX в.» (М., 1998), получивших высокую оценку научной общественности**.

Проблемы взаимовосприятия культур, или, выражаясь языком западных исследователей, проблемы имеджинологии, находящиеся на стыке истории, культурологии, социальной психологии, в отечественной историографии исследованы слабо, почти нет монографий, тем более обобщающих научных трудов. Лишь в последние годы появились работы, посвященные механизмам формиро-

---

* Отчеты о предыдущих заседаниях «круглых столов» см.: Отечественная история. 1995. № 3; Там же. 1998. № 3; Там же. 1999. № 1, 6.

** Рецензии см.: Отечественная история. 1998. № 5; 1999. № 6.

вания и функционирования внешнеполитических представлений и стереотипов на материале российской истории. Эпизодически эта проблематика затрагивается и в трудах, посвященных изучению массового сознания российского общества в целом. Между тем актуальность этой проблематики, особенно в условиях поиска Россией нового места в мире и Европе, в частности, поиска «русской идеи», трудно переоценить.

Начиная с данного выпуска, издание материалов научного семинара получает общее название: «Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия».

Хронологические рамки первого выпуска охватывают XV-XX вв., время активного взаимодействия России и Запада, что позволяет лучше проследить историческую динамику этого процесса. В книге рассматриваются такие актуальные проблемы, как особенности взаимовосприятия России и Запада в XV – начале XVIII в., в том числе первые впечатления русских о Европе, а иностранцев о Московии; образ Российской империи и ее виднейших представителей на Западе; влияние западной системы образования на культуру России; образ европейских соседей в российском обществе XIX в., «образ врага» и «образ союзника» в условиях войн; Россия и США глазами друг друга и др.

Работа научного семинара и издание сборников будут продолжены. Приглашаем всех исследователей, интересующихся данной темой, принять участие в этой работе.

* * *

Во время работы над данным сборником произошло печальное событие – умер Юрий Степанович Борисов, человек, который стоял у истоков нашего «круглого стола», открывал его первые заседания, всячески поддерживал нашу работу. Юрий Степанович был неизменным

членом редакционных коллегий наших сборников и главным редактором одного из них.

Он руководил Центром по истории отечественной культуры Института истории СССР, в настоящее время — Института российской истории с (1983 г.). До этого был проректором Историко-архивного института, преподавал, занимался научной работой. Круг научных интересов Юрия Степановича необычайно широк — это история советской деревни, образования, культуры, политическая и социальная история России XX в. В конце 80-х гг. огромный успех имели его публичные выступления, посвященные Сталину и сталинизму. В последние годы Юрий Степанович увлеченно занимался историей российского предпринимательства. Остались его ученики, его книги, статьи, осталось много незаконченных работ.

Редакционная коллегия и авторский коллектив единодушно решили посвятить этот сборник памяти Юрия Степановича Борисова.

I. ЗАПАД И РУССКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ В XV-XVII ВЕКАХ

Малето Е.И.

ЗАПАДНЫЙ МИР ГЛАЗАМИ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XV ВЕКА

Занимая выгодное геополитическое положение, Русь впитала в себя наследие культур Востока и Запада, что коренным образом отразилось на мировосприятии ею других народов и цивилизаций. Процесс приобщения средневековой Руси к православной греческой традиции изначально предполагал интерес к культуре Византии, к ее книгам и книжности. Разделение церквей на западную (католическую) и восточную (православную), а также язык богослужения, положил границу между европейским средневековьем и русской традицией, активно осваивавшей греческое наследие. Так на православной идеологической основе началось строительство вполне самостоятельной системы мировосприятия. Монголо-татарское завоевание, несмотря на большие разрушения, не прервало процесс приобщения к греческим святыням и святыням христианского мира, который был начат ранее. После свержения ига и падения Царьграда перед Русью, с ее духовностью и самобытной культурой, встал «латинский Запад». Следствием развития политических, экономических и культурных контактов Руси с Западом в

XV столетии явилось возрастание у них взаимного интереса и стремления к более глубокому взаимопониманию.

Путешествия, как ни один другой источник, раскрывают сложную историю диалога культур, ведущегося до сих пор. Сохранившиеся источники довольно бедны. Все, чем мы располагаем, – это два хождения в страны Центральной и Западной Европы, прежде всего в Германию и Италию, датируемые 30-40 гг. XV в.[1] Их авторы – Неизвестный Суздалец и Владимиро-Суздальский епископ Авраамий – участники дипломатического посольства русской православной церкви на восьмой Феррарро-Флорентийский собор (1438-1439 гг.), где обсуждался вопрос относительно объединения (унии) двух основных христианских церквей – православной и католической[2].

Хождение Неизвестного Суздальца представляет собой описание пути следования митрополита Исидора и его свиты из Москвы через Тверь, Торжок, Волочок, Великий Новгород, Псков к городам Литвы, Германии и Италии. Хождение Авраамия Суздальского (идейного противника Исидора) дает детальное представление о Флорентийских соборах, с подробным описанием церкви Пречистой Богородицы и церкви Вознесения во Флоренции, а также мистериальных представлений «Вознесения» и «Благовещения», свидетелем которых стал русский путешественник[3].

В отечественной историографии тексты этих путевых записок довольно обстоятельно были изучены Н.В.Мощинской, Н.А.Казаковой, И.Е.Даниловой и Н.И.Прокофьевым[4]. Однако наука не стоит на месте, она задает новые вопросы, которые расширяют представления об исторической реальности. Предметом настоящей статьи является анализ картины мира, зафиксированной русскими путешественниками. Три единства – времени, места составления и социальной принадлежности авторов связывают эти источники в нечто целое и позволяют

сформировать представления о том, каким же виделся Запад на Руси XV столетия.

До приезда в Италию и Германию русские путешественники безусловно располагали знаниями об этих странах и были в какой-то мере подготовлены к встрече с ними. Но любое заочное знакомство не может сравниться с впечатлениями от увиденного воочию. Приезжая с изначальным запасом представлений, со своими стереотипами мышления, поведения и восприятия, русские путешественники начинали постигать иную (городскую, бытовую, культурную) среду. Новые знания и впечатления дополняли личный опыт каждого и формировали новую картину мира, обогащенную увиденным и пережитым. Для того, чтобы судить о характере представлений русских путешественников рассматриваемого времени, обратимся к источникам.

Путешествие началось 8 сентября 1437 г. Для достижения стран Западной Европы участники посольства, в состав которого помимо митрополита Исидора входило еще 9 человек и многочисленная свита, воспользовались прибалтийским маршрутом. Это был традиционный торговый маршрут, игравший значительную роль в контактах Руси с ее европейскими партнерами: Ганзой, Швецией, Великим княжеством Литовским, через территорию которого проходили основные пути русско-ганзейской торговли[5]. Выехав из Москвы, русское посольство направилось в Тверь. Из Твери через Торжок, Волочок и далее по реке Мсте прибыли в Новгород и после недельной остановки направились в Псков, где пробыли 7 недель. «И ту быша пирове мнози и дары велици», — отметил Неизвестный Суздалец[6]. Как ныне установлено, остановки в этих городах были не случайны и определялись, с одной стороны, необходимостью выработки дальнейшего маршрута путешествия, а с другой, — важностью проведения переговоров с Великим княжеством Литовским и орденскими властями в Ливонии и

Пруссии с целью получения охранных грамот для проезда по их территории[7]. Из Пскова посольство выехало «месяца генваря в 22 день, на память святого апостола Тимофея»[8*], пересекло русско-ливонскую границу и вступило на территорию Дерптского епископства. Уже «первый град немецкий Коспир бискупа Юрьевского» заинтересовал путешественников. Он поразил большими каменными палатами и монастырями, красивыми полями и садами в окрестностях. Кроме этого, участники посольства отметили, что в городе мало православных и всего две православные церкви – «святыи Никола и святыи Георгии»(с. 138). Далее через Юрьев и «Володимер град» (г. Вольмар) путь путешественников лежал к Риге, где Исидору и его спутникам устроили пышную встречу: «Сретоша с кресты попове и вси народы и ради бывше ему вельми... И ту был господин 8 недель» (с. 138-139).

Хорошо знакомый с иерархической структурой русского феодального общества и его установками, Неизвестный Суздалец отмечает, что «ел господин у архиепископа; и владыка Авраамии и Фома, посол тверскыи, седоша за единым столом с митрополитом и архиепископом, а нам за другым» (с. 139).

В Риге, возможно, решался вопрос о дальнейшем маршруте. Судя по путевым запискам, наиболее известным и удобным для путешествия был водный маршрут по реке Двине в Балтийское море, который и избрал митрополит. При этом часть людей с лошадьми Исидор отправил по сухопутной дороге, получив охранную грамоту для проезда через Курляндию, Жмудь, Пруссию, Померанию. «А кони митрополичи гнали берегом от Риги к Любку на Курскую землю, а поперек Жемотские земли 3 дни, и оттоле на Жунскую землю, и оттоле на Висмертьскую землю, и оттоле к Любку» (с. 140).

---

* Далее цитируется тот же источник.

Путь был длительным. И на всем его протяжении Неизвестный Суздалец, как человек практичный и бывалый, подробно и полно фиксирует использование сухопутных и водных транспортных средств. Он упоминает о ладьях, конях митрополита Исидора, которых большую часть пути гнали берегом от Риги до Любека, и о повозках. В Любеке путешественникам была устроена встреча: «привезоша 20 возов, и седохом на возы и поидохом ко граду», – записал он (с. 139). Вскоре митрополита догнал обоз: «И в Любок приехав един день господин морем в корабли, а с конми брегом, а поехали с конми из Ригы за шесть недель до поезда митрополича» (с. 140). Город произвел на русского путешественника большое впечатление, о чем свидетельствует следующая запись: «видехом град велми чюден, и поля бяху, и горы невеликы, и садове красны, и полаты велми чюдны, позлащены връхи, и монастыри в нем велми чудны и силни. И товара в нем всякого полно» (с. 139). Сведения о жизни и быте городского населения нашли подробное отражение в путевых записках. Автор подробно описывает водопровод города: «А воды, – отметил он, – приведены в него, текут по всем улицам, по трубам, а иные воды ис столпов студены и сладки текут». И здесь же «видехом на реце устроено колесо, около его 100 сажен, воду емлет из рекы и пущает на все домы» – так охарактеризовано устройство водокачки (с. 139). Достопримечательности Любека также попадают в поле зрения русского путешественника: «и ведоша нас, идеже лежат их книгы, и видехом более тысящи книг, и всякого добра неизреченного, и всякыа хитрости, и полаты чюдны велми», – записывает он (с. 140).

Далее маршрут посольства шел через города Люнебург, Брауншвейг, Лейпциг, Нюрнберг и Аугсбург в Италию. В Люнебурге Неизвестного Суздальца поразили необычные фонтаны, которые были для русских людей диковинкой: «Среди града того суть столпы устроены, в

меди и позлащены, велми чюдно, трею сажень и выше; и у тех столпов у коегождо люди приряжены около тою же медию; и истекают из тех людеи изо всех воды сладкы и студены: у единого из уст, а у инаго из ноздрию, истекают же велми прутко, яко из бочек; те бо люди видети просте, яко живи суть». В Брауншвейге – добротные архитектурные сооружения с необычным покрытием из синих каменных плит – «а покровение их велми подобно удивлению: есть бо крыто дъсками синего камени хитро и хороше, яко и лемешем, и утверживано гвоздиемь, яко не мощно рушитися во много лет» (с. 141). В Лейпциге – обилие товаров и ремесленников. В Нюрнберге – каналы и фонтаны, а в Аугсбурге – росписи храмов. Впечатления Неизвестного Суздальца от увиденного очень эмоциональны: «полаты в нем, и воды, и иная вся строения велми чюдна. И божници в нем устроены, и с надворниа писано велми хитро..., и ту написан царь Иустиниан, началныи здатель града того, да и иные цари римъские писаны, то же Угорское и Аломаньское», – отметил он (с. 142). Эта запись, скорее всего, появилась в его путевых записках не случайно.

Большое впечатление на Неизвестного Суздальца оказала природа Италии. Он сообщает о равнинном характере местности на отдельных участках пути, о горах, реках и растениях, отмечает особенности климата этого района. Особенно любопытен его рассказ о горных цепях, пересекаемых при переезде из Инсбрука в Падую: «От Инсбрука к Альпийским горам до города Пиренто 24 мили. Оттуда во Фряжскую землю 15 миль. Горы же те не суть ту, но от Чернаго моря пошли даждь и до Белаго (Средиземного – *Авт.*) моря, яко зовутся пояс земныи, камены. Толико же высоци суть, облаци вдоль их ходят, облаци от них ся взимают. Снези же лежат на них о сотворения гор тех; лете же вар и знои велик в них, но снег же не тааше» (с. 142). Это описание важно как одно из

первых конкретных упоминаний в русской письменности об Альпах.

Используя в основном коней и повозки, путешественники достигли Феррары, где начались заседания церковных иерархов. Неизвестный Суздалец добросовестно указывает даты и места заседаний собора, перечисляет его участников, описывает одеяния церковных иерархов и папских телохранителей, но не более того. Зато с восторгом рассказывает о городской жизни Феррары эпохи Возрождения, о ценах на продукты и о диковинных часах с ангелами, которые «коли приспеет час и ударит в колокол, и выдет из столпа на крильце аггел, и... протрубит в трубу, и въходит другыми дверцами в столп; а людем, всем видящим аггела и трубу и глас его слышати; и потом в тои же великый колокол въсходяше на всяк час аггел и ударяше» (см. 143). В этой связи отметим, что XV в. был особенным в истории Италии. Он ознаменовал начало нового этапа, который получил название эпоха Возрождения[9]. Под его знаком проходила городская жизнь Феррары, Флоренции, Рима и других итальянских городов. Важнейшей отличительной чертой мировоззрения этого времени была ориентация на искусство. В эпоху гуманизма мир представлялся человеку прекрасным, он хотел видеть красоту во всем, чем он сам себя окружал в этом мире. Красота стала конечной целью архитектуры, живописи и других видов искусств. Великие архитекторы, скульпторы, живописцы эпохи Возрождения работали в это время в Италии. Человек стал более самостоятельным, а творческая деятельность приобрела своего рода сакральный характер. С ее помощью человек создавал красоту и самого себя. Это почувствовал и сумел передать русский путешественник. Объективные причины (эпидемия чумы в Ферраре и активность повстанческих отрядов) заставили перенести собор во Флоренцию. Для переезда из одного города в другой представители русской делегации и сам папа римский использовали суда.

«И поеха патриарх ис Феррары... рекою Повою (р. По — *Авт.*) в судех на низ; а митрополит рускыи поиде... рекою тою же в судех»[10].

Флоренция вызвала интерес и восхищение своим величием, красотой и богатством: «град Флоренза велик зело... полаты в нем устроены белым камнем, велми высоки и хитры. И посреди града того течет река велика и быстра велми, именем Рна (Арно — *Авт.*); и устроен на реце мост камен, широк велми, и с обе страны моста устроены полаты», — отметил путешественник. С восторгом отзывается он о флорентийских тканях — «камки аксамиты с златом», рассказывает о шелковичных червях и о изготовлении шелка из их коконов, о масличных садах, кедрах и кипарисах, которые сравнивает с русской сосной и липой: «Ту же видехом древние кедры и кипарисы; кедр как русская сосна, много походило, и кипарис корою яко липа, а хвоею яко ель, но мало хвоею кудрява и мяхка, а шишки походили на сосновую». И если при описании достопримечательностей Флоренции внимание Неизвестного Суздальца направлено главным образом на архитектуру, скульптуру и внутреннее убранство флорентийских соборов, то Авраамий Суздальский полностью сосредоточился на описании двух Флорентийских церквей (пречистой Богородицы и церкви Вознесения), уделяя важное место в повествовании мистериальным представлениям и описанию закулисного технического оборудования, в создании которого принимали участие великие инженеры, художники и зодчие Флоренции (известно, например, что знаменитый Филипп Брунеллеско создал специальные машины для постановки этих мистерий)[11].

После подписания Флорентийской унии на обратном пути следования на Русь от города Болоньи митрополит «поиде рекою Фарою, а кони берегом... От Фары поиде рекою Повою, да и кони провадили тою же рекою в судех». Проезжая мимо Венеции, Неизвестный Суздалец и

его спутники обратили внимание на галеры, которые использовались венецианцами для передвижения: «Среди города проходят корабли и катарги, а по всем улицам воды, ездят в барках. Но велми град тои велик... И товару в нем всякого полно, занеже корабли приходят изо всех земель, от Иерусалима и от Царяграда, и от Азова, и ис Турьские земли, и ис Срачин, и из немець». Внимание путешественников привлекла также церковь святого Марка: «есть в граде том цркьовь камена святый Марко Еуангелист, и столпы в ней морованы, имущи мрамор всяк цветом... а внутри резаны святые на мраморе велми хитро, а сама велика церковь... Ту и сам святыи Марко лежит, а мощей святых много, иманы из Царяграда»[12].

Продолжая путь на Родину, русская делегация, использовав корабли, дошла до городов Поречи и Полы, далее Сени. Оттуда участники путешествия «выидохом ис корабля» и на конях и повозках, проехав через территорию Сербии, Венгрии, Польши и Литвы, достигли Можайска, Москвы и, наконец, Суздаля. Так 29 сентября 1440 г. путешествие завершилось.

Обозревая картину реального объективного мира, воссозданную с помощью путевых записок русских средневековых авторов, можно прийти к следующим выводам:

По своей значимости рассмотренные источники далеко не равноценны, но есть у них и нечто общее: в них отчетливо ощущается общественное настроение эпохи Предвозрождения.

Русские путешественники стремятся понять иноземную жизнь. Латинский мир не воспринимается ими как что-то враждебное, хотя события предшествующих столетий, в частности, крестовые походы на Русь XIII в. и непростые дипломатические отношения XIV столетия способствовали обратному. Длительное пребывание путешественников за границей, связанное с их дипломатическими полномочиями, позволило лучше освоить язык, познакомиться с обычаями страны, вжиться в западноев-

ропейскую действительность. Все это способствовало созданию благоприятных условий для взаимного обмена информацией. При этом важно подчеркнуть, что не культовая, а экономическая, государственная и культурная жизнь зарубежных народов находится в центре внимания авторов хождений. Запад интересен им прежде всего как носитель иной психологии, иного быта, иной культуры.

Путешественники относятся к новому в инородной культуре как к источнику собственного развития. Православие лежит в основе их мировосприятия, но вместе с тем религиозные догмы не довлеют над авторами, позволяя проявить индивидуальность. Чужой мир не пугает, а скорее вызывает интерес. Впечатления фиксируют активное отношение русских людей к жизни, содержат элементы оценки — хорошее-плохое, красивое-некрасивое.

Путешественники обладают художественным вкусом и рассматривают себя и окружающий мир с учетом основных эстетических категорий (прекрасное-безобразное, трагическое-комическое и т.п.). В их восприятии важное место занимает категория красоты. Они не пытаются подавить, скрыть свои эмоции, напротив, состояния удивления, восхищения не раз посещают авторов путевых записок. Способность русских путешественников к восприятию этих сюжетов позволяет говорить о их включенности в сферу русской духовной культуры XV столетия.

Несмотря на лаконичность изображаемого, авторы путевых записок достигают широкого охвата действительности. При этом они ищут наиболее эффективные средства отображения реального мира. Отсюда их обращение не только к описанию событий Флорентийского собора, но и подробный рассказ о внешнем виде городов, их каналов, водопроводов, водяных мельниц, фонтанов, архитектурных и скульптурных произведений, а также о торговле, ценах и городской экономике. Созданные духовными лицами, путевые записки в значительной

степени отражают общественную психологию русской городской интеллектуальной элиты XV в. Вместе с тем идеи, запечатленные здесь, помогают приблизиться к пониманию народной культуры, тех черт мировидения, которые «так или иначе разделялись всеми членами общества»[13]. Сказанного достаточно для того, чтобы понять ценность хождений для историка культуры.

---

1 См.: Книга хождений: Записки русских путешественников XI-XV вв. М., 1984. С. 137-151, 316-332, 152-161, 333-342. За пределами нашего внимания остается повесть Симеона Суздальского «Исидоров собор и хождение его», изобилующая неточностями и фантастическими сюжетами. (Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 336).

2 Кратко напомним предысторию вопроса. В условиях растущей угрозы со стороны турок-османов византийское правительство стало искать помощи на Западе и главным образом у Рима. Для спасения империи Иоанн VIII Палеолог решился на крайнее средство — под предлогом соединения церквей (православной и католической) подчинить греко-восточную церковь папе и за это получить помощь от западных государств. Для решения вопроса об унии был созван Вселенский собор, который начал свою работу в Ферраре в 1438 г., а затем перенес ее во Флоренцию. Там после ожесточенных дебатов 6 июля 1439 г. была провозглашена уния. Глава русской делегации митрополит Исидор, грек по национальности, являлся сторонником унии. Во Флоренции он подписал акт церковной унии и был назначен папой легатом для Литвы, Лифляндии и России, а в декабре 1439 г. стал кардиналом. Однако на Руси уния встретила враждебное отношение: когда посольство из Италии возвратилось в Москву, Исидор был схвачен и брошен в заключение, откуда ему удалось бежать в Литву, а затем в Константинополь. В 1448 г. на соборе русских епископов митрополитом был избран рязанский епископ Иона. Русские политические и церковные круги не хотели подчиняться власти папы, а потому решительно отвергли унию. Итоги собора оказались безрезультатны для Византии. Империя по-прежнему осталась в одиночестве перед растущей турецкой агрессией. В 1451 г. умер султан Мурад II, его наследником стал Мехмед II, немедленно начавший готовиться к захвату Константинополя. Бесчисленные турецкие силы двинулись к городу и осадили его с моря и суши. 29 мая 1453 г. после упорной борьбы Константинополь был взят войсками Мехмеда II и Византийская империя перестала существовать. «...Взят бысть Царьград от безбожных турков, от Мустафы Муратовича», — записал русский ле-

тописец (Симеоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1913. Т. XVIII. С. 208. См. также: *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. М; Л., 1948. С. 744-761; История Византии. М., 1967. Т. 1. Гл. XI, XIII; *Курбатов Г.Г.* История Византии. М., 1984. С. 191-192; История Европы. М., 1992. Т. 2. С. 349-353; *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII-XVII вв. М., 1973).

3 Авторство второго хождения не вызывает сомнений, но вопрос об авторстве первого спорен, так как источники содержат о нем немногочисленную информацию. По мнению Н.В.Морщинской, автором путевых записок является какое-то неизвестное духовное лицо из свиты суздальского епископа Авраамия. Она же, определяя социальное положение автора хождения, предположила, что Неизвестный Суздалец был дьяком из суздальского архиерейского двора (*Мощинская Н.В.* Об авторе Хождения на Флорентийский собор в 1437-1440 гг. // Литература Древней Руси в XVIII в. М., 1970. С. 228-300; *Она же.* Хождение Неизвестного Суздальца на Ферраро-Флорентийский собор 1436-1440 гг. // Вопросы русской литературы. М., 1970. С. 87-98; *Тихонравов Н.С.* Соч. М., 1898. Т. 1. С. 275-282.

4 Библиографию работ указанных авторов см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 486-489.

5 *Казакова Н.А.* Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV в. // Исторические записки. М., 1949. № 28. С. 11-131; *Она же.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения (конец XIV-начало XVI в.) Л., 1975. С. 3-128, 129-179, 180-200; *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 21-76.

6 Книга хожений... С. 138.

7 *Казакова Н.А.* Западная Европа в русской письменности XV-XVI вв. Л., 1980. С. 23.

8 Книга хожений... С. 138.

9 См.: История Италии. М., 1970. Т. 1. С. 295-306; *Рутенбург В.И.* Итальянский город от раннего Средневековья до Возрождения. Л., 1987. С. 117-135.

10 Книга хожений... С. 144.

11 Там же. С. 144, 145, 152-161.

12 Там же. С. 148. Галеры не могли не вызвать интерес. Это было деревянное, красивое и быстроходное судно, созданное венецианцами еще в VII в. Оно имело длину 30-50 м, ширину около 6 м и один ряд (от 16 до 25 пар) весел. В тихую погоду галера развивала скорость до семи узлов (13 км/ч), имела две мачты с косыми парусами и с XIV в. пушечное вооружение – пять орудий.

13 *Гуревич А.Я.* Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. С. 27.

Морозова Л.Е.

ИНОСТРАНЦЫ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В ОБРАЗЕ ЖИЗНИ РУССКИХ ЛЮДЕЙ. (Конец XV-XVI век)

С конца XV в. Русское государство, сбросившее оковы золотоордынского ига и превратившееся в крупное централизованное объединение на северо-востоке Европы, стало объектом пристального внимания иностранных дипломатов, купцов, религиозных деятелей. Посетив мало известную для европейцев страну, они старались описать увиденное и ознакомить со своими записками европейскую общественность. Цели визитеров были разные, поэтому каждый уделял наиболее пристальное внимание главным для себя вопросам. Дипломаты – общим вопросам государственного устройства и политики, купцы – торговле и производимым товарам, церковные деятели – особенностям верования русских людей и т.д. При этом, как правило, все иностранцы интересовались бытовой стороной жизни русских людей, отмечая те детали и особенности, которыми она отличалась от их собственной. В этом отношении записки западноевропейских авторов представляют для историков уникальный материал, позволяющий проследить на протяжении веков, как изменялась повседневная жизнь русских людей. Для самих русских в их повседневности не было ничего необычного, поэтому в отечественных источниках об этом мало сведений. На эту особенность сказаний иностранцев указывал еще В.О.Ключевский: «Будничная обстановка жизни, повседневные явления проходили мимо современников, привыкших к ним, останавливая на себе внимание чужого наблюдателя». В то же время исследователь отмечал, что «к сведениям иностранцев о России следует относиться с большой осторожностью, поскольку они видели лишь отдельные стороны жизни русских людей, не

всегда понимали их правильно, а иногда и умышленно их искажали в угоду собственным религиозным воззрениям или интересам дипломатии»[1].

Русское общество XV-XVII вв. оставалось не совсем открытым для иностранных наблюдателей, поскольку послы обычно содержались в изолированных помещениях под пристальным наблюдением приставов, а русским людям были запрещены самостоятельные контакты с иностранцами за исключением торговых операций в пограничных городах. Отсутствие широких культурных контактов между русскими людьми и иностранцами (кроме тех, что находились под контролем государевой администрации) порождало взаимную неприязнь. Так М.А.Алпатов, проанализировавший содержание всех сказаний о России с XII по XVIII в., отмечал, что большая часть иностранцев относилась к русским людям с высокомерием, считая их грубым и необразованным народом. В свою очередь и русские люди не слишком-то жаловали иностранных гостей, называя их «еретиками, папежами, лютерами и кальвинами», и предрекали им гибель в «геенне огненной»[2]. Эта взаимная неприязнь существенно влияла на оценку иностранцами особенностей жизни русских людей и на общее впечатление от увиденного, поэтому сказания иностранцев о России не могут считаться абсолютно достоверным источником, и при их использовании следует тщательно анализировать их содержание, учитывая, кто был их автор и каковы были цели его визита.

Для того, чтобы наиболее наглядно проследить изменения в образе жизни русских людей, сделаем несколько временных срезов. Первый – конец XV – начало XVI в. – время правления Ивана III и его сына Василия III, когда происходило окончательное формирование централизованного государства и было завершено «собирание» русских земель вокруг Москвы. Второй – вторая половина XVI в. – время правления Ивана IV и его сына Федора, когда Московское царство, покорив

соседние государства (Казанское, Астраханское и Сибирское ханства, Ливонию) и отвоевав земли у европейских держав Речи Посполитой и Швеции, достигает наивысшего расцвета.

Для характеристики первого периода использовались сочинения венецианского купца и дипломата Иоасафата Барбаро, венецианского посла Амброджо Контарини, греческого посла Георга Перкамота, императорского посла Сигизмунда Герберштейна и польского епископа Матвея Меховского. При анализе всех текстов, среди которых есть весьма объемные и богатые информацией, например «Записки о Московии» С.Герберштейна, предпринималась попытка выявить лишь общие тенденции, наиболее характерные особенности быта русских людей.

Венецианский купец и дипломат И.Барбаро, посетивший Русское государство в 1436-1452 гг., больше всего внимания уделил изобилию хлеба и мяса на импровизированных русских рынках, устраиваемых зимой прямо на льду рек. Мясо продавали даже не на вес, а на глаз. Ободранные туши свиней, быков, баранов ставили на ноги на льду и отдавали за мелкие иностранные деньги, не торгуясь. Любой желающий мог купить до 200 туш. Дешево стоили и куры, которых на один дукат давали до 70 штук. При этом южанин Барбаро отметил отсутствие на рынках фруктов, кроме лесных яблок и орехов[3]. Очевидно, в это время они мало выращивались и редко использовались в рационе русских людей. Заметил он и отсутствие виноградных вин, широко распространенных в Италии. Их в России заменял напиток из меда и брага из проса. Еще одной особенностью жизни русских людей, по мнению Барбаро, было то, что наиболее активную жизнь они вели зимой, когда можно было передвигаться на санях по льду рек. Летом же из-за отсутствия дорог, грязи и большого количества в лесах комаров и слепней далеко не ездили. В целом для Барбаро Русь была страной обширнейших лесов и сурового климата.

Другой венецианец, А.Контарини, проезжавший через Россию в 1476-1477 гг. на пути в Персию, заметил некоторые изменения. Они произошли после женитьбы Ивана III на Софье Палеолог в 1472 г. В Москве уже было довольно много иностранцев. Он встретил ювелира из Катаро, архитектора из Болоньи, греков из Константинополя и итальянского посла, окружавших великую княгиню. В Кремле для семьи великого князя был выстроен красивый дворец, возведен каменный Архангельский собор, ставший великокняжеской усыпальницей. Контарини также удивился обилию зерна и мяса на рынках. За самую мелкую монету он мог получить три фунта мяса, а за дукат – сотню кур или сорок уток. Из дичи он видел только зайцев и лесных птиц, полагая, что более крупную дичь русские люди ловить не умеют. На самом деле крупная дичь, видимо, около Москвы уже не водилась. Контарини также не заметил фруктов в рационе русских людей, а из овощей самые простые, лук, чеснок, редьку, огурцы. На зимних рынках на льду рек он видел мясо, крупы, муку, рыбу, дичь, меха соболей, лис, горностаев, белок и рысей. Все это покупалось купцами из Германии и Польши, для которых, видимо, еще не было ограничений.

Русские люди, по впечатлению Контарини, были очень красивы, но довольно грубы и склонны к пьянству. Однако великий князь боролся с этим злом, вводя ограничения на изготовление горячительных напитков[4].

Анализируя сочинение Контарини, можно обнаружить некоторые незначительные новшества в сравнении с описанием Барбаро. Они касаются образа жизни великого князя, который обитал в красивом дворце и использовал в быту предметы роскоши.

Более подробное описание жизни русских людей в конце XV в. составил в 1486 г. грек Георг Перкамот, находившийся на службе у Ивана III. С восторгом описал он бескрайние просторы России, которые, по его мне-

нию, были обильно заселены. Самым большим городом был Владимир — 60 тыс. очагов, потом Новгород, Псков и Москва — по 30 тыс. очагов. Менее крупных городов было более 60, а деревень и сел — без счета. Все постройки были из дерева, кроме центральных храмов и домов знати, сооруженных в итальянском стиле. Перкамот также отмечал наличие в стране громадного количества скота, крупного и мелкого, который выращивался на прекрасных пастбищах и потом дешево продавался на зимних рынках. Огромны, по его мнению, были и запасы зерна, выращенного в местностях, удаленных от моря и от торговых путей. Фактически большая его часть оставалась невостребованной и скапливалась из года в год в больших хранилищах. Таким образом, по мнению Перкамота, природа щедро снабжала русских людей всем необходимым для жизни: мясом, зерном, медом, сеном и т.д. Даже их одежда преимущественно состояла из мехов: зимой — лисьего, весной и осенью — более легкого. Летом же одежда была из льняных тканей. Только знать носила платье, сшитое из «заморских» тканей (венгерских, немецких или греческих): шерсти, шелка и парчи. Еще одним ценным товаром были лошади, без которых было невозможно передвижение по бескрайним просторам.

Суммируя сведения иностранцев о России второй половины XV в., можно отметить следующее. Прежде всего, жизнь русских людей казалась иностранцам сытой и спокойной, поскольку богатые природные ресурсы давали все необходимое. Однако пища была довольно однообразной и простой: злаки и мясо с рыбой. Овощей было очень мало, фруктов еще меньше. Почти все отмечали склонность русских людей к пьянству и описывали изготовление горячительных напитков. Особое внимание к данному вопросу, очевидно, свидетельствует о неравнодушии к выпивке самих иностранцев.

Авторы записок обратили внимание на простые и сердечные отношения подданных с великим князем Ива-

ном III. Они вместе с ним пировали, охотились и ходили в военные походы. Никто из иностранцев не заметил особой пышности или роскоши великокняжеского дворца. Они сообщали, что тот был деревянным, маленьким и тесным, похожим на жилище вельмож. Все необходимое для жизни Иван III получал в виде натурального налога, поэтому вел почти такой же образ жизни, что и рядовые дворяне.

Одной из черт быта горожан, по сообщениям иностранцев, была склонность к совместным трапезам: после торговли на рынке, которой занимались почти все жители городов, они отправлялись в харчевни, где вместе обедали, потом шли по домам отдыхать, и улицы вымирали до вечера.

Внешне русские люди казались иностранцам очень красивыми: высокие, статные, с горделивой осанкой, одетые в богатые меха и зимой, и летом. Они отличались от европейцев силой, выносливостью и закалкой, позволявшей переносить лютые морозы.

В целом образ жизни представителей разных сословий (кроме крестьян) казался очень сходным, простым и не притязательным.

Сигизмунд Герберштейн, посетивший Россию в качестве императорского посла в 1517 и 1526 гг., описывает жизнь русских людей уже в правление Василия III, сына Софьи Палеолог. Он указывает на рост размеров столицы (почти 42 тыс. домов), на красоту и роскошь великокняжеского дворца, на усложнение дворцового церемониала, на все большее возвеличивание великого князя, самовольно присвоившего титул царя и требовавшего беспрекословного подчинения подданных, величания и поклонения. Деспотический характер правления Василия III, накладывавший особый отпечаток на все стороны жизни русских людей — одна из главных тем сочинения Герберштейна. Следует отметить, что императорский посол не ограничивался собственными впечатлениями, а ак-

тивно использовал русские летописи, сочинения русских иерархов, церемониальные дела и т.д. В итоге Русское государство и его место на международной арене представлены в «Записках» Герберштейна существенно полнее, чем в других подобных сочинениях. Русь уже не выглядит далеким неведомым краем, совершенно чуждым для европейцев. Ее место среди европейских держав четко определено, а история свидетельствует о постоянных тесных контактах с западными соседями[5].

Много внимания уделил Герберштейн особенностям веры русских людей: крещению, исповеди, причастию, праздникам, почитанию святых, посту, главным храмам и монастырям. Подробно описал торговлю: что покупали русские люди у иностранных купцов, что продавали сами. Записки свидетельствуют, что характер торговли существенно изменился: построены специальные рынки, ассортимент товаров расширился, появились особые правила торговли для иностранных купцов. Если раньше продавали в основном продовольствие, то во времена Герберштейна на русских рынках появились серебряные слитки, сукна, шелк, шелковые и золотые ткани, жемчуг, драгоценные камни и золотые нитки, привозимые из-за границы. Сочинение цесарского посла свидетельствует о том, что одежда русской знати стала богаче и изысканней, в быту появились предметы роскоши.

Герберштейн отметил, что хороших мехов на рынках стало мало, соболей он вообще не видел, поскольку, по его сведениям, они перестали водиться даже на Севере. Ценились лисьи меха, из которых шились шапки, и бобровые, служащие для опушки одежды. Дорого стоили шкуры волков, которые в то время вошли в моду. У женщин считался модным мех домашних котов.

Герберштейн уже не увидел в окрестностях Москвы лесов, вырубка которых, видимо, повлияла на климат, и зимой начались сильные морозы, от которых трескалась земля и погибали деревья, а летом засуха и зной приво-

дили к гибели урожая. В итоге цены на хлеб сильно возросли. Отметил он и то, что скот в подмосковных деревнях мелкий. Овощи выращивают самые простые, за исключением дынь, за которыми ухаживают с большой тщательностью. Плодовых деревьев он видел мало, и они, видимо, были больше похожи на дикие с кислыми плодами. Если в XV в. иностранцы писали об изобилии дичи в московских лесах и хорошей рыбе в реках, то Герберштейн отмечал, что кроме зайцев никакой дичи нет, а в реках в окрестностях Москвы водится самая простая мелкая рыбешка. Не было в лесах и диких пчел, поэтому мед купить было негде[6].

Сообщения Герберштейна свидетельствуют о том, что превращение Москвы в столицу государства и активная хозяйственная деятельность привели к тому, что в начале XVI в. природные ресурсы Подмосковья оказались исчерпанными. Это вызвало уменьшение производства продовольствия. На рынках не стало изобилия мяса и хлеба, продукты питания подорожали. Однако расширение контактов с зарубежными странами активизировало торговлю предметами роскоши, дорогими тканями и всевозможными мехами, многие из которых стали привозиться из северных стран.

Интересно отметить, что при описании некоторых русских городов (Переяславля Рязанского, Мурома, Мценска и др.). Герберштейн подчеркивает особенности, свойственные некогда и Москве: большие урожаи хлеба, множество скота, дичи, рыбы и т.д.

При характеристике образа жизни русских людей дипломат писал, что многие мужчины-воины были очень неприхотливы в пище и одежде и отличались бережливостью и воздержанностью во всем. Во время походов в качестве еды использовали толченое просо с соленой свининой, которые варили в походных котелках и для господина, и для его слуг. Если какой-нибудь богач устраивал пир, то после него люди победнее вообще не ели

2-3 дня. Из овощей при этом пользовались только луком и чесноком, в качестве приправы употребляли соль и перец.

Богатые воины спали в походных палатках, бедные – под плащами. Одежда у всех была одинакового покроя – длинный кафтан, рубашки, штаны, заправленные в короткие красные сапожки. Отличия были только в украшениях, меховых опушках, пуговицах, вышитых узорах.

Особенностью русского быта Герберштейн считал затворнический образ жизни девушек, которые почти никогда не покидали домов. Основным их занятием было рукоделие. Домашнюю работу выполняли рабы. Развлечением юношей являлись кулачные бои, которые воспитывали силу, ловкость и отвагу[7].

Некоторые сведения об устройстве русских городов и жилищ людей дают М.Меховский, польский епископ, который написал «Трактат о двух Сарматиях» со слов лиц, посетивших Русское государство в начале XVI в., и епископ города Комо П.Новокомский, написавший «Книгу о Московском государстве» со слов русского посла Д.Герасимова. Они отметили, что все русские города окружены крепостными стенами, в основном деревянными, в центре – каменный замок, главные храмы из камня, как и жилище наиболее знатных лиц. Дома простых горожан – из толстых бревен, с садом и огородом и окружены заборами. Из-за того, что крыши делались из досок, покрытых либо берестой, либо соломой, либо дерном, часто случались пожары, от которых выгорали целые улицы. После этого вновь очень быстро строились новые дома из готовых срубов. Внутреннее убранство домов было очень простым. Они делились на три помещения: горницу, кухню и спальню, где кроме стола с лавками, полатей и большой печи, на которой спали зимой, ничего не было. Вся ценная домашняя утварь хранилась в погребах, находящихся во дворе, и при пожаре сохранялась. Оба автора отмечали, что из-за грязи мосто-

вые делались из бревен. Ночью улицы заграждались либо воротами, либо рогатками, около которых стояла стража. В темное время суток выйти на улицу можно было только с фонарем. Ослушников арестовывали и наказывали. Такое устройство русских городов сохранялось и в XVI, и в XVII в.

Замеченные Герберштейном изменения в образе жизни русских людей (сословная дифференциация, склонность знати к роскоши, все большее возвеличивание государя и т.д.) наиболее ярко становятся видны к концу XVI в. Если в конце XV – начале XVI в. лишь единицы иностранных гостей описали свои впечатления от пребывания в России, то от конца XVI в. таких сочинений до нас дошло более 80. Их авторами были и дипломаты (Т.Хернер, М.Фоскарино, А.Поссевино, Дж.Флетчер, И.Перштейн), и купцы (С.Нейгебауэр, А.Дженкинсон, Д.Горсей) и мореплаватели (Р.Ченслор, К.Адамс), и наемники, служившие русским царям (Г.Штаден, Ж.Маржерет, К.Буссов), и представители духовенства (Дж.Компана, Арсений Елассонский). Многие из них приезжали с особыми миссиями, подолгу оставались в стране, хорошо изучали обычаи и политическую обстановку и создавали описания как преследуя личные цели, так и по заданию своих держав. Поэтому, хотя описания становятся богаче и образнее, они не всегда достаточно достоверны.

Одним из первых описал прием в царском дворце Ивана IV английский мореплаватель Ричард Ченслор, посетивший Россию в 1553-1554 гг. Его сочинение свидетельствует о разительных переменах при дворе в сравнении с временами Ивана III. Царь уже не первый среди первых, а полубог, сидящий на золотом престоле, в золотом одеянии, осыпанном драгоценными камнями. Он уже не ведет беседы ни с послами, ни с боярами, а лишь отдает приказания многочисленным придворным, зорко следящим за каждым его жестом и ловящим любое слово. Даже во время торжественного обеда царь сидел на воз-

вышении один, а все остальные в отдалении и значительно ниже.

Англичанина поразило обилие дорогой посуды из золота, украшенной драгоценными камнями и жемчугом. Все прислуживающие дворяне были в золотых одеждах, а присутствующие — в белом. Как бы оказывая особую милость тому или иному боярину, царь посылал каждому по куску хлеба, блюдо с дичью и кубок с вином. Это должно было означать, что именно царь являлся кормильцем и поильцем подданных.

Богатство нарядов царских придворных очень удивило Ченслора. Он даже записал, что никогда раньше не видел столь пышно одетых людей, даже кони которых были убраны в бархат, золотую и серебряную парчу, усыпанную жемчугом. Но вся эта внешняя пышность, судя по всему, никак не повлияла на повседневный быт, который остался простым и суровым. Англичанин отмечал, что нигде не встречал людей более выносливых и привычных к суровой жизни, чем русские. Во время зимних походов они могли несколько месяцев питаться овсяной кашей на воде и спать у костра на снегу, укрывшись плащом. Скудный рацион воинов Ченслор объяснял тем, что царь не платил им никакого жалования. За службу давалась земля, получать доходы с которой приходилось самому владельцу. На них он должен был содержать свою семью, покупать себе вооружение, коней и провиант, а при большом поместье снаряжать еще дополнительных воинов. В итоге царь мог самовластно распоряжаться и жизнью, и имуществом своих подданных[8].

Английский купец А.Дженкинсон (был в Москве в 1557-1558 гг.) также с большим удивлением описал богатство одежд и царя, и его слуг, обилие драгоценной посуды, используемой на пиру. Если по сообщению Ченслора на пиру было около 200 чел., то Дженкинсон насчитал уже более 500, не считая 2 тыс. татар, появившихся для выражения покорности. Начиная с Герберштейна,

никто из иностранцев не писал о полной непроходимости территории Русского государства в летнее время. Дженкинсон даже указал, что по дороге от Вологды до Москвы располагались 14 почтовых станций, что свидетельствовало о регулярности сообщений между городами. Отметил он и наличие большого числа рынков, главный из которых находился в Кремле, а другие на посаде, для каждого вида товаров – отдельно. Однако сохранялась и традиция устраивать на льду Москва-реки большой торг, на котором продавались хлеб, мясо, горшки, сани и т.д., т.е. местные товары.

Дженкинсон, как и другие иностранцы, обратил внимание на глубокую религиозность русских людей и строгое соблюдение 4 постов, во время которых все питались овощами (капустой, репой, огурцами), хлебом и кашами на воде, изредка рыбой. В скоромные же дни на пирах подавалось много разнообразных блюд, которые, по мнению англичанина, были довольно грубы. Он также заметил, что русские люди склонны к совместным трапезам и любят посещать корчмы, которые есть даже в небольших городках. Еще одной особенностью жителей Московии, по мнению Дженкинсона, было то, что они почти не ходили пешком, даже простые горожане предпочитали ездить верхом (летом) или на санях (в зимнее время), стремясь украсить лошадь богатой сбруей, а сани – ковром или шкурой медведя. Одевались все, судя по описанию английского купца, приблизительно одинаково: носили длиннополые кафтаны из парчи, шелка или сукна, застегнутые на пуговицы, с высоким воротником, и красиво расшитые рубашки, полотняные штаны, красные или черные сапоги. На голове – белый колпак с красивыми пуговицами, шапка из черной лисицы[9].

Это описание одежды в сравнении с тем, что дали в конце XV в. Г.Перкамот и в начале XVI в. С.Герберштейн, несколько иное: стало меньше мехов, больше пуговиц и изделий из сукна. Новшеством можно считать

белый колпак, черные сапоги и высокий стоячий воротник у нижнего кафтана.

Венецианский посол М.Фоскарино, посетивший Москву в 1557 г., отметил значительное увеличение размеров города. По его данным, Москва простиралась вдоль Москва-реки на 50 миль. В центре находился великолепный замок с башнями поразительной красоты. Большинство домов было построено из хорошего строевого леса, они были окружены садами, придающими улицам живописный вид. В каждом квартале – церковь «благородной архитектуры». Если в конце XV в. все иностранцы отмечали, что в России не родится никаких фруктов, то Фоскарино указал, что в московских садах росли черешни, вишни, дыни и разные овощи. Это свидетельствует о развитии садоводства. Еще одно отличие, в сравнении с описанием Герберштейна, касается мехов, меда, воска и дичи. Фоскарино отметил, что на русских рынках много прекрасных мехов, продаваемых дорого из-за большого спроса на них. В лесах, но не у Москвы, а на севере водится в изобилии дичь («бизоны», олени, лоси, волки с черной шерстью, медведи и т.д.), дикие пчелы, дающие мед и воск. Все это итальянец, видимо, видел на московских рынках, которые наполнялись не только местными изделиями, как раньше, но и привозимыми из разных частей государства (в период посещения столицы Герберштейном этого, видимо, не было, поэтому дипломат отметил оскудение природных ресурсов в окрестностях Москвы). В более ранних сочинениях иностранцев отмечалось, что русские люди пили только напитки собственного изготовления. Фоскарино же обнаружил, что знать во время праздников пьет привозные виноградные вина, доставляемые из Греции. Новшеством было и изготовление соков из вишни, малины и черешни, которые хранились в погребах со льдом. Не менялось только положение женщин, похожее на рабское. Правда среди простолюдинов нравы были свободнее, и женщины

могли посещать общественные места: рынки, церкви и даже корчмы.

Занятия молодежи, по сообщению Фоскарино, стали более разнообразными. Проводились состязания не только по кулачному бою, но и по воинскому искусству: верховой езде, стрельбе из лука и т.д. Игры в кости и карты были строго запрещены законом.

Фоскарино заметил и некоторые новшества при царском дворе: появление в числе советников Ивана IV иностранцев (немецких и польских офицеров), частое посещение иностранных послов, из-за чего во дворце было постоянно многолюдно. Иван IV, по его мнению, очень интересовался историей Римского и других государств, считал для себя образцом деяния великих римлян и пытался перенять их опыт покорения диких народов. В итоге он перестроил войско по примеру французов и швейцарцев[10].

Эта военная реформа существенно изменила образ жизни многих мужчин, которые раньше были вынуждены и заниматься сельским хозяйством, и сражаться в составе царского войска. Появление наемников, получавших за службу деньги, способствовало развитию городской торговли. Число рынков неуклонно росло. Ассортимент товаров расширялся. В быт знати стали входить не только предметы, изготовленные в их собственных усадьбах, но и заграничного производства, а также привезенные из других частей государства.

Довольно много сведений о влиянии иностранцев на быт русских людей в середине XVI в. собрал венецианский посол Франческо Тьеполо, который сам в Москве не бывал. Он отметил, что природные богатства Русского государства достаточно велики и позволяют производить все, необходимое для жизни, при этом, если в одной области не растет хлеб, то жители могут купить его в других областях, продавая излишки своих товаров, состоящих из меха, рыбы, меда, воска и т.д. В итоге торговля все

больше развивается и поощряется самим царем. Но деньги при этом используются нечасто. Обычно происходит обмен одного товара на другой. Русским товаром являются меха, шкуры домашнего скота, мед, воск, соль, деготь, войлок, моржовые клыки, аир и ревень. В обмен на них у иностранцев покупаются предметы роскоши: золото в нитях, жемчуг, шелковые и шерстяные ткани, пряности, изделия из металлов. Крупными торговыми городами являлись Москва, Новгород, Псков, Астрахань, Казань, сообщение с которыми шло речным путем. Иностранные купцы, чтобы не скупали оптом товары в местах производства, допускались только в эти города. Это позволяло не ущемлять интересы русских торговцев.

В целом царь, получая все необходимое для жизни в качестве налогов и раздавая землю в качестве платы за службу, расходовал очень мало средств на содержание своего двора. Поэтому он и смог нанять на службу иностранцев. Из Германии и Италии были приглашены офицеры, инженеры, литейщики пушкари, архитекторы, которые занялись перевооружением армии и укреплением городских крепостей. Для поселения иностранных специалистов даже было выделено на окраине столицы особое место[11]. Другой итальянец – Дж.Тедальди – называл это место Наливки, поскольку там продавали вино и пиво, запрещенное в столице.

Сообщение Тьеполо еще раз говорит о том, что в середине XVI в. контакты русских людей с иностранцами были весьма обширны. Это способствовало взаимовлиянию культур и появлению новых тенденций в образе жизни русских людей.

Немец Генрих Штаден, служивший наемником в опричнине в 1565-1576 гг., сообщал уже о нескольких поселениях иностранцев в столице. На противоположном от Кремля берегу Яузы жили немецкие наемники, обычно сражавшиеся с крымскими татарами. На севере – немецкие стрельцы рядом с русскими. На берегу Неглинки

было поселение немецких торговых людей, вывезенных из Ливонии. Кроме того, пленные ливонцы были отправлены на поселения в Кострому, Владимир, Углич и Кашин. Это способствовало тесному взаимодействию на бытовом уровне двух народов.

Штаден описывает Москву как хорошо отстроенный столичный город. В Кремле – красивые богато украшенные храмы с позолоченными куполами, царский дворец, состоящий из нескольких каменных построек, здания приказов (Казанского, Разбойного, Разрядного, Поместного, Большой казны, Дворцового, Челобитного), свидетельствующие о совершенствовании государственного аппарата. Ближе к реке – поварня, погреба, хлебопекарня. Все здания были соединены крытыми переходами. Там же располагался митрополичий двор с его приказами. У центральной звонницы сидели подьячие, которые составляли для всех желающих челобитные и другие документы. У северных ворот – Земский или Судный двор, где осуществлялось правосудие, Печатный двор, далее – Денежный двор, на котором отливалась русская монета. У ворот стояли повозки, на которых можно было за деньги попасть в любой конец города. В Китай-городе располагался огромный рынок с рядами для каждого вида товаров. За Неглинкой, через которую вел каменный мост, располагался Опричный двор на Арбате. Такой была столица до нашествия хана Девлет Гирея, сжегшего все деревянные постройки в 1571 г. и разграбившего церкви, монастыри, купеческие лавки и богатые дома[12].

Несомненно, что набег татар и пожар нанесли большой урон столице. Поэтому австрийский посланник, посетивший Москву в 1576-1578 гг., отмечал, что жилища горожан малы и по большей части крыты соломой (ранее их делали из досок). В комнатах нет печей, кроме той, на которой готовят пищу, поэтому отопление осуществляется дымом. Окна затягиваются льняным холстом, пропитанным маслом, либо бычьим пузырем. Только в Новго-

роде и Пскове вставляют в окна слюду. Принтц полагал, что искусные ремесленники жили только в Москве и были в основном ливонцами (немцами). В других городах встречались русские сапожники и портные. Главными занятиями населения были земледелие и торговля. Кроме того Принтц обнаружил, что население деревень, стоящих у больших трактов, имело льготы в налогах, поскольку содержало станции, ямы, где находились лошади для казенной надобности. Расстояние между станциями было не больше 6 миль. Частая смена лошадей обеспечивала быстрое сообщение между городами и рассылку правительственных указов[13].

Последствия набегов татар видел и Антонио Поссевино, папский легат, побывавший в Москве в 1581-1582 гг. Он отметил, что жителей в городе было не больше 30 тыс. (в начале века насчитывалось более 40 тыс. домов). Многие церкви были заперты, видимо, из-за того, что не были восстановлены после разграбления. Уменьшилась и общая городская территория — с 9 миль в окружности до 5. Хотя рынок в Китай-городе и был восстановлен, но количество товаров в нем уменьшилось.

Записки некоторых иностранцев свидетельствуют, что после разорения столицы отношение к послам и приезжим гостям изменилось. Так, иезуит Дж.Компана, побывавший в Москве в 1581 г., отмечал, что послы и купцы других народов содержатся как бы под почетным арестом. Назначаются даже особые люди, которые должны были следить за тем, что они делают и с кем разговаривают. Приезжие не могли даже выйти, чтобы напоить лошадь или купить приглянувшуюся вещь. В начале XVI в., по сообщениям Герберштейна, положение послов было существенно свободнее. Ужесточение мер по содержанию в столице иностранцев, возможно, было связано с тем, что царь Иван винил иностранных наемников за то, что они не уберегли Москву от татарского разграб-

ления. Реформирование армии по европейскому образцу оказалось напрасным перед лицом крымской угрозы.

Целый ряд иностранцев (Дж.Компана, М.Литвин и др.) отметили, что русский царь вел активную борьбу с пьянством. Изготовление горячительных напитков было строго запрещено, нельзя было и продавать их в общественных местах. Только перед Рождеством и после него разрешалось пить несколько дней. В остальное время замеченных в пьянстве жестоко карали: сажали в тюрьму, били и т.д.

Многие гости писали, что, хотя жизнь русской знати и богата (обилие дорогой посуды, ювелирных украшений и т.д.), но не роскошна, поскольку образ жизни оставался простым и, по их мнению, грубым. Основной пищей для всех сословий служили каши, капуста, лук, чеснок и полусырое мясо. Рыбу часто употребляли соленой. Хлеб пекли из двух сортов пшеницы очень белый. Приправами служили только соль, горчица, уксус и иногда перец. Внутреннее убранство домов было почти у всех одинаковым: голые прокопченные стены, т.к. топили «по-черному». Одежда по большей части шилась из сукна, даже шапки были суконными с отделкой из золотых пластин и дорогих камней. Меха же за дорогую цену продавали европейских купцам. Посетивший Москву в 1581 г. Михаил Литвин (в составе посольства А.Поссевино) писал, что русские города изобилуют прилежными в разных родах мастерами, которые изготавливали деревянные чашки, трости, седла, копья, украшения, различное оружие. Военные успехи русских Литвин объяснял тем, что они были приучены вести суровый образ жизни, довольствоваться во время военных походов малым и легко переносить стужу и зной. В этом многие иностранцы видели причину успеха русской армии[14].

Только к концу XVI в. в правление паря Федора (1584-1598 гг.) иностранцы вновь стали писать о богатстве и роскоши царского дворца, об обширности и кра-

соте столицы, об активной торговле различными товарами. В этом отношении характерным является сочинение Стефана Гейса, побывавшего в Москве в 1593 г. в составе посольства императорского посла Н.Варкоча.

Гейс с восторгом описывал великолепное убранство царского дворца, стены которого были великолепно расписаны и отделаны золотыми и серебряными украшениями, пол был вымощен белым камнем с искусной резьбой и покрыт персидскими коврами. В одной из комнат на ступеньках стояло огромное число золотых и серебряных сосудов в виде экзотических животных. Трон царя и его одежда сияли от обилия золота и драгоценных камней. На голове царя был золотой венец, выложенный крупными алмазами, в руке он держал золотой скипетр с драгоценными камнями, на шее висело ожерелье из драгоценных камней, оправленных в золото и т.д. Это описание несколько отличается от того, что сделали иностранные гости, посетившие Москву в середине XVI в., например, Р.Ченслор, который с удивлением писал, что не может понять, почему Золотую палату во дворце называли золотой, поскольку она ничем не отличалась от других. Не отметил он и особого великолепия в одеянии царя и троне (великий князь сидел на позолоченном сидении в длинной одежде, отделанной листовым золотом, и царской короне на голове, с жезлом из золота и хрусталя).

По описанию Гейса, Москва – прекрасный и большой город, обнесенный несколькими красивыми деревянными и каменными стенами, делящими его на 4 части: Земляной город, Царьгород, Китай-город и Кремль. Особенно восхитил его Кремль с великолепными каменными церквями, сверкавшими позолоченными куполами. В Китай-городе – славная площадь и большая торговля, до ста с лишним лавок и лавочек, в которых можно было купить всевозможные товары как русского производства, так и привезенные из Турции, Татарии, Персии, Туркмении, Кабарды, Грузии, Сибири, Черкесии и др.[15] Инте-

ресно отметить, что в данном перечне преобладают восточные страны, торговля с которыми особенно интересовала европейцев. Россия же в это время была посредницей, получая для себя большую выгоду. По сведениям Гейса, главным товаром являлись превосходные меха. Наплыв их на московские рынки в это время, видимо, был связан с успешным освоением Сибири, поскольку на европейской части государства пушные богатства уже были истощены (по сведениям иностранцев середины XVI в.).

О богатстве царского дворца писал и испанский посол Хусейн-Алибек, посетивший Русское государство в конце XVI в. Он отметил, что все придворные были одеты в парчовые платья, подбитые соболями и куницами, в головные уборы, украшенные драгоценными камнями невероятной цены. Царь встретил его в огромной приемной палате, своды которой поддерживались 40 деревянными позолоченными колоннами, украшенными резьбой (ранее послов встречали в Грановитой палате). Послам показали царскую сокровищницу (ранее этого не было), где, по мнению посла, хранились невероятные сокровища. Огромную ценность представляло и хранилище царской одежды. Арсенал же был так велик, что можно было вооружить 20 тыс. всадников. В Кремле Хусейн-Алибек увидел гигантский колокол, звонить в который могли не менее 30 чел. Поразили его и огромные пушки, в стволы которых мог войти человек. Все это свидетельствовало о том, что Русское государство богатело и стремилось к возвеличиванию любым путем. Цари с гордостью демонстрировали перед иностранцами свои сокровища и принадлежащие им диковинные изделия («Царь-пушку», «Царь-колокол» и т.д.). Быт многих горожан перестал быть суровым и аскетичным. Знать строила себе просторные дома в виде обширных усадеб, купцы возводили около домов церкви на свои средства. Все одевались богато и добротно. Следует отметить, что редкие иностранцы обращали внимание на жизнь крестьян, а те, кто писал о

них и в конце XV, и в конце XVI в., не замечали изменений, указывая, что простолюдины жили в низких бревенчатых избах, почти не имевших внутреннего убранства и топившихся «по-черному». Даже боярские и дворянские дома в сельской местности были похожи скорее на избы крестьян, чем на жилище состоятельного человека[16].

Сведения иностранцев говорят о том, что новые веяния проникали в русскую жизнь через города, которые были центрами торговли и куда приезжали люди из других краев. Здесь знать жила в домах на каменном подклете, во дворе было много хозяйственных построек, под окнами разбивались сады, где росли садовые яблони, завезенные из Германии, и традиционные для России ягодные кусты. Одежда шилась из заморских тканей с множеством украшений. Пища, правда, оставалась прежней, хотя в царском дворце устраивались пиры, на которых подавали до 30 блюд из дичи, мяса, каш и теста. Овощей все еще было мало: капуста, огурцы, лук и чеснок.

В быту появились купленные у иностранных купцов предметы роскоши, выставлявшиеся в домах на видном месте.

Наиболее сильно иностранные веяния сказались на жизни горожан в период правления Бориса Годунова (1598-1605 гг.). Царь покровительствовал иностранцам и стремился к тому, чтобы европейские знания осваивались русскими людьми. 18 знатных юношей были отправлены в Англию, Голландию и Германские государства для обучения. В Москву к царскому двору были приглашены иностранные принцы: шведский Густав и датский Иоганн. Царь Борис намеревался женить одного из них на дочери Ксении, но первый оказался недостойной личностью, а второй внезапно умер. Попытки породниться с европейскими королевскими домами свидетельствовали о том, что Русское государство к концу XVI в. становилось равным всем прочим западным странам. В это время множество иностранцев хлынуло в

Москву, желая устроиться на службу при богатом царском дворце. Это были и военные, и купцы, и ремесленники, и лекари. Немецкая слобода росла, и в ней даже был построен лютеранский храм.

Русские знатные юноши перенимали западные обычаи, брили бороды, использовали некоторые элементы украшения одежды, изучали иностранные языки, интересовались жизнью за рубежом (по сообщениям С.Маскевича и И.Массы).

Москва представлялась иностранцам очень большим городом (20 верст в ширину) с красивыми постройками, преимущественно церквями и монастырями, и крепкими крепостными стенами в несколько рядов. Царский дворец поражал своим великолепным убранством: на стенах и на полу были золототканные ковры, всюду висели красивые картины – новшество, заимствованное с Запада, с потолка свисали канделябры и часы в виде корон. Количество дорогой посуды увеличивалось (по сообщениям М.И.Лунда, И.Вебера, посетивших Москву в 1603 г. в составе свиты датского принце Иоганна). В городе появились каменные гражданские постройки: большое здание с каменными сводами для торговли и хранения товаров (торговые ряды), изогнутый со сводами каменный мост через р. Москву, обширное здание для проживания иностранных послов. Заметили иностранцы и некоторые изменения в одежде горожан: вместо суконных шапок многие стали носить лисьи шапки, кафтаны стали шить из бархата и парчи (в середине века преобладали шерстяные ткани)[17].

Все это свидетельствовало об обоснованности мнения иностранцев о том, что к концу XVI в. Русское государство достигло наивысшего расцвета.

---

1 *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. Пг., 1918. С. 8-9.

2 *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII-XVII вв. М., 1973. С. 212-213.

3 *Барбаро И.* Путешествие к Тану // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 5.

4 См.: *Скжринская Е.Ч.* Барбаро и Контарини о России. М., 1978.

5 *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 57-78.

6 Там же. С. 126-130.

7 Там же. С. 116-118.

8 *Готье Ю.В.* Английские путешественники о Московском государстве в XVI в. Л., 1938. С. 27.

9 *Середонин С.М.* Известия англичан о России XVI в. // ЧОИДР. 1870. Кн. 3. Разд. IV. С. 4-8.

10 Замечания иностранцев XVI в. о военных походах русских // Отечественные записки. 1826. № 69. С. 92-100.

11 *Тьеполо Ф.* Рассуждения о делах Московии // Иностранцы о древней Москве. С. 57-65.

12 *Полосин И.И.* Записки немца-опричника о Москве Ивана Грозного. М., 1925. С. 27.

13 *Бухов фон Принтц.* Начало и возвышение Московии. М., 1877.

14 *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983.

15 *Гейс С.* Описание путешествия в Москву посла римского императора Николая Варкоча. М., 1875.

16 Иностранцы о древней Москве... С. 138-140, 142.

17 Там же. С. 148-160.

Пушкарев Л.Н.

ЮРИЙ КРИЖАНИЧ О ЗАПАДНЫХ СОСЕДЯХ СЛАВЯНСКОГО МИРА

Мало кто из общественно-политических деятелей бурного XVII в. вызвал столько противоречивых о себе суждений, как хорват Юрий Крижанич (около 1618-1683 г.). Человек трудной судьбы, испытавший на себе и бедность, и лишения, и незаслуженную ссылку в Сибирь, он и после своей смерти вызывал удивление – у одних, активную неприязнь – у других, желание использовать его имя и его труды в узко-политических целях – у третьих. Одни называли его предателем и интриганом, другие – энциклопедически образованным ученым, третьи – папским шпионом[1]. А он был преданным своей идее славянским патриотом, искавшим всю жизнь пути к объединению славянских народов под эгидой русского царя и одновременно под духовным руководством римского папы. Искренний и убежденный католик, он, будучи просветителем по призванию, вошел в мировую историографию как певец славянского единства.

Более двухсот лет сочинения Крижанича пролежали в забвении на полках московских архивов, пока их не обнаружил русский историк литературы и славянофил П.А.Бессонов. Он был первым, кто открыл читателям имя Крижанича, и первым, кто определил его как «ревнителя воссоединения церквей и всего славянства»[2]. Более века продолжались споры вокруг Крижанича и его трудов, пока в 1983 г., в трехсотлетнюю годовщину со дня его смерти, не прошел международный симпозиум в Загребе, положивший начало переизданию его сочинений и единодушно оценивший его вклад в дело консолидации славянских народов.

Бывают писатели одной книги, бывают и мыслители, умами которых владеет одна идея. У Крижанича такой

идеей было объединение всех славян во главе с великим русским народом. Но объединение всех славян требовало и объединения вер и церквей. Славянство же издавна было расколото между католицизмом и православием — близких христианских вер и одновременно непримиримых церковных организаций, каждая из которых претендовала на мировое господство. Крижанич не понимал, не чувствовал, не сознавал, что борется за неосуществимое, за нереальную идею. Он пытался соединить несоединимое. Именно поэтому его горячие призывы к единству не были услышаны ни в Риме (где он начал эту борьбу), ни в Москве (где он ее безуспешно продолжал). Его взгляды никем не были разделены, а тем более воплощены в жизнь. Более того, известны-то в своем полном объеме они стали лишь столетия спустя после его смерти.

Идея славянского единства, «славянской взаимности»[3] существовала с самых давних времен. Уже в Повести временных лет говорилось о славянских племенах как о некоей единой общности. Эта идея получила особую поддержку у тех славянских народов, которые попали под иноземное иго и потому стремились к сплочению всех славян в одну могучую силу. Более всего этого жаждали южные славяне, веками томившиеся под гнетом османского владычества. И в начале своей деятельности Крижанич тоже отдал дань идее сплочения южных славян (так называемой «иллирийской идее»). Но вскоре он стал мыслить гораздо шире: надо объединить не только южных славян, а *все* славянские народы.

Крижанич приходит к мысли, к сознанию необходимости сплочения славян «путем просвещения и литературного сближения, и для осуществления такого плана отправляется в Москву, к русскому царю Алексею Михайловичу»[4]. Первоначально Ватикан довольно активно поддерживал «иллирийскую идею», видя в ней одно из средств распространения католицизма на Балканах при помощи католиков-хорватов[5]. Хорошо об этом сказал

И.Бадалич: славянская идея возникла у Крижанича «при попутном ветре из Рима»[6]. Но Крижанич довольно скоро освободился от контроля католической церкви. Он не был согласен с ролью славян как только распространителей католицизма, как средства усиления власти католической церкви. Нет, по мысли Крижанича, славянским народам, единым и сплоченным, имеющим одну веру и единый язык, было уготовано совсем иное будущее.

Крижанич решительно отверг бытовавшие в то время на Западе легенды о происхождении славян от трех братьев – Чеха, Леха и Руса[7]. Бытовала в то время и легенда, что славяне будто бы произошли от праотца Ноя и его сына Яфета, но и от этой идеи Крижанич отказался. Он увлекся изучением истории России и стал считать родиной всех славян Русскую землю. В своем «Грамматичном исказании» он так написал об этом: «Русский народ и имя всем прочим начало и корень...».(«Еже Руско племя и име ест осталним всим вершина и кореника»)[8].

Для того же, чтобы объединить все славянские народы, считал Крижанич, необходимо прежде всего создать единый «всеславянский» язык, равно понятный сербам и хорватам, русским и болгарам, разработать грамматику этого языка[9], написать на этом языке книги, равно доступные и понятные всем славянам. К этой мысли Крижанич пришел в России, когда поставил перед собой задачу написать также и «всеславянскую историю». В ней он предполагал опровергнуть распространенные в то время на Западе теории о «четырех монархиях», о принятии Владимиром Мономахом даров от византийского императора, о происхождении царского титула на Руси от Августа кесаря римского и проч. Эти легенды фантастичны – совершенно справедливо утверждал Крижанич. Они не только несостоятельны с исторической точки зрения, они подрывают национальное достоинство и русского народа, и всех славянских племен. Поэтому-то и

необходимо объединить все славянские народы в целях возрождения их к новой исторической жизни. Даже критикуя бытовой уклад славян, Крижанич старался этой критикой пробудить их к деятельной гражданской жизни.

Вот этой-то позицией и определяется отношение Крижанича к сопредельным народам, к западным соседям славян — «немцам». К ним он относил не только германцев, но также и датчан, голландцев, англичан, шведов, т.е. «жителей лугорских и калвинских стран» — иными словами — протестантов. Как известно, в русском языке слово «немец» имело буквальное значение «немой», «не обладающий человеческой речью»[10]. «Немцами» на Руси до XVII в. зачастую называли всех иноземцев. Вот и Крижанич стал именовать «немцами» всех западных соседей славян, а протестантизм он называл обычно «немецкой верой».

Крижанич выдвинул идею ограждения славян от общения с «немцами», потому что видел сам результаты «онемечивания» западных славян — поляков, чехов и хорватов. С восточным и южным соседом славян — Османской империей — он проповедовал непримиримую борьбу: ведь османы и крымские турки были главными насильниками всех славянских племен. Россия, по его мнению, должна была возглавить освободительную борьбу славянских народов против Османской империи, и эта борьба должна была стать первоочередной задачей внешней политики Русского государства.

Крижанич сам оценивал свою борьбу за единство славянского мира как «подвиг», ради которого он был готов «сгубить» даже всю свою жизнь. Борясь за единство славян, Ю.Крижанич столкнулся со стремлением западных соседей славян захватить исконно принадлежавшие славянам земли. Среди этих соседей активнее всех действовали германцы. Так уж «распорядились» география и история, что судьбы этих двух больших общностей теснейшим образом переплетались на протяжении многих сто-

летий. Были в истории их взаимоотношений периоды противоборства, было и их взаимодействие – экономическое и культурное, тесное сожительство разных национальностей. Крижанич же выбрал изо всей этой сложной проблемы лишь один ракурс: противостояние славян своим западным соседям в вероисповедном, политическом, экономическом и культурном отношении. Этим и объясняется то, что он воспринимал необыкновенно остро и даже болезненно «всякие нужи, туги и неволю», выпадавшие на долю славянских народов со стороны их европейских соседей. Главным виновником всех бед он считал «немцев»: «Ни один народ под солнцем испокон веков несть был так изобижен и осрамочен от инородников, яко же мы... от немцев! Инородники обседают хребты наши и ездят нас и биют, яко скотину, и свиньями да псы называют»[11]. Именно немцы «ухватили королевскую высокость... в Чехах и Ляхах, в Литве и Инде»[12], изгнав с принадлежавших некогда славянам прибалтийских земель исконных насельников: «Где суть пригоже места к торгованию, немцы суть нам отняли и везде суть нас от моря и от судоносных рек в широкое поле земли орать загнали»[13]. Если же «немцы» и оставляли у власти славян, то «из наших... кралев гонят себе слуги на всего света посмех»[14]. Под видом торговли они захватили лучшие и самые выгодные должности в порабощенных государствах: «...Грады суть полны инородников, а [мы] им есмо хлапы: землю мы для нихово тежаем (т.е. обрабатываем – *Авт.*)»[15].

Крижанич весьма объективно обрисовал экспансию «немцев» в земли западных славян. Действительно, «проникновение немцев в Чешское королевство приобрело новое качество и такой масштаб, что можно говорить о германизации целого ряда городов, причем не только в пограничных районах, но и в центре страны»[16].

Особенно возмущало Крижанича презрительное отношение «немцев» к порабощенным ими славянам, как он выражается, всевозможные «срамотения» и «ущипания».

Именно за это Крижанич называет «немцев» «самыми гордыми и нетерпимыми презрителями прочих народов». Принижение национальной гордости славян со стороны «немцев» приводило даже к тому, что «своими собачьими угрызками и притеснениями они довели большую часть наших славян... до отчаяния, так что они стыдятся своего языка и рода». «Немцы» неоднократно именовали славян «варварами» — это вызвало гневную отповедь со стороны Крижанича: «Мы несмо сыроедцы, ни самоедцы-людоеды. Мы те народы, которые считают себя людскими и политичными (т.е. культурными — *Авт.*), а те, кто нас барбарами творят, далеко нас превосходят в жестокостях, в обманах и в ересях»[17].

«Немцы» же, ничтоже сумняшеся, «изображают нас и описывают нас с величайшей ненавистью: более позорно, чем татар, калмыков, цыган или любой другой неопрятный и дикий народ... Пребывая у нас в бездеятельности, они едят наш хлеб, предаются совместно самому роскошному пиршеству и во время попойки называют нас свиньями, собаками»[18].

И далее Крижанич отвечает на вопрос: «За что нас немцы с дьявольскою ненавистью преследуют и бранят?». Во-первых, из-за ненависти к православной вере. Во-вторых, покорив западных славян, превратив их в своих рабов, они хотят завладеть и Русским государством. В-третьих, немцы утопают в роскоши и наслаждениях и презирают скромную и умеренную жизнь славян[19]. Распространяя «позорнейшие бесславия» о славянах, «немцы» тем самым порождают и среди самих славян людей, пользующихся дурною славою и достойных ненависти.

Есть смысл ограничиться приведенными цитатами, хотя их легко увеличить количественно. Важно лишь ответить, что в особом разделе своей «Политики» Крижанич разбирает проблему вывоза за рубеж по дешевке русских товаров, что приводит, по его мысли, к убытку в российской торговле. Этот раздел он красноречиво озаг-

лавил так: «О том, как немецкие купцы учиняют несправедливость нашему населению»[20].

Крижанич был убежден, что самое поверхностное общение славян с «немцами» приносит первым неисчислимые беды. И чтобы избегнуть трагической германизации (которой уже подверглись чехи, поляки и хорваты), необходима полная изоляция славян от западных соседей («Словенцам наилуче бы было ни рати, ни мира з ними не имать, и згоды о них не знать!»). Правда, наш мыслитель хорошо понимал, что такой идеальной изоляции достигнуть невозможно. Но необходимо по мере сил ограничить общение славян с «немцами» путем «запертия рубежов» и изгнания иноземных купцов из славянских стран (так называемая «политика гостогонства»). Надо разоблачать происки «немцев» всеми возможными способами, например, через литературу и устные проповеди с амвона. В результате этого, полагал Крижанич, будет ограничено проникновение «немцев» в славянские страны и, следовательно, это спасет восточных и южных славян от той судьбы, которая уже постигла их западных братьев. Опасения Крижанича, что славяне могут потерять свой национальный облик под властью «немцев», питались тем, что, действительно, захватчики уже ввели суровый военный режим в хорватских землях, отошедших под власть Габсбургов. Правда, Крижанич стоял за чисто охранительную политику, не предусматривавшую никаких активных политических, а тем более военных действий. Важно было лишь, по его мнению, для достижения успеха поставить Россию во главе всей этой охранительной политики. Если Россия станет вождем сообщества славянских народов, то она вызволит и западных славян из-под влияния «немцев» — мы видим, что и в этом вопросе Крижанич отводил решающую роль русскому царю. Именно он, «православный русский царь», должен был «язик словенский в книгах исправить и ос-

ветлять, пригодными разумними книгами оним людям (т.е. славянам – *Авт.*) умние очи открыть».

Чтобы выполнить задуманное, Крижанич и обратился к Алексею Михайловичу, «советуя стать во главе славянства и прежде всего поднять умственный уровень собственного русского народа»[21]. В своих трудах мыслитель глубоко и тщательно проанализировал причины языковой и этнической близости славян и создал стройную теорию славянского единства. В духе своей эпохи он постарался обосновать богословскими доводами необходимость соединения всех славян в одну общую семью с русским народом во главе. При этом он не только обосновал и провозгласил общую идею славянского единства, но и попытался наметить те необходимые экономические, политические, культурные и религиозные меры, которые обеспечивали бы осуществление задуманного. Наглядным воплощением в жизнь его принципов и должна была стать «Политика» – главный обобщающий теоретический труд, в котором идея всеславянского единства стала одной из главных тем.

В нашей историографии уже была высказана мысль, что тема славянского единства у Крижанича отнюдь не означает, что он был «предтечей панславизма» XIX в.[22], как это неоднократно высказывалось зарубежными исследователями: они, как известно, стремились доказать извечность и неизменяемость панславизма, традиционные «притязания России на другие славянские земли»[23]. Примеров подобных высказываний масса. Ватиканский историк П.Сколярди назвал Крижанича «отцом панславизма»[24], американский историк и социолог Ганс Кон утверждал, что Крижанич был «панславистом и славянофилом»[25]. Так ли это?

Напомним, что панславизм – это общественно-политическое течение, возникшее много десятилетий спустя уже после смерти Крижанича. Панслависты утверждали, что славянские народы всегда стремились противопоставить

себя другим народам и одновременно стремились войти в состав Российской империи. Начальные этапы развития панславизма падают на конец XVIII в., а его подлинный расцвет совпал с возникновением теории официальной народности и деятельностью славянофилов. Действительно, во второй четверти XIX в. славянские народы, подавляемые Османской империей и Австрией, стремились к культурному сближению между собой и, естественно, обращали свой взор на самую крупную и независимую среди славянских стран – Россию. В определенных кругах, близких к русскому правительству, это стремление славян к независимости и единству было истолковано в том смысле, что славянские народы, освободившись от османского или австрийского ига, должны объединиться под властью русского царя. Именно так трактовал этот вопрос на основе теории официальной народности М.П.Погодин[26]. Эти же идеи были подхвачены и некоторыми славянофилами, выступившими даже за создание федеративной монархии во главе с русским царем[27]. Реакционное содержание панславизма окончательно обнаружилось в 30-40 гг. XIX в., когда русский царизм принял участие в подавлении революционных выступлений поляков в 1830-1832 гг. и в революции 1848-1849 гг.

Как ясно видно из сказанного, идея славянского единства у Крижанича не имеет ничего общего с панславизмом. Так, русские славянофилы (например, К.С. и И.С.Аксаковы[28]) считали, что объединение славянских народов должно привести к их обрусению и к безусловному преобладанию русского языка в области и культуры, и политики, к гегемонии самодержавной России в славянском мире. Крижанич же, напротив, никогда и не мыслил о русификации. Вместо главенства русского языка он предлагал совсем иное – создание «всеславянского» языка. Конечно, Крижанич ошибался, считая Россию прародиной всех славянских племен. Да, именно в России он видел единственную страну, сохранившую

самостоятельность и независимость. Да, он мечтал о возможной помощи России в справедливой освободительной борьбе славянских народов. Но он никогда и не помышлял о подчинении славянских народов России, никогда не утверждал каких-то особых путей их исторического развития. Он был ярким и своеобразным представителем и выразителем идеи славянской общности, но только в конкретных исторических условиях Восточной и Юго-Восточной Европы в середине XVII в. – и только! Он не был и не мог быть ни «предтечей», ни «отцом», ни «инспиратором»[29] панславизма.

Убежденный в автохтонности русской государственности, Крижанич не уподоблял Россию Риму и не распространял власть русского самодержавия на другие славянские страны. Наоборот, он боролся за укрепление национальных устоев великой славянской страны – России, полагая, что тем самым она станет примером и образцом для других славянских стран. Речь у него шла не о «создании общеславянской державы со столицей в Москве, а о помощи славянским народам в создании собственных государств с правителями из числа своих соотечественников. Юрий Крижанич был поборником славянской взаимности в политической, культурной и религиозной сфере. Будучи уверен, что разделение славян на католиков и православных губительно, он в качестве убежденного католика стремился, чтобы все славяне объединились в лоне одной – католической – церкви»[30].

Взгляды Крижанича не имеют ничего общего с великодержавными идеями панславизма. Его труды и его теории надо рассматривать в рамках его времени. Предлагавшийся им план возрождения славянства был обусловлен исторической обстановкой середины XVII в., равно как и его взгляды на западных соседей славян в это же время. В творчестве Крижанича переплелись потребности его родины, изнемогавшей под чужеземным игом, претензии на мировое господство папского Рима и сложные

проблемы России, вступавшей в Новый период своей истории. Да, Крижанич активно противостоял западным соседям славян и требовал изолировать от них славянский мир. Но умер он, защищая этот мир в борьбе с турецкими захватчиками, до конца своей жизни мечтая о братском объединении всех народов. И в наши дни мы отдаем должное гуманисту и просветителю Юрию Крижаничу, предвосхитившему не подобострастные идеи панславизма, а светлую идею единства всего человечества. Это о ней писал А.С.Пушкин в стихотворении «Он между нами жил...», вспоминая о Мицкевиче:

Он говорил о временах грядущих,
когда народы, распри позабыв,
в великую семью соединятся...

Об этом же мечтал бунтарь и утопист Велемир Хлебников, обращая ко всему человечеству звонкие строки:

Лети, созвездье человечье,
все дольше, далее в простор
и перелей земли наречья
в единый смертных разговор!

Вот на этом знаменательном пути — от создания «всеславянского» языка к языку всемирному — Юрий Крижанич и занимает свое почетное место.

---

1 *Епифанов П.П.* Происки Ватикана в России и Юрий Крижанич // Вопросы истории. 1953. № 10. С. 18-36. Критику взглядов П.П.Епифанова см.: *Пушкарев Л.Н.* Об оценке деятельности Юрия Крижанича // Там же. 1957. № 1. С.77-86. Обсуждение научной общественностью этой статьи см.: *Курмачева М.Д., Шерстобитова В.Г.* Обсуждение вопроса о деятельности Юрия Крижанича // Там же. № 2. С. 200-202.

2 *Бессонов П.А.* Юрий Крижанич, ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII веке // Православное обозрение. М., 1870. № 1, 2, 4, 5, 11, 12.

3 См. об этом подробнее: *Гольдберг А.Л.* Идея славянского единства в сочинениях Юрия Крижанича // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Т. 19. Л., 1963. С. 373-390; *Гинзбург М.С.* Сла-

вянство и Россия в мировоззрении Юрия Крижанича. Тезисы доклада // American contributions to the fourth International Congress of Slavists. Gravenhage, 1958. S. 1-4.

4 *Ровинский П.А.* Наши отношения к сербам (поученье из прошлого и настоящего) // Древняя и новая Россия. 1877. № 2. С. 175.

5 См. об этом подробнее: Историја народа Југославије. Београд, 1960. Књ. 2. С. 944.

6 *Badalićь I.* Jurai Krizanic-pijesnik Illirii. Zagreb, 1958. S. 12.

7 *Флоровский А.* Легенда о Чехе, Лехе и Русе в истории славянских учений // Sbornik praci i sjesdu slovanskich filologu v Prage. 1929. Praga, 1932. Sv. 2. S. 53.

8 Граматично исказание об русскому језику попа Юрки Крижанича. М., 1848. С. V. См. также последнее издание: *Juraj Krićьzanićь.* Gramatično izkazanie ob ruscom jeziku. Zagreb, 1984.

9 *Danićićь.* Gramatika Jurija Križaniča // Rad Jugoslavenska Akademije. Zagreb, 1871. Kn. XVI. S. 161.

10 *Белова О.В.* Мифологизация образа немца в славянской традиционной духовной культуре // Славяне и немцы: Средние века и раннее Новое время. М., 1997. С. 11. (Далее: Славяне и немцы).

11 Русское государство в половине XVII века. М., 1871. Ч. 2. С. 42-43.

12 Там же. Ч. 4. С. 155.

13 Там же. Ч. 2. С. 76; Ч. 4. С. 115-116.

14 Там же. Ч. 2. С. 43.

15 Там же. С. 75.

16 *Воронова А.В.* Немецкое население в городах Чехии в XVI – начале XVII вв. // Славяне и немцы. С. 24.

17 Русское государство в половине XVII века. Ч. 2. С. 18; Ч. 4. С. 181, 251.

18 *Мордухович Л.М.* Из рукописного наследия Ю.Крижанича // Исторический архив. 1958. № 1. С. 172.

19 Там же. С. 174.

20 РГАДА. Ф. 381. Д. 1788. С. 719.

21 *Ровинский П.А.* Россия и славяне Балканского полуострова // Древняя и новая Россия. 1878. № 2. С. 147. Ср. также: «На тебя одного, славный царь, – говорил Крижанич, – смотрит весь народ славянский. Ты, как отец, изволь заботиться и стараться о своих растерянных детях, чтоб их собрать. Заботься и об обманутых и чуждой лестью одураченных, чтоб им возвратить разум, как сделал тот отец в евангелии блудному сыну... Ты один, о царь, теперь нам Богом дан, чтобы они начали сознавать притеснения и позор свой, думать о просвещении народа и сбрасывать с шеи немецкое ярмо» (*Бестужев-Рюмин К.Н.* Чему учит русская история // Там же. 1877. № 1. С. 19.)

22 *Гольдберг А.Л.* Указ. соч. С. 388-390.

23 *Дацюк Б.Д.* Юрий Крижанич. М., 1946. С. 38.

24 *Scolardi P.G.* Au service de Rome et de Moscou au XVII siecle. Paris, 1947. P. 170; *Petrovich M.B.* Juraj Krizanica precurasor of Pan-Slavism // American Slavic and East European Rewiew. 1947. № 6. P. 75-100.

25 *Kohn H.* The idea of Nationalism. N.Y., 1946. P. 46.

26 *Погодин М.П.* Собрание статей, писем и речей по поводу славянского вопроса. М., 1876.

27 *Пыпин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913.

28 *Аксаков И.С.* Славянский вопрос. 1860-1886. М., 1886.

29 Именно так его именовал М.Крлежа: *Krleыza M.* Eseji. Zagreb, 1933. S. 81.

30 *Golub I.* Zivot i djelo Juria Križaniča // Enciclopedia moderna. Zagreb, 1971-1972. T. 18. S. 64. См. также: *Гольдберг А.Л.* Новое о Юрие Крижаниче // Вопросы истории. 1973. № 5. С. 196-197.

31 См. об этом: *Пушкарев Л.Н.* Славяне и «немцы» в творческом наследии Юрия Крижанича // Славяне и немцы. С. 131-134.

Звонарева Л.У.

ПОЛЬША, ЛИТВА, РОССИЯ В НАСЛЕДИИ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

Общественно-просветительская деятельность Симеона Полоцкого (1629-1680) – важное звено в той большой цепи межнациональных культурных взаимосвязей, которая соединила нынешние славянские народы узами духовного родства[1].

Европейская культура воспринималась Симеоном Полоцким как одна из основных мировых ценностей, и он стремился постоянно знакомить с нею читателей и слушателей своих виршей, трактатов и проповедей. Наиболее часто просветитель обращается к именам нескольких великих европейцев, чье творчество и деятельность он оценивал особенно высоко. Среди героев его стихов встречаем греческих философов Аристиппа, ученика Сократа, Аристотеля, Диогена, последователя кинической школы, получившего известность как пример философа, пренебрегающего благами жизни, Эпикура, Платона. Вообще античная культура занимала видное место в его творчестве.

Судя по написанным в молодости Симеоном польскоязычным поэмам, посвященным польско-шведской войне, и «Беседе о брани», созданной им уже в зрелые годы, тема войны и мира волновала просветителя на протяжении всей жизни. Подлинные события Симеон Полоцкий изображает далеко не всегда достоверно. В одиннадцатом фрагменте явно преувеличены военные успехи Речи Посполитой. Речь идет о незначительном эпизоде в начале польско-шведской войны: в сентябре 1656 г. войско под командованием коронного маршалка Иеронима Любомирского осадило Краков. Польские историки пишут, что эта осада шла вяло и большого урона шведскому гарнизону города, которым с 5 февраля 1656 г. по 16 мая 1657 г. командовал генерал Павел Вюртц, она не принес-

ла. Тогда же эти события стали получать такую же, как в поэме Симеона Полоцкого, пышную литературно-публицистическую трактовку, представляющую блокирование Кракова важнейшей военной операцией. В поэме «Отчаяние краля шведского» шведы уже якобы совсем побеждены – кто убежал, а кто погиб.

На самом деле несравнимо больший военно-политический резонанс в пределах Речи Посполитой и во всей Европе получила битва под Простками (в «Королевских Прусах»).

В августе 1655 г. гетман Богуслав Радзивилл подписал вместе с Янушем Радзивиллом Кейданский договор о переходе Великого Княжества Литовского от унии с Речью Посполитой к унии со Швецией. В неравном бою имевшие большое численное превосходство шведы и выступавшие на их стороне польские полки потерпели сокрушительное поражение. Это была одна из первых побед Речи Посполитой после периода оцепенения, когда многим казалось, что она стоит перед гибелью.

Симеон Полоцкий пишет об итогах исторической битвы. Его комментарии, несмотря на сатирическую окраску, близки к исторической правде. Кратко сообщает автор поэмы о пленении войсками Гонсевского под Богуславцем князя Бернанда Веймарского, гетмана Богуслава Радзивилла, шведского военачальника Исраэля Иссаксона Риддерхельда, братьев Ангелов – английских офицеров на шведской службе Иоахима и Ганса, шведского генерала Боктранека. Судя по известным сегодня реляциям, приказам того времени, все это действительно произошло 9 октября 1656 г. Возможно, поморская тематика больше других интересовала просветителя. Он пишет о взятии русскими войсками Нарвы и смерти графа Ферсена, об отступлении Де ля Круа из центральной Польши в Поморье, о неудачном походе шведского генерала Стенбока в начале 1657 г. под Биржи – родовое поместье Радзивиллов.

С «поморскими фрагментами» в поэмах Симеона Полоцкого перекликаются и стихи о положении в Лифляндии. Писатель вновь и вновь обращается к описанию русской кампании по осаде Риги, длившейся с 23 августа по 12 октября 1656 г. Поэт изображает, насколько плачевно обстоят дела руководителя ее обороны графа Магнуса де ла Гарди, назначенного генерал-губернатором Ливонии и одновременно главнокомандующим на огромном фронте от Ладожского озера до Двины 1 июня 1655 г. Заметим: исторические документы убеждают, что де ла Гарди не только успешно руководил обороной города, но и организовал 2 октября 1656 г. смелую вылазку. Рижане ударили по укреплениям осаждающих и нанесли им сильное поражение. В немалой степени именно из-за этого русский царь вынужден был прекратить осаду Риги и отступить в Полоцк.

Нежелательный политический эффект от неудачи «московитов« под Ригой Симеон Полоцкий стремится приглушить в нескольких своих сочинениях. В «Виршах на счастливое возвращение его милости царя из-под Риги «просветитель говорит об избавительной миссии Алексея Михайловича для белорусов, называет его «светом веры», объявляя само присутствие его на белорусской земле великим благом. А в заключительной части поэмы «Отчаяние короля шведского», по воле автора, главный герой — Карл X Густав — будто специально, чтобы порадовать своих противников, перечисляет пережитые им главные военно-политические неудачи: победы гетмана Гонсевского в Пруссии, измену курфюрста Бранденбургского, потерю союза с Радзивиллами и польским вице-канцлером Иеронимом Радзейовским, выдворенным из родной страны за растраты казны еще в 1652 г., обосновавшимся в Швеции и пытавшимся всеми способами вернуть утраченные привилегии[2].

Итак, несмотря на то, что поэма писалась в то время (не позднее лета 1657 г.), когда многие надежды и поли-

тические начинания правительства Алексея Михайловича явно не оправдали себя, автор намеренно выставляет положение русской стороны в самом благоприятном свете. Обращаясь к более ранним произведениям Симеона Полоцкого – «Приветствию взятия Дерпта», полоцким и витебским метрам (1656), замечаем, что сочувствие автора русскому царю просматривается и в этих текстах.

В ранних декламациях, адресованных Алексею Михайловичу, Симеон Полоцкий подчеркивал, что главная цель русского царя в развязанной им войне с Речью Посполитой и Швецией – не расширение владений за счет захвата новых земель, а миссионерское радение за чистоту веры. В этих же виршах автор намекает и на дерзкие планы проведения русскими военной экспедиции из Финского залива морем на Стокгольм[3].

Две польскоязычные поэмы, посвященные польско-шведской войне, – еще одно свидетельство того, что писатель был последовательным сторонником союза Речи Посполитой с Российским государством. В отличие от авторов анонимных польско-немецких поэм Симеон Полоцкий гораздо подробнее и точнее изображает непосредственных участников «Потопа», многочисленных лиц, связанных с этими событиями (Оливера Кромвеля, трансильванского князя Георга Ракоци, шведского канцлера Акселя Оксеншерна, шведского полководца графа Магнуса де ла Гарди, посланника крымского хана Мехмуда IV). Редко упоминаются в исторических документах такие герои поэм Симеона, как шведский полковник Леон Хауплт и комендант шведского гарнизона Бижского замка Палл. Политико-сатирические поэмы Симеона Полоцкого расширяют наши представления об административно-политической географии подобного рода литературных памятников, а также о социальной и конфессиональной принадлежности ее создателя. Поэмы написаны сторонником мирного единения церквей – Симеон Полоцкий был монахом латино-униатского ордена Васи-

лия Великого (базилиан), учрежденного в 1617 г. униатским митрополитом Иосифом Рутским с центром при виленской Свято-Троицкой обители (отметим, что именно монахам-базилианам было вверено воспитание и обучение светского юношества)[4].

В XVII в. роль главного проводника в России западной культуры играла, несмотря на постоянные конфликты, Речь Посполитая, а польский язык стал выполнять в тогдашнем московском обществе обязанности, весьма похожие на роль французского языка в петербургских салонах XIX в., то есть он был средством общения среди наиболее образованных людей.

Именно во время правления царя Алексея Михайловича Российское государство значительно увеличило свою территорию за счет белорусских и украинских земель. Это сопровождалось приобщением Москвы к некоторым европейским культурным традициям. Ф.М.Ртищев, Симеон Полоцкий и его ученик царь Федор Алексеевич содействовали созданию новой для России системы церковно-благотворительных учреждений.

Униат Симеон Полоцкий в сложных московских условиях чувствовал себя, очевидно, миссионером и просветителем, убежденным во всепобеждающей силе разума, образования, книжного знания, призванного смягчить нравы. В России же культура традиционно мыслилась в оппозиции к цивилизации. В Москве просветитель нашел учеников, последователей, влиятельных единомышленников (западников типа митрополита Сарского и Подонского Павла, Ф.Ю.Ромодановского, Г.А.Долгорукого, Ф.М.Ртищева, Б.М.Хитрово), способствовал установлению принципиально новых для Российского государства образовательных институтов, интеллектуально программировал целое направление в русской культуре.

Все, чему научился Симеон Полоцкий в Киево-Могилянской коллегии и Виленской иезуитской академии, он сумел с пользой употребить в московский пери-

од общественно-просветительской деятельности: составляя десятки проповедей, произнесенных им в московских и подмосковных храмах, закреплявших связь церкви с народом, с национальной жизнью, он явно использовал наставления, почерпнутые из книг украинского проповедника Иоаникия Галятовского «Ключ разумения», «Наставления в риторике» виленского профессора Казимира Кояловича и «Практического красноречия» своего учителя по виленской академии Сигизмунда Лауксмина, книги, одиннадцать раз переиздававшейся в типографиях Вены, Мюнхена, Праги, Франкфурта. Работая над стихотворными «Френами, или Плачами на смерть царицы Марии Ильиничны» (1669), Симеон творчески учитывал опыт «Тренов» на смерть малолетней дочери выдающегося польского поэта Яна Кохановского, «стихотворя» Псалтырь, опирался на блестяще переведенные на польский псалмы того же Кохановского. Составляя пьесы «Комедия притчи блудного сына» и «Трагедия Навуходоносора» для первого в России придворного театра, Симеон также ориентировался на польские, белорусские и украинские образцы (в Полоцке иезуиты основали театр еще в 1585 г., и первым представлением стала трагедия «Навуходоносор»).

На масштабном, историко-культурном поприще Симеон Полоцкий победил: ему удалось интеллектуально запрограммировать всесильных властителей Российского царства, внушая подданным «уважение к власти», получившее теоретическое обоснование в знаменитом трактате Сымона Будного «Защита власти», а правителей подводя к мысли о необходимости благотворительности в государственном масштабе.

Симеон Полоцкий был среди тех, кто еще в XVII в. пытался не допустить разрыва между церковью и культурой, пересказывая в виршах все новинки современной ему науки и популяризируя в стихах предания и анекдоты из литературного европейского наследия разных эпох.

И все же сегодня историки искусства склонны оценивать победу нового религиозно-художественного направления XVII в., идеологом которого был Симеон Полоцкий, как трагедию самих новаторов, как разрыв с преданием, временное «обмирщение» русской иконописи, утрату переживания и переосмысления Предания.

Важнее растущей популярности переводной развлекательно-поучительной литературы, модного увлечения пришедшим с Запада театром было осознание все большим числом русских людей необходимости учиться у Запада. Поэтому самыми главными своими задачами Симеон Полоцкий считал издание «Букваря» и «Псалтыри», по которым в XVII в. учились читать, а среди переводной литературы на первом месте оказались пособия по грамматике, арифметике, лечебники и космографии (вспомним греко-славяно-российский лексикон Епифания Славинецкого и его же перевод знаменитого трактата основоположника научной анатомии А.Везалия).

Подобно Аввакуму, Симеон Полоцкий испытал на себе серьезное влияние паулинизма – идей святого апостола Павла. Он часто ссылается в своих виршах и проповедях на апостола Павла, цитирует его послания. Основой паулинизма является свобода, с одной стороны, противопоставленная системе внешних норм и запретов, а с другой – произволу. Именно в этом духе понимал свободу и Симеон Полоцкий.

Уважение к власти – основа правового европейского мышления. Внушая эту мысль своим читателям, Симеон Полоцкий последовательно пытался проводить среди россиян свою миссию – европейскую миссию в России.

В своих виршах с заметным постоянством Симеон Полоцкий обращается к библейским образам. Коломенский дворец царя Алексея Михайловича уподобляется просветителем «Соломонову дому», через него как бы раскрывается мудрость царя (дом становится двойником монарха). Мудрость Алексея Михайловича, сопоставляе-

мого с библейским Соломоном, раскрывается через описание в виршах Симеона интерьеров Коломенского дворца, западно-европейских по своему происхождению, новых для московского быта (использование в росписях знаков Зодиака). Мудрость государя выражается через обращение к предметам европейской культуры.

Интересен и появляющийся в текстах Симеона Полоцкого образ Никодима, объединяющего в своем лице преданного ученика и высокопоставленного мецената. Институт меценатства был для Великого Княжества Литовского и Российского государства в XVII в. весьма прогрессивным и сыграл в судьбе самого Симеона Полоцкого значительную роль.

Будто предчувствуя грядущее потрясение устоев, разрушение традиции, чреватое конфликтами отцов и детей (вспомним трагическое столкновение одного из воспитанников Симеона – будущего царя Петра с сыном, царевичем Алексеем, подобно Авессалому восставшим против отца и также из-за этого погибшим), Симеон постоянно обращается к образу Авессалома.

Споры о принципах перевода и редактирования Библии были по сути своей спорами о будущем России, о том, по какому пути ей следовать – опираясь на разум, интеллектуальное знание, предлагаемое Западом в многочисленных книгах, привозимых в Москву украинскими и белорусскими интеллектуалами, или опираясь лишь на веру, осторожно ограничивая чтение «тлетворных латинских и полских книг», как предлагал активный православный оппонент Симеона инок Евфимий Чудовский.

«Восточники»-мудроборцы начали ощущать коварность бездонной книжной мудрости для неискушенного читателя, без надежного наставника пустившегося в странствие по ее волнам. Поэтому, считали они, возможен иной путь спасения, а значит, другое отношение к письменному слову: сознательное уклонение от «внешней учености» и постижение сокровенных знаний через ду-

ховное самоуглубление, подобно Сергию Радонежскому, одаренному свыше совершенным «книжным разумом».

Богооткровенную мудрость «восточники» противопоставляли суетным «внешним» наукам западников.

В самом конце XVII в. главным училищем России стала Спасская Академия в Москве в Заиконоспасском монастыре, уже в 1700-1701 гг. она была перестроена по киевскому образцу в латинскую школу под протекторатом Стефана Яворского, пригласившего многих преподавателей из Киева.

Грекофилы полемизировали с латинистами отнюдь не по поводу доказательных методов – они у тех и других были общими, исходящими из идеи «писанного разума» – неслучайно в библиотеке Епифания Славинецкого, по подсчетам С.П.Луппова, из 72 книг 38 были латинскими, а в описи домовой казны опального патриарха Никона, сделанной 31 июня 1658 г., значилось, по данным Б.В.Сапунова, 1297 единиц, из которых нерусских – 837, то есть более 60%.

Самое учреждение школ было бесспорным и положительным приобретением. Однако перенесение латинской школы на русскую почву означало разрыв в церковном сознании. Разрыв между богословскою «ученостью» и церковным опытом.

С православной точки зрения, эволюция от «любомудрия» к «мудроборчеству» оборачивалась объявлением войны схоластике католического образца, «внешней мудрости», позитивистскому подходу к вероучению.

Согласно православному вероучению, индивидуальное, личное спасение невозможно, необходимо соборное, то есть при условии обновления всего мира. Личное же спасение как единственно возможный путь для человека утверждали богословствующие католики и протестанты. Влияние на эволюцию к «мудроборчеству» оказала также борьба – весьма острая во второй половине XVII в. – с идеями протестантизма.

Об обострившихся противоречиях между московскими монахами и выходцами из бывших земель Речи Посполитой свидетельствует история зверского убийства стрельцами недавно вернувшегося из киевского паломничества брата Симеона Полоцкого иеромонаха Иоаникия, происшедшее в 1674 (или 1675) г. в Трубчевском монастыре при попустительстве игумена Нектария.

Усилиями московских «мудроборцев» в 1690 г. были признаны еретическими многочисленные труды Симеона Полоцкого, осужденные (сколь же велико было их влияние!) спустя десять лет после смерти автора церковным Собором. Патриарх Иоаким публично заклеймил книги писателя как «атручаные латинским духом», ибо их автор «хотел чужемудренные новости в народ православный великороссийский вводити».

В украинских читательских кругах книги проповедей Симеона продолжали оставаться популярными. Особенно ценились сборники «Вечеря душевная» и «Обед душевный» запорожскими казаками, гордившимися помещенной в «Вечере душевной» проповедью Симеона «Слово к православному и христоименитому запорожскому воинству». Поэтому секретарь патриарха Адриана Карион Истомин, игнорируя решение Собора о запрещении книг Симеона, в ответ на просительное письмо кошевого атамана от 19 сентября 1698 г. высылает столь необходимые казакам книги проповедей Симеона, присовокупив патриаршее благословение.

Итак, несмотря на внешние репрессии, к концу XVII в. западники-латинисты, создав в Москве мощную колонию, одержали полную и окончательную победу, определив направление основного пути русского просвещения и богословия на ближайшие два столетия. Те же, кто, подобно мудроборцу Аввакуму Петрову, противопоставлял светской эрудиции «ученое незнание», духовную мудрость и живую связь с Богом, оказались надолго забыты. Но в развитии литературного языка именно Авва-

кум наметил основное направление, продолженное лингвистической политикой Петра I, требовавшего писать «простым русским языком».

Симеон Полоцкий пытался ввести переводную литературу в круг чтения даже малолетнего Петра. Видимо, по его совету, была создана своеобразная «потешная» книга для маленького Петра I. Ею стала «Александрия», историческая повесть, широко известная в Великом княжестве Литовском в XV-XVII вв.

Общественно-просветительская деятельность Симеона Полоцкого неразрывно связана с процессом становления образования западнического европейского образца в рамках традиционной российской религиозной культуры, с поцессом его постепенного обмирщения.

Из белорусских предшественников Симеона Полоцкого уже Ф.Скорина пытался реализовать свою просветительскую программу в практической деятельности – поэтической, переводческой, издательской, в естественнонаучных исследованиях. В книгах и деятельности Симеона Полоцкого сходная просветительская программа, развившись и усложнившись, обретает общегосударственную значимость. В его ранних произведениях и преподавательской деятельности получают свое отражение исторические события эпохи и научные гипотезы, знакомящие нас с политическими симпатиями и уровнем знаний талантливого представителя восточнославянского региона середины XVII в., учившегося в Киево-Могилянской коллегии и Виленской иезуитской академии.

Симеон Полоцкий доказал саму возможность выражения при помощи виршей и проповедей всего многообразия богословских, общественно-политических, педагогических и эстетических проблем. Он смог сделать это лишь благодаря активному использованию достижений современной ему и предшествующей славянской и латиноязычной поэзии Белоруссии, Украины, Польши, опыта школьной ученой поэзии, всего богатства жанров, использовав-

шихся восточнославянскими просветителями и европейскими гуманистами в XVI – первой половине XVII в.

Опираясь на традиции европейских и восточнославянских гуманистов, Симеон Полоцкий значительно расширил проблематику ораторской прозы, принял личное участие в возрождении традиций устной проповеди в Москве, что имело важное значение для просвещения не владеющего грамотой населения и утверждения новых государственных взглядов.

Если в эпоху средневековья категорию совершенного и гармонического относили лишь к потустороннему, божественному миру, а реальным, несовершенным миром поэты пренебрегали, то само появление силлабики в России в середине XVII в. по-своему утверждало возможность совершенного, гармонического в земной жизни. Постижение это было интуитивным; появление же виршей, посвященных реальным событиям и людям, фиксировало процесс духовного освоения человеком окружающего его мира.

Образная система Симеона Полоцкого представляет собой полный реестр того, что было уже найдено и открыто европейскими, в том числе белорусскими гуманистами. Она ценна именно своей полнотой, сведенностью воедино. Многие образы, использованные поэтом, имеют конкретные источники – от Библии до античных авторов и польских писателей XVI-XVII вв.

И если для качественного скачка самому Симеону Полоцкому не хватило сил и традиции, то он попытался количественно восполнить пробел, силлабизируя все то редкое и полезное, что видел вокруг – от научной гипотезы до поучительной бытовой истории. Его блистательная переработка ста шестидесяти пяти псалмов из «Псалтири Давидовой» 1578 г. Яна Кохановского открывает яркую плеяду стихотворных интерпретаций известных памятников западноевропейской поэзии.

Симеон Полоцкий не ставил перед собой задачу научить чему-то принципиально новому. Он стремился обобщить все, что было зафиксировано в книжной мудрости и этому исчерпывающему знанию научить максимально широкую аудиторию. Проведенное исследование обширного наследия Симеона Полоцкого убеждает, что лишь обобщение богатейшего опыта мировой учительной литературы и освоение белорусско-украинско-польского культурного пространства позволили Симеону Полоцкому реально содействовать коренным сдвигам в российском образовании.

Комплексное исследование наследия Симеона Полоцкого как белорусского, так и московского периодов деятельности позволяет во многом иначе оценить сам процесс становления просветителя как выдающегося общественного деятеля, педагога, писателя-популяризатора натурфилософских взглядов и естественнонаучных представлений средствами литературы. Энциклопедизм просветителя стал его общественной позицией, позволяющей активно вмешиваться во все происходящее в московских придворных кругах, начиная со смерти или рождения царских детей и кончая организацией типографии, свободной от патриаршей цензуры.

Упор, который делал Симеон Полоцкий в своей деятельности на светское знание, «гражданские науки и искусства», во многом был созвучен завтрашнему, петровскому взгляду на литературу, ибо император видел в книге главный путь распространения научных знаний в России. Единство «восточного» учительного и «западного» просветительского начал, ощутимое в творчестве восточнославянских гуманистов XVI – первой половины XVII в. и их последователя Симеона Полоцкого, будет ведущим и в творчестве прогрессивных восточнославянских писателей и общественных деятелей XVIII в.

Тексты Симеона Полоцкого позволяют восстановить, какой представлялась культурная карта Европы образо-

ванному полочанину середины XVII в. Очевидными полюсами на карте Европы оказываются города, с которыми в силу биографических причин просветитель был связан — древний Полоцк, Вильна, Киев. Центром культурного мира он, судя по всему, считает Рим, что вполне естественно для монаха-базилианина. Москве же для того, чтобы стать Третьим Римом, необходимо создать собственный университет, государственную библиотеку, воплотить в жизнь многие идеи и проекты, предлагавшиеся Симеоном, стремившимся в меру сил способствовать посильной европеизации столицы Российского государства, которую он, судя по многим отзывам в письмах, считал варварским городом.

Самой же дикой страной мира Симеон считал Америку, в которой, судя по свидетельствам мореплавателей, процветает людоедство и где даже родовитые люди обходятся без одежды, ходят нагими. Об открытии Америки Симеон сообщал читателям в виршах «Новооткрытия», написанных в 50-е гг. XVII в. на польском языке. В этом пространном стихотворении автор считает необходимым выделить специальный раздел «Америка», упомянув в нем и путешественника Америго Веспуччи. Источник этих виршей Симеона Полоцкого, написанных в популярном в польской литературе жанре «новин», — поэтический перевод книги итальянского мыслителя Полидора Вергилия Урбинского «Об изобретателях вещей» (Венеция, 1498), выполненный белорусским писателем Яном Протасовичем «Краткое описание кто что изобрел и для пользования людям дал» (Вильна, 1608). С этой книгой Симеон Полоцкий, очевидно, познакомился во время учебы в Виленской иезуитской академии.

Напряженный призыв Симеона Полоцкого к диалогу с Европой, звучавший в Москве в течение 14 лет, был воспринят неоднозначно и поддержан далеко не всеми. Просветитель, много раз в жизни сталкивавшийся с нетерпимостью в столице Российского государства, предви-

дел возможность конфликтных ситуаций и, зная, как в Москве недоверчиво относятся к иноязычным книгам, в своем завещании просил разделить свою уникальную библиотеку между четырьмя монастырями. При этом в Москве, в Заиконоспасском монастыре, оставалась только четверть этого огромного книжного собрания, одного из самых больших в российской столице того времени. Три четверти книг, которые Симеон собирал всю свою жизнь, возвращались в дорогие его сердцу европейские города – Полоцк и Киев (в Полоцкий Богоявленский и киевские – Печерский и Братский монастыри).

И все же просветительская деятельность европейски образованного Симеона Полоцкого не осталась в Москве незамеченной. Его «Псалтырь рифмотворную» читал с восхищением молодой М.Ломоносов, приучаясь «стихотворить», во многих семьях пели переложенные виршами Симеона псалмы, положенные на музыку дьяком В.Титовым, в московских храмах благодаря его примеру возродились устные проповеди. Так и после своей смерти в 1680 г. Симеон Полоцкий посильно участвовал в сложном, идущем до сих пор процессе европеизации Российского государства.

---

1 В 1980 г. имя Симеона Полоцкого (Самуила Гавриловича Петровского-Ситняновича) по решению ЮНЕСКО было внесено в календарь международных дат великих деятелей славянской культуры.

2 *Кан А.* История Швеции. М., 1974. С. 204.

3 *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. СПб., 1896. Т. X. Кн. 2. Стб. 1697.

4 Прот. *Константин Зноско.* Исторический очерк церковной унии. М., 1993. С. 141-142.

Богданов А.П.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ИСТОРИК В РОССИИ XVII ВЕКА

Рассуждая о диалоге культур России и Запада, мы учитываем многогранность и системное единство объектов исследования. С определенной точки зрения единая западная культура (как и культура России) в каждый момент истории представляет собой сложно организованный комплекс культур, элементы которого подчас глубоко дифференцированы и отстоят друг от друга дальше, чем от аналогичных элементов российской культуры.

Сопоставьте, например, традиционную крестьянскую культуру Франции и России XVII в., а также единовременные им культуры дворов «солнечных» монархов Людовика и Алексея. Исследование «диалога» в близкосопоставимых культурных ипостасях уже давно приносит ожидаемые результаты, характеризующие *европейскую* культуру в интеллектуальном смысле условных и географически объективных половин континента: Запада и России.

«Бунташное» для всей Европы XVII столетие — это время мощных народных восстаний и взлета абсолютизма, научной революции и секуляризации мысли, это литература и театр, искусство и архитектура стиля барокко, время великих пиратов и мореплавателей, ученых-энциклопедистов и первопроходцев. Это век сильных и разносторонних личностей, равно владевших пером и клинком, сочетающих глубину познаний с твердостью убеждений, утонченность мысли с незаурядной энергией и мужеством.

Одним из таких людей, олицетворявших собой *явление европейской культуры*, был митрополит Сибирский и Тобольский Игнатий (1620-е-1701): крупный церковный деятель и ученый историк, блестящий полемист и оратор, композитор и поэт, переводчик, видный идеолог Россий-

ского православного самодержавного царства[1]. Род его широко известен в культурном мире. Среди достижений Игнатия было утверждение за фамилией *Корсаковых* почетной приставки *Римские*. С 1679 г., когда Игнатий завершил работу над сводом хоровых произведений на все крупные церковные праздники[2], до кончины Николая Андреевича Римского-Корсакова в 1908 г. европейская музыкальная культура обогащалась творениями представителей этой прославленной фамилии. Произведения Римских-Корсаковых — высокообразованных офицеров российской армии и флота (до пострижения служил и Игнатий) — широко известны и исполняются до сего дня.

Начало композиторской славы Римских-Корсаковых приходится на царствование Федора Алексеевича (1676-1682), когда широко реформировались управление, армия и промышленность, возникла первая бесцензурная типография и Россия чуть не получила финансово и юридически автономный университет, когда население росло, налоги снижались, а нищета благодаря государственным программам сокращалась. Государство было признано на мировой арене в качестве великой державы, его территория расширялась, а строительство шло невиданными темпами (в одной Москве было возведено около 10 тыс. каменных зданий).

Первый композитор из рода Римских-Корсаковых по убеждениям и званию принадлежал к длиннобородым противникам Петра, которых триста лет без устали осмеивает историография и художественная литература. В отличие от «царя-преобразователя» он не склонен был противопоставлять культуры России и Запада, больше внимания уделяя их общим корням и перспективе.

В этом Игнатий не отличался от иных крупных личностей своего времени: А.Л.Ордина-Нащокина, А.С.Матвеева и В.В.Голицына, просветителей и поэтов Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева и Кариона Истомина, художни-

ков Симона Ушакова, Карпа Золотарева и Богдана Солтанова, композиторов Николая Дилецкого, Иоанникия Коренева и Василия Титова, генералов Аггея Шепелева и Григория Косагова, зодчего Якова Бухвостова, корабела Якова Полуектова, историка Андрея Лызлова и др.

Что же представлял собой интеллектуальный мир культурного человека предпетровской России? Не затрагивая в краткой статье тонкие области веры и убеждений, обратимся прежде всего к его познаниям. Для этого возьмем одну небольшую книгу Игнатия. Это — «Генеалогия... Корсаков-Римских», написанная на рубеже 1670-80-х гг. В ней автор аргументировал происхождение своей фамилии от римской консульской династии Фабиев, подобно многим знатным родам Европы ведущей начало от Геракла, заодно знакомя русского читателя с методами исторического исследования и целым рядом специальных исторических дисциплин.

При всем умалении уровня познаний допетровских книжников, исследователи вынуждены были признать, что изучение латинского и греческого языков наряду со славянским считалось обязательным для сколько-нибудь серьезного образования. На этом и останавливались, не стараясь разобраться, как и для чего использовались классические языки. Между тем, как прямо писал Игнатий в трактате «Довод вкратце»[3], речь шла о непосредственном изучении по первоисточникам основ европейских гуманитарных и естественнонаучных знаний[4].

Любознательные россияне буквально повторяли путь западных коллег эпохи Возрождения, но уже на новом уровне, обеспеченном тщательно выполненными и основательно откомментированными изданиями античных авторов, знакомясь с довольно развитыми формами и принципами исследования и оформления его результатов, сложившимися в ходе развития ренессансной традиции.

Не удивительно, что по форме «Генеалогия явленной от Сотворения мира фамилии, несравненнаго древнос-

тию роду... Корсаков-Римских» является привычной нам научной монографией[5]. Чудом сохранившаяся, ныне изданная мною, авторская рукопись[6], находившаяся до революции в собрании князя А.Б.Лобанова-Ростовского[7] и лишь недавно обнаруженная Б.Н.Морозовым в ГАРФ, имеет титульный лист с заглавием и посвящением: «В память славных родителей своих, во образ правды и служеб наследником своим». Далее следует список авторов источников сочинения — 65 крупнейших имен в области исторической филологии. В «Предисловии к читателям» обрисованы предмет и задачи генеалогии, ее воспитательное значение, сформулированы критерии достоверности сведений источников и их истолкования, введено новое для русского читателя требование точных ссылок на используемые тексты.

Книжица в 208 страниц in folio состоит из 18 глав и 33 выделенных заголовками подразделов, завершается 10 красочными изображениями гербов с подробными стихотворными описаниями. Оглавление с указанием листов рукописи помещено за Предисловием, как до сих пор делают в западных университетах. Развороты снабжены правыми и левыми колонтитулами.

Ссылки на авторов, названия, тома и страницы (или разделы) источников приводятся Игнатием прямо в тексте, зато в изумительном количестве; поля отведены под пояснения, и переводы иностранных слов. Обещание ссылаться на источники и отмечать их противоречия выполнено автором свято; многим авторам даны характеристики с точки зрения сравнительной достоверности.

Неудобство широко распространенных в XVI-XVIII вв. ссылок в тексте (сохранившихся до сих пор в некоторых российских изданиях) проявляется при изрядном их количестве, когда автору приходится делать сокращения, чтобы читатель не утратил нить повествования. Например: «От Калепина, по Страбону, и Овидиушу, и Стефану; Теора;

Витрувиуша книга 7; Геллиуша; Плиниуша книга 2; Аристотелеса в книге О естестве зверей»[8].

Сокращенным ссылкам часто придается самостоятельная смысловая нагрузка, как принято и сегодня: «о том роду пишут во всех римских летописцах: в Ливиуше, в Тацыте, в Транквилле, но собственно в Цыцероне, который многажды дела Брутусовы защищал»[9]. Игнатий старался и тут указать источники поточнее: «сие описует Артон Либералий от книги четвертыя Никарди Альтерационум (Никандровы метаморфозы – *Авт.*), а яснее в книге Театрум вите гумане, Слово мудрости, в листе седмьсот седмдесят втором, в слове F».

Развернуто или кратко, Игнатий старается указать источники для каждого упомянутого им имени и факта. Наглядное представление о его работе дает такой, например, фрагмент: «Сей Диоклетиус уведав, яко Стесихорус, славный пиитик лиричный у римлян, написал хулу Елене Прекрасной, бабе Диоклесове, – и за то разгневався, повеле обезочити славнаго творца, яко Бокациуш и Квинтилианус, книга 10, глава 1; и Калепинус (автор словаря – *Авт.*) о том же Диоклесе и Стисехоре то же дело воспоминает».

В ряде случаев Игнатий отсылал читателя к группе разнородных фактов, на которых он построил заключение, приводя источники в логической последовательности: «И о сем выводне, да вестно кийждому буди: ин Аннотационибус Ливий, лист 93; Фестус Ювеналий; Плиниус, книга 18, глава 3; Макробиуш, книга 1, глава 6; Александр аб Александра, книга 1, глава 10; Плиниус второе, книга 7, глава 4, и книга 22, глава 5; Волатеранус, книга 16, глава 1; Силвиус Италийский, книга 6, на концу; Овидиуш, книга 1 Фасторум; Плутархус ин Вита Фабии Максими; Аннотационес Ливии, книга 2, лист 73»[10].

Ссылки русских книжников на античных авторов зачастую игнорируются под предлогом, что они скорее всего

списаны из польских или украинских сочинений. Коли так, ученые избавили себя от труда эти ссылки проверять: занятия тем более утомительного, что его результат надежен лишь при установлении источников *всего* текста памятника. Иначе как знать: не списал ли автор свои ссылки именно из обойденной исследователем книги?

Работа трудоемкая, но попробовать стоило. Полное сравнение с источниками текста фундаментальной «Скифской истории» А.И.Лызлова (1692 г.) дало поразительный результат: в огромной монографии не оказалось ни единой ложной (списанной) ссылки на русские или иностранные источники[11].

Игнатий Римский-Корсаков все же дал в «Генеалогии» несколько заимствованных ссылок – на авторов, чьи сочинения не пережили античности и известны нам только по описаниям и цитатам древних комментаторов и энциклопедистов. Гимнографа Олена и оратора Апулея Сатурнина правильнее было бы цитировать с двойной ссылкой (последнего – по Цицеронову «Бруту», 224 и др.), – формой, отлично знакомой Игнатию (напр.: «предпомяненый списатель по себе приводит летописцов...»).

Такие маленькие и весьма редкие недосмотры делают историка XVII в. ближе и роднее: кто без греха – пусть бросит в него упрек. Куда важнее, что Игнатий использовал в «Генеалогии» *почти полный корпус опубликованных к 1670-м гг. источников по античной мифологии.* Он проигнорировал лишь Аполлодора и всю плеяду драматургов (вероятно, из антипатии к упраздненному царем Федором Алексеевичем театру). Зато использованные сочинения подтверждают заявление автора в Предисловии: «немалое время жития моего изнурив над книгами, умыслих по силе моей род той описати, не яко басни некия сладкословесныя и украшены ложью, но правду истинную»[12].

Составив к академическому изданию «Генеалогии» указатель источников с росписью ссылок Игнатия по

конкретным сочинениям и их разделам, а также, елико возможно, по изданиям, мы убедились, что даже максимально использовав имевшийся в его распоряжении научно-справочный аппарат, значительную часть сведений автор мог отыскать только при полном прочтении более чем 70-ти обыкновенно многотомных публикаций.

Такая работа с единственной целью выискать сведения по специфической теме «Генеалогии» для весьма деятельного и разумного Игнатия не представляется возможной. Очевидно, речь идет о круге чтения одного из русских ученых литераторов предпетровского времени, что вполне подтверждается популярностью многих из использованных Римским-Корсаковым книг у других культурных людей (судя по переводам, ссылкам, упоминаниям, пометам, составу библиотек и тому подобным признакам).

Греческая классика для Игнатия, как и в наше время, начиналась основательным знакомством с «Илиадой» и «Одиссеей» Гомера. После трудов великого слепца главным источником по древне-греческой мифологии является хорошо известная Римскому-Корсакову «Теогония» Гесиода, а по раннему (героическому) периоду истории — «История» Геродота в 9 книгах. Эти сочинения переиздавались столь часто, что Игнатий благоразумно ссылается на их разделы, а не страницы конкретных публикаций.

«Исследования о животных» Аристотеля в 10 кн. (Игнатий называет их точнее: «О естестве зверей») были доступны на латыни и языке оригинала. Мифы о звездах Римский-Корсаков нашел, по-видимому, в стихотворных «Феноменах» не столь известного Арата Солского (IV-III в. до н.э.)

Любопытно, что в отличие от драматических произведений литературная сатира весьма привлекала Игнатия, так что он одолел (в латинском переводе) собрание сочинений «Вольтера древности» Лукиана из Самосаты и

отыскал полезные для себя сведения в небольшом «Прологе» о Геракле.

Лукиан, впрочем, был сущей малостью по сравнению с огромной «Исторической библиотекой» Диодора Сицилийского, в которой Римский-Корсаков мог, разумеется, выбрать только 4-5-ю книги (по древнейшей Греции). Так же и в популярнейших «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха из Херонеи напрашивалась в «Генеалогию» биография родича — «вита Фабии Максими» — из пары «Перикл и Фабий Максим» (пятой от начала по древней традиции книгоиздателей).

«Географии» Страбона (в 17 кн.) и Клавдия Птолемея (в 8 кн.) были проработаны Игнатием весьма тщательно, в отличие от бесценного «Описания Эллады» Павсания, единственная ссылка на которое может быть заимствованной из сборных сочинений, подобных «Трапезе мудрецов» (Deipnosophistoe) Атенея Навкратийского. Впрочем, и из последнего 15-томного собрания Римский-Корсаков облюбовал одно замечание в 16 главе 9 книги.

Римская классика представлена в «Генеалогии» еще более широко. В отличие от наших современников, Игнатий оказался способным одолеть всех крупнейших эпиков, начиная с Квинта Энния (239-169 гг. до н.э.): оценив его «Евгемерову священную историю», русский автор, заметим, не попытался сослаться на «Священный список» самого Евгемера (что было бы естественно для похитителей ссылок).

«Любовные элегии» Альбия Тибулла (видимо, 5-я элегия о величии Рима) по изданию 1569 г. не могли смутить простоту русских нравов даже сомнительными (с точки зрения авторства) славословиями Приапа. А Публий Овидий Назон, шокировавший самих римлян, в конце XVII в. был на Руси любимейшим из римских поэтов[13].

Римский-Корсаков ссылался по полному собранию сочинений на его «Метаморфозы», «Фасты», «Науку любви»

и, вероятно, «Героиды» (хотя популярнее были «Скорбные элегии» и «Письма с Понта»). Ссылки эти, учитывая симпатии читателей, были особенно точны. Овидий во времена Игнатия был «живым» автором, буквально присутствовавшим в жизни всякого образованного человека от Восточного побережья Америки до Урала.

Римский-Корсаков, разумеется, использовал все три поэмы, составляющие Opera omnia Публия Вергилия Марона (тогда не надо было напоминать, что это «Буколики», «Георгики» и «Энеида») по амстердамскому изданию, открывшему новую эпоху в изучении Мантуанца (1676). А вот на Квинта Горация Флакка Игнатий сослался небрежно («книга 1»), и исходный текст нелегко выбрать среди изданий «Сатир», «Од» и «Посланий».

Римские историки были проработаны русским автором весьма основательно, особенно капитальная история «От основания города» Тита Ливия, все 35 сохранившихся книг которой подверглись тщательнейшей вычитке на предмет извлечения сведений о заслугах Фабиев и Коссов. Одних консульств своих героев Римский-Корсаков выписал 64 (засчитывая, правда, каждый упомянутый Ливием год и почетные консульства).

Публия Корнелия Тацита Игнатий также читал полностью (по критическому изданию 1574 г. или производному от него) и ссылался на этого общеизвестного автора кратко, справедливо полагая, что в Европе конца XVII в. не найдется образованного человека, не знакомого с его собранием сочинений.

Ирония истории состояла в том, что Тацит был признан «наставником государей» при утверждении абсолютизма, а с воцарением барокко сделался еще образцом стиля и неисчерпаемым источником литературных, драматических и прочих сюжетов. Мало того, необыкновенную популярность с Тацитом разделил его антипод Гай Светоний Транквилл, трактат коего «О знаменитых проститутках» Римский-Корсаков не преминул использовать.

Наконец, данью российской моде было цитирование Извлечения из Всемирной истории (точнее — из Historiae Philippicae) Помпея Трога, ходившего при московском дворе в переводе. Популярность сего конспекта объяснялась доступным изложением в нем учения о мировых монархиях.

Между тем именно это учение царь Федор Алексеевич и его единомышленники считали необходимым положить в основу первой ученой истории России, которую намеревались издать для «всенародной пользы»[14]. «Краткое пяти монархий древних описание» было, вероятно, знакомо Игнатию, который предпочел все же ссылаться на латинский оригинал.

Хотя Римский-Корсаков и доказывал в другом своем произведении, что пальма первенства во всех естественных науках принадлежит грекам, а латинисты «иное основание, кроме греков, во всех свободных учениях, хотя и много трудилися, вымыслити не могут»[15], важные сведения для «Генеалогии» он почерпнул также у римских ученых и энциклопедистов.

«Десять книг по архитектуре» Марка Витрувия Поллиона в амстердамском издании дали ему лишь один факт (из седьмой книги), зато «Естественная история в 37 книгах» Гая Плиния Секунда (Старшего) цитируется буквально от корки до корки (со второй по тридцать пятую книгу).

Виднейший русский оратор времен царя Федора и регентши Софьи[16], разумеется, отлично знал труды Марка Туллия Цицерона (он ссылается на трактат «О натуре богов» и историю красноречия в Риме: «Брут, или о славных ораторах») и Марка Фабия Квинтилиана (цитируя важнейшую для истории ораторского искусства 1 главу 10-й книги «Об ораторском образовании»).

Закат античности также отражен в «Генеалогии» важнейшими памятниками. Зато ранние церковные писатели мало привлекали православного монаха.

Царь Федор Алексеевич и его единомышленники считали литературу Темных веков, не озаренную светом ан-

тичности, «неисправной». За одним существенным исключением — когда она выражала «общее мнение» народа о своей истории. Эта оговорка позволяла Игнатию в своих патриотических речах, «Слове избранном от божественных писаний и повестей отеческих о Российском царствии» и обширном летописном своде украшать державную идею многочисленными легендами в ожидании, когда освобожденные нашими победоносными полками народы соберутся под крыльями двуглавого орла[17].

В «Генеалогии» ученый скептицизм не позволял таких вольностей. Предренессансная литература использована постольку, поскольку она отражала шаги к возрождению античной традиции.

Глубокое уважение Игнатия к историческим трудам Джованни Боккаччо может показаться странным читателю, знакомому лишь с шутками флорентийца (вроде «Декамерона», «Фьяметты» или «Филоколо»). Да и филологи, отмечающие тяготение Боккаччо к античному наследию в крупных поэмах («Филострато», «Тезеида» и др.), не часто задаются вопросом, за что же столь уважали безработного гражданина власти Флоренции.

Римский-Корсаков отдавал себе отчет, что звание «всея Италии славнаго летописца» Боккаччо заслужил выдающимися латинскими исследованиями по мифологии и истории античности. «Генеалогия языческих богов», «О знаменитых женщинах» и «О несчастиях знаменитых мужей», не говоря уже об интереснейшем опыте историко-географического словаря (De montibus etc) — вот труды, оказавшие сильное влияние на формирование литературы Возрождения и на «Генеалогию» Игнатия.

Miscellanea (Смесь) Анджело Амброджини, известного Римскому-Корсакову по литературному имени Политианус (латинизированный геоним от Poliziano), представляла собой изрядное собрание критических заметок к произведениям латинских и греческих авторов. Труд сей был интересен Игнатию и методически. Он вовсе не напрас-

но предупреждал в Предисловии, что в области толкования источников идет «не от своей главы и разума», но по стопам «славных творцов». Еще греческий философ IV в. до н.э. Евгемер (известный Игнатию в латинском переложении Квинта Энния) положил начало традиции рационалистического толкования мифов, на котором построена значительная часть труда Игнатия.

Зевс у Евгемера выступал земным владыкой, скончавшимся на Крите, Атлас, поддерживающий небо, стал великим астрономом, прочие божества — людьми, превознесенными до небес за подвиги и заслуги перед человечеством. *Евгемеризм* как направление мысли был развит затем Полибием и в особенности Страбоном, наряду с доказательством шарообразности земли убеждавшим читателя, что Гомер является величайшим и точным географом для тех, кто способен видеть основу под поэтическим вымыслом.

Немалый вклад в популярную античную традицию внес знакомый Игнатию Лактанций, она углублялась за счет более разнообразных приемов критики, тщательного анализа текстов и сличения рукописей. Ко временам Игнатия евгемеризм был признанной теорией, применяемой в совокупности методов литературоведения и языкознания, исторической географии, геологии, топонимики, этнографии, археологии, генеалогии, геральдики и т.п.

Все это широко использовал вслед за коллегами и Римский-Корсаков, прослеживая корни своего рода в легендарные глубины истории вплоть до сонма языческих богов, происходивших, естественно с позиции евгемериста, до Адама. Евгемеризм популярен доселе, особенно в области этногенеза, и ученые продолжают искать реальные основания мифов, легенд, былин и прочих источников, свидетельствующих о «великих делах... под образом или под подобием и закрытием неким», как выразился автор «Генеалогии».

Для нас важнее не отстаивать древнюю теорию, а констатировать шествие российского историка по стопам выдающихся единомышленников, даже если их труды были незаслуженно забыты или остались лишь в именах нарицательных, как французское слово calepin — собрание выписок и заметок. Оно происходит от фамилии Амвросия Калепино или Да-Калепино — итальянского лексикографа XV в., составителя многоязычного словаря «Рог изобилия» (Cornucopia). Идея смыслового анализа слов, исходя из их происхождения и бытования в разных языках (семиотика), начиная с латинского, встретила столь восторженный прием, что после первого издания (Реджио, 1502 г.) «Калепинус» переиздавался и дополнялся множество раз (базельское издание 1590 г. включало уже 11 языков, в том числе венгерский и польский).

Истории, рассказанные в словаре, который долго считался лучшим в своем роде, использовались Римским-Корсаковым с тем большим энтузиазмом, что «лексиконы многоязычные» были необычайно популярны в России XVII в. Они переписывались, дополнялись, даже составлялись всеми грамотеями для умственной разминки, интеллектуальной забавы, не говоря уже о купцах, нуждавшихся в разговорниках для себя и своих отпрысков.

Пароним «Мантуанус», употребленный при одной ссылке в «Генеалогии», способен ввести в заблуждение ассоциацией с Вергилием, но исследование показывает, что речь идет о другом уроженце Мантуи. Это Джованни Баптиста Спагноло — приор-генерал ордена кармелитов, латинский поэт и ученый-гуманист, писавший под именем Mantovano или Mantuan. Речь идет «О Священных днях» и «Парфянском», изданных в его Трудах.

Традиционные представления о православном фундаментализме до Петра заставляют усомниться в возможности цитирования столь видного католика. Но усомниться следует в самих представлениях — поелику Римский-Корсаков, столп православия в спорах о вере, переводчик

греческих житий, личный друг ярого «грекофила» и борца с «иноверием» патриарха Иоакима, считал естественным ссылаться на авторитет ученых «латынников» и «схизматиков» из университетов Венеции, Парижа, Лондона, Праги, Рима и др., наконец – одобрительно цитировал книгу «славнаго генерала иезувитцкаго» (в трактате «Довод вкратце»), когда речь шла о проблемах изучения античного наследия.

Безусловно, он не мог пройти мимо Эразма Роттердамского, завоевавшего славу «светоча мира» и «универсального ученого» не «Похвалой глупости» или «Разговорами запросто», как уверяют некие филологи, а глубочайшими исследованиями и изданиями по классической древности. Игнатий использовал любимое произведение «лучшего и высочайшего»: «Адагии» («Пословицы»), которые тот дополнял и переиздавал всю жизнь, так что первое издание насчитывало 800 пословиц и изречений (1500 г.), а последнее авторское – 4151 (1536 г.).

Недавно считалось открытием установление одного перевода небольшого сочинения Эразма на Руси и полемики Симеона Полоцкого с его общеизвестными трактатами против войны[18]. В свете новых представлений выглядит естественным, что Игнатий при случае цитирует Эразма на латыни. В этой связи уместно вспомнить, что пока Римский-Корсаков писал «Генеалогию» и спорил с Сильвестром Медведевым об основах университетского образования, их младший коллега Карион Истомин изучал концепцию начального образования другого «учителя народов» – Яна Амоса Коменского, не в рамках привычной нам теории «заимствования», но для обогащения и усовершенствования[19].

Общение с излюбленными Игнатием античными авторами происходило посредством фундаментальных изданий, осуществленных учеными XVI и XVII вв. Подготовка текстов, глубокие и обширные исследования и комментарии в них были нередко сложнее и ценнее мо-

нографий. Но Римский-Корсаков использовал и последние. Среди *латинских трудов* он сослался на «Гениальные дни» (Dies geniales) Алессандро д`Алессандро из Неаполя (Рим, 1522): весьма уважаемое современниками-знатоками собрание сведений, текстов и полемических заметок по латинской филологии и праву, древнеримских и новых итальянских биографий и анекдотов.

Труд кардинала Цезаря Бароння «Церковные хроники» колоссален по богатству архивного материала (Ватикана и католических монастырей); он остается непременным пособием по ранней истории церкви до сего дня, во многом не перекрытым многочисленными позднейшими работами. Римский-Корсаков цитировал Annales Ecclesiastici с большим уважением и пользовался не популярными на Руси кратчайшими польскими экстрактами, а оригинальным 12-томным римским изданием 1588-1607 гг.

Общие ссылки на Торквато Тассо на позволяют определить, какое из многочисленных сочинений выдающегося итальянского поэта имел в виду Игнатий. Вероятнее всего, наш автор использовал богатый античными примерами «Спор о героической поэме».

Зато Большой Атлас Герарда Меркатора (как и его Atlas Minor) в амстердамских изданиях XVII в. имелся на Руси чуть не в каждой приличной библиотеке, с увлечением изучался и даже в точности копировался пером. Не удержался и автор «Генеалогии», помимо ссылок на ценный сопроводительный текст скопировавший из Атласа карту о. Корсика. Справочники в его времена вообще считались лучшими книгами для чтения, причем предпочтение отдавалось трудам энциклопедическим. Один из популярнейших — «Театр жития человеческого» — судя по количеству точных ссылок, был настольной книгой Игнатия.

Но все эти труды были написаны на латыни. А как же Речь Посполитая в виде «моста в Европу» для московитов? Всего четырех *польских авторов*, из коих один был

итальянец, а другого можно считать ученым западнославянским, счел нужным использовать русский автор в труде, включающем описание рода Корсаков в Курляндии, Польше, и других соседних странах.

Три ссылки сделаны на «Хронику всего света» видного историка, поэта и переводчика Мартина Бельского (в 10 кн.), ходившую по Руси в изданиях 1551, 1554 и 1564 гг. и широко использованную, в частности, в «Скифской истории» А.И.Лызлова. Игнатий обратился к обойденной вниманием коллеги 1-й книге «Хроники», повествующей «о четырех древних монархиях». Впрочем, «Генеалогия» опровергает мнение, будто сие излюбленное царем Федором Алексеевичем учение распространилось в России исключительно благодаря изложению Бельского.

Пять ссылок Римского-Корсакова на весьма авторитетную книгу Варфоломея Папроцкого «Гербы рыцарства польского» (Краков, 1584) и возможное подражание Игнатия гербовым стихам плодовитейшего славянского литератора XVI в. заставляют обратить внимание на незнакомство автора с чешскими, силезскими и латинскими трудами того же историка, отразившими важные для «Генеалогии» сведения о роде Корсаков.

Издания из Амстердама, с которым московский двор в XVII в. имел наиболее прочные связи, достигали русского книжника вернее, чем из Кракова, Оломоуца, Праги или Брюнна. Краковская типография, впрочем, была достаточно популярна. Там в 1611 г. был издан польский перевод латинского «Описания Сарматии Европейской» итальянца на польской службе Александра Гваньини. Игнатию Римскому-Корсакову, как и Андрею Лызлову, пришлось удовлетвориться этим переводом, названным «Хроникой». Оба русских историка проработали все относящиеся к их темам разделы книги.

Настоящая «Хроника польская, литовская, жмудская и русская» видного польского политического деятеля, историка, поэта и художника Матвея Стрыйковского,

бытование коей в России основательно исследовано[20], была знакома Игнатию в том же кенигсбергском издании 1582 г., что и Лызлову. Оба автора отвергли чужие переводы и внимательно проработали оригинал, основанный на множестве несохранившихся источников.

Странно только, что ссылаясь на страницы довольно старого издания, Римский-Корсаков называет Стрыйковского «Молодым». Это уместно разве что в сравнении с классиками античности, Боккаччо и Эразмом и может толковаться как признание действительно важного произведения продолжением великой европейской историографической традиции, к которой в полной мере принадлежал и русский историк предпетровского времени.

---

1 См.о нем: *Богданов А.П., Белоброва О.А.* Игнатий Римский-Корсаков // Труды отдела древнерусской литературы (Пушкинского дома). Л., 1986. Т. 40. С. 86-102; *Чистякова Е.В., Богданов А.П.* «Да будет потомкам явлено...»: Очерки о русских историках второй половины XVII в. и их трудах. М., 1988; *Богданов А.П.* Творческое наследие Игнатия Римского-Корсакова // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1993. Вып. 6. С. 165-248; *Он же.* От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII в. М., 1995.

2 Оригинал музыкального кодекса Игнатия см.: РНБ. Соловецкое собрание. № 277/282.

3 *Каптерев Н.Ф.* О греко-латинских школах в Москве в XVII в. до открытия Славяно-греко-латинской академии // Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе за 1889 г. М., 1889. С. 672-678.

4 *Богданов А.П.* К полемике конца 60-х – начала 80-х гг. XVII в. об организации высшего учебного заведения в России. Источниковедческие заметки // Исследования по источниковедению истории СССР XIII-XVIII в. М., 1986. С. 177-209; *Он же.* Борьба за развитие просвещения в России во второй половине XVII в. Полемика вокруг создания Славяно-греко-латинской академии // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М., 1989. С. 74-88; *Он же.* Из предыстории петровских преобразований в области высшего образования // Реформы второй половины XVII-XX вв.: подготовка, проведение, результаты. М., 1989. С. 44-63; *Он же.* Борьба за организацию Славяно-греко-латинской академии // Советская педагогика. 1989. № 4. С. 128-134.

5 *Богданов А.П.* Первое ученое родословие в России: «Генеалогия» Игнатия Римского-Корсакова // Историческая генеалогия. 1993. Вып.1. С. 16-22; *Он же.* Русская «Геналогия» XVII в. // Там же. 1994. Вып. 3. С. 49-64.

6 ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 1. № 27. Рукопись опубликована: *Игнатий Римский-Корсаков.* Генеалогиа. М., 1994.

7 *Лихачев Н.П.* «Генеалогия» дворян Корсаковых // Сборник статей в честь Д.Ф.Кобеко. СПб., 1913. С. 91-114.

8 *Игнатий Римский-Корсаков.* Генеалогиа. Л. 69 об. (В академической публикации сохранена авторская пагинация).

9 Там же. Л. 47 об.-48. Ср.: Л. 14-15 об. и др.

10 Там же. Л. 55 об.

11 *Лызлов А.* Скифская история. М., 1990. С. 391-447.

12 *Игнатий Римский-Корсаков.* Указ.соч. Л.8.

13 *Лызлов А.* Указ.соч. С. 441; *Николаев С.И.* Овидий в русской литературе XVII в. // Русская литература. 1985. № 1. С. 208-210.

14 *Чистякова Е.В., Богданов А.П.* «Да будет...» С. 3-12.

15 *Каптерев Н.Ф.* О греко-латинских школах... С. 672-678.

16 Ср.тексты: Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII в. М., 1983. Вып. 1-2. № 15-16, 32. С. 135-182, 233-241 и др.

17 См.также: Библиотека Академии Наук. П.I.А.10. 56 л. (автограф); *Богданов А.П.* Общерусский летописный свод конца XVII в. в собрании И.Е.Забелина // Русская книжность XV–XIX вв. М., 1989. С. 183-209.

18 *Алексеев М.П.* Эразм Роттердамский в русском переводе XVII в. // Славянская филология. М., 1958. Т. 1. С. 275-336.

19 Текст см.: *Богданов А.П.* Памятник русской педагогики XVII в. (Поэтический триптих Кариона Истомина для начальной школы) // Исследования по источниковедению истории СССР. М., 1989. С. 96-144. См. также: *Богданов А.П.* Карион Истомин и Ян Амос Коменский. (К проблеме освоения творческого наследия «учителя народов» в России XVII в. // Acta Comeniana. 8 (XXXII). Praha, 1989. С. 127-147.

20 *Рогов А.И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. Стрыйковский и его Хроника. М., 1966.

II. РОССИЯ И ЕВРОПА В XVIII–ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Агеева О.Г.

ПЕТР I ГЛАЗАМИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ МЕМУАРИСТОВ НАЧАЛА XVIII ВЕКА

Личность русского царя-преобразователя – одна из самых популярных тем в мемуарных сочинениях иностранцев о России эпохи петровских реформ. О Петре I писали в своих дневниках и воспоминаниях англичанин Ч.Уитворт, швейцарец Х.Гассман, датчанин Ю.Юль, немец – представитель Ганновера Х.Ф.Вебер, голштинец Г.Ф.Бассевич, представитель Пруссии И.Г.Фоккеродт и др. Очевидно, что русский монарх производил сильное впечатление на своих современников-выходцев из Европы. Однако интересно другое: незнакомые друг с другом, в разные годы находившиеся в России, являвшиеся выходцами из разных западноевропейских стран авторы сосредоточили свое внимание на совершенно определенном наборе тем-характеристик царя и часто дублировали друг друга в оценках. Этот факт не является случайностью, он означал, что уже в первой четверти XVIII в. сложился ряд стереотипов «образа» русского царя-реформатора. Попробуем выделить основные из них.

Единодушие авторов сочинений о России начиналось с самых общих характеристик фигуры царя, из которых ясно, что Петр интересовал Запад прежде всего как госу-

дарь. Обычные даваемые ему определения – «великий монарх», «великий государь» (Х.Гассман, Ю.Юль), часто – монарх, осуществляющий «великие предприятия», обладающий «превосходным умом» (Х.Ф.Вебер), или же просто – «Петр Великий», как, например, именовал царя в своем сочинении Г.Ф.Бассевич[1].

Единым для всех критерием оценки «величия» Петра I являлись его реформы, названные одним из мемуаристов (Х.Гассман) «дорогой к приобретению могущества». Другой автор – Г.Ф.Бассевич – писал о верности царя «обширным планам для упрочения величия и славы России», а Ч.Уитворт сообщал о том, что царь «за 10 лет усовершенствовал свою империю больше, чем любой другой смог бы сделать в десятикратный срок...», причем сделал это «одною лишь силою своего гения, наблюдательности и собственного примера». Х.Гассман отмечал, что на русских «никто не обращал внимания», «пока нынешний царь не ввел так много реформ», свой народ, русских он «привел ... совсем в иное состояние, так что в новой России старую и узнать нельзя, и она все больше изменяется день ото дня»[2]. Таким образом, взгляд на Петра I как на великого государя сложился именно вследствие высокой оценки привнесения в русскую жизнь европейских форм экономики, военного дела, быта, благодаря положительному отношению царя к Европе.

На какие именно реформы больше всего обращали внимание иностранцы и как их оценивали?

Основное внимание они уделяли воспринимаемым однозначно положительно реформе армии и флота, мероприятиям в области экономики – заведению фабрик, усовершенствованию торговли. Так, к числу «важных реформ» Петра I Х.Гассман относил проевропейскую реформу армии (от немецких офицеров, писал он, русские «научились настоящим военным упражнениям»), укрепление крепостей «согласно современному фортификационному искусству», в частности, крепости Азова, ус-

тановление точных границ с Крымом, «распространение могущества на водах», для чего царь довел кораблестроение в своей стране «до совершенства» и «снарядил в Восточном и Каспийском морях значительные флоты», а со временем решит вопрос и о хороших матросах, и т.д. В области экономики важными начинаниями швейцарец считал то, что царь «заложил новые фабрики», «очень заботился о развитии горного дела, для чего разыскивал в России разные руды, чтобы впоследствии организовать в России обширный обмен» и т.д.[3]

Неоднократно высокую оценку реформы армии в своем сочинении давал ганноверский резидент Х.Ф.Вебер («царь, отмечал он, довел свое военное управление до такого превосходного состояния, которому теперь весь свет удивляется»). Характеризуя Петра I, Вебер подчеркивал, что тот проводит время «в разных полезных занятиях», то есть строит крепости, общественные здания, корабли, он писал, что царь из всей военной силы, любит, по-видимому, более всего флот[4].

Самым подробным образом осветил реформу армии и флота И.Г.Фоккеродт, назвавший их «полезными переменами» Петра I. Он также отметил «приведение в превосходное состояние артиллерии», создание царем флота («страсть к флоту брала у него верх над всеми другими желаниями и склонностями»), регулярных полков, обучение «русских» западноевропейскими офицерами и учреждение военных учебных заведений. Фоккеродт скрупулезно перечислил распоряжения царя, касающиеся торговли, построенные им общественные здания, верфи, каналы для сообщения морей, новые города, крепости, дороги и проч., отметил, что всем этим царь занимался «с рвением и старанием».

Однако И.Г.Фоккеродт не ограничился общей положительной констатацией фактов, а подошел к увиденному в России критически, с мерками западноевропейского меркантилизма. Так, им была поставлена под сомнение

целесообразность заведения флота, «а особливо в таком большом размере»: во-первых, прусский дипломат не видел в нем смысла, ибо «просто невозможно, чтобы русские когда-нибудь были в состоянии соперничать с флотами морских держав», во-вторых, считал, что было бы лучше, если бы Петр «оставил в кармане подданных те изумительные суммы, какие потратил на флот, или употребил бы их на умножение сухопутного войска».

Также критически, с точки зрения экономической выгоды, подошел Фоккеродт к состоянию русской торговли и промышленности. Оценивая «китайскую» торговлю, он определил ее торговый баланс не в пользу России, и следовательно, решил, что «она больше вредна, чем полезна для государства» и «устроить» ее нужно иначе, сделав Россию страной-посредницей между Китаем и Западом. Оценивая Петербург, Фоккеродт согласился со всеми доводами русских-противников царя и привел в своем сочинении все негативные характеристики новой столицы[5].

Заслуживает упоминания положительная оценка иностранцами финансовой политики Петра I. Х.Гассман писал, что «доходы этого государя невероятно велики», что «он еще очень расчетлив и прилагает все старание, чтобы не тратить деньги попусту». Вебер обратил внимание на то, что Петр I «никогда не был в необходимости прибегать к займам» за границей, а если б окружил себя мудрыми советниками и «поставил финансы на немецкую ногу», то мог бы извлечь из подвластных стран несравненно больше. И.Г.Фоккеродт, указав сумму налога в 9-10 млн. рублей, отметил, что для России эта малозначительная сумма значит гораздо больше, чем для Европы — «во времена Петра I ее доставало на покрытие всех его великих предприятий»[6]. Очевидно, что положительный взгляд на реформы привел к ложной оценке финансов страны: петровское царствование кончалось в жесточайшем финансовом кризисе, доходы государства не по-

крывали его расходов. Реформы разорили страну, но этого иностранные мемуаристы не заметили.

Военная и хозяйственная реформы являлись основой создания положительного образа «великого» государя. Однако для европейцев не менее важную роль играло преобразование быта, нравов и просвещения. В этой области привнесение «своих» западноевропейских ценностей, норм в «чужую» культуру осознавалось авторами сочинений о России как переход от варварства в состояние цивилизованности. Такое понимание основывалось на устойчивых представлениях европейцев о мире, который в начале XVIII в. в их сознании делился на цивилизованный (Европа) и варварский, дикий (остальные страны и народы). Так как русская культура, религия, тип военного искусства, экономика, мораль не соответствовали европейским стандартам, были другими, то, соответственно, они относились к варварским и диким. Четыре основных критерия русского «варварства» выделялись иностранцами в начале XVIII в. Это – 1) незнание правил вежливости «образованных народов», 2) привязанность и почтение к нравам и обычаям своего отечества, 3) отсутствие знаний и искусств, кроме тех, которые имеют непосредственную пользу, 4) православная религия[7]. Именно вследствие этих четырех признаков русские считались народом «грубым», «неотесанным», «диким», «варварским». Соответственно преобразования на западноевропейский лад Петра I в области нравов, образования и религии легли в основу стереотипа «Петр – царь-просветитель, цивилизующий свою дикую страну». Отсюда же тема конфликта Петра I со своим невежественным народом.

Как все это выглядит в мемуаристике? Вот понимание реформы в области культуры и роли царя швейцарцем Х.Гассманом. Прежние русские, с его точки зрения, были «грубыми и невежественными людьми», ибо не имели никакого воспитания, жили «в невежестве, так как не

имели понятия о каких-либо искусствах, и их величайшей страстью было напиться водкой до потери сознания». Царь заставил русских «переменить свои старые одеяния» на немецкое платье, так как раньше они носили «длинные одежды, как старые бабы». Сыновей вельмож он послал «в путешествия и в Академии», о существовании которых русские и не подозревали. Аналогичный взгляд имел датчанин Ю.Юль. Он писал: «Русские, будучи народом грубым и неотесанным, не всегда умеют отличить приличное от неприличного, и что поэтому царю приходится быть с ними терпеливым в ожидании того времени, когда подобно прочим народам они научатся ... выдержке». Так же охарактеризовал Петра I и Х.Ф.Вебер. «...С великою ревностию он изыскивает способы образовать свой народ, – писал ганноверский резидент, – ...при всех европейских и азиатских дворах ...имеет своих послов и уполномоченных, а... русские бояре теперь должны ездить за границу и обучаться там, чтоб сделаться способными ко всякому делу, на воде и на суше...»[8].

Результаты просветительской политики царя не всегда оценивались как успешные. Например, благодаря царю женщины получили «свободу», но не такую, как во Франции, Польше и Германии, оставляли желать лучшего усвоение русскими западного образования и воспитания. Так, прусский дипломат отмечал, что и после получения образования в Европе даже «первостепенные люди» очень грубо нарушают правила вежливости, «во всех же прочих статьях: в еде, питье, убранстве комнат и прочем русский и ныне старинный русак, а молодые люди, вернувшиеся из-за границы в руках своей семьи ... опять втягиваются в свою прежнюю животную жизнь»[9].

Единодушие проявили авторы мемуаров в оценке политики Петра I в области религии. С их точки зрения, «варварское состояние ... подданных (Петра I – *Авт.*) имело одной из главных причин беспорядочное положение их религии», царь же «старался привести эту религию

в лучшее состояние»[10]. Подчеркивая личную религиозность монарха, – его видели стоящим на службах, поющим на клиросе, спорящим по богословским вопросам, – царя представили борцом с суевериями православия – почитанием икон, соблюдением постов, и проч. Разумеется, высокую оценку получила проведенная на протестантский манер церковная реформа Петра I – уничтожение в России патриаршества[11].

В описании реформаторской деятельности русского монарха иностранцы часто противопоставляли Петра I его народу. Это противопоставление или констатировалось открыто, или было имплицитным (скрытым). В последнем случае оно возникало при описании действий монарха через противопоставление того, что царем вводилось, тому, против чего было новшество направлено, а также при описании реакции в народе на его реформы. При этом противопоставление всегда имело соответствующую эмоциональную окраску – оппозицию «хорошо-плохо». Петр I, его действия всегда оценивались со знаком (+), а противостоящие ему народ или «старые бояре», их реакция на новшества – со знаком (–).

Только проводя реформы, по мнению Х.Ф.Вебера, «царь мог сделать своих подданных истинными людьми». Оценивая действия русских в морском сражении при Гангуте, тот же автор писал, что «из своих глупых подданных царь сделал таких хороших солдат»[12]. Негативное отношение народа к различным мероприятиям Петра I описали многие авторы. Так, Х.Гассман отмечал, что тот «заставил русских повиноваться» немецким офицерам, что «перемене платья крестьяне «противились»», что «бояре были принуждены усвоить немецкий образ жизни, что было им весьма неприятно». И.Г.Фоккеродт отмечал, что снятие с церквей колоколов, дружеское обхождение с еретиками, мясоедение в посты и нарушение церковных уставов, стрижка бород, введение французского платья и бесчисленное множество других обычаев, были «ужасом

для русских», особенно для «духовенства». «Неодолимое отвращение» испытывали подданные к новым правилам «государственного управления», что касается любимого детища Петра — Петербурга, то «ненависть к нему была так велика, что они никогда не завели бы там значительной торговли», «Петербург обязан теперь цветущим положением своей торговли одному только пристрастию Петра I-го». «Петербург и флот в их глазах мерзость, ... заведение правильного войска, считаемое всем светом за величайшую пользу, доставленную Петром I, для них бесполезно и вредно». Вообще, единственными социальными слоями или группами русского общества, искренно почитающими Петра, указаны «простоватые и низшего звания люди да солдаты, особливо гвардейцы». «Одиночество» царя в своих начинаниях подчеркнул и англичанин Ч.Уитворт, который писал, что Петр провел свои преобразования «без какой бы то ни было иностранной помощи, вопреки желанию своего народа, духовенства и главных министров»[13].

Из приведенных выше цитат очевидно, что противопоставление Петра и его окружения («поумневших русских», по выражению Ю.Юля) русскому обществу основывалось на общих представлениях о мире и осознавалось как конфликт цивилизованного монарха и варварского народа.

В связи с конфликтным характером европеизации русской жизни интересна двойственность в оценке абсолютистского характера правления Петра I. Общее впечатление может быть передано словами англичанина Ч.Уитворта: «Правление является абсолютным до последней степени, не ограничено никаким законом или обычаем и зависит лишь от прихотей монарха, который определяет жизнь и судьбу всех своих подданных. [У тех, кто служит] все совершается от имени царя...», далее, правда, отмечается, что в стране есть писаные законы. Почти то же писал и И.Г.Фоккеродт, отмечавший, что царь «по собственной

воле и произволу» распоряжался «жизнью и имуществом» своих дворян[14]. Вряд ли стоит говорить, что за такой оценкой стоит расхождение правовых норм Запада и России, незнание системы русской дворянской службы и соответствующих ей имущественных отношений между государством и высшими сословиями.

Прямых оценок-обвинений в бесконтрольном самовластии в мемуаристике нет. Зато есть другое. Первое — это муссирование темы личной жестокости царя, доходящее до мифологии. Например, Х.Гассман писал, что «многие сотни людей, которые не хотели жить согласно его распоряжениям ... были лично наказаны царем палочными ударами и преданы смерти от его собственной руки». Автор искренне полагал, что Петр I «без больших церемоний или убивает их своею дубинкою, или рубит их на куски. Суровость его известна всей Европе». Разумеется, современники помнили о стрелецких казнях 1698 г., когда Петр «собственной высокой особой потешал себя этой работой», но еще и «побуждал к тому своих бояр». В связи с делом царевича Алексея 1718 г. также отмечался присущий Петру «вкус к розыскам, который этот царь сохранял постоянно»[15].

Вторая тема, связанная с бесконтрольностью власти, — оправдание абсолютизма Петра тем, что он способствовал проведению проевропейских реформ. Швейцарец Х.Гассман прямо указал, что «в этих важных реформах царю сослужило службу его самодержавие, подобным которому не обладает ни один государь на свете...». Примечательно, что после рассказа об изрубленных на куски противниках царя у этого автора следует сентенция: «Суровость его правосудия кажется чрезмерной, но как же иначе он мог достигнуть намеченной цели?»[16].

Интересна и показательна позиция мемуаристов относительно взаимоотношений царя с сыном-наследником и кончины последнего — ни один из авторов не внес в свои мемуары сведений о насильственном характере

смерти царевича Алексея. У Ф.В.Берхгольца, жившего в Петербурге с 1721 г. и наверняка слышавшего пересуды современников, о царевиче вообще не упоминается. И.Г.Фоккеродт обходит молчанием «дело» и смерть Алексея, но при этом подчеркивает, что у того не было «ни намерения, ни духа на составление замысла против правления или жизни отца», он хотел лишь «привести себя в безопасность от ненависти ... отца ... и бражничать со своими попами...»; произошедшее названо мемуаристом «недоразумением... с наследником». Достаточно подробно рассказал о кончине Алексея и слухах вокруг нее (дали в тюрьме яд или сделали «слишком» сильное кровопускание) Г.Ф.Бассевич. Однако сам он присоединился к официальной версии случившегося – смерти от «ужасных судорог» (апоплексического удара) и указал, что Петр не был заинтересован в насильственной смерти сына. «Достоверно, – писал дипломат, – что царь не желал смерти царевича, а хотел только опозорить его смертным приговором и тем устранить от наследования престола». На смерть от «апоплексического удара» указал и Х.Ф.Вебер, трогательно сообщивший, что царь простил все сыну, «дал благословение и расстался с ним при громких рыданиях и обильных слезах с обеих сторон»[17].

Итак, насильственную европеизацию иностранцы не порицали, а насильственную смерть наследника престола – сторонника старины – сочли возможным замолчать. Инстинктивная оценка «свое – хорошо» потеснила вопрос о приемлемости методов утверждения европейских ценностей. Однако этот инстинкт «сработал» против самой Европы, создав миф о безотчетной привязанности Петра к европейцам. Перенимание западного опыта должно было привести к усилению России, что, естественно, представляло угрозу для Европы, так как последняя должна была поделиться с восточным соседом в сфере международной торговли и проч. Между тем авторы записок обвиняли Россию в недостаточной последовательности в

европеизации, как, например, это делал И.Г.Фоккеродт. Страх перед модернизацией страны присутствует лишь в сочинении Х.Гассмана, который писал о Петербурге, «угрожающем всей Европе», и о том, что царь «довел свою страну до такого состояния, что вся Европа смотрит на нее с удивлением и отчасти со страхом и приходит от этого в волнение. Многие сильно жалеют, что показали царю дорогу к приобретению этого могущества, так как он впоследствии смог бы обратить его против них...». Эти опасения швейцарец уравновешивает контраргументом — царь «слишком любит немцев и голландцев, чтобы обойтись с ними плохо»[18]. Подобное искажение реального положения дел примечательно, ведь в экономические планы царя входило, помимо прочего, отстранение Турции от посредничества в торговле шелком между Персией и Западной Европой, а это вело к разорению голландских компаний, торгующих шелком через Турцию. По-видимому, такого рода предположения в сознании поклонников царя просто не допускались.

По сравнению с анализом государственной деятельности описание личных качеств монарха занимает в мемуаристике более скромное место.

Внешность царя производила самое благоприятное впечатление на современников-очевидцев. Они отмечали, что «царь очень высок ростом, носит собственные короткие коричневые вьющиеся волосы и довольно большие усы, ... весьма проницателен и умен». «Государь красив, крепкого телосложения и здоровья. ... Был подвержен сильным конвульсиям, ... но в последнее время почти избавился от конвульсий. ... Царь имеет добрый нрав, но очень горяч, правда, мало-помалу научился сдерживать себя, ... честолюбив, хотя внешне очень скромен, недоверчив к людям, ... жесток при вспышках гнева, нерешителен по рассуждении, ... не кровожаден...». Эти высказывания о внешности и чертах характера царя относятся к 1709-1711 гг. и принадлежат Ю.Юлю и Ч.Уитворту.

Интересно, что уже в середине 1710-х гг. один из иностранцев-мемуаристов – Х.Ф.Вебер – не счел нужным описывать внешность царя, полагая, что, «так как он бывал в Германии и многих других землях, то его образ жизни (привычки) и наружный вид всем известны»[19].

Неизменно привлекала внимание образованность царя-реформатора. Своим соотечественникам мемуаристы сообщали, что Петр «сведущ в навигации, кораблестроении, фортификации и пиротехнике. Он довольно бегло говорит на голландском, который становится теперь языком двора» (Ч.Уитворт). Петр – «большой любитель... математических и механических знаний и не уступит в них никакому знатоку. ... Не любит охоты, игр и других развлечений... Из иностранных языков хорошо знает немецкий и голландский, но охотнее и лучше говорит на своем родном русском языке. ... В военных делах и упражнениях он весьма сведущ, ... государь, одаренный еще сверх того от Бога великими способностями» (Х.Ф.Вебер). Впрочем, в основательности знаний царя возникали и сомнения: «его понятия о науках не довольно ясны, чтобы он сам собой мог выбрать из них какие полезны для его страны, а какие нет», – замечал И.Г.Фоккеродт и вслед за тем подвергал критике Петербургскую академию наук, которая была «не так устроена, чтобы Россия могла обещать себе от нее в будущем самую малую пользу»[20].

Все соприкасавшиеся с царем в повседневной жизни описывали множество разнообразных дел и мероприятий, в которых он принимал участие. Петр сам расставлял полки и определял порядок трофейных знамен для полтавского триумфа в Москве, сам управлял судном, переплывая через Неву после ледохода (Ю.Юль), сам составлял чертеж и делал вычисления для нового корабля, запершись для этого на несколько недель в саду (И.Г.Фоккеродт), и т.д. День царя был плотно расписан и начинался в 3-4 часа утра, в течение одних суток Петр успевал посетить заседание Сената, поработать в Адми-

ралтействе и дома на токарном станке, объехать петербургские постройки, а вечером сходить в гости (Х.Ф.Вебер). Так при описании занятий российского императора была показана типичная черта человека новой эпохи – постоянная спешка, особое отношение ко времени. Царь «понапрасну времени не тратит», «царь не позволяет себе медлить ни в какой работе, – отмечали иностранцы[21].

Еще одна черта Петра I, обращавшая на себя внимание, – простота в образе жизни и общении. «Царский блеск ему всегда был в тягость», – писал Г.Ф.Бассевич. Особенно часто привлекали внимание мемуаристов манера одеваться и способ передвижения Петра. О них писали все. Ф.В.Берхгольц: «Он одевается смотря по удобству и мало обращает внимания на внешность». Ю.Юль: «Царь прост в одеянии и наружных приемах», путешествуя по России, «ввиду малочисленности своей свиты ездит не в качестве царя, а в качестве генерал-лейтенанта», в пути повар Петра вынужден был бегать по городу, занимая блюда, скатерти, тарелки и съестные припасы, «ибо с собой царь ничего не имеет». Х.Ф.Вебер: «...ходит он обыкновенно в простом платье, не любит никакого штата или излишней прислуги, ... великий враг бесполезной роскоши...», «не имеет у саней своих более двух или трех слуг», «он чувствовал природное отвращение» к древней великокняжеской одежде или чрезмерно богатому убранству. Г.Ф.Бассевич: «Частная жизнь его отличалась необыкновенной простотой: вилка и нож с деревянным черенком, ... одежда, пригодная для занятий плотничною и другою работою...», «...ездил по городу в одноколке, имея одного денщика рядом с собой, другого, следующего позади верхом»[22].

Среди часто упоминаемых характеристик Петра I фигурировали его работа на верфях «как простого плотника» (Х.Гассман, И.Г.Фоккеродт) и необычайная простота в общении: участие в свадьбах, крестинах, похоро-

нах подданных, посещение их домов, «ибо, — как писал Ю.Юль, — царь любит, чтоб его постоянно звали в гости, порою ... является и сам, без приглашения, ... тут-то и представляется случай поболтать с ним о чем угодно...». Отмечая, что двор прежних царей был многочисленным и пышным, с множеством должностей, празднеств и церемоний, Ч.Уитворт противопоставлял ему двор Петра I. «Нынешний царь совершенно упразднил эти церемонии, — писал англичанин, — не учредив никакого другого двора... На любой церемонии царя сопровождают офицеры его армии и знать без какого-либо соблюдения рангов... Царь живет очень скромно... в Москве... не во дворце, а ...в маленьком деревянном домике в Преображенском. Не держит ни двора, ни выезда, ни чего-либо иного, отличающего его от простого офицера». Двор царя «чрезвычайно прост, — вторил Ф.В.Берхгольц, — почти вся свита состоит из нескольких денщиков..., из которых только немногие хороших фамилий»[23].

Итак, русский царь имел приятную наружность, был образован, деятелен, одевался просто и был прост в общении с людьми, отвергал многочисленные ритуалы царской жизни. За первые качества его ценили, за последние охотно извиняли, как извиняли и его противника Карла XII за солдатские привычки и быт.

Однако не все в образе жизни Петра Великого воспринималось положительно, были в ней и черты отрицательные. Прежде всего это относилось к царским развлечениям — «забавам» всешутейшего и всепьянейшего собора, неприемлемым с точки зрения европейских приличий. Последнее прекрасно чувствовал сам Петр и по возможности стремился скрыть от иностранцев развлечения своей компании. Так, рассказывая о московском славленье с участием «собора», Ю.Юль не случайно отметил, что его участники «не любят, чтоб к ним в это время приходили иностранцы и были свидетелями их времяпрепровождения»[24].

Впрочем, созданный иностранцами образ Петра-просветителя не только не пострадал от выходок собора, но более того, стереотип о Петре-воспитателе своих подданных еще и «помог» интерпретировать кощунственное поведение царя и его компании в приемлемом для Европы положительном свете. Собор был представлен в качестве насмешки над нравами русских, имевшей целью просвещение темного народа, а избрание в «патриархи» Н.М.Зотова почти единогласно было объявлено «шуткой» (Ю.Юль, Х.Ф.Вебер). По мнению Г.Ф.Бассевича, своими действиями царь «старался сделать смешным то, к чему хотел ослабить привязанность и уважение. ... Эксцентричность поведения, ... выставляемая на показ народа, ... приучала его вместе с тем и соединять с презрением к грязному разгулу и презрение к предрассудкам»[25].

В восприятии Петра I выходцами из Европы исключительную роль играла благосклонность царя к ним самим и их странам, а также факты влияния на русского монарха иностранцев. Это одна из тем, часто встречаемых на страницах записок о России. Как известно, отношение Петра I к иностранцам в зрелые годы носило практический характер. И если в 1702 г. им был издан манифест о призыве иностранцев на русскую службу, то в 1720-х гг. издавались указы об освидетельствовании профессиональных навыков иноземцев и высылке лиц, негодных к службе. Тем не менее, судя по мемуаристике, восприятие русского монарха находившимися в России иноземцами было сугубо положительным. Авторы мемуаров подчеркивали, что только благодаря Петру, его благосклонности они могли обосноваться и жить в России, высоко ценилось и расширение их прав на русской территории, сглаживание противоречий, возникавших при совместном проживании. В дневниках и воспоминаниях нередко встречаются брошенные мимоходом фразы такого содержания: «благодаря благосклонности царя, город полон немцев, находящихся на гражданской или военной

службе». Это писал об одном из поволжских городов Х.Гассман, подчеркивавший в другом месте, что Петр «очень любит немцев и голландцев». Закон о браках с иноверцами, по выражению Бассевича, «делал честь его составителю». Касаясь приглашения с Запада «искусных ремесленников», Х.Ф.Вебер подчеркивал, что царь предлагал «выгодные для них условия»[26].

Особый интерес у авторов мемуарных сочинений вызывала фигура Ф.Лефорта и время Немецкой слободы. Через много лет после смерти фаворита царя, они заносили в свои сочинения записи о том, что «царь высоко ценил все то, что рассказывал ему Лефорт об обычаях других народов, их военной дисциплине, могуществе и т.п.», что именно вследствие этого общения царь стал «искать» немецких офицеров для своей службы. Также помнили авторы записок и о роли выходцев с Запада в борьбе с Софьей и выдвигали свою версию о «намерении царя тверже укрепиться на своем престоле с помощью иностранцев, для чего призывал их более чем когда-либо прежде из всех стран света на всевозможные службы». Петр хорошо понимал, что «эта толпа пришельцев, будучи ненавидима и преследуема его подданными, тем самым побуждена будет держаться его и делить с ним счастье и несчастье»[27].

Представленный материал позволяет сделать некоторые наблюдения общего характера. В описании личности Петра I, его внутренней политики, образа жизни и поступков, черт характера непроизвольно проявились взгляды или ценностные ориентации самих авторов дневников и воспоминаний. В результате ими был создан положительный с точки зрения западных представлений образ царя-реформатора. На первое место в нем вышло описание проевропейских новшеств в области военного дела, экономики, торговли. Их появление в России единодушно предписывалось одной только воле Петра I. «Полезные перемены», «полезные предприятия» (И.Г.Фоккеродт),

«великие предприятия» (Х.Ф.Вебер) и т.п. – типичные оценки действий царя в этих областях и основа характеристики его как «великого» монарха.

Описания преобразований Петра в сфере просвещения, быта и нравов также положительны и имеют в основе некоторые общие западные представления о мире и западную шкалу ценностей. Именно ценностные ориентации определили круг явлений русской жизни и действий Петра I, вошедших в поле восприятия мемуаристов и сформировавших образ царя-преобразователя, а также стали основой оценок его личности и «деяний». Например, в «оценочной рамке» мемуаристов четко прослеживаются представления о просвещенном, цивилизованном Западе и варварской допетровской России, представления о невежестве «русской религии», а также полное отсутствие понимания того, что они находятся в стране, имеющей многовековую самобытную культуру. Эти и подобные им взгляды, являвшиеся установками сознания, предопределили положительное освещение позиции царя в вопросе привнесения в русское общество западного образования, воспитания, быта, а также благоприятное восприятие его церковной реформы в протестантском духе и протестантских веяний в вопросах религиозности.

На основе оценок многочисленных конкретных дел и высказываний Петра I уже в начале XVIII в., при жизни царя, сложились общие для европейцев темы и оценки-стереотипы его образа. По-видимому, общепризнанными стали характеристики Петра как «великого» монарха, как «просветителя» своего народа, представление о нем как борце с суевериями, стороннике Запада и покровителе европейцев. Общей чертой в восприятии царя стало утрированное противопоставление Петра I собственному народу, стране и религии (церкви, духовенству).

В западной мемуаристике 1710 – начала 1720-х г. присутствует описание событий конца XVII в. – борьбы Петра I с Софьей и той роли, которую сыграли в ней

иностранцы, увлечения молодого царя Немецкой слободой, влияния на него Ф.Лефорта (Х.Гассман, И.Г.Фоккеродт). Свидетелями этих событий мемуаристы начала XVIII в. не были и могли лишь слышать о них от своих соплеменников, живших в России. Следовательно, среди выходцев из Европы хорошо помнили историю «немецких» увлечений юности Петра и передавали ее из уст в уста. В то же время в сочинениях мемуаристов 1710-1720-х гг. практически нет сведений об эволюции отношения царя к Западу в последнее десятилетие его правления. Это позволяет предположить, что положительный образ Петра-западника в основных чертах сложился задолго до окончания его царствования, а затем приобрел самодовлеющий характер. На последнее указывает тот факт, что в ряде случаев при оценке действий царя, его роли и участия в тех или иных событиях непроизвольно вытеснялась или затушевывалась нежелательная, негативная, с точки зрения иностранных авторов, информация о «герое». Это, например, проявилось при оценке участия Петра в развлечениях «всешутейшего и всепьянейшего собора», в смещении акцентов относительно религиозности царя — на страницах дневников и мемуаров западноевропейских авторов он предстает как сторонник не православной религии, а некоего «очищенного» в протестантском духе христианства. Отбор «нужных» фактов, «работающих» на идеальный образ государя, произошел и в трактовке кончины царевича Алексея Петровича: писавшие об этом событии Х.Ф.Вебер и Г.Ф.Бассевич поддержали официальную версию смерти от апоплексического удара. Положительное восприятие «Петра-западника» и его прозападных реформ (то есть распространение «своего», «своих» форм жизни в «чужом» мире) оказывало настолько сильное воздействие на сознание европейцев, что фактически вытеснило страх перед появлением в Европе еще одного сильного государства. О возможных негативных для Европы послед-

ствиях модернизации России упомянул лишь один из авторов (Х.Гассман), тут же приписавший Петру несоответствующие действительности проголландские и прогерманские настроения.

И последнее. Вполне возможно, что при описании поведения царя мемуаристы исходили из неписанных правил западноевропейского этикета, в том числе международного, в соответствии с которым было неприлично «плохо» освещать поведение кого-либо из европейских монархов. Быть может, вследствие этого в ряде случаев у Ю.Юля, Х.Ф.Вебера, Ф.В.Берхгольца были нейтрально изложены действия царя, в то время как для воссоздания «недостойного» поведения царского окружения, столичного общества, простонародья эти авторы красок не жалели.

Так или иначе, но на страницах западноевропейских дневников и воспоминаний начала XVIII в. личность и деятельность Петра Великого описывались по определенным правилам, и в результате в «образе», в «легенде» о русском царе-преобразователе факты реальной жизни оказались соединены воедино с установками восприятия авторов-мемуаристов.

---

1 *Гассман Х.* Странствования Христофора Гассмана. Париж, 1971. С. 78; *Юль Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. 1709-1711. М., 1900. С. 94; *Вебер Х.Ф.* Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях // Русский архив. 1872. № 6. Стб. 1075, 1076; *Бассевич Г.Ф.* Записки графа Бассевича, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого. М., 1866. Стб. 135, 143.

2 *Гассман Х.* Указ. соч. С. 76, 78; *Бассевич Г.Ф.* Указ. соч. Стб. 81; *Уитворт Ч.* Россия в начале XVIII в. М.;Л., 1988. С. 73.

3 *Гассман Х.* Указ.соч. С. 49, 50, 67, 76, 77.

4 *Вебер Х.Ф.* Указ.соч. Стб. 1098-1099, 1102, 1103, 1117.

5 *Фоккеродт И.Г.* Россия при Петре Великом. М., 1874. С. 34, 41, 49, 50, 55-56, 59, 63-64 и др.

6 *Гассман Х.* Указ. соч. С. 79; *Вебер Х.Ф.* Указ. соч. Стб. 1109, 1145; *Фоккеродт И.Г.* Указ.соч. С. 114.

7 *Фоккеродт И.Г.* Указ. соч. С. 1.

8 *Гассман Х.* Указ. соч. С. 77-78; *Юль Ю.* Указ. соч. С. 94; *Вебер Х.Ф.* Указ. соч. № 9. Стб. 1696.

9 *Фоккеродт И.Г.* Указ. соч. С. 104-105.

10 *Гассман Х.* Указ. соч. С. 80.

11 *Юль Ю.* Указ. соч. С. 133, 166, 222; *Бассевич Г.Ф.* Указ. соч. С. 135; *Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца: В 4-х ч. М., 1902-1903. Ч. 1. С. 38, 57; *Фоккеродт И.Г.* Указ. соч. С. 5; *Майкова Т.С.* Петр I и православная церковь // Наука и религия. 1972. № 7. С. 38-46.

12 *Вебер Х.Ф.* Указ. соч. № 6. Стб. 1077, 1098.

13 *Гассман Х.* Указ. соч. С. 77-78; *Фоккеродт И.Г.* Указ. соч. С. 9, 71, 105; *Уитворт Ч.* Указ. соч. С. 73.

14 *Уитворт Ч.* Указ. соч. С. 71; *Фоккеродт И.Г.* Указ. соч. С. 28.

15 *Гассман Х.* Указ. соч. С. 79; *Фоккеродт И.Г.* Указ. соч. С. 28, 30.

16 *Гассман Х.* Указ. соч. С. 78-79.

17 *Фоккеродт И.Г.* Указ. соч. С. 28; *Бассевич Г.Ф.* Указ. соч. С. 69-70; *Вебер Х.Ф.* Указ. соч. №7. Стб. 1455-1456.

18 *Гассман Х.* Указ. соч. С. 25, 78.

19 *Юль Ю.* Указ. соч. С. 92; *Уитворт Ч.* Указ. соч. С. 73; *Вебер Х.Ф.* Указ. соч. № 9. Стб. 1693.

20 *Уитворт Ч.* Указ. соч. С. 74; *Вебер Х.Ф.* Указ. соч. Стб. 1694; *Фоккеродт И.Г.* Указ. соч. С. 102-103.

21 *Юль Ю.* Указ. соч. С. 116, 186; *Фоккеродт И.Г.* Указ. соч. С. 29; *Вебер Х.Ф.* Указ. соч. Стб. 1693-1694; *Гассман Х.* Указ. соч. С. 84.

22 *Бассевич Г.Ф.* Указ. соч. Стб. 103, 135; *Берхгольц Ф.В.* Указ. соч. Ч. 3. С. 95; *Юль Ю.* Указ. соч. С. 92, 100, 106; *Вебер Х.Ф.* Указ. соч. № 7, 9. Стб. 1444-1445, 1693.

23 *Гассман Х.* Указ. соч. С. 77; *Фоккеродт И.Г.* Указ. соч. С. 51; *Юль Ю.* Указ. соч. С. 180; *Уитворт Ч.* Указ. соч. С. 74-75; *Берхгольц Ф.В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 36.

24 *Юль Ю.* Указ. соч. С. 129.

25 Там же. С. 91; *Вебер Х.Ф.* Указ. соч. № 6. Стб. 1155; *Бассевич Г.Ф.* Указ. соч. Стб. 82, 85.

26 *Гассман Х.* Указ. соч. С. 44; *Бассевич Г.Ф.* Указ. соч. Стб. 107; *Вебер Х.Ф.* Указ. соч. Стб. 1105.

27 *Гассман Х.* Указ. соч. С. 76; *Вебер Х.Ф.* Указ. соч. Стб. 1110.

Балошина Н.Ю.

ПРОТЕСТАНТСКАЯ И КАТОЛИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Официальное появление науки и нового европейского образования в России традиционно связывается с именем Петра Великого, его реформами, направленными на то, чтобы страна могла стоять на одном уровне с государствами Западной Европы. Кипучая энергия Петра Великого, его огромное желание осуществить задуманное, а также частичная подготовка реформ, начатая еще в эпоху Алексея Михайловича, способствовали тому, чтобы преобразование России средневековой в Россию-империю проходило более или менее успешно. В своих устремлениях Петр I равнялся на наиболее развитые по тем временам страны Европы – Англию и Голландию, где в конце XVII – начале XVIII в. уже состоялся переход к капиталистическому строю, и была создана самая передовая для того времени экономика. Россия же в период правления царя-преобразователя стала классической феодальной страной, ибо именно к этому фактически вели все реформы Петра Великого. Попытки создать в России промышленность были ограничены и искажены тем, что в то время практически не существовало свободной рабочей силы, ее заменяла крепостная, которую прикрепляли к заводам точно так же, как к земле. Поэтому Россия смогла выйти только на уровень таких стран, как Испания, Италия, Греция, так как их экономика, и соответственно, политический строй, были схожи с российскими[1], но не смогла сравняться с наиболее передовыми европейскими державами. Это было связано с уровнем развития экономики страны.

После этой общей характеристики периода петровских реформ можно перейти непосредственно к интере-

сующим нас вопросам появления в России официальной науки и образования.

Петр I в детстве не получил того систематического образования, которое имели его старшие братья-царевичи. Его обучение в раннем детстве было прервано после смерти отца. Старших детей в семье Алексея Михайловича обучал известный украинский просветитель Симеон Полоцкий, причем он занимался не только с царевичами, но и со сводной сестрой Петра Софьей. В дальнейшем это оказало заметное влияние на их деятельность. Царевна Софья, став правительницей, явно под влиянием своего учителя демонстрировала увлечение Польшей. При дворе и в целом в российской культурной жизни усилилось влияние украинских и белорусских просветителей.

Отсутствие у Петра I систематического образования, с одной стороны, сыграло отрицательную роль, так как он всю свою дальнейшую жизнь был вынужден учиться и сам себя называл недоучкой. С другой стороны, это дало возможность Петру познакомиться с теми науками, которые никогда не были в России привычными — математикой, фортификацией и др., в то время как старшие братья и сестра в его семье изучали традиционный для России комплекс гуманитарных наук[2]. Интерес к практическим и естественнонаучным предметам укрепился у Петра под воздействием посещений Немецкой слободы в Москве и общения с жившими в ней иностранцами. Его первыми учителями стали Ф.Лефорт и Ф.Тиммерман, в дальнейшем сподвижники царя-преобразователя. Однако пытливая натура Петра Великого не могла удовлетвориться только общением с иностранцами, жившими в Москве. С 1697 г. Петр начинает посылать в Европу юношей для обучения тем специальностям, которых в России вообще до этого времени не было и в которых, по его замыслам, страна скоро будет нуждаться (например, морским специальностям). Всего за годы царствования Петра эту зарубежную выучку прошло около 700 чел.

Несмотря на сложную внутриполитическую ситуацию, сам Петр в 1697-1698 гг. отправляется вместе с «Великим посольством» по странам Европы. В то время как участники посольства решали дипломатические вопросы, Петр в основном занимался своим образованием. В Амстердаме он учился кораблестроению, навигации и астрономии; с удовольствием посещал музеи, лекции известного анатома Ф.Рюйша, госпиталь Св. Петра; в Лейдене осматривал университет и ботанический сад; в Дельфте присутствовал на опытах у Левенгука. Например, он установил партнерские контакты с Яном Тессингом, который впоследствии стал одним из европейских книгоиздателей, активно работавших для России. (Именно с ним в дальнейшем общался по вопросам перевода и поставки книг в Россию Илья Копиевич)[3].

Побывал Петр также и в Англии, где занимался осмотром музеев, фабрик и мастерских. Среди прочего он посетил Гринвич, Оксфорд и был на Монетном дворе, где ознакомился с новейшим способом чеканки монет по методу Ньютона. Возможно, что тогда состоялась встреча ученого и русского монарха[4]. Почти десятилетие спустя, в 1711 г., во время пребывания в Германии Петр познакомился с уже работавшим для России Лейбницем[5].

Во время пребывания Петра в Европе среди ученых в самом разгаре был спор между картезианцами и ньютонианцами. Его суть состояла в следующем: картезианцы, среди которых большинство составляли католики, полагали, что человек должен познавать мир через Бога и Божественное провидение. Возглавлял это направление Г.В.Лейбниц. Его философскими противниками были И.Ньютон и его сторонники, в основном протестанты, которые считали: Богу нужно оставить богово, а заниматься познанием природы можно самостоятельно[6]. Такое разделение в общем неудивительно, так как каждой ветви христианства больше соответствовал тот или иной философский принцип[7]. В основе этого спора лежало учение Френсиса Бэкона, который пер-

вым из философов обосновал соотношение естествознания и религии, научной и религиозной мысли, сумел вписать религиозную и научную мысль в общую схему развития системы познания.

Петр I был знаком с этими проблемами весьма поверхностно и поддерживал контакты с представителями и того, и другого направления. В основном же царя интересовал т.н. «кунсткамерный» вариант естествознания. Впрочем, влияние этого философского спора проявилось в 1710-х гг., когда Петр советовался с Лейбницем по вопросам создания Академии наук и по его рекомендации принимал в ее состав специалистов[8].

Кроме знакомств с учеными и посещения научных и учреждений культуры Петр I за границей много внимания уделял приобретению различных редкостей, которые впоследствии стали основой коллекции Кунсткамеры, книг и оборудования, переданных затем Морскому училищу. В результате знакомства с Европой у Петра I созрел план — создать в России научно-учебные центры, подобные университетам и академиям Западной Европы[9], к осуществлению которого Петр приступил почти сразу же после возвращения в Россию.

Учреждение Академии оказалось делом довольно долгим. Так как стране прежде всего требовались специалисты в области навигации и прикладной математики, то закономерным стало открытие в 1701 г. Навигацкой школы в Москве, а в 1715 г. — Морской академии в Петербурге. Для этих учебных заведений были сформированы библиотеки и созданы специальные учебные курсы. Через 15 лет после открытия Морской академии задача подготовки морских специалистов в России была полностью решена[10].

Первые учебные заведения стали важным, но не единственным фактором в развитии России. Уже в начале XVIII в. организовывались многочисленные экспедиции, изучавшие неизвестные географические регионы. Экспедиции отправлялись на Дальний Восток, на Камчатку, в

Среднюю Азию[11]. Кроме того в различных районах, в том числе на Кавказе, в Сибири, проводились масштабные исследования по изучению лекарственных растений. Большое внимание уделялось подготовке врачей, что продолжило работу в этом направлении, начатую еще при Алексее Михайловиче в Аптекарском приказе. В Москве были основаны госпиталь (1706-1707 гг.) и при нем школа, где изучалось аптекарское дело по всем правилам европейской медицины. Возглавлял школу голландец Николай Бидлоо. Так как для поступления в школу требовалось хорошее знание латыни, а этот предмет преподавался лучше всего в Славяно-Греко-Латинской академии, то и набирали учеников чаще всего оттуда[12].

Важным примером того, что в русском обществе постепенно происходило изменение в отношении к естественным наукам является открытие в 1714 г. первой публичной библиотеки, а в 1718-1719 гг. – Кунсткамеры.

Но все это были только отдельные моменты, приближавшие самое главное событие в истории науки в России начала XVIII в. – открытие Академии наук. Царь считал, что Академия наук в России должна отличаться от академий Европы: в ней должны были присутствовать естественнонаучные и гуманитарные дисциплины, но без философии и богословия. Отсутствие последних он мотивировал тем, что в России уже есть учебное заведение, которое занимается этими науками – Славяно-Греко-Латинская академия, а естественно-научные дисциплины отсутствовали вовсе; для заполнения этого вакуума и необходима Академия наук. Петр I консультировался по вопросам создания Академии со многими учеными Европы, но в первую очередь с Лейбницем, с которым поддерживал постоянную переписку.[13]

Лейбниц проявлял большой интерес к России, считая ее важным мостом между Европой и Азией, но он плохо знал реальные условия русской жизни, и это сказывалось на тех советах, которые немецкий ученый давал Петру

Великому в связи с созданием Академии наук. В это время Лейбниц боролся за создание научного общества в Германии и на российские проблемы смотрел сквозь европейскую призму. Многие его рекомендации в России применить было невозможно. Тем не менее советы этого крупного ученого и мыслителя не могли не сказаться как на подходе к делу самого Петра, так и на состоянии зарождающейся российской науки. Лейбницем был написан первый устав Академии (а точнее – его проект). Ему же принадлежала честь рекомендовать для работы в России почти всех первых ее членов[14].

При подготовке к созданию Академии было понятно, что русских научных кадров нет, поэтому необходимо было пригласить в Россию западных ученых, которые смогли бы поднять на европейский уровень новую российскую науку. Отбор кандидатов происходил самым тщательным образом. В нем принимал участие Петр I, российские послы в европейских государствах, со специальной инспекционной поездкой в Европу ездил Шумахер[15]. Приглашенные в Академию начали приезжать в Россию в 1724 г., а в 1725 г., уже после смерти Петра Великого состоялось официальное открытие Академии наук в Петербурге. В Академии наук преобладали естественнонаучные дисциплины, т.к. приглашенные ученые были в основном математиками, астрономами, химиками, физиками. Гуманитарные направления окончательно сформировались только к концу XVIII в. (до этого исследования проводились лишь эпизодически). Кстати, кроме Лейбница очень многих специалистов в российскую Академию наук рекомендовал другой известный немецкий ученый и философ Г.Вольф[16].

Итак, с 1725 г. в России существует официальная наука. Как на это реагировала самая образованная в то время часть России – Церковь?

Еще во времена церковной реформы Никона и раскола, когда четко и ясно было продемонстрировано, что

официальная церковь возвращается к «исконным» греческим истинам, стало понятно, что речь идет о полном отказе от естественнонаучных предметов. Неудивительно, что роль русской православной церкви в деле распространения в России естественных наук была незначительной. Более того, можно смело утверждать, что она была не просто незначительной, но и отрицательной, ибо шедшее с Запада чаще всего русской церковью отторгалось. Не были исключением и естественнонаучные предметы, а также католические и протестантские веяния в науке и образовании. (Кстати, эта позиция получила продолжение в XIX в., когда многие известные славянофилы – С.Т.Аксаков, А.С.Хомяков и др. – высказывали мысль о том, что «новой» России не нужны были еретические научные мысли Западной Европы, что она вполне бы обошлась исконно российской литературной и этической философией).

Тем не менее должны была существовать церковная идея, которая бы обеспечила принятие нововведений Петра Великого в области науки, ибо без идеологического обоснования в глазах русского общества они не выглядели бы убедительно. Роль идеологов в данном случае эффективно могли выполнить только деятели православной церкви – православные священники Украины и Белоруссии. О них и пойдет далее речь.

Как уже отмечалось, развитие украинской православной церкви значительно отличалось от пути развития православной церкви России. Это обусловило разницу в подходе ко многим вопросам, в том числе и к вопросам науки и образования. В украинском православии присутствовало влияние как католического, так и протестантского научно-образовательного направлений. Их рассмотрение представляется нам особенно важным.

Начать свои реформаторские шаги относительно и церкви, и сферы науки Петру было нелегко: нововведения вызывали неприязнь у исконно русских священнослужи-

телей. Поэтому царю казалось самым удобным привлечение для осуществления своих целей церковных деятелей с Украины, благо они тоже были православными и к тому же имели большой опыт взаимодействия с Европой.

Первым деятелем украинской православной церкви, проявившим себя на службе у Петра, стал Стефан Яворский (о его предшественнике Симеоне Полоцком упоминалось выше). Именно этому человеку Петр поручил место местоблюстителя патриаршего престола, что само по себе является показательным[17]. В первое время Стефан Яворский был очень удобен Петру I на этом высоком посту, но вскоре оказалось, что местоблюститель не желает заниматься церковными реформами, а стремится только к патриаршему чину. Кроме того выяснилось, что Стефан Яворский в глубине души стоит ближе к католичеству, чем к православию, что не могло устраивать Петра Великого. Более того, Стефан Яворский открыто демонстрировал свои взгляды, в том числе и благосклонность к католичеству. В довершение ко всему у рязанского митрополита обнаружилось непримиримое отношение к протестантизму, что совершенно не удовлетворяло царя. Вообще Петру Великому не всегда «везло» и со священниками — выходцами с Украины и Белоруссии. Например, Феофилакт Лопатинский, который поначалу был большим сторонником нововведений, в конечном счете оказался совсем иных взглядов (впоследствии это и привело к его падению)[18]. После отстранения Стефана Яворского от дел Петр стал более тщательно выбирать лиц из среды ученого украинского монашества. Он начал привлекать в себе людей, отторгающих латинство, но воспринимающих идеи протестантизма. Так в его жизнь прочно вошел Феофан Прокопович.

Жизнь Прокоповича была удивительно созвучна своей эпохе. Он родился в 1681 г. в семье киевского торговца, брат которого — дядя Феофана — был ректором Киево-Могилянской академии. Для получения должного об-

разования уже в молодые годы Прокопович блестяще овладел латинским языком и закончил Киево-Могилянскую академию. Затем он стажировался в Европе, стал там униатским монахом и даже одно время работал среди иезуитов, которые высоко оценили его способности[19]. Однако вернувшись на родину (1702), Прокопович сложил с себя узы униатства и полностью перешел на сторону реформационного богословия. В Академии он стал сначала профессором пиитики, затем вел курсы риторики, философии, высшего богословия, в которых в полной мере проявился его протестантский подход к религиозным догматам. Петр Великий заметил Прокоповича не сразу, хотя их пути пересеклись уже в 1707 г. Знаменательная встреча, которая привела к длительному и плодотворному сотрудничеству монарха и церковного деятеля, состоялась в 1709 г.

Чем же Феофан Прокопович был так важен для Петра I? Ответ здесь однозначен – киевский ученый стал идеологом всех преобразований царя, касающихся не только науки и культуры. С точки зрения столь любимой им «теории естественного права», Прокопович обосновывал все, что было необходимо Петру. Кстати, теорию «естественного права» он также заимствовал у протестантизма.

Прокопович всегда был приверженцем изучения естественнонаучных предметов, причем по значению ставил их на первое место по сравнению с науками гуманитарными. В отличие от Лейбница он хорошо знал российскую действительность, и поэтому его рекомендации всегда были ближе к жизни. Кстати, именно Феофан Прокопович исправлял проект Устава Академии наук, написанный Лейбницем. В Киево-Могилянской академии, где он преподавал в течение многих лет, Прокоповичу принадлежала инициатива введения в большом масштабе курсов натурфилософии (физики), естественной истории и других дисциплин, близких к естественнонаучным[20]. Более того, он сам писал труды по естественнонаучным

проблемам, многие из которых интересны до сих пор[21]. Феофан Прокопович не только входил в круг лиц (среди них был и Лейбниц), которые вместе с Петром I обсуждали создание в России Академии наук и иных учебно-научных заведений: он сам являлся одним из распространителей взглядов Лейбница в России. Ярким примером этого являются работы Прокоповича: «Натурфилософия, или физика», «Математика», «Начала этики», различные философские размышления[22]. В своих трудах он детально анализировал взгляды Лейбница на вопросы теории и сущности естествознания в целом, физики и математики в частности, отношение к науке, образованию и просвещению, философские вопросы теории познания. Помимо этого он пытался дать им оценку и показать возможность практического использования применительно к российской действительности. К сожалению, большая часть работ ученого до сих пор находится или в стадии изучения, или просто в полном забвении, что объясняется в основном незнанием исследователями тех языков, на которых написаны труды. Кроме того именно Прокопович теоретически, опять же с точки зрения «естественного права», обосновал и необходимость открытия Петербургской Академии наук, с теми чертами, которые отличали ее от западных академий, и вообще необходимость наличия в России естественнонаучных дисциплин и европейской системы естествознания. Доводы Прокоповича стали важным фактором, влиявшим на развитие науки в России, ибо без теоретического обоснования все петровские реформы по созданию в России официальной науки по образцу европейской не смотрелись бы так выигрышно[23].

Феофан Прокопович участвовал и в приглашении зарубежных ученых в Россию[24]. Некоторые разногласия он имел с Петром I относительно структуры новой Академии. Петр считал, что необходимо сразу открыть и академию, и школу, и университет при ней. Прокопович, на наш взгляд, вполне справедливо полагал, что при акаде-

мии нужно открыть только школу, набрав туда как можно больше народу, а с университетом подождать до тех пор, пока «Бог благословит отроческий дом сей, тогда из числа наученных в нем явятся изрядные учители, которые возмогут и великую академию учить и управлять»[25]. Из этой фразы видно, что Феофан действительно очень хорошо знал научно-образовательное состояние тогдашней России, но в данном случае, к сожалению, Петр I к нему не прислушался. (Кстати, подобный взгляд на исследуемый вопрос имел и один из иностранцев, находившийся в это время в России, – И.Г.Фоккеродт, который писал, что «в России науки не нужны, и еще долго не будут нужны без соответствующих на то предпосылок», но эти правильные, на наш взгляд, выводы остались без внимания по причине неуемного желания Петра Великого воплотить в жизнь свои планы)[26].

В работе Прокоповича есть и еще один очень важный для российской философско-богословской теоретической мысли аспект. Это – знаменитый заочный спор Стефана Яворского и Феофана Прокоповича относительно канонов веры, в котором оба автора выступали одновременно в качестве богословов, сановников Церкви и проповедников, но каждый со своей позиции: Яворский – с позиции католической схоластики, Прокопович – опираясь на сочетание положений православия и протестантизма. При этом последний для обоснования своего взгляда прибегнул к помощи постулатов Г.Лейбница. И если относительно соотношения православия и протестантизма, того, каких в действительности взглядов больше придерживался Прокопович еще можно поспорить, то в другом сомневаться не приходится. Как образно заметил Ю.Ф.Самарин в своей магистерской диссертации, посвященной богословскому спору двух иерархов, эта «дуэль» «решительный удар нанесла католицизму... и Церковь (православная – *Авт.*) торжествовала в этой борьбе»[27]. Действительно, данный спор окончательно поставил точ-

ку в вопросе долгой борьбы со средневековым католическим схоластическим мировосприятием и отрицательным отношением к науке и образованию в России. Последнее было безусловно положительным моментом, для развития науки и образования теперь появилась более свободная и надежная почва. Кроме того, данный спор привел к более широкому распространению идей и взглядов Г.Лейбница в России. Особенно важно, что это касалось церковно-богословской среды, что несомненно способствовало дальнейшему развитию просвещения.

---

1 Об этих обобщениях писали многие историки, например, Н.Г.Устрялов, А.Г.Брикнер, В.В.Мавродин, Е.В.Анисимов и др.

2 *Копелевич Ю.Х.* Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977. С. 18-19; *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. Л., 1989. С. 329.

3 *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. В 6-ти т. СПб., 1858-1863; *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. В 2-х т. СПб., 1862. Т. 1. С. 4, 10-16, 23-46.

4 *Boss V.* Newton and Russia. The Early Influence. 1698-1796. Cambridge (Mass.), 1972. P. 13-14. См. также: *Пекарский П.П.* Указ. соч. С. 48.

5 Письма Г.Лейбница Петру Великому до нашего времени не сохранились, но были опубликованы П.П.Пекарским. См.: *Пекарский П.П.* Указ. соч. С. 3, 511-513, 531-544.

6 См.: *Boss V.* Newton and Russia ... P. 16-23.

7 Этот спор оказал на научную мысль Европы огромное влияние. Он обсуждается и до сих пор, о чем свидетельствует зарубежная литература. По ней можно судить о том, что и в настоящее время немецкие историки полагают, что на российскую науку большее влияние оказал Лейбниц, а англо-американские — Ньютон. См. также: *Герье В.* Отношение Лейбница к России и Петру Великому по неизвестным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871.

8 *Копелевич Ю.Х.* Указ. соч. С. 21-22.

9 Об этом Петр сообщал в письме Г.Лейбницу. См.: *Герье В.* Указ. соч. С. 34-35; *Пекарский П.П.* Указ. соч. С. 533.

10 *Пекарский П.П.* Указ. соч. С. 56-123.

11 *Струве О.В.* Об услугах, оказанных Петром Великим математической географии России // Записки императорской Академии наук. Т. 21. СПб., 1872. С. 1019; *Бэр К.М.* Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний // За-

писки Русского географического общества. СПб., 1849. Кн. 3. С. 217-253; *Берг Л.С.* Очерки по истории русских географических открытий. М.;Л., 1949; *Лебедев Д.М.* География в России петровского времени. М.;Л., 1949; и др.

12 РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 123. Л. 1-12.

13 См.: *Герье В.* Указ. соч.; Сборник писем и материалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. СПб., 1873; *Пекарский П.П.* Указ. соч. С. 123.

14 Об этом подробнее см.: *Копелевич Ю.Х.* Указ. соч. С. 32-56; *Boss V.* Newton and Russia... P. 34-57. Тексты писем Лейбница, в которых описано его представление о будущей академии наук в России и о предметах, которые там следует изучать, опубликованы: *Пекарский П.П.* Указ. соч. С. 14-21.

15 Данные об этих поездках и результатах переговоров находятся в том числе в СПбФ ААН.

16 *Пекарский П.П.* Указ. соч. С. 33-39.

17 *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. В 2-х т. М., 1992. Т. 2. С. 331-332.

18 Там же. С. 333-342; *Лаппо-Данилевский А.С.* История русской общественной мысли и культуры. XVII-XVIII вв. М., 1990. С. 123-134.

19 См.: *Карташев А.В.* Указ. соч. С. 337; *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 56.

20 ЦНАУ. Ф. 120. Оп. 3. Д. 4. Л. 1-12; Д. 15. Л. 23-46 (лат.).

21 *Прокопович Ф.* Философские сочинения. В 3-х т. Киев, 1979-1981 (укр.яз.)

22 Там же. Т. 1-2.

23 *Карташев А.В.* Указ. соч. С. 340-344.

24 *Пекарский П.П.* Указ. соч. С. 143-156.

25 *Копелевич Ю.Х.* Указ. соч. С. 65.

26 *Фоккеродт И.Г.* Россия при Петре Великом. М., 1874. С. 102.

27 Сочинения Ю.Ф.Самарина. М., 1880. Т. 5. С. 462-463.

Артемова Е.Ю.

ФРАНЦУЗСКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ О МОСКВЕ. (Вторая половина XVIII – первая половина XIX века)

Сейчас, когда Москве восемь с половиной веков, интересно восстановить тот ее облик, который она имела, будучи лет на двести моложе. И сделать это, в частности, помогают иностранцы, посетившие Москву в то время и оставившие нам свои записки.

Среди множества трудов иностранцев о России свидетельства французских авторов занимают важное место. Между тем они известны исследователям в значительно меньшей мере, чем, скажем, записки англичан. Многие из них до сих пор не переведены на русский язык, некоторые переведены в отрывках, часть вообще не публиковалась.

Небезынтересно отметить, что французы «открыли» для себя Россию во многом благодаря французским философам-просветителям, и, открыв, начали ездить в эту необъятную северную страну и писать о ней. Несомненно пробуждению интереса французов к России способствовало появление труда Вольтера «История России при Петре Великом». Можно сказать, что именно эта книга повлекла многих французов на далекий север[1]. Именно на это время приходится появление во Франции значительного количества самых разнообразных сочинений о России. В XVIII в. наблюдается ощутимое оживление русско-французских культурных взаимоотношений.

Прогресс России во всех сферах жизни в XVIII в. вызвал повышение интереса к ней в Европе, который не угас и в дальнейшем. В первой половине XIX в. он более всего был обусловлен международным авторитетом России – одним из решающих факторов европейской политики.

В рассматриваемый период Россию посетило множество французов. Некоторые были проездом или очень незначительное время, другие провели здесь не один год. Среди них дипломаты Сегюр и Корберон, писатели Бернарден де Сен-Пьер и де Сталь, художники Лепренс и Виже-Лебрен, ученый-астроном Шапп д'Отрош и математик Жильбер Ромм, специалист по морскому делу Лескалье, военные (в частности участники наполеоновского похода, чьи дневники и воспоминания составляют самый большой цикл известий о России начала XIX в.)[2] и многие другие. Невозможно привести здесь полный список авторов, посетивших Россию в то время. В настоящей статье всех, кто побывал в России и оставил записки о своем пребывании, мы называем «путешественниками».

Иностранца, попавшего в новую для него страну, обычно интересует все, поэтому практически нет такой стороны жизни России того времени, которая не нашла бы отражения в записках.

Первое, что видел иностранец, приехавший в незнакомую ему страну, были города, селения, дороги и расположенные на них постоялые дворы. Особое внимание путешественников привлекали города как центры культурной жизни. Чаще всего именно с этого начиналось знакомство с чужой культурой. В.О.Ключевский придавал свидетельствам иностранцев о городах большое значение, так как «внешние явления, наружный порядок общественной жизни, ее материальная сторона — вот что с наибольшею полнотою и верностью мог описать посторонний наблюдатель»[3].

Многие путешественники, по справедливому замечанию одного из них, видели лишь Петербург и Москву. Как правило, иностранцы останавливались и жили в Петербурге, столице Российского государства, центре светской жизни страны, где находился царский двор, высшие правительственные учреждения. Поэтому естественно, что о Петербурге пишут все путешественники без исклю-

чения. В каждом сочинении о России есть также раздел, посвященный Москве, даже если автор был там только проездом. Москва продолжала сохранять роль столичного города (авторы записок, как и их русские современники, называют ее «второй столицей», «древней столицей» Российского государства). А в начале XIX в. интерес иностранцев к Москве как символу героического сопротивления наполеоновской агрессии еще больше вырос.

Путешественники часто сравнивали эти два города, игравшие в жизни империи исключительную роль. Большинство из них отмечали, что между Петербургом и Москвой имеются огромные различия – как во внешнем облике обеих столиц, так и в образе жизни их обитателей.

При всем разнообразии описаний Петербурга и Москвы многие авторы сходились в их общей оценке. По словам Фортиа де Пиля, Петербург – это «столица, напоминающая все остальные, где невозможно узнать русскую нацию даже во время длительного пребывания», а потому ему более подходит название «европейской колонии».

Следует заметить, что понятия «европейского» или «неевропейского» у западных путешественников имеют совершенно определённое значение. По общепринятому мнению, часть территории России до Урала не считалась органической частью Европы. Понятие «неевропейского» использовалось также для характеристики Восточной Германии и Польши. Изменение значения этих понятий произошло лишь к середине XIX в. Согласно этим представлениям, Петербург как исключение считался городом европейским, европейской столицей России. Но, пожалуй, никто из наших авторов не рассматривал Москву как европейский город. Она представала перед ними как старая русская столица, сохранившая свой самобытный облик, нетронутый, как они считали, европейским влиянием. На это мнение не повлияло и то, что во второй половине XVIII в. шла активная застройка Москвы новыми зданиями. Новые каменные и кирпичные здания

не сильно изменили облик в основном деревянного города. К тому же новые здания по прихоти их владельцев нередко располагались с грубыми нарушениями общегородских интересов. За взятки отводились места для застройки в любом месте города[4]. В результате архитектурный облик Москвы представлял собой, как пишут некоторые путешественники, «случайную смесь».

Все же путешественники отмечали и значительные перемены, происходившие в то время. Если во второй половине XVIII в. многие указывали на плохое состояние московских улиц, их несоответствие нуждам пешеходов, то в первой половине XIX в. уже описываются благоустроенные и красивые московские улицы.

Большинство домов московской знати строилось из дерева. Путешественники замечали, что русские вельможи большое значение придают внешнему виду жилищ и «в погоне за пышностью» часто «перегружают свои дома наличниками, пилястрами, колоннадами и пышным орнаментом»[5]. Исследователи давно отметили, что западным путешественникам более раннего периода (здесь — XVI в. — *Е.А.*), «привыкшим к каменным теснинам своих городов, русские города, здания которых были выстроены, как правило, из дерева, казались огромными»[6]. Замечания французских авторов XVIII-XIX вв. говорят о том, что подобное восприятие не претерпело существенных изменений с течением времени. «Огромные особняки» поражали и их. Как писал один из офицеров наполеоновской армии, «чудесные большие здания и дома, хотя и деревянные, они нам казались и громадными, и поразительно богатыми»[7].

Триумфальные ворота, придававшие своеобразие городскому облику, также привлекали внимание путешественников. Лескалье дал описание ворот, воздвигнутых в честь побед русского флота в войне с Турцией 1768-1774 гг.[8], а Тесби де Белькур — Красных ворот («триумфальная арка, на которой возвышается статуя императрицы Елизаветы»)[9].

Оценки Москвы обычно сопровождались размышлениями о смешении времен («встрече эпох»), традиций, стилей, переплетении «азиатского и европейского». И если, говоря о Петербурге, путешественники рассуждали о «европейских» и «неевропейских» элементах, прибегая к сравнению его с прочими европейскими столицами, то Москва представлялась им как нечто совсем незнакомое, не виданное ранее. Явлением другой культуры и даже, как выражались некоторые авторы, «другой эпохи».

Иностранцы воспринимали Москву как город особый, не похожий ни на один из европейских. В глаза им бросалась многоликость, контрасты, что нередко вызывало оценки такого типа: «Вид этого огромного города, обширная равнина, на которой он расположен, и его огромные размеры, тысячи золоченых церковных глав, пестрота колоколов, ослепляющих взор отблеском солнечных лучей, это смешение изб, богатых купеческих домов и великолепных палат многочисленных гордых бар, это кишащее население, представляющее собой самые противоположные нравы, различные века, варварство и образование, европейские общества и азиатские базары...». Такой увидел Москву де ля Туш, побывавший в ней в конце 80-х гг. XVIII в.[10] Подобное восприятие Москвы, встречающееся во многих записках западных путешественников, созвучно оценкам русских современников: «Странное смешение древнего и новейшего зодчества, нищеты и богатства, нравов европейских с нравами и обычаями восточными...». Это писал К.Н.Батюшков в начале XIX в.[11] Москва просто поражала иностранцев своей необычностью. Известная писательница Ж.де Сталь так высказывалась о Москве 1812 г. «Еще издали завидите вы золоченые купола московских церквей. Москва стоит среди равнины; ведь и вся Россия не что иное, как огромная равнина, и потому, подъезжая к большому городу, вы даже можете не заметить его обширности. Кто-то спра-

ведливо заметил, что Москва скорее деревня, нежели город. Все смешалось там: лачужки, дома, дворцы, базары, подобные восточным, церкви, общественные учреждения, пруды, рощи и парки. Вы найдете в этом огромном городе все разнообразие нравов и племен, составляющих Россию. Не желаете ли вы, говорили мне, купить кашемировую шаль в татарской части ? Видели вы Китай-город? Азия и Европа соединены в этом огромном городе. В нем живется свободнее, чем в Петербурге, где на все двор неизбежно кладет отпечаток. Знатные жители Москвы за местами, за положением не гонятся, но большими пожертвованиями доказывают свою любовь к отечеству: в мирное время они жертвуют на общественные учреждения, во время войны – на военные действия»[12].

Что же касалось московского дворянства, то, в отличие от петербургского, оно продолжало сохранять старинные русские традиции, и даже представители высших кругов не перешли на французский язык. Иной, отличный от петербургского, образ жизни московской знати также не ускользал от глаз наблюдательных путешественников. Корберон замечал, что в Москве «резче выражен национальный характер, а в Петербурге так много иностранцев, что коренные жители менее держатся своеобразия в образе жизни». Жители Петербурга показались ему более пустыми и более поверхностными[13]. Тесби де Белькур со ссылкой на находившихся в Москве соотечественников писал, что «Москва составляет город как бы независимый от всего государства, ибо в ней живут так же свободно, как в какой-нибудь республике; общество здесь прекрасное, за исключением нескольких лиц... Приезжие принимаются здесь чрезвычайно ласково. Под именем приезжих я подразумеваю не только чужестранцев, но и русских не уроженцев Москвы и ближних к ней мест»[14].

Виже-Лебрен отмечала, что менее многочисленное по сравнению с московским высшее общество Петербурга

представляет собой как бы одну семью. Здесь вся знать находится в родственных отношениях. В Москве же, где население больше, высшее общество многочисленнее, и потому на балах могут собираться до 6 тыс. чел., представляющих знатнейшие роды.

Фортиа де Пиль вообще считал, что «настоящая русская знать в Москве, а Петербург не дает представления об этих колоссах азиатского могущества». Это свое наблюдение он сопровождал заключением о том, что даже кратковременного пребывания в Москве может быть достаточно, чтобы увидеть «то, что скрыто под маской в Петербурге»[15]. «В столь обширном городе заключается настоящая русская нация, между тем как Петербург только резиденция двора»[16], – писал Рюльер.

Внимательному взору чужеземца легче было уловить разницу во внешнем облике городов, внешних сторонах жизни их обитателей, чем это мог делать коренной житель страны. Иностранец судил обо всем по свежим впечатлениям, тем интереснее для нас эти сопоставительные характеристики, встречающиеся почти у каждого автора сочинений.

Кроме описаний архитектурных памятников, в записках французов можно также найти упоминания о городских больницах, домах призрения, аптеках, книжных магазинах и других общественных зданиях. На первый взгляд ценность подобных свидетельств может показаться незначительной. Но на самом деле этот материал очень важен для исследователя истории русской культуры, так как он дает конкретное представление об уровне развития городской жизни и многих других сторонах культуры и быта страны, а также содержит мнения представителей другой культуры. Фортиа де Пиль в своих записках дал подробное описание Московского университета – его архитектуры, организационной структуры, порядка обучения, преподававшихся в нем предметов.

Значительно больше внимания в записках уделено различным школам. Некоторые путешественники даже побывали на занятиях в некоторых из них. Одновременно с обыкновенными школами, куда дети приходили на занятия из дома, существовали воспитательные дома. Там жили и получали образование дети, от которых отказались родители, доверяя их полностью государству. Воспитательные дома были и в Петербурге, и в Москве. С явным восхищением описывали путешественники организацию и порядок обучения в воспитательных домах, основу которого составляло соединение учебного процесса с производительным трудом. Фортиа де Пиль, посетивший Россию в 90-е гг. XVIII в., назвал московский приют, учрежденный в 1764 г., «одним из лучших в Европе»[17]. Интересно отметить, что 20 лет спустя эту оценку Форти де Пиля почти дословно повторил в своих записках лейб-хирург наполеоновской армии Ларрей и дал подробное описание архитектуры и устройства этого воспитательного дома[18].

Ларрей писал и о московских больницах, которые «сделали бы честь самой цивилизованной нации». Особенно высокую оценку он дал военным госпиталям, отметив, что «больницы гражданские менее примечательны. Четыре главные из них это — Шереметевская, Голицинская, Александровская и Воспитательный дом»[19].

Коммерсант Меэ де ля Туш посетил в Москве «коммерческую школу для купеческих детей, где давали общие знания в области торгового дела, а также обучали иностранным языкам и танцам»[20]. (Очевидно, автор имел в виду Коммерческое воспитательное училище, учрежденное в 1779 г. на средства, пожертвованные заводчиком П.А.Демидовым). Появившиеся к концу XVIII в. школы для «мужицких» детей также попали в поле зрения авторов записок. Предметом пристального внимания и критики французских путешественников было домашнее воспитание в дворянских семьях и соотечественники-учителя.

Москва тем временем продолжала сохранять свое значение старой столицы, оставаясь естественным центром страны. Ей была присуща большая национальная однородность, она продолжала выполнять функции крупного экономического центра страны, оставаясь «самым большим городом этой обширной страны»[21].

В этой связи примечательна высказанная однажды Екатериной II мысль, что на месте Петра она бы не стала делать Петербург резиденцией царской семьи, а предпочла бы Москву. Но, будучи сама неблагосклонно принята московским дворянством в самом начале своего царствования, Екатерина II Москву не любила, стараясь бывать там редко, останавливаясь главным образом проездом. Во время путешествия в Крым в 1787 г. Екатерина II пожаловалась австрийскому дипломату Де Линю на то, что в Москве ее не любят и она не пользуется там популярностью[22]. «Москва – столица безделья, – писала императрица в своих "Записках", – и ее чрезмерная величина всегда будет главной причиной этого. Я поставила себе за правило, когда бываю там, никогда ни за кем не посылать, потому что только на другой день получишь ответ, придет ли это лицо или нет; для одного визита проводят в карете целый день, и вот, следовательно, день потерян. Дворянству, которое собралось в этом месте, там нравится: это неудивительно; но с самой ранней молодости оно принимает там тон и приемы праздности и роскоши; оно изнеживается, всегда разъезжая в карете шестерней, и видит только жалкие вещи, способные расслабить самый замечательный гений. Кроме того, никогда народ не имел перед глазами больше предметов фанатизма, как чудотворные иконы на каждом шагу, церкви, попы, монастыри, богомольцы, нищие, бесполезные слуги в домах, – какие дома, какая грязь в домах, площади которых огромны, а дворы грязные болота. Обыкновенно каждый дворянин имеет в городе не дом, а маленькое имение»[23].

Некоторые авторы видели в Москве «убежище всех несправедливо обиженных дворян»[24]. Здесь, «в центре империи, управляющейся деспотически (что роднит ее более с азиатскими, чем с европейскими странами), нет более свободной, более республиканской земли, чем Москва»[25]. Такое сравнение Москвы с республикой явно не было случайным, оно говорит об известной свободе жизни в большом городе, за что Москву в то время и сами русские называли республикой.

Иностранные гости обращали свое внимание и на размер города. «Париж и Лондон, – писали Лескалье и Фортиа де Пиль, очевидно заглянув предварительно в справочные издания, – могут быть сравнимы с Москвой только по размеру занимаемой ими площади»[26]. Но не только масштабы города поражали посетителей, но и те огромные расстояния, между дворцами и домами современной архитектуры. Эти пространства часто заполнены были деревенскими строениями или целыми деревнями. Почти все путешественники при описании Москвы обращали внимание на смесь роскоши и простоты (часто – нищеты); каменные дворцы и храмы соседствуют с деревянными «хижинами». Фортиа де Пиль выражал это более резко: «контраст роскоши и нищеты, изобилия и бедности»[27], и он, пожалуй, близок к истине. Склонная к поэтизированию Виже-Лебрен писала: «Древняя и огромная столица России походит на Исфаган: многочисленные златоглавые соборы, украшенные огромными золотыми крестами, широкие улицы, огромные дворцы, находящиеся на таком расстоянии друг от друга, что их разделяют деревни»[28]. Это описание дополнял Белькур: «Нельзя лучше обрисовать картину Москвы, чем представить ее как скопление огромного числа деревень, соединенных в беспорядке, и таком смешении, что там чувствуешь себя как в обширном лабиринте. Огромные особняки, называемые дворцами, исполнены в стиле барокко. Эти дворцы окружены низкими жал-

кими домишками, которые, без сомнения, можно назвать лачугами»[29].

Москва поражала путешественников не только своими огромными просторами, но и бесчисленным множеством церквей, которых было, как гласит молва, «сорок сороков» (эту поговорку привели в своих книгах Виже Лебрен и Ромм[30]). Иностранцы отмечали необычность церквей, своеобразие которым придавали часовни, разноцветные купола, красные, зеленые, белой жести, позолоченные.... Считая русские церкви «слабой имитацией турецких храмов»[31], иностранцы продемонстрировали свое слабое знание культуры России. Подобное сравнение могло быть основано на чисто внешнем и весьма отдаленном сходстве православных храмов и турецких мечетей, их отличии от католических храмов Европы. Здесь мы имеем дело с широко распространенным в XVII-XIX вв. (и кое-где сохранившимся до наших дней) стереотипом восприятия иностранцами русской культуры.

Авторы записок справедливо считали, что для того, «чтобы составить какое-либо представление о Москве, необходимо ее видеть»[32]. И недели мало, чтобы узнать город по-настоящему, говорил Меэ де ля Туш и отсылал читателя к сочинениям других путешественников[33]. Правда, далеко не все авторы столь ответственны в своих обобщениях и оценках явлений русской жизни. Часто можно встретить скороспелые, безосновательные оценки и заключения,основывающиеся на некомпетентных источниках (таковы, в частности, сочинения о России, авторы которых, по свидетельствам самих путешественников, не выезжали за пределы Франции и «путешествовали» по России, не выходя из своих кабинетов).

Авторы многих записок отмечали бережное отношение русских к историческим памятникам. В Москве внимание путешественников прежде всего привлекал Кремль и его достопримечательности: Царь-колокол и Царь-пушка, сокровища и архивы соборов, Кремлевский

дворец. В каждом сочинении им посвящено не по одной странице. Лескалье, например, давая подробное описание Царь-колокола и рассказывая его историю, считал, что по сравнению с ним французский «Георгий Амбуазсский» (George d'Amboise) выглядит «не более, чем дверной колокольчик»[34]. Фортиа де Пиль также уделил много внимания этим объектам, приводя их размеры по У.Коксу*.

О Кремле каждый из путешественники писал по-своему: одни бегло, вскользь, другие обстоятельно, с историческими экскурсами. Фортиа де Пиль в своем «Путеводителе» дал подробный словесный план Кремля с описанием его соборов, митрополичьих палат, Царского дворца и проч. «С колокольни Ивана Великого, – писал он, – которая служит, пожалуй, единственным ориентиром в городе, где легко заблудиться, открывается чудесный вид: смесь дворцов, хижин, церквей с расписными и позолоченными куполами, извилистость Москвы-реки, красота окрестных деревень – все это производит такое впечатление, которое трудно выразить словами»[35]. По мнению Виже-Лебрен, «это производит фантастический эффект, который должен нравиться путешественникам»[36]. Так или иначе, но путешественников поражали контрасты, которые нельзя было не заметить.

Москва конца XVIII в. была городом чрезвычайно многолюдным и оживленным. По свидетельству Фортиа де Пиля, без сомнения изучившего статистические данные по Москве, население города летом составляло около 300-320 тыс. чел., а к зиме возрастало до 400 тыс., т.к. дворянство, проводившее лето в загородных домах, возвращалось в столицу[37]. Ромм определил население Москвы в 500 тыс.[38]

В «Новом полном географическом словаре Российского государства» (1788 г.) указывалось, что «в Москве,

---

* Уильям Кокс – известный английский историк и путешественник. Посетил Россию в 1778 г. и оставил записки об этом путешествии, которые были популярны у современников.

столь пространном городе, в летнее время бывает жителей около 300 000, а в зимнее, как в сию столицу из всей Российской империи съезжается великое множество дворян, из коих некоторые для исправления своих надобностей, а большей частию для препровождения времени в веселии и удовольствии, а купечество, как российское, так и чужестранное, для закупки товаров и торгу, приезжают, то бывает и около 400 000»[39]. «Некоторые кварталы особенностью своих построек указывали, какая народность их населяла, — так легко можно было отличить кварталы французский, китайский или индийский, немецкий», — писал Ларрей в 1812 г. [40]

Внимание путешественников привлекал большой оживленный московский рынок. В торговых рядах и в лавках можно было встретить людей всех званий и национальностей; «первые дамы не гнушаются делать самые простые покупки самостоятельно, не брезгуя посещать и так называемый яблочный ряд»[41]. Эта особенность быта московского дворянства была подмечена многими иностранцами, они отмечали большую простоту нравов московского дворянства, которое было свободней от тех великосветских условностей, которыми отличалась петербургская знать.

Отмечалось также, что Москва играет большую роль в жизни пригородов, где, по свидетельству многих путешественников, в избытке производится все, что нужно городу. По этому признаку Москву сравнивали с Парижем, который также был необходим мелким, окружавшим его, городам.

Записки французских путешественников — прежде всего живописные описания, своего рода увлекательные путеводители, а не научные труды. Поэтому содержащиеся в них оценки следует принимать с известными оговорками, помня и о праве авторов на субъективное мнение и о настроении в момент записи того или иного впечатления. Настроение, как известно, может зависеть от

множества причин, влияющих и на стиль изложения и на интерпретацию фактов. Нельзя забывать и о том, что на мнение авторов записок (особенно в XVIII в.) могли влиять авторитет французских просветителей, сведения о России, почерпнутые как в научных трудах, так и у предшественников, писавших в подобном жанре, а также политическая обстановка. Однако, было бы неверным считать, что записки путешественников необъективно отражают реальность. Следует исходить из того, что облик — это еще и отражение внутренней сути предмета и явления. Взгляд иностранца охватывал прежде всего необычное, то, что больше всего бросалось в глаза, обращало на себя внимание.

Москву невозможно было вместить в «прокрустово ложе» известных ранее стереотипов и готовых схем. Каждый видел ее по-своему. Личное знакомство с Москвой было событием. Этот необыкновенный город поражал, ошеломлял, потрясал иностранцев. Как уже говорилось выше, в записках французских авторов рассматриваемого времени, можно найти сведения и оценки, касавшиеся самых разных сторон жизни Москвы. Но о чем бы ни писали путешественники, они пытались понять, кто же такие русские, узнать их характер, их психологический настрой, т.е. постигнуть феномен русского национального характера. Знакомство с Москвой во всей ее многоликости и многообразии могло помочь в решении этого вопроса.

---

1 *Pingaud L.* Les precurseurs des etudes russe au XY111 siecle. Revue des etudes russes, 1899. Vol. 1. P. 48-53.

2 *Лимонов Ю.А.* Россия в западноевропейских сочинениях первой половины XIX в. // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. С. 8.

3 *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. Пг., 1918. С. 155.

4 *Краснобаев Б.И.* Русская культура второй половины XVIII — начала XIX в. М., 1983. С. 155.

5 *Lescalier D.* Voyage en Angleterre, en Russie et en Suede, fait en 1775 par D.Leskalier. Paris, 1799-1800. P. 85-86.

6 *Сахаров А.М.* Современники о средневековых городах России и стран Западной Европы // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 326.

7 Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. С. 185. См. также: *Thesby de Belkour Fr.A.* Relation, ou Journal d,un officier francais au servise de la Confederation de Pologne, pris par les Russes et relegue en Siberie. Amsterdam, 1776. P. 213.

8 *Lescallier D.* Op. Cit. P. 85-86.

9 *Thesby de Belcour.* Op. cit. P. 214.

10 Ibid.; *Chappe d'Auteroche.* Voyage en Siberie, fait par ordre du Roien 1761...A Paris, 1768. 2 vls. T. 1. P. 193.

11 *Батюшков К.Н.* Сочинения. М., 1955. С. 307.

12 1812 год. Баронесса де Сталь в России // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. С. 31.

13 *Corberon M.D.B. de.* Un diplomat francais a la cour de Catherine 11, 1755-1780. Journal intime du chevalier de Corberon, charge d,affaires de France en Russie. Paris, 1901. T. 1. P. 144.

14 *Thesby de Belcour.* Op. cit. P. 217-218.

15 *Fortia de Piles.* Voyage de deux Francais en Angletrre, Danemark, Suede, Russie et Pologne, fait 1790-1792. Paris, 1796. T. 3. P. 345.

16 *Рюльер К.-К.* История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Россия XVIII в. глазами иностранцев. С. 308.

17 *Fortia de Piles.* Op. cit. T. 3. P. 304.

18 Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. С. 189-190.

19 Там же. С. 189.

20 *Mehee de la Touche.* Memoires particilieres, extraits de la correspondance d'un voyageur avec Feu M.Caron de Beaumarchias sur la Pologne, la Lithuanie, la Russie Blanche, Petersbourg, Moscou, la Crimee... Paris, 1807. 2 vls. T. 2. P. 96.

21 *Saint-Priest F.E.G.*, comte de. Memoires. 2 vls. Paris, 1929. T. 2. P. 155.

22 *Charles-Joseph de Ligne.* Lettres et Pensees du marechal prince de Ligne, publiees par Mme la baronne de Stael Holstein, Paris, Geneve, Paschoud, 1809. Lettre IX.

23 Записки императрицы Екатерины II. М., 1989. С. 652.

24 *Saint – Priest.* Op. cit. T. 2. P. 116.

25 *Mehee de la Touche.* Op. cit. T. 2. P. 75.

26 *Lescallier.* Op. cit. P. 81; *Fortia de Piles.* Op. cit. T. 3. P. 270.

27 *Fortia de Piles.* Op. cit. T. 3. P. 275.

28 *Vigee-Lebrun E.L.* Souvenirs de ma vie. Paris, 1869. 2 vls. T. 2. P. 56.

29 *Thesby de Belkour.* Op. cit. P. 213.

30 *Romme.* Voyage de St.-Petersbourg a Moscou et de Nijni Novgorod a Kazan (1781) // РГАДА. Ф. 1273. Оп. 3. Д. 19.

31 *Lescallier.* Op. cit. P. 81.

32 *Vigee-Lebrun*. Op. cit. T. 2. P. 57.
33 *Mehee de la Touche*. Op. cit. T. 2. P. 74.
34 *Lescallier*. Op. cit. P. 84.
35 *Fortia de Piles*. Op. cit. T. 3. P. 278-296.
36 *Vigee-Lebrun*. Op. cit. T. 2. P. 58-59.
37 *Fortia de Piles*. Op. cit. T. 3. P. 276.
38 *Romme*. Op. cit. Л. 5.
39 Цит. по: *Краснобаев Б.И.* Указ. соч. С. 155.
40 Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. С. 188.
41 *Fortia de Piles*. Op. cit. T. 3. P. 276; *Vigee-Lebrun*. Op. cit. T. 2. P. 60.

Губина М.В.

ФРАНЦИЯ В ВОСПРИЯТИИ РУССКИХ ВОЕННЫХ: ЭВОЛЮЦИЯ СТЕРЕОТИПОВ (1814-1818 гг.)

Вследствие переноса военных действий против наполеоновских войск в 1813-1814 гг. на территорию западноевропейских государств русские военные получили возможность познакомиться с укладом жизни европейцев, в том числе и жителей французского государства. Более того, в 1815-1818 гг. на территории Франции располагался русский оккупационный корпус, возглавлявшийся графом М.С.Воронцовым, который Россия оставила там на правах державы-победительницы.

Непосредственное знакомство русских с культурой французского народа (в широком смысле этого понятия: быт, традиции, общение с представителями других культур и народов, отношение к политическим режимам и т.д.) произвело достаточно сильное впечатление на военных, которое они захотели сохранить для своих родных и потомков. Таким образом, источниками для исследования восприятия русскими военными французской действительности и особенностей данного процесса стали многочисленные материалы личного происхождения: мемуары, дневники, записки, письма. А.Г.Тартаковский, исследовавший эволюцию мемуарного жанра в русской литературной, художественно-публицистической традиции, сделал общий вывод о том, что эпоха 1812 г. (в это понятие входит и период заграничных походов 1813-1814 гг.) дала мощный толчок развитию отечественной мемуаристики[1].

Использованные источники в силу особенностей своего происхождения (их написание, вызванное желанием русских военных поделиться переполнявшими их впечатлениями, часто было спонтанным; многие авторы не со-

бирались их печатать, адресуя свои записки родственникам; значительная часть источников — дневники, письма — создавались почти одновременно с происходившими событиями, нашедшими в них свое отражение) предоставляют значительный материал для изучения познавательной деятельности субъекта и особенностей этого процесса.

В частности, в результате исследования материалов личного происхождения стало очевидным, что важным аспектом знакомства русских с современным французским обществом было то, что на их восприятие французской действительности оказали большое влияние стереотипные представления о Франции, широко распространенные в русском обществе в начале XIX в.

Увлечение русского дворянства французской культурой во многом обусловило формирование стереотипных представлений о Франции. Традиция искать в Западной Европе примеры для подражания во всем, от моды до приоритетов во внутренней политике, своими корнями уходит в XVIII в. В результате чего укрепилось вполне определенное стремление русского дворянства жить и воспитывать своих детей в традициях западно-европейской культуры, преимущественно французской. Во Франции все чаще видели пример общества и государства, чье устройство было приближено к идеалу. Русские дворяне знали французский язык, культуру и литературу, общались с французскими эмигрантами, многие из которых после Великой Французской революции 1789 г. жили в России. Таким образом, представляется вполне закономерным, что Франция была не только географической, но и психологической реальностью[2] в общественном сознании России в начале XIX в. в том смысле, что значительной части образованных русских казалось, что они знают о Франции все или почти все.

Источники свидетельствуют о том, что эта уверенность в собственной эрудиции (которую тоже можно считать стереотипом — стереотипом русских о самих себе) была

присуща большинству авторов: тем, у кого представление о Франции носило скорее позитивный характер («земной рай») и тем, у кого оно было окрашено в негативные тона («зараза мерзкой французской революции»).

Кроме того, своим вторжением на российскую землю, особенно поведением в Москве, французы вызвали враждебность к себе не только у простого русского народа. Достаточно явственно ее ощутили и дворяне, составлявшие большинство офицеров армии, в том числе авторы мемуаров. Таким образом, вполне закономерный интерес русских к Франции (как к иностранному государству с богатой историей) был подогрет желанием убедиться в справедливости собственных представлений об этой стране.

Исключительный интерес русских к французским реалиям в какой-то мере обусловил то торжественно-приподнятое настроение, которое царило в русских войсках в 1814 г. после пересечения Рейна (тогдашней франко-прусской границы). С первых же шагов по французской территории русские стремились дать возможно более полную картину всего увиденного, тем более что многие из них были разочарованы. Они поражались пустынности и необработанности земель, тяжелейшему существованию французской деревни из-за катастрофической нехватки рабочих рук и непомерных налогов. Мемуаристы были потрясены толпами нищих, бездомных и беженцев, «нападающих на кошелек и сердце прохожего... La belle France! Прелестная Франция – восклицают беспрестанно французы-учители. Вот земной рай!... Переезжаю за Рейн – и где votre belle France! где ваша прелестная Франция!»[3].

Таким образом, новые впечатления вызвали переосмысление одного из основных стереотипов о Франции – как об обществе и государстве, чье устройство приближено к идеалу. И те из русских современников, кто надеялся найти этому подтверждение, вынуждены были признать, что они наблюдают вполне реальную страну с са-

мыми тривиальными проблемами. А те, кто считал, что после 1789 г. Франция вступила в период регресса, нашли подтверждения своему мнению о «негодной Франции»[4].

Первоначальные представления о Франции во многом повлияли на восприятие русскими реальности. Например, для большинства источников характерны удивление по поводу слишком большого для понимания русского человека количества театров (в это понятие мемуаристы включают увеселительные заведения самого разного толка), а также стремление отметить наличие или отсутствие церквей в каждом населенном пункте, их внешний и внутренний декор и ухоженность.

Одни мемуаристы, осуждая вредное влияние театров, отвлекающих от регулярного посещения церквей, квалифицируют это как одно из симптоматичных последствий революции, свидетельствующих о регрессе французского общества.

Другие же оценивают положительно степень прогрессивности этого общества, предоставляющего гражданину право выбора: «Мне нравится то, что здесь для всякого свои занятия; например, в этот день (описание праздника Успения Пресвятой Богородицы в Париже – *Авт.*) обедня, процессия и театр в одно время: кому что нравится, тот туда и идет...»[5].

В источниках отразился также и процесс формирования новых стереотипов: о хороших дорогах, о «национальной привычке к неопрятности»[6]. Мемуаристы единодушно делают вывод о невежестве низших и средних слоев населения, поверхностность образования французской аристократии. Особенно разительным свидетельством этому были крайне скудные представления французов о России и населяющих ее «северных варварах».

Информативность записок о 1814 г. очень велика: от традиции французского народа пользоваться каминами и носить сабо до особенностей архитектуры, городской планировки. Это свидетельствует о том, что в период

следования русских от Рейна до Парижа в 1814 г. происходили процессы накопления новых впечатлений и сопоставления их с заранее имевшимися представлениями и ожиданиями. Дополнительными доказательствами этому также служат высокая степень эмоциональной насыщенности записок и частое отсутствие логики в повествованиях о 1814 г., что можно проиллюстрировать на примере выражения чувств искреннего удивления и разочарованности при виде бедности и разоренности населения страны, пережившей революцию и около 20 лет непрерывных внутренних и внешних войн.

Кульминацией складывания в сознании русских нового образа Франции, основанного как на трансформированных старых стереотипах, так и на новых впечатлениях, стало их пребывание в Париже. Именно в этот период русские осознали, что несоответствие французской действительности их ожиданиям вовсе не случайно, и не обусловлено только специфическими военными условиями.

Как уже отмечалось, многие авторы обращали внимание на многочисленные увеселительные заведения во Франции, предполагая склонность французов любого социального слоя к развлечениям и «трактирам», но именно в Париже, наблюдая попытки парижской толпы свергнуть статую Наполеона с Вандомской колонны на одноименной площади, они единодушно приходят к выводу о ветрености и непостоянстве, как отличительных характеристиках всего французского народа. Кстати, этот стереотип, сложившийся априори, — один из самых излюбленных у русских авторов и часто они испытывали удовлетворение, наблюдая то, что их ожидания подтверждаются реальностью именно в данном случае.

Еще во время движения по провинции русские мемуаристы отмечали те или иные проявления большей свободы французского общества по сравнению с русским. Но именно применительно к Парижу они приходят к выводу, что большая степень индивидуальной свободы

является реальной характеристикой гражданского общества во Франции. Этот вновь сформировавшийся стереотип является общим для всех мемуаристов. Но давая ему разную оценку, в зависимости от собственного мировоззрения (одни доказывают, что эта свобода расширяет права личности, другие же усматривают в ней лишь угрозу нравственности), русские мемуаристы акцентируют внимание на разных аспектах жизни французского общества (или гласность судопроизводства, или продажа порнографических изданий в Париже средь бела дня и т.п.).

К такому проявлению индивидуальной свободы, как возможности высказывать свои политические взгляды, все авторы отнеслись скептически. Эта «страсть к новостям», по их мнению, есть лишь дополнительное подтверждение представления о французах, как о «беззаботных и ветреных»[7].

Этот стереотип, единодушно признанный русскими, логично подводил их к размышлениям о непатриотичности французского народа, не организовавшего всенародное сопротивление войскам союзников. А поведение парижан, встретивших последних с нескрываемым интересом 19 марта 1814 г., становится почти классическим примером, приводившимся в доказательство непатриотичности французов, а также того, что Париж — это квинтэссенция настроений, чувств, духовной жизни всего французского народа (еще один новый стереотип). Обе характеристики оценены мемуаристами как недостатки французов, особенно в сравнении с поведением русского народа в 1812 г.

Вообще, сравнения с Россией — это общий постоянный фон, который присутствует буквально в каждом источнике личного происхождения. И это также является одним из свидетельств происходившего процесса переосмысления стереотипов. Одни мемуаристы, признающие во Франции идеал общества и государства, пытаются выяснить, чем она лучше отечества (ситуация в нем известна

лучше всего); другие, уверенные в регрессе французского общества после 1789 г., стремятся найти тому подтверждения и, значит, доказать правильность русской модели.

Информативность записей о французской столице в 1814 г. не ниже, чем таковых о провинции того же года. Пребывание в Париже было не только кульминацией процесса осмысления французской действительности, оно одновременно послужило его катализатором. Заранее имевшиеся у русских стереотипы подтверждались или трансформировались благодаря непосредственным впечатлениям, формировались новые стереотипы.

Почти противоположные трактовки обстоятельств въезда Бурбонов в Париж и реакции парижан на это событие русскими мемуаристами являет собой пример попытки подогнать наблюдаемую реальность под свои представления о политических настроениях парижан, или точнее — под собственное желание видеть у них вполне определенный настрой относительно Людовика XVIII. Одни пишут о том, что въезд королевской семьи сопровождался всеобщим торжеством и ликованием в Париже, а другие — о том, что парижане выразили куда больше радостных и восторженных чувств по поводу вхождения в город союзников, чем своих будущих правителей.

Конкретных стереотипов по этому поводу у русских сложиться не могло, так как политическая ситуация во Франции достаточно резко поменялась буквально накануне их вступления в Париж. Они сами участвовали в изменении этой ситуации. И, поэтому, у них могли быть только предположения по этому вопросу. Одни логически выводили из поражения Наполеона неизбежность возобладания роялистских настроений, другие, напротив, считали ослабление бонапартистских течений временным явлением — лишь на период пребывания войск союзников на территории Франции. И, конечно, большую роль в формировании собственного мнения русских на этот

счет играли их личные политические пристрастия, а также настроения тех парижан, с которыми они общались.

Итак, рушились или эволюционировали старые стереотипы, формировались новые; иногда мемуаристы пытаются представить действительность не такой, какой она была на самом деле, а такой, какой им хотелось бы ее видеть. Вообще источники о 1814 г. отличаются особой эмоциональностью, риторичностью, во многих из них сквозит разочарование. Это разочарование было вызвано не столько несовершенством реалий, сколько тем, что несовершенной оказалась реальная жизнь не где-нибудь, а во Франции. Ведь русские были почти уверены, что там должно быть не так, как везде. Разочаровались не в том, что нашли во Франции, а в том, что не смогли найти чего-то воображаемого. Сожалели о потерянных иллюзиях.

Несмотря на значительно большую временную протяженность периода с 1815 по 1818 г., материалы об одном 1814 г. намного полнее. Здесь необходимо оговориться, что речь идет не только о письмах и дневниках, но и о мемуарах. Да, многие из них написаны *после* событий 1814-1818 гг., но разница видна, между текстами о 1814 г. и о 1815-1818 гг. одного автора, и, особенно, между текстами мемуаристов, описавших только один 1814 г. и тех, кто был в оккупационном корпусе и описал также и 1815-1818 гг.

Записки о 1815-1818 гг. отличаются не только меньшей информативностью, но и более слабыми эмоциональной выраженностью и стремлением мемуаристов к обобщениям и выводам. Другими словами именно в 1814 г. сознание русских военных пережило своеобразную эмоциональную встряску, именно этот год стал тем моментом, когда поток новых впечатлений вызвал процесс переосмысления априори сложившихся представлений, заставил русских по-новому взглянуть на вещи, знакомые, казалось бы, с детства.

Вторичное вступление в пределы Франции, и в Париж в 1815 г. уже не воспринималось как экстраординарное событие и не вызвало той же бури эмоций. Для тех же, кто служил в оккупационном корпусе в 1815-1818 гг., воспоминания об этих трех годах затушевали всплеск эмоций 1814 года. Привыкнув к реальностям чужой страны, авторы все меньше уделяют внимания описанию ее особенностей, а скорее приводят все новые свидетельства высказывавшимся ими ранее мнениям и оценкам Франции, а часто, вообще, больше места уделяют рассказу о внутренней жизни в корпусе.

В 1815-1818 гг. процессы осмысления стереотипов и сопоставления их с действительностью развиваются по нисходящей. Этот период представляет собой заключительный этап в формировании новых представлений. Четко прослеживается изменение общего тона записок. Доминирует спокойное изложение фактов, описание ситуаций, констатация тенденций и закономерностей, намного меньше присутствует риторики. Русские офицеры больше не удивляются ни поведению и образу жизни французов, ни своим собственным о них представлениям, их соответствию или несоответствию.

В источниках отразились не только основные этапы процесса переосмысления действительности (нарастание – движение к Парижу в 1814 г., кульминация – пребывание в Париже, спад – пребывание на территории Франции в 1815-1818 гг.), но и его внутренний механизм.

Во-первых, формируется комплекс свежих впечатлений о созерцаемой действительности, что отразилось в самой разнообразной информации о современной ситуации во Франции.

Во-вторых, осуществляется сопоставление их с заранее имевшимися стереотипными представлениями. Этот этап отразился в источниках непосредственно через соответствующие лексические единицы («Я спрашивал, где та очаровательная Франция, о которой нам гувернеры

говорили...»[8]) или опосредованно, через выражение авторами своих эмоций: разочарование в случае несоответствия реальности априори сложившимся представлениям о ней («Ну! брат уж земелька хваленая Франция. Не стоит выеденова яйца»[9]) или удовлетворения в случае их совпадения.

В-третьих, происходит трансформация стереотипа, более или менее значительная – в зависимости от обстоятельств (объем новых впечатлений, степень их несоответствия старому стереотипу, уровень образования и интеллектуального развития автора).

Образ Франции и ее народа, сложившийся в сознании русских военных, был достаточно многогранным. Мемуаристы стремятся в своих записках указать и явные недостатки и столь же очевидные достоинства французской действительности.

В большинстве записок доминирует настроение разочарования, объективно заключавшееся в осознании того, что реальная жизнь во Франции далека от того идеала, который существовал в их воображении и отдельные подтверждения которому им удалось все же найти (прогрессивность французской государственности: гражданская свобода, гласность суда и т.п.) Другие же констатируют свою удовлетворенность в том, что на примере Франции убедились воочию в гибельности революционных потрясений для общества.

Важным итогом, общим для всех мемуаристов, был отказ от убежденности в том, что они, зная французский язык, литературу и искусство, представляют жизнь французского государства и народа. Многое в традициях, поведении и общем духе французов для них осталось непонятным. Таким образом, в сознании русских рухнул образ Франции, ранее представлявший собой своеобразную психологическую реальность.

Русские военные пересекали в 1814 г. границу Франции и Пруссии с заранее имевшимися у них представле-

ниями о Франции. Их интерес к этой стране, кроме того, усилился после известных событий 1812 г. Под влиянием потока новых впечатлений в их сознании начались процессы переосмысления стереотипов, которые отразились в исторических источниках личного происхождения. Изучение последних дает основание утверждать, что наиболее частыми результатами этих процессов можно назвать формирование комплекса новых стереотипов, а также трансформация старых (при наличии и более редких, о которых упоминалось выше).

Таким образом, опираясь на исторические источники, можно не только воспроизвести картину событий и исторических фактов или борьбу мнений современников. На материалах личного происхождения возможно также изучать более глубокие процессы формирования и развития сознания современников: у отдельного индивида, у определенного социального слоя и, наконец, у целого общества. Итак, изучение текстов неофициальных документов может способствовать решению многих проблем трактовки исторических явлений, в восприятии и оценке которых современниками значительную роль играли сложившиеся в тот период времени и в том обществе стереотипы и их эволюция.

---

1 *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 16.

2 Термин «психологическая реальность» был использован В.П.Шестаковым в контексте определения своеобразия образа США в сознании европейцев в XX веке. См.: *Шестаков В.П.* Русское открытие Америки // Россия и Запад: диалог культур. М., 1994. С. 74.

3 *Глинка Ф.Н.* Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции с подробным описанием Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. М., 1815-1816. Ч. 7. С. 118-119.

4 *Каховский М.И.* Записки генерала Каховского о походе во Францию в 1814 г. // Русская старина. 1914. Т. 157. № 3. С. 679-680.

5 Из частных писем русского офицера Вепрейского на родину // Русский архив. 1890. Кн. 3. № 11. С. 351.

6 *Радожицкий И.* Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год. Артиллерии подполковника И.Р. М., 1835. Ч. 3. С. 45.

7 *Маевский С.И.* Мой век или история генерала Маевского (1779–1848) // Русская старина. 1873. Т. 8. С. 287.

8 Записки Н.Н.Муравьева // Русский архив. 1886. Кн. I. С. 75.

9 Письмо кн. А.Щербатова от 28 февраля 1814 года // Щукинский сборник. Вып. 9. М., 1903. С. 189.

Фролова О.Е.

ВОСТОК И ЗАПАД В РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ТЕКСТЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

П.М.Бицилли в статье 1922 г. «Восток и Запад в истории Старого Света» строил свои рассуждения на трех основных оппозициях: а) «антагонизм Востока и Запада в Старом Свете может значить не только антагонизм Европы и Азии. У самого Запада имеются свой Восток и свой Запад (романо-германская Европа и Византия, потом Русь) и это же применимо к Востоку»; б) «борьбой двух начал история Старого Света не исчерпывается: слишком уж много в нашем распоряжении также и общих, а не борющихся начал»; в) «концепции истории Старого Света, как истории дуэли Запада и Востока, может быть противопоставлена концепция взаимодействия центра и окраин»[1].

В художественной литературе отразилось представление о мире и о других странах, присущее русской культуре. Художественный текст отражает реальность не прямо. Литература не фиксирует точно закономерности исторического процесса, а создает аналог мифологического понимания мира. И если культура признает некоторые тексты вершинными или классическими, то формулировки, данные в них, также признаются в высшей степени авторитетными и служат своеобразным метаязыком для описания более поздних явлений.

Наша задача – проанализировать, каким образом представлены Восток и Запад в русской повествовательной художественной прозе первой половины XIX в. на материале художественных текстов А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова и Н.В.Гоголя[2].

Реализация понятий «Восток/Запад» в художественном тексте происходит на нескольких уровнях: во-первых, на уровне организации и конструирования художе-

ственного пространства литературного произведения; во-вторых, на уровне персонажей произведения; в-третьих, на уровне восприятия и оценки.

Конструирование и обустраивание художественного пространства зависит от нескольких обстоятельств: локализации сюжета, выбора места для кульминационных событий и «выноса» некоторых событий за пределы сюжетного действия.

Уровень организации и конструирования художественного пространства русской прозы первой половины XIX в. отражает и реальную, и «литературную» действительность. Действие в повествовательных художественных текстах первой половины XIX в. разворачивается в вымышленном пространстве, которое создано как преобразованное реальное. В художественное, названное реальными топонимами, пространство «встраиваются» вымышленные локусы: Белогорская крепость («Капитанская дочка»), деревни и поместья цикла «Повести Белкина», романа «Дубровский» и поэмы «Мертвые души» (Жадрино, Ненарадово, Горюхино, Кистиневка, Покровское, Маниловка, город NN), хутора в цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки». Очевидно, что масштаб собственно литературной географии не соразмерим с реальными топонимами – Петербург, Москва, Казань, Оренбург, Париж, Рим, которые служат ориентирами в художественном пространстве русской прозы первой половины XIX в. Большинство литературных топонимов расположено на российской территории. Несоразмеримость масштабов литературной, вымышленной географии и реальных топонимов, включенных в художественный текст, подчиняет и собственно литературную географию, также ориентированную по сторонам света Восток/Запад.

Что касается организации пространства русской художественной прозы первой половины XIX в., сфера референции выглядит следующим образом: Франция – «Арап Петра Великого», «Пиковая дама»; Италия – «Рим»; Польша –

«Княгиня Лиговская», «Тарас Бульба», «Страшная месть»; Турция – «Кирджали», «Ашик-Кериб»; Россия (Украина, Кавказ) – «Арап Петра Великого», «Повести Белкина», «Рославлев», «Дубровский», «Пиковая дама», «Египетские ночи», «Капитанская дочка», «Вадим», «Княгиня Лиговская», «Я хочу рассказать вам...», «Герой нашего времени», «Штосс», «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Старосветские помещики», «Тарас Бульба», «Вий», «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Невский проспект», «Нос», «Портрет», «Шинель», «Коляска», «Записки сумасшедшего», «Мертвые души».

Как видно из приведенного выше списка, действие большинства художественных текстов первой половины XIX в. происходит в России. В этой зоне также существует центр (Петербург, Москва) и периферия (провинция средней полосы, Кавказ).

Из перечисленных выделяются два произведения: в незаконченной повести «Рим» действие происходит в Италии и Франции; в сказке «Ашик-Кериб» – в Турции. «Ашик-Кериб» – уникальное произведение и в жанровом отношении: единственная прозаическая сказка в наследии А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова и Н.В.Гоголя. Действие нескольких произведений вынесено в пограничную зону Российской империи: «Кирджали», «Герой нашего времени», «Тарас Бульба».

В нескольких произведениях перемещение героя за российские границы вынесено за пределы сюжетного действия: смерть Сильвио в Греции («Выстрел»); пребывание Бурмина во Франции во время войны 1812 г. («Метель»), путешествие Лугина по Италии («Штосс»).

Западная зона в художественных текстах охвачена шире (Франция, Италия, Польша), чем восточная, и представлена в двух направлениях: собственно западном и юго-западном. Восточная зона смещена к югу и более разработана, хотя и сосредоточена на более компактной территории (Кавказ, Турция). В первой половине XIX в.

в русской прозе Восток предстает как южно-восточная граница России и сопредельные с ней территории.

На уровне персонажей художественного текста также реализуются понятия Восток/Запад, которые становятся относительными и определяются по отношению к *своему/чужому*. Эта оппозиция, по-видимому, является одной из самых ранних в формировании этнокультурных общностей[3]. По выражению Б.Ф.Поршнева, между *своим* и *чужим* существует «этническое отталкивание»[4]. Реализация данной оппозиции по отношению к концептам Восток/Запад в русской художественной прозе первой половины XIX в. приводит к образованию двух пар оппозиций: Запад/Россия и Восток/Россия. При этом *свое* ассоциируется с понятием *норма*, принадлежащее иной культуре, как правило, мыслится как *отклонение от нормы*.

На уровне персонажей можно говорить о четырех типах ситуаций: 1) *чужой среди нас*, 2) *я среди чужих*, 3) *я среди чужих и своих*, 4) *чужой среди нас и своих*. В последних двух случаях мы говорим о разнонациональном окружении. Разумеется, нельзя абстрагироваться от социального статуса персонажа и его роли в сюжете художественного текста. Первая ситуация, *чужой среди нас*, встречается наиболее часто. Она и будет нас интересовать. Как правило, носителями иного, непривычного для России образа жизни становятся персонажи-иностранцы, выходцы из других стран, россияне, проведшие некоторое время за границей и следующие европейской моде: Арап, Корсаков*, Петр*, Густав Адамович («Арап Петра Великого»), Сильвио (?)[5] («Выстрел»), Муромский*, мисс Жаксон («Барышня-крестьянка»), Кирджали («Кирджали»), импровизатор-итальянец («Египетские ночи»), Сен-Жермен, Германн («Пиковая дама»), Бопре («Капитанская дочка»), m-me де Сталь и Синекур («Рославлев»), Дефорж («Дубровский»), княгиня Рожа Острож-

* Персонажи, которые не являются иностранцами.

ска, Красинский (?) («Княгиня Лиговская»), Ашик-Кериб («Ашик-Кериб»), Бэла, Азамат, Казбич, князь, Янко (?), Вулич («Герой нашего времени»), цыган (?) («Сорочинская ярмарка»), Басаврюк (?) («Вечер накануне Ивана Купала», колдун – отец Катерины («Страшная месть»), панночка и Андрий («Тарас Бульба»), Гофман, Шиллер, блондинка («Невский проспект»), ростовщик («Портрет»), Скудронжогло/Костанжогло (?) («Мертвые души»). По замечаниям пушкинистов, таких персонажей в художественной прозе Пушкина особенно много.

Ситуация *я среди чужих* встречается реже: Ганнибал в Париже («Арап Петра Великого»), повествователь, Печорин и Максим Максимыч в ауле («Герой нашего времени»); Тарас Бульба в Варшаве («Тарас Бульба»), князь («Рим»).

Третья и четвертая ситуации в русской художественной прозе первой половины XIX в. крайне редки: нерусский в разнонациональном окружении – Кирджали на границе («Кирджали»).

Определение, восприятие и оценка понятий Запад/Восток зависят также от позиции смотрящего, т.е. от точки зрения. В художественном тексте способ выражения связан с субъектами речи произведения, т.е. ведется ли речь от первого или третьего лица единственного числа. Носителями точки зрения могут быть автор и персонаж. Их оценки могут совпадать и/или расходиться. А в ситуации оценивания присутствуют три фактора: субъект, объект и критерий. Здесь важны следующие позиции: открытость/закрытость самой способности восприятия в художественном тексте и избирательность восприятия. Способностью воспринимать и оценивать свое поведение по отношению к инокультурному окружению могут быть наделены не все персонажи. В ситуации *я среди чужих* повествователь в «Бэле», главным образом, обращает внимание на необычный ландшафт. Максим Максимыч, например, даже будучи знаком с особенностями бытового поведения и традиций горцев, воспринимает их не

только с позиций русского, но с позиции носителя нормы. (Максим Максимыч: «Преглупый народ... Поверите ли, ничего не умеют, не способны ни к какому образованию!». Вопрос повествователя о Бэле: «В самом ли деле он приучил ее к себе, или она зачахла в неволе, с тоски по родине?». Ответ Максима Максимыча: «...Из крепости видны были те же горы, что из аула, а этим дикарям больше ничего не надобно»)[6].

В этом смысле представляется уникальным текстом «Рим», т.к. в нем от третьего лица описывается восприятие героем родной и незнакомой страны в сопоставлении. Объектами восприятия являются природные и социальные факторы: особенности ландшафта, градостроения, архитектуры, образ жизни населения, бытовое поведение, привычки, т.е. некий присущий этнической общности стереотип, реализующийся на разных уровнях. Гоголь выстраивает оппозицию Париж/Рим, в которой Париж оценивается героем отрицательно, а Рим – положительно.

Вернемся к ситуации *чужой среди нас*, когда в русском окружении появляется человек, или сам ощущающий свою чужеродность, или опознаваемый русскими как представитель иной культуры.

Выделим критерии, на основании которых возможно опознание чужого. Итак, *чужой среди нас* опознается по иным стереотипам поведения: на невербальном уровне по костюму, бытовому и социальному поведению, питанию, а на вербальном – по нерусскому имени, по речевому поведению, не соответствующему привычным нормам, иностранному языку, который для героя является родным, недостаточному владению родным языком окружения, который для него является иностранным.

Можно говорить о нескольких группах персонажей, представленных в русской прозе первой половины XIX в., которые воспринимаются окружающими или как чужие, или как не свои: во-первых, дворяне, получившие в Европе образование и возвращающиеся в Россию –

Корсаков («Арап Петра Великого»); во-вторых, выходцы из европейских стран, перешедшие на службу российскому императору – Сильвио («Выстрел»), Германн («Пиковая дама»), Красинский (?) («Княгиня Лиговская»), Вулич («Фаталист»), Скудронжогло/Костанжогло (?) («Мертвые души»); в-третьих, россияне, следующие европейской моде – Муромский («Барышня-крестьянка»), Кошкарев («Мертвые души»); в-четвертых, французская знать – Синекур («Рославлев»); в-пятых, приезжающие из Европы представители творческих профессий (писатели, художники, музыканты) – Сталь («Рославлев»), импровизатор («Египетские ночи»); в-шестых, ремесленники – Гофман, Мюллер («Невский проспект»); в-седьмых, гувернеры и гувернантки – Жаксон («Барышня-крестьянка»), Бопре («Капитанская дочка»), Деформ («Дубровский»), Густав Адамович («Арап Петра Великого»).

Корсаков, проведший несколько лет за границей, откровенно признается: «Я в Петербурге совершенный иностранец, во время шестилетнего отсутствия я вовсе позабыл здешние обыкновения...». Сам герой выделяет себя из окружающих по костюму: «государь... посмотрел на меня с головы до ног и, вероятно, был приятно поражен вкусом и щегольством моего наряда...». Петр, однако, воспринимает стиль и богатство костюма своего подданного по-другому: «Послушай, Корсаков, штаны-то на тебе бархатные, каких и я не ношу, а я тебя гораздо богаче. Это мотовство...»[7].

Неоднозначна фигура Ибрагима в смысле ориентации Восток/Запад: с одной стороны, по выражению Татьяны Афанасьевны Ржевской, он – «черный дьявол», по словам Гаврилы Ржевского – «сын арапского салтана», а с другой, – один из тех, кто, как говорит близкий Ржевским Лыков, «воротился из неметчины на святую Русь скоморохом..., научился болтать бог весть на каком наречии, не почитать старших да волочиться за чужими же-

нами». Петр прямо говорит своему крестнику: «Ты человек одинокий, без роду, без племени, чужой для всех, кроме одного меня»[8]. Можно сказать, что Ибрагим одновременно принадлежит и Востоку и Западу.

Образование, полученное за границей, может изменить мировосприятие человека. Образ жизни, к которому русский дворянин привыкает в Европе, он переносит и в Россию, что сразу делает персонажа непохожим на окружающих и в каком-то смысле чужим для своих.

Неоднозначен еще один персонаж незаконченного романа – Петр. Для приехавшего из Парижа Корсакова он не слишком галантен, одет не подобающим императору образом, а с точки зрения Ржевских – не следует русским и вводит западные обычаи, дает слишком много свободы женщине. Корсаков характеризует Петра так: «государь престранный человек; вообрази, что я застал его в какой-то холстяной фуфайке, на мачте нового корабля, куда принужден я был карабкаться с моими депешами. Я стоял на веревочной лестнице и не имел довольно места, чтоб сделать приличный реверанс...». Для круга Ржевских неприемлем новый образ жизни, насаждаемый Петром: Кирила Петрович говорит: «Жены позабыли слово апостольское: жена да убоится своего мужа; хлопочут не о хозяйстве, а об обновах»; с ним соглашается и Гаврила Афанасьевич: «Ассамблеи... мне не по нраву: того и гляди, что на пьяного натолкнешься, аль и самого на смех пьяным напоят...». Предметом насмешек крепостной Ржевских становится новый для России этикет и французский язык: «Дура Екимовна схватила крышку с одного блюда, взяла под мышку будто шляпу и начала кривляться, шаркать и кланяться во все стороны, приговаривая: «мусье... мамзель... ассамблея... пардон»[9].

Парадоксально, но в «Арапе Петра Великого» претензии друг к другу сторонников западной линии и российских традиционалистов в некоторых позициях совпадают: Запад ассоциируется с праздностью, внешним блеском.

Главное расхождение между сторонниками прозападной и русской традиционной линиями – в определении меры личной свободы. Показателен диалог между Петром и Ибрагимом о будущей женитьбе Арапа: «если б имел в виду жениться, то согласятся ли молодая девушка и ее родственники? моя наружность...» – говорит Ибрагим; ответ Петра краток: «Молодая девушка должна повиноваться воле родителей, а посмотрим, что скажет старый Гаврила Ржевский, когда я сам буду твоим сватом?»[10]. Парадоксально, но слова Петра перекликаются с высказываниями Ржевского.

Действие незаконченного романа происходит в Петербурге, который воспринимается персонажами неоднозначно: для Корсакова это – провинция, «варварский Петербург», а для Ржевских – средоточие модных европейских нововведений. Для Ибрагима петербургский двор ассоциируется с «суровой простотой», а Париж – с «рассеяньем» и «блестящими забавами»[11].

Несмотря на то, что в XVIII – начале XIX в. русское общество активно заимствует европейские бытовые и культурные традиции, русский художественный прозаический текст отражает лишь отдельные случаи подражательства, оценивая их отрицательно. Возможно, причина негативной оценки – в чрезмерности следования европейской моде, нарушении чувства меры.

Сложные исторические процессы конца XVIII – начала XIX в. в Европе и России (Великая французская революция, демографические изменения) привели к эмиграции в Россию выходцев из разных европейских стран и расширению культурных контактов. Художественная литература первой половины XIX в. косвенно отразило эти процессы.

Приезд m-me де Сталь в Москву в незаконченном произведении «Рославлев» воспринят персонажами неоднозначно. «Мужчины и дамы съезжались поглазеть на нее и были по большей части недовольны ею. Они виде-

ли в ней пятидесятилетнюю толстую бабу, одетую не по летам. Тон ее не понравился, речи показались слишком длинны, а рукава слишком коротки». По словам Полины, де Сталь увидела в Москве «тупые лица и тупую важность», писательница не встретила «ни одной мысли, ни одного замечательного слова...»[12].

Встреча Чарского и импровизатора в «Египетских ночах» происходит так: «Незнакомец вошел. Он был высокого росту – худощав и казался лет тридцати. Черты смуглого его лица... желто-смуглые щеки, обличали в нем иностранца. На нем был черный фрак, побелевший уже по швам; панталоны летние (хотя на дворе стояла уже глубокая осень); под истертым черным галстуком на желтоватой манишке блестел фальшивый алмаз; шершавая шляпа, казалось, видала и ведро и ненастье»[13].

Приезжая в Россию, незнатные иностранцы поступали как правило на службу в богатые дворянские дома и становились гувернерами и гувернантками. В прозаических текстах первой половины XIX в. эти персонажи являются второстепенными, характеристики их лаконичны и чаще всего отрицательны: француз Бопре – пьяница («Капитанская дочка»), мисс Жаксон – чопорная англичанка («Барышня-крестьянка»), истинный Деформ собирался быть кондитером и приехал в Россию по рекомендации своего друга повара («Дубровский»). Фигура Густава Адамовича не разработана («Арап Петра Великого»). Причем в первой половине XIX в. в художественной прозе никак не акцентируется роль иностранных гувернеров как учителей и педагогов русских дворянских детей, скорее наоборот. Русская проза иронически отражает это явление – во многих случаях образовательный и интеллектуальный уровень иностранных гувернеров не позволял им быть педагогами. Часто им просто нечему учить своих воспитанников. Может быть, именно здесь причина того, что для России первой половины XIX в. неприемлемо буквальное следо-

вание европейской моде в костюме, здесь также не приживаются западные способы хозяйствования.

Тем не менее желание устроить жизнь по западной модели в начале XIX в. характерно для многих персонажей русской прозы. В случае с Корсаковым – комично его следование моде.

На несовпадении взглядов на ведение хозяйства построено противопоставление англомании Муромского и традиционализма Берестова в повести «Барышня-крестьянка». Первый «развел... английский сад, на который тратил почти все остальные доходы. Конюхи его были одеты английскими жокеями. У дочери его была мадам англичанка. Поля свои обрабатывал он по английской методе». Что касается Берестова, «ненависть к нововведениям была отличительная черта его характера»[14].

Во 2-м томе «Мертвых душ» воспринимаются как авторская ирония слова, принадлежащие полковнику Кошкареву: «Одеть всех до одного в России, как ходят в Германии. Ничего больше, как только это, и я вам ручаюсь, что все пойдет как по маслу: науки возвысятся, торговля подымется, золотой век настанет в России»[15]. Пушкинская позиция выражена в стихотворной строке, приведенной в «Барышне-крестьянке»: «Но на чужой манер хлеб русский не родится»[16].

Часто иностранцев привлекает в Россию возможность заработать. Это обстоятельство объединяет многих персонажей. «Итальянец... обнаружил такую дикую жадность, такую простодушную любовь к прибыли, что он опротивел Чарскому, который поспешил его оставить, чтобы не совсем утратить чувство восхищения, произведенное в нем блестящим импровизаторством» («Египетские ночи»)[17]. Подобным образом Гоголь характеризует немцев-ремесленников в «Невском проспекте»: «Шиллер был совершенный немец, в полном смысле всего этого слова. Еще с двадцатилетнего возраста, с того счастливого времени, в которое русский живет на фу-фу,

уже Шиллер размерил всю свою жизнь и никакого, ни в каком случае, не делал исключения. Он положил вставать в семь часов, обедать в два, быть точным во всем и быть пьяным каждое воскресенье. Он положил себе в течение десяти лет составить капитал из пятидесяти тысяч... Ни в коем случае не увеличивал он своих издержек... Аккуратность его простиралась до того, что он положил целовать жену свою в сутки не более двух раз...»[18]. С точки зрения Гоголя, механистическая размеренность жизни, точное планирование, ориентация на обогащение воспринимается как отсутствие души, не присущи русским и являются отрицательными качествами.

Иностранцы часто воспринимаются как странные, чужие, закрытые и непонятные люди. Наблюдателю внушает недоверие и их расчетливость, и их закрытость. «Германн был сын обрусевшего немца, оставившего ему маленький капитал. Будучи твердо убежден в необходимости упрочить свою независимость, Германн не касался и процентов, жил одним жалованьем, не позволял себе малейшей прихоти... Он был скрытен и честолюбив...» («Пиковая дама»)[19]. Вулич – серб («Фаталист»). «Наружность поручика Вулича отвечала вполне его характеру. Высокий рост и смуглый цвет лица, черные волосы, черные проницательные глаза, большой, но правильный нос, принадлежность его нации, печальная и холодная улыбка, вечно блуждавшая на губах его, – все это как будто согласовалось для того, чтоб придать ему вид существа особенного, неспособного делиться мыслями и страстями с теми, которых судьба дала ему в товарищи»[20].

Иностранцы вызывают недоверие и отклонениями в бытовом поведении.

Отец Катерины в повести «Страшная месть» вызывает подозрения зятя и дочери тем, что не соблюдает принятых обычаев: «не хотел выпить за козацкую волю! не покачал на руках дитяти!»; он отказывается есть традиционные блюда. «Не люблю я этих галушек! – сказал пан

отец, немного поевши и положивши ложку, – никакого вкуса нет!.. Не люблю я свинины! – сказал Катеринин отец, выгребая ложкою капусту... Только одну лемишку с молоком и ел старый отец и потянул вместо водки из фляжки, бывшей у него в пазухе, какую-то черную воду»[21]. Отец отказывается не просто от чего-то, что он не любит, а от христианского кушанья. Значим отказ от привычной для русских пищи, соблюдения обрядов и бытовых установлений. Заметим в скобках, что сейчас мы не хотим затрагивать проблемы оппозиции восточное/еврейское, существенной для анализа текстов Гоголя.

Герой «Страшной мести» увидел своего тестя в замке и обратил внимание на его необычный костюм: «Пан Данила стал вглядываться и не заметил уже на нем красного жупана: вместо того показались на нем широкие шаровары, какие носят турки; за поясом пистолеты; на голове какая-то чудная шапка, исписанная вся не русскою и не польскою грамотою»[22].

Подобно отцу Катерины, ростовщик из повести «Портрет» также выделяется из своего окружения и необычной внешностью, и нерусским костюмом, и необычным жилищем. «Между ростовщиками был один – существо во всех отношениях необыкновенное, поселившееся уже давно в сей части города. Он ходил в широком азиатском халате; темная краска лица указывала на южное его происхождение, но какой именно был он нации: индеец, грек, персиянин, об этом никто не мог сказать наверное... Самое жилище его не похоже было на прочие маленькие деревянные домики. Это было каменное строение, вроде тех, которых когда-то настроили вдоволь генуэзские купцы, – с неправильными, неравной величины окнами, с железными ставнями и засовами»[23].

В этом же ряду стоит несоблюдение конфессиональных традиций: Басаврюк («Вечера на хуторе близ Диканьки») и отец Катерины («Страшная месть») не ходят в церковь.

Характер восприятия иностранцев русскими, отраженный в художественной прозе первой половины XIX в., говорит о том, что иностранец часто воспринимается как не только как чужой, странный, но и враждебный человек.

Впечатление Чарского от встречи с итальянцем импровизатором, например, выражено следующим образом: «Встретясь с этим человеком в лесу, вы приняли бы его за разбойника; в обществе – за политического заговорщика; в передней – за шарлатана, торгующего эликсирами и мышьяком» («Египетские ночи»)[24].

С другой стороны, странный человек, чье поведение трудно объяснимо, воспринимается русскими как иностранец. Когда чиновники города NN не могут понять, почему Чичиков ведет себя столь необычным образом, в качестве одной из версий они выдвигают такое объяснение: Чичиков – это Наполеон.

Не случайно колдуны, связанные с нечистой силой, в прозе Гоголя выглядят и одеты как иностранцы, ведут себя необычно, наделены смуглым цветом лица. Вспомним, что также смугл Ибрагим Ганнибал.

Приведем еще одно описание: «Спереди совершенно немец: узенькая, беспрестанно вертевшаяся и нюхавшая все, что ни попадалось, мордочка оканчивалась, как и у наших свиней, кругленьким пятачком, ноги были так тонки, что если бы такие имел яресковский голова, то он переломал бы их в первом казачке» («Ночь перед Рождеством»). Речь идет о черте. Показательно употребление слова «немец» и примечание Гоголя: «Немцем называют у нас всякого, кто только из чужой земли, хоть будь он француз, или цесарец, или швед – все немец»[25].

Часто в художественных текстах первой половины XIX в. иностранцы наделены сверхъестественными, необъяснимыми способностями, связанными с темными силами: итальянец («Египетские ночи»), отец Катерины («Страшная месть»), ростовщик («Портрет»), Сен-Жермен, который раскрывает графине секрет трех выигрышных

карт («Пиковая дама»). В этом смысле иностранцы являются носителями знания, связанного с магией. Но обучение у таких учителей опасно для русского человека.

Концепты Восток/Запад реализуются в художественной прозе первой половины XIX в. на нескольких уровнях: организации пространства, персонажном, восприятия и оценки. В художественном пространстве представлены Западная, Юго-Западная, Юго-Восточная зоны. В Западной зоне выделены Франция, Италия, Польша. На уровне персонажей выделяется довольно большая группа персонажей-иностранцев, выходцев из дальних земель, которые русскими воспринимаются как чужие. Показателями принадлежности героя к иной культуре являются в ситуации *чужой среди нас* непривычные стереотипы поведения, необычные, а, следовательно, нарушающие российские/русские традиции, которые мыслятся как норма, образ жизни, поведение и костюм. Образ иностранца в русской художественной прозе первой половины XIX в. неоднозначен и поляризован: с одной стороны, это расчетливые и лишенные творческих потенций люди или авантюристы, рассчитывающие на быстрый и легкий заработок. В качестве педагогов такие персонажи ничему не могут научить русских, не способны передать рациональное знание.

С другой стороны – персонажи, закрытые для восприятия, непонятные, но наделенные необъяснимыми способностями и несущие некое магическое знание. Такие персонажи способны к передаче своего знания русским ученикам, но знания иррационального. Получение его требует ответственности, а иногда и жертв со стороны ученика. Словом, иностранец странен и непонятен, и, с другой стороны, странный и непонятный человек воспринимается русскими как иностранец. Итак, на уровне персонажей понятия Восток/Запад являются культурными моделями, воспринимаемыми и оцениваемыми в терминах *своего* и *чужого* и соотносимыми с понятием *нормы*.

Возвратимся к Бицилли, который говорил об относительности культурных моделей Восток/Запад и ориентированности их по отношению к центру и периферии. Евразийское положение России становится предметом осознания и в первой половине XIX в. требует выработки понятия *норма*, для чего русской культуре требуются точки отсчета, которыми и являются Восток и Запад. Для выработки понимания собственного «я» русской культуре были необходимы амбивалентные, часто отрицательно маркированные, но подвижные образы Востока и Запада.

---

1 *Бицилли П.М.* «Восток» и «Запад» в истории Старого Света // Избранные труды. М., 1996. С. 645.

2 Художественные тексты цитируются по следующим изданиям: *Гоголь Н.В.* Собр. соч. В 6-ти т. М., 1959; *Лермонтов М.Ю.* Собр. соч. В 4-х т. М., 1958-1959; *Пушкин А.С.* Собр. соч. В 10-ти т. М., 1981.

3 См.: *Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы.(Древний период). М., 1965; Этнические стереотипы поведения. Л., 1985; *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.

4 *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М., 1979.

5 Знаком (?) отмечены персонажи, которых мы определяем как иностранцев предположительно, т.к. их этническая принадлежность не маркирована в тексте или сохранившиеся фрагменты произведений не позволяют дать точный ответ на вопрос о принадлежности героя к определенной национальной группе.

6 *Лермонтов М.Ю.* Указ. соч. Т. 4. С. 282, 299.

7 *Пушкин А.С.* Указ. соч. Т. 5. С. 17, 20.

8 Там же. С. 27, 28, 24, 29.

9 Там же. С. 17, 24.

10 Там же. С. 30.

11 Там же. С. 16, 7.

12 Там же. С. 129, 130.

13 Там же. С. 240.

14 Там же. С. 94.

15 *Гоголь Н.В.* Указ. соч. Т. 5. С. 329.

16 *Пушкин А.С.* Указ. соч. Т. 5. С. 94.

17 Там же. С. 245.

18 *Гоголь Н.В.* Указ. соч. Т. 3. С. 38, 39.

19 *Пушкин А.С.* Указ. соч. Т. 5. С. 15.

[20] *Лермонтов М.Ю.* Указ. соч. Т. 4. С. 462.
[21] *Гоголь Н.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 155, 161, 162.
[22] Там же. С. 164.
[23] Там же. Т. 3. С. 112.
[24] *Пушкин А.С.* Указ. соч. Т. 5. С. 240.
[25] *Гоголь Н.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 106.

Козлов С.А.

ПРОБЛЕМА НЕМЕЦКОГО «RATIO» И РУССКОГО «АВОСЬ» НА СТРАНИЦАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕЧАТИ ДОРЕФОРМЕННОЙ ЭПОХИ*

Вопросы изучения многовековых социально-экономических, политических, военных, научных и культурных связей между Россией и Германией привлекают в последние десятилетия пристальное внимание как российских[1], так и немецких[2] исследователей. Значительный вклад в разработку проблем российско-германских контактов внесли члены Российского общества по изучению XVIII в., а также сотрудники Центра российско-германских исследований при Институте международных экономических и политических исследований РАН и Центра германских исторических исследований Института всеобщей истории РАН. При этом многие ученые отмечают значительные этнопсихологические различия, существующие между русским и немецким народами и оказывающие серьезное влияние не только на их полноценный культурный диалог, но и на развитие равноправного и взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества двух стран[3].

В то же время в современной отечественной и зарубежной историографии практически отсутствуют работы, в которых проблема сходства и различия российского и германского менталитета конца XVIII – первой половины XIX в. рассматривалась бы не только с традиционных позиций национальной психологии и культурологиии, но и сквозь призму ключевых задач хозяйственного развития обоих государств в указанный период. Особенно это

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 96-01-00197).

относится к развитию основных отраслей сельского хозяйства – ключевой области экономики России и Германии XVIII-XIX вв., которая вомногом и определяла менталитет сельского населения, его культуру, привычки, а также семейный, общественный и хозяйственный быт. Поэтому главной задачей настоящей работы является попытка изучения некоторых особенностей восприятия россиянами как собственного, так и немецкого аграрного опыта, исходя при этом не только из объективных природно-климатических и хозяйственных условий Германии и России, но и из характерных качеств менталитетов обоих народов. Принимая во внимание современную научную оценку национальных характеров европейских народов с точки зрения соотношения в них «рационального» (особенно необходимого для успешного ведения хозяйства) и «антирационального» начал[4], главное внимание уделяется вопросу, который автор условно обозначил как проблему немецкого «ratio» и русского «авось». Именно она оказалась в центре внимания отечественной экономической печати дореформенной эпохи. Поэтому главным источником настоящего исследования являются сочинения российских рационализаторов и ученых конца XVIII – первой половины XIX в. Кроме того, в работе использованы материалы, относящиеся к русско-немецким культурным связям и позволяющие существенно дополнить анализ восприятия россиянами новейшего сельскохозяйственного опыта Германии и идей рационализма в целом.

Можно условно выделить четыре этапа в освещении проблемы немецкого «ratio» и русского «авось» на страницах отечественной дореформенной печати.

Первый этап охватывает период с 1765 по 1812 г. С момента учреждения в России Вольного экономического общества (1765 г.) проблема поиска гармоничного сочетания отечественных аграрно-промышленных традиций и западноевропейских хозяйственных и научных новаций

занимает центральное место на страницах российской экономической печати. «Труды Вольного Экономического Общества» – первый в России экономический и сельскохозяйственный журнал – активно пропагандируют передовой агрономический и агротехнический опыт Германии. При этом отечественные предприниматели и ученые последней трети XVIII в. призывали в первую очередь продуктивно использовать собственные ресурсы, национальные аграрные традиции и психологию крестьянина; были сделаны важные шаги на пути внедрения в сельское хозяйство России буржуазных отношений[5]. Подобная позиция имела ярко выраженный патриотический характер: «Нужно также, чтоб каждый житель отдавал преимущество в употреблении... произведениям своего Отечества и заимствовал бы от иностранных государств только то, чего земля его или совсем, или в надлежащей доброте и количестве не производит, и без чего... обойтиться не можно..., – подчеркивал профессор Санкт-Петербургской Академии наук, – Кто помышляет о сем патриотически, тот умеет заменить ту или другую иностранную вещь своими домашними...»[6].

В деле пропаганды в России немецкого аграрно-промышленного опыта особенно велики заслуги выдающихся отечественных ученых и практиков сельского хозяйства А.Т.Болотова и Д.М.Полторацкого. В своих работах, а также издаваемых им журналах «Сельский житель» (1778-1779 гг.) и «Экономический магазин» (1780-1789 гг.) А.Т.Болотов, опираясь прежде всего на российский опыт ведения хозяйства, неустанно пропагандировал передовые достижения Германии. Это было связано с тем, что в последней трети XVIII – начале XIX в. немецкие рационализаторы и ученые, наряду с английскими, добились наиболее значительных успехов в развитии как сельскохозяйственной теории и практики, так и аграрной науки[7]. Уделяя главное внимание усовершенствованию помещичьего хозяйства, А.Т.Болотов отмечал, что «стара-

ния по большой части сельских жителей потому почитаю я недостаточными, что они не простираются далее, как до таких вещей, до каких простирались они при предках наших; следовательно, остаются всегда в одних пределах». Причины этого различны: «непривычка к трудолюбию», отсутствие знаний и способностей, а также «своенравие и нехотение». Последнее, по мнению А.Т.Болотова, особенно пагубно, ибо такие хозяева «не хотят ничего нового изыскивать и предпринимать»[8].

Другой известный помещик-предприниматель той эпохи, Д.М.Полторацкий, являлся, пожалуй, наиболее уважаемым российским рационализатором конца XVIII – начала XIX в. Его калужское имение Авчурино современники называли «изумительным для своего времени средоточием всевозможных технических усовершенствований». Д.М.Полторацкий, получивший блестящее образование в Штутгарте, умело использовал в своем хозяйстве как немецкие, так и английские аграрные новации. В результате умелого хозяйствования в имении за короткий срок утроились урожаи, увеличилось поголовье скота. Однако самым важным было другое: имение Д.М.Полторацкого становится образцом усовершенствованного хозяйства для многих помещиков-рационализаторов нечерноземной России. Достигнутые им успехи стали важным стимулом к изменению не только основ хозяйственной жизни, но и традиционного менталитета отечественного провинциального дворянства, погруженного в спячку и бездействие[9]. Однако в начале XIX в. немецкий аграрно-промышленный опыт все больше вытесняется английским. В России появляется мода на английских управляющих и «фермеров». Увлечение это было настолько велико, что Ф.В.Ростопчин в 1806 г. писал: «Теперь появилась скороспелая мода на Англинское земледелие, и Англинский фермер столь же начинает быть нужным многим русским дворянам, как французский эмигрант, итальянские в домах окна и скаковые лошади в запряжке»[10]. На практике это приводило

к забвению богатейших российских аграрно-культурных традиций, неумелому копированию заграничного опыта и, как следствие, к разрушению хозяйства и возвращению «на круги своя». Утрачивалось и своеобразие русского национального характера. Тот же Ф.В.Ростопчин в письме графу А.Р.Воронцову от 23 августа 1803 г. с горечью отмечал: «Нужно сознаться, что одеты мы по-европейски, но образованности у нас еще очень мало. Самое худое то, что мы перестали быть русскими, купив знание иностранных языков ценою дедовских нравов»[11].

Медленному усвоению российскими помещиками немецких аграрно-промышленных новаций препятствовали также устойчивые дворянские предрассудки, стереотипы поведения и мышления (пренебрежение к практической сельскохозяйственной деятельности и ее низкий престиж, взгляд на крепостное право как на естественное состояние российского крестьянина), тесно связанные с сословной идеологией[12]. В результате прикладные знания занимали в структуре массового сознания российского дворянства начала XIX в. весьма скромное место.

Немецкий опыт рационального хозяйствования оставался в этот период чужд и большинству российских крестьян, видевших в тех или иных усовершенствованиях и просветительских начинаниях лишь «барскую забаву» и дополнительное средство эксплуатации. Например, причины неудачной деятельности первой в России Тярлевской земледельческой школы близ г. Павловска, обучение в которой вомногом строилось на основе немецкой агрономической теории и практики, правительственный указ 1803 г. объясняет достаточно определенно: «крестьяне так худо понимали добрую цель учреждения, что, выбранные для учения в эту школу, шли в нее, как в рекруты; домашние считали их потерянными без возврата и провожали из селения с плачем; у иных жены, сочтя взятых в учение мужей пропавшими, выходили снова замуж; у других дома были проданы, как выморочные; сами му-

жики, отторгнутые от своих жилищ, ехали в школу с твердым намерением забыть новые правила»[13].

Таким образом, различие хозяйственных, аграрно-культурных и этнопсихологических традиций России и Германии накладывало существенный отпечаток на процесс заимствования передового опыта в теории и практике сельского хозяйства конца XVIII – начала XIX в. Устойчивые стереотипы поведения и мышления, свойственные патриархальному обществу и проявляющиеся как в крестьянской, так и в помещичьей среде, сдерживали усвоение россиянами аграрных новаций Германии.

Второй этап в эволюции проблемы немецкого «ratio» и русского «авось» в дореформенную эпоху охватывает период с 1813 г. до конца 1820-х годов. События Отечественной войны 1812 г. разорили массы дворян и сделали их «хозяевами поневоле». Заметное влияиие на многих россиян оказало знакомство с хозяйственным и культурным бытом Германии в ходе заграничных походов 1813 г., ставшее переломным моментом вначале в развитии их экономических взглядов, а затем и методов хозяйствования. Неизвестный калужский помещик писал в 1821 г.: «Последняя война и заграничные походы убедили нас верить, что прежнее понятие о мнимых недостатках и нищете иностранных поселян... ложным оказалось. Храбрые воины наши и до днесь еще памятуют о изобилии, найденном ими особенно в Саксонии...»[14]. Начинается процесс разрушения традиционного дворянского менталитета, связанный с переходом к товарно-денежным отношениям и буржуазным формам ведения хозяйства. Поэтому типичные для российского помещика черты (лень, неорганизованность, «обломовщина» самоустранение от рутинной, но крайне важной повседневной хозяйственной работы) постепенно вытесняются новыми, наиболее присущими, по мнению россиян, именно немецким сельским хозяевам: постоянным и жестким контролем за всеми трудовыми операциями, стремлением к приобре-

тению специальных знаний, деловой активностью и предприимчивостью. Начинается долгий, противоречивый и во многом мучительный процесс, метко названный исследователем В.В.Шелохаевым «капиталистической эрозией» российского дворянства. Одновременно это была и попытка внутреннего перерождения традиционного для России образа помещика – Обломова – в образ другого гончаровского персонажа – созидателя Штольца, что неизбежно означало и сознательный отказ от русского патриархального «авось», переход к активному, *рациональному* образу жизни. В условиях разложения феодально-крепостнического хозяйства России это был, пожалуй, единственный выход из болота экономического (а нередко и духовно-нравственного) застоя. Нелегкую миссию преобразователей как сельского труда и быта, так и традиционной патриархальной психологии взяли на себя помещики-рационализаторы России, объединившиеся в 20-50-х гг. XIX в. в сельскохозяйственные общества. Вопросы эффективного взаимодействия отечественных культурно-хозяйственных традиций и достижений западноевропейской (преимущественно немецкой и английской) рационализации сразу же занимают в деятельности обществ центральное место. Особенно велики здесь заслуги Московского общества сельского хозяйства (МОСХ), объединившего лучшие аграрные силы дореформенной России и развернувшего активную просветительскую работу[15].

Однако попытки российских помещиков использовать в этот период богатейший аграрный опыт Германии зачастую оканчивались неудачей. Так, посетивший в 1822 г. Германию член МОСХ князь С.И.Гагарин отмечал, что многие помещики России «покушались ввести у себя многопольное кругообращение, по примеру... того, что бывает в тех местах Германии, где хлебопашество процветает, но... не получив желаемого успеха, возвратились к трёхпольному кругообращению»[16]. Причины неудачного введения новаций прежде всего заключались в недооценке

национального аграрного опыта, игнорировании местных природно-климатических условий, а также особенностей крестьянской психологии. Разъяснительная работа среди крестьян, как правило, не проводилась.

В первой четверти XIX в. не только рациональные начала привлекали внимание россиян к культуре Германии. Широкий интерес вызывала также немецкая поэзия и проза, их влияние на отечественную «изящную словесность». Будущий декабрист О.М.Сомов в работе «О романтической поэзии» (1823) отмечал близость россиян и германцев, «великое сходство в духе языков относительно к поэзии, а особливо с некоторого времени сильное влияние поэзии германской на собственную нашу...»[17]. Главную особенность великих немецких поэтов он видел в том, что они «облекли радужными цветами стихотворства высокие истины веры и философии», по существу, соединив поэзию с философией. По мнению О.М.Сомова, германцам присущ *романтизм* «как по качеству самого языка, так и по духу народному племен тевтонических»[18], что ярко проявилось в сочинениях Сталь-Голстейн, Клопштока, Гете, Шиллера и Бюргера. При этом отмечались характерные черты немецких сочинителей: «наклонность к уединению и мечтательности», описание прелестей природы и сельской жизни, склонность к преувеличению и экзальтации[19]. Напротив, творчество русских писателей и поэтов, в силу особенностей народного характера (в частности, живого и пламенного воображения), по мнению автора, отличается свежестью мыслей, национальным колоритом и патриотизмом, опираясь на исключительно разнообразные поверья, предания и мифологию[20].

В то же время критике со стороны российских деятелей культуры первой четверти XIX в. подвергалось влияние на отечественную литературу «безвременного, расслащенного вертеризма»[21], оторванного от реальной жизни; философствование и мечтательность Германии,

«вечно колеблющуюся между картофелем и звездами»[22]. Этой тенденции противопоставлялось самобытное, национальное начало российской поэзии и прозы[23]. Отечественные мыслители подчеркивали неповторимость исторического пути России: «Русь была отчуждена от Европы, не от человечества, — писал А.А.Бестужев. — Характеры князей и народа долженствовали у нас быть ярче, самобытнее, решительнее, потому что человек на Руси боролся с природою более жестокою, со врагами более ужасными, чем где-либо. Двуличный Янус, Русь глядела вдруг на Азию и на Европу; быт ее составлял звено между оседлою деятельностью Запада и бродячею ленью Востока»[24]. Отсюда изобретательность, отвага и находчивость россиян, но в то же время их леность и беззаботность, склонность к удали и разгулу[25].

Однако не следует и преувеличивать влияние немецкой художественной литературы на трактовку россиянами проблемы сходства и различия национальных менталитетов двух стран, поскольку в первой трети XIX в. в России преобладали в основном французские культурные заимствования[26]. Поэтому даже выдающиеся произведения немецких авторов зачастую становились известными здесь лишь после того, как вначале оказывались популярными во Франции.

Итак, россияне в первой четверти XIX в. знали и ценили как близкие им по мироощущению *романтические* черты германского национального духа (ставящие во главу угла Чувство), так и в целом нехарактерные для них *рациональные* основы немецкого менталитета (основанные на Разуме, чувстве долга и точном хозяйственном расчете)[27]. Однако, как это ни парадоксально на первый взгляд, явное предпочтение отдавалось именно второму компоненту, поскольку перестроенное на рациональных основах хозяйство позволяло успешно решить главную задачу — повысить доходность не только помещичьих имений, но и российских частновладельческих земельных владений в це-

лом. В условиях разложения (а позднее и кризиса) феодально-крепостнической системы это обстоятельство приобретало первостепенное значение.

Третий этап в освещении проблемы немецкого «ratio» и русского «авось» на страницах дореформенной российской печати охватывает начало 1830-х — середину 1850-х гг. Переломным моментом стала публикация в России трудов выдающегося немецкого агронома и ученого А.Тэера[28]. Именно с этого времени в российской сельскохозяйственной литературе впервые появляется термин «рациональное хозяйство», обозначавший как главный объект исследования А.Тэера и его последователей, так и основную цель практических аграрных усовершенствований. При этом под «рациональным хозяйством» подразумевалось «хозяйство разумно-отчетное, в коем ничто не делается без обдуманного соображения, причины и отчета»[29]. Очень быстро слово «рационализм» становится в России синонимом «прогресса», то есть всего нового, передового в реальной хозяйственной практике.

Однако, заимствуя тэеровские идеи, российские помещики, большинство из которых составляли убежденные крепостники, решительно отвергали то, что могло поколебать социальные устои крепостнического государства. Так, в примечаниях к трудам А.Тэера один из основателей МОСХ Н.Н.Муравьев подчеркивал, что выводы немецкого специалиста, касающиеся свободного и всесословного сельскохозяйственного образования, не могут быть использованы в России: «Здесь ученики, большей частию крестьяне, будучи без всякого нравственного воспитания, должны жить вместе под бдительным надзором, как сие учреждено в Московской земледельческой школе»[30]. В условиях внедрения товарно-денежных отношений в хозяйственную жизнь помещичьих имений значительно усиливается интерес россиян к тем чертам немецкого менталитета, которые позволяли успешно вести и постоянно совершенствовать многопрофильное, рацио-

нально организованное сельское хозяйство: организованности, экономности и бережливости. Именно эти национальные особенности, по мнению рационализаторов, вомногом определяли хозяйственные достижения Германии. «Голштинцы не терпят в своих полях худо произрастающих хлебов, — отмечал известный ярославский рационализатор Е.С.Карнович, — и всегда их перепахивают, а потому редко встретить худое произрастание посеянного»[31]. На страницах российских экономических изданий появляются многочисленные работы немецких авторов, в которых пропагандируется богатейший хозяйственный опыт, накопленный членами германских экономических обществ[32]. Чаще всего эти рекомендации предназначались землевладельцам, но были и исключения: так, в 1837 г. в «Земледельческой газете» были опубликованы отрывки из нового сочинения известного немецкого агронома В.А.Крейсига «Друг немецкого крестьянина», предназначенные представителям крестьянского сословия[33]. Как немецкие, так и отечественные рационализаторы обращали внимание россиян на необходимость постоянной и целеустремленной работы по улучшению хозяйства (которой наши соотечественники, как правило, пренебрегали). «Трудолюбие и хозяйственный распорядок жителей Глюндена, — отмечал рационализатор Шмальц, — представляет любопытный пример тому, чего может достигнуть земледелец при весьма ограниченных даже способах, посредством постоянного труда и благоразумным употреблением его»[34].

Российские помещики-рационализаторы отнюдь не ограничивались теоретическим знакомством с передовым немецким аграрно-промышленным опытом, а стремились внедрить его в практику хозяйствования. Заметных успехов достигли на этом пути члены учрежденного в 1843 г. Ярославского общества сельского хозяйства[35]. Секретарь общества Е.С.Карнович, посетивший ряд германских государств в 1833-1834 гг. и подробно описав-

ший немецкий хозяйственный опыт в своих работах, одним из первых в России ввел в хозяйство травосеяние (эту идею он, вероятно, заимствовал из немецкой агрономической литературы начала XIX в.), с успехом использовал многопольные севообороты и новейшую технику. По свидетельству немецкого экономиста А.Гакстгаузена, посетившего Россию в 1843 г., имение Е.С.Карновича являлось одним из лучших в стране, представляя собой рационально построенный хозяйственный механизм с четкой организацией труда[36]. Ярославский рационализатор еще в 30-х гг. XIX в. организовал в своем имении фермерское хозяйство. А.Гакстгаузен отмечал, что это был первый в России опыт изменения крепостных отношений на отношения арендаторов; причем Е.С.Карнович неизменно подчеркивал, что русский крестьянин отлично понимает, что для него выгодно, и со временем его фермерский опыт широко распространится в России[37].

В то же время отечественные специалисты-аграрники, как правило, призывали использовать немецкий опыт творчески, с учетом исторических особенностей России. Так, в 1837 г. на страницах «Земледельческого журнала» публикуются отрывки из сочинения «Общие правила науки сельского домоводства»[38]. В примечании члены редакции журнала отмечали: «Расчетливость русского хозяина... гораздо обширнее: в нее входит много таких начал, которых немецкий агроном не имеет надобности и знать. Он помещик земли и хозяин мертвых орудий и денежного капитала ...Русский хозяин должен соединять расчеты свои с чувствами попечения о крестьянах»[39]. Именно в этом – добиваться наивысшего дохода «без отягощения крестьян» – и видели отечественные специалисты коренное отличие российской «науки сельского домоводства» от немецкой. Таким образом, налицо явная попытка использования немецкого опыта рационального хозяйствования с учетом традиционных для России традиций патернализма.

Характерно, что в условиях российской действительности рациональные идеи Германии нередко трансформировались до неузнаваемости, превращаясь в свою противоположность. «Наши купцы заняли образ счетоводства от купцов немецких, и вместе с ними заняли от них же и всю счетную терминологию, – отмечал в 1837 г. рационализатор Личинин. – Они объяснили ее на свой лад и так исказили, что в ней ничего нельзя понять»[40]. Перегибы наблюдались и в сельском хозяйстве. Не случайно известный отечественный рационализатор Ф.Х.Майер (немец по происхождению), решительно боровшийся с неоправданным подражательством иностранцам, а вслед за ним и другие сельские хозяева называли большую часть нововведений из Западной Европы, появлявшихся в русских деревнях, *немечиной*.

Внимание россиян привлекали рациональные элементы, проявляющиеся в национальном характере не только сельских жителей самой Германии, но и живших в Российской империи немецких колонистов. Наследник престола, цесаревич Александр Николаевич, в возрасте 19 лет совершивший путешествие по стране в 1837 г., в своих письмах Николаю I отмечал «нищету народа», грязь и неопрятность в избах русских крестьян, и, напротив, чистоту, порядок и организацию немецких колоний на левом берегу Волги. Он писал: «Весело смотреть на их благополучие, этот добрый народ сделался совершенно русским... но в них осталась их почтенная аккуратность немецкая, живут они чисто, пасторы у них преумные, и они меня принимали с удивительным радушием, точно как настоящие русские...»[41]. Однако не только указанные черты поражали россиян; их восхищали также удивительная общественная организованность, дисциплина и законопослушание немецких колонистов, которые одновременно позволяли добиваться и отличных хозяйственных результатов. В российской деревне дела обстояли поиному. Секретарь МОСХ С.А.Маслов (внесший огром-

ный вклад в развитие крестьянского сельскохозяйственного образования дореформенной России) с горечью отмечал, что «крестьяне наши любят делиться и не понимают пользы соединения сил для направления их к одной общей цели в земледелии, промышленности и торговле. Всякий хочет действовать отдельно, т.е. таит свое состояние и свои капиталы... так что идея общественных запашек, общественных выгод... и проч. совершенно чужда нашему народу, и Сарептская колония, где все благосостояние основано на идее общественности, стоит как оазис в степях африканских»[42].

В 30-50-х гг. XIX в. понятие «авось», ставшее своеобразным символом российской неорганизованности и беспечности[43], использовалось отечественными рационализаторами наиболее часто в тех случаях, когда речь шла о сравнительной характеристике русского и немецкого крестьянина. Так, известный тамбовский помещик Х.Козлов отмечал: «Для нашего народа нужна немецкая точность, расчетливость, прилежание и опрятность, без чего крестьяне не сделаются такими сведущими и промышленными людьми, как жители Германии. Нашему мужичку незнакома бережливость ни во времени, ни в работе, ни в житве и ни в торговле; повсюду и везде он действует на *авось*»[44]. Для подобного вывода имелись веские основания. Сельское хозяйство переживало упадок. Природа России серьезно страдала от бесконтрольной хозяйственной деятельности. Уже в 40-е гг. XIX в. огромный ущерб был нанесен лесным массивам центральной России; во многих губерниях наблюдалось нарушение естественного плодородия почв. Известный рационализатор и писатель Д.П.Шелехов признавал: «Мы сами навлекли на себя частые неурожаи, голодные годы и неслыханное в свете непостоянство цен на хлеб, единственно плохим своим сельским хозяйством: оно не озарено светом науки, не знакомо с правилами искусства»[45]. Он подчеркнул необходимость скорейшего использова-

ния зарубежного опыта хозяйствования, внедрения в российской деревне «порядка, отчетности и спасительной бережливости». Это не означало полного отрицания отечественных аграрных традиций: «Просвещенный земледелец применяет общие правила земледелия, — писал он, — по времени, месту, силам... и обстоятельствам своего народа»[46].

Поэтому вполне закономерно, что, начиная со второй половины 40-х гг. XIX в., в трудах российских рационализаторов и ученых на передний план выходит проблема *социальной совместимости* тех или иных немецких новаций с национальными ценностными установками и этническими стереотипами поведения и мышления. В центре внимания оказались вопросы добровольного усвоения крестьянами аграрных усовершенствований. «Вздумаете ли делать каких опытов по хозяйству? — писал барон Боде. — Пусть мужики знают, что это только опыты... Русский мужик любознателен и понятлив; он охотно выслушает ваши доказательства и поймет, ежели они будут изложены с потребною ясностью и простотою; и как скоро он поймет превосходства нововведения над стариною, то переймет его охотно и без принуждения»[47]. Значительный интерес представляет и вывод известного тульского помещика А.Д.Тейльса о немецком и французском культурных влияниях на Россию: «Петр Великий, как истый хозяин в душе, очень понимал недостаток в характере и обычае народа, вверенного ему Богом. Этот недостаток — неаккуратность и склонность все делать как-нибудь, на-авось. Вводя обычаи и привычки голландцев и немцев... он думал исправить сказанный недостаток... Немцы принесли нам много добра, много заняли мы от них; аккуратность и расчетливо умное хозяйство стало прививаться к нам...»[48]. По мнению А.Д.Тейльса, введенные затем в России французские обычаи «перепортили все достигнутое». Теперь же, учтя этот опыт, россиянам следует вновь вернуться к более близкой им по характеру «степенности германцев».

Отнюдь не все помещики-предприниматели разделяли в это время вывод о превосходстве немецкого национального менталитета в деле усовершенствования хозяйства. Помещик Мясоедов писал в 1847 г.: «Примеров брать из Германии, относительно к нашим крестьянам, нам никак нельзя, и даже не в чем... Работник средней полосы России обрабатывает с господскою 12800 кв. сажен распашной земли, а с сенокосом до 15 тысяч в какие-нибудь 5 месяцев; в то время, немец ухаживает со всею семьею около каких-нибудь 3000 кв. сажен от 8 до 9 месяцев... Но кто более работает... русский или немец? Задача нерешенная! Если бы двинуть колониста поближе к северу, да наложить на него обязанности русского мужика, то можно было бы посмотреть, как он выдрался бы из кожуха!»[49]. Автор отмечал, что необходимо прежде всего облегчить труд русского крестьянина, «образовать его, смягчить упрямое свойство, развернуть способности, отклонить крайности...»[50]. «Помещикам же и владельцам следовало бы позаимствовать от немцев единодушия и больше внимания к делам общим... потому что в руках их наибольшие средства»[51]. Пока же русское дворянство, проявляя беспечность, уступает хозяйственную инициативу более предприимчивому и оборотистому купечеству.

Отрицательно относились к идеям рационализма и многие славянофилы, видевшие в нем наследие языческого Рима, которое привело к искажению европейской цивилизации, ее высокой духовной культуры. По мнению А.С.Хомякова и И.В.Киреевского, для рационально-опытной науки характерно одностороннее развитие отвлеченного рассудка, который не требует «ни сочувствия, ни общения, ни братства», превращая сердце ученого в «собрание бездушных струн», а его ум — в «счетную машину».

Четвертый, последний этап рассмотрения проблемы немецкого «ratio» и русского «авось» в дореформенной печати — это вторая половина 1850-х — начало 1860-х гг. В

этот период значительно возрастает немецкое влияние на процесс модернизации России[52]. В условиях подготовки крестьянской реформы на передний план выходят вопросы, связанные с применением вольнонаемного труда, что предполагало более активную и самостоятельную роль крестьянина в процессе улучшения хозяйства. Российские рационализаторы обращают повышенное внимание на борьбу с крестьянскими суевериями. Накопленный в Германии опыт решения этих проблем часто оказывался очень полезен для российских землевладельцев. Особое место отводилось соблюдению крестьянами личной и хозяйственной гигиены; при этом в качестве примера для подражания рассказывалось о высокой культуре труда и быта живших в России немецких колонистов[53].

Изменяется и отношение рационализаторов к народной культуре, крестьянскому деревенскому быту. А.В.Рачинский отмечал: «Нередко удавалось слышать о мужике такие речи... мужик — лентяй, с усадьбой в собственность, он ляжет на печь». Автор подчеркивал, что «если в такой оценке крестьянина и есть доля правды, то не виноваты ли в сущности сами господа, которые смотрели доселе на крестьянина, как на рабочую силу, — ничуть не более. Не естественно ли, что крепостной... крестьянин старался подделаться под барское воззрение, или ленясь от изнеможения, или обманывая от нужды»[54].

Иным становится и отношение российских землевладельцев к природной среде, традиционному крестьянскому аграрному опыту. «Земледелие, соприкасаясь... с условиями среды и быта каждого народа, особенно должно носить на себе печать своеобычности народного развития»[55], — писал накануне крестьянской реформы помещик А.Кашкаров. Отмечая вредные бытовые привычки русских крестьян, происходящие от физических условий существования (то есть климата), он подчеркивал, что «народ, привыкший к лености и беспечности, нерадивый к хозяйству, не может по мановению волшебной палоч-

ки, исправиться к лучшему. Переработка натуры дело поколений»[56]. В результате автор пришел к важным в условиях крепостнической России выводам: «Только победа над гнетом общественных условий дарует возможность победы над климатом... Гнет же общественных условий... производит дурное, то есть нерадивое хозяйство... Климат наш несомненно противится той системе рационального хозяйства, какую выработала Западная Европа. Задача наших обществ сельского хозяйства – проложить новый путь, сообразный к климатическим условиям»[57]. Это относилось и к формированию нового хозяйственного мышления российских помещиков и крестьян.

Однако суровая реальность деревенского и усадебного быта давала не так уж много поводов для оптимизма. Рационализаторы отмечали, что неудачи многих аграрных новаций происходят оттого, что, в отличие от Германии, усилия их внедрения ограничиваются лишь отдельными попытками; помещики же ожидают «громадных доходов» в короткие сроки, и не имеют решимости и энергии для борьбы с устаревшими методами хозяйствования и упорным желанием крестьян жить и трудиться «постарине»[58]. Впрочем, основную вину рационализаторы возлагали уже на своих пассивных соседей, а не на крестьян: «При нововведении... надобно руководить исполнением до тех пор, пока успех уже не скажет сам за себя; тогда, поверьте, наш сметливый мужичок сейчас же возьмет дело в толк, и, усвоив его себе, может быть, и усовершенствует ваше предположение: на то широка и гибка природа русского простолюдина»[59].

Идеи рационализма с огромным трудом внедрялись в сознание российского общества. Характерно, что даже в 1872 г. сочинение англичанина В.Э.Гартполя Лекки «История возникновения и влияния рационализма в Европе» было запрещено российской цензурой, а тираж второго тома уничтожен. Министр же внутренних дел А.Е.Тимашев в представлении Комитету министров отмечал,

что в указанной книге «проводятся начала революционных учений и доказывается, что под благодетельным влиянием рационализма человечество идет к освобождению от старых деспотизмов»[60]. Неудивительно, что в дореформенную эпоху даже отдельные элементы рационального учения, используемые российскими помещиками-рационализаторами, встречали глухое, но ощутимое сопротивление основной массы дворянства, упорно защищавшей традиционные устои жизни и формы сословного самосознания. В этих условиях активное проявление рационального, «хозяйского» начала являлось делом исключительной важности.

Во многих дореформенных трудах российских рационализаторов и ученых нашло отражение и исследование глубоких отличий между русским и немецким народами не только в методах хозяйствования, но и в области национальной психологии, семейного и домашнего быта[61]. Тем самым была вомногом подготовлена почва для будущего восприятия пореформенным российским обществом теории Н.Я.Данилевского о культурно-исторических типах, включая отличия славянского и германо-романского типов[62]. Однако, в отличие от Н.Я.Данилевского, отмечавшего чужеродность перенесения на российскую почву «немецких бюрократических порядков»[63], многие рационализаторы дореформенной эпохи указывали на необходимость внесения в традиционную отечественную культуру труда и быта элементов немецкого рационализма, четкой организации труда, внутренней самодисциплины.

Проблема «ratio» и «авось» затрагивалась и в сочинениях россиян, посещавших Германию в первой половине XIX в. На многих из них произвело глубокое впечатление знакомство с немецким семейным и хозяйственным бытом, с характерным для него духом дисциплины, иерархии, точности и определенности[64]. Но отмечались и неприятные для большинства россиян черты: жесточайшая конкуренция,

диктатура общественного мнения, ограниченность в понятиях и требованиях[65].

Характерно, что многие рационалистические элементы немецкого менталитета, подмеченные отечественными рационализаторами, сохранили свое значение и в позднейшей истории Германии XIX-XX вв.[66]

В ряде случаев, сравнивая хозяйственный и социально-политический строй Германии и России, отечественные предприниматели поднимались до уровня глубоких философских обобщений. Так, понятие «космополитизм» связывалось у них именно с немецкой теоретической мыслью. Накануне реформы 1861 г. помещик Орловской губернии Н.П.Данилов отмечал: «Все гуманные »начала» умозрительного германского *космополитизма* химеры: в практической людской жизни они *никогда* не победят частногосударственных интересов, интересов *национальностей*... Торжество *космополитизма* над национальностями невозможно, как невозможно торжество *коммунизма* над интересами человеческих личностей»[67]. Неизвестный помещик-рационализатор в 1859 г. писал: «Без личной инициативы не может быть никакого преуспеяния. Все обратится в застой и спячку. Коммунист подчиняет лицо целям общественным: совершенно справедливо. Без этого никакие человеческие права... не обеспечены. Но несправедлив коммунизм, что инициативу общественного действия предоставляет всему... обществу. Идеал коммунистического устройства есть механический прибор... Идеал индивидуализма — стая зверей. Однако полное осуществление ни той, ни другой системы невозможно. Истина заключается в развитии духовно-нравственных качеств личности на основе христианского учения»[68].

Таким образом, проблема немецкого «ratio» и русского «авось» нашла достаточно полное освещение на страницах отечественной печати дореформенной эпохи. Ее обсуждение всегда носило не отвлеченно-теоретический,

а практический характер. Не случайно авторами большинства публикаций являлись помещики-рационализаторы, обращавшиеся к этой теме с целью коренного усовершенствования сельского хозяйства России, улучшения условий сельского труда и быта. В итоге были сделаны важные выводы, позволившие не только выявить положительные и отрицательные стороны менталитета сельского населения России конца XVIII – первой половины XIX в., но и начать целенаправленную работу по устранению выявленных недостатков. Это была сложнейшая задача: культурно-исторический процесс происходил в дореформенной России не эволюционно, а путем чередования этапов преобразований и застоя, отсюда – и размытость, незавершенность структуры личности[69], как правило, находившейся в плену узкосословной идеологии. Поэтому творческая, созидательная деятельность российских помещиков-рационализаторов, направленная на постепенное, добровольное вытеснение из массового сознания отжившего «авось» и замену его лучше отвечающим духу наступающей буржуазной эпохи «ratio», вомногом помогала преодолеть эту незавершенность, одновременно создавая новый тип личности – Созидателя. Не случайно современные философы и социологи отмечают пагубность для экономического и социокультурного развития нашей страны той этнопсихологической установки, которая вкладывалась в XIX в. в понятие «авось» и даже теперь определяет сущность русского мироощущения[70].

Итак, попытка анализа и решения проблемы немецкого «ratio» и русского «авось», предпринятая в дореформенной России, по своему значению выходила за границы своей эпохи. По существу, это был важный шаг в решении задачи перехода от традиционного общества к обществу индустриальному, от патриархального замыкания в сфере внутренней жизни и узких рамках натурального хозяйства к строительству внешних форм жизнеуст-

ройства, свободной рыночной экономике и новой, созидательной личности. Несмотря на то, что в условиях крепостнической России эта попытка не привела к серьезным социокультурным и хозяйственным сдвигам в обществе[71], она все же имела огромное значение для будущего развития страны, став одним из главных факторов не только подъема производительных сил в сельском хозяйстве России, но и в изменении хозяйственного мышления помещиков и крестьян. Тем самым были созданы условия для возникновения новой культуры деревенского и усадебного труда и быта пореформенной эпохи.

---

1 См., напр.: *Оболенская С.В.* Образ немца в русской народной культуре XVIII-XIX вв. // Одиссей. Человек в истории. 1991. М., 1991. С. 160-185; История российских немцев в документах (1763-1992). М., 1993; Российские историки-германисты: кто они, над чем работают? М., 1994; Немцы в России: историко-культурные аспекты. М., 1994; *Осипов В.И.* Петербургская Академия наук и русско-немецкие научные связи в последней трети XVIII в. СПб., 1995; *Потапенко О.А.* Николаевская Россия глазами немецкого путешественника: А.фон Гакстгаузен // Россия и Европа в XIX-XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996. С. 40-49; Размышления о России и русских. М., 1996. Т. 1-2.

2 См.: *Fleischhauer J.* Die Deutschen im Zarenreich. Zwei Jahrhunderte deutsch-russische Kulturgemeinschaft. Stuttgart, 1986; Альманах немецкой литературы. М., 1991; Die Deutschen im Russischen Reich und im Sowjetstaat. Köln, 1987; Russen und Russland aus deutscher Sicht: 18 Jahrhundert. München,1987; Deutsch-russische Beziehungen. Jhre welthistorischen Dimensionen vom 18. Jahrhundert bis 1917. Berlin, 1992; Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. Bd. 1. Von der Einwanderung bis 1917. München, 1994; и др.

3 *Баумгарт А.* Немецко-русские интерференции в сфере экономической коммуникации, обусловленные межкультурными различиями // Россия и Запад. Диалог культур. М., 1996. С. 381-385; *Зарубина Н.Н.* Самобытный вариант модернизации // Социологические исследования. 1995. № 3. С. 46-51; *Ануфриев Е.А., Лесная Л.В.* Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен // Социально-политический журнал. 1997. № 4. С. 28-44; *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.,*

Чурилов В.А. Российская идея успеха: введение в гуманитарную экспертизу. Тюмень; М., 1997. С. 167-212.

4 См., напр.: *Hofstede G.* Cultures and Organisations: Software of the Mind. London, 1991; *Он же.* Структура и управление // Курьер ЮНЕСКО. 1994. Июнь. С. 8-11.

5 См.: *Индова Е.И.* Вопросы земледелия в «Трудах Вольного экономического общества» во второй половине XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1970 г. Рига, 1977. С. 114-123; *Орешкин В.В.* Труды Вольного экономического общества: зарождение капитализма // Научные труды Международного Союза экономистов и Вольного экономического общества России. М.; СПб., 1995. Т. 2. С. 150-167.

6 Перевод сочинения, присланного в Вольное экономическое общество в ответ на заданный в 1783 г. вопрос: как россиянин посредственного состояния одними российскими необделанными продуктами удовольствовать может // Труды ВЭО. Ч. 5. СПб., 1784. С. 2-3. См. также: Russische Bibliothek, zur Kentniss des gegenwartigen Zustandes der Literatur in Russland... Des eilsten Bandes. Erstes bis viertes Stьck mit anhangen. St.Petersburg, Riga und Leipzig, 1787. S. 292-294; и др.

7 См.: Tornow W. Die Entwicklungslinien der landwirtschaftlichen Forschung in Deutschland. Berlin,1960.; Schremmer E Faktoren, die den Fortschritt in der deutschen Landwirtschaft im 19. Jahrhundert bestimmten // Zeitschrift fur Agrargeschichte und Agrarsoziologie. 1988. Jg. 36. H. 1. S. 33-37. Ср.: *Russell E.J.* A history of agricultural science in Great Britain 1620-1954. London, 1966; *Lucas J.* 150 years of farming // J.R. Agr. Soc. England. 1988. Vol. 149. P. 24-33.

8 *Болотов А.Т.* Примечания о хлебопашестве вообще // Труды ВЭО. 1767. Ч. 9. С. 38.

9 Указанные черты отличали быт русского дворянства не только в XIX в., но и в XV-XVIII вв. «Дворяне, как бы ни были недостаточны, вменяли себе за бесчестие приобретать хлеб трудами своих рук, – отмечал в 1848 г. А.Терещенко. – Благородные... любили сидячую жизнь и дивились, как можно стоя или ходя, заниматься разговорами и вести дела... Ходить пешком считалось за стыд, исключая случаев, когда являлись ко двору или отправлялись в церковь». См.: *Терещенко А.* Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. 1. С. 424-425. Ср.: *Freitag G.* Bilder aus der deutschen Vergangenheit. Erster Teil. Leipzig, 1861. S. 303-346.

10 *Ростопчин Ф.В.* Плуг и соха. Писанное степным дворянином. М., 1806. С. 5.

11 Ростопчинские письма // Русский архив. 1897. Кн. 1. С. 176.

12 См. также: *Худушина И.Ф.* Царь. Бог. Россия. Самосознание российского дворянства (конец XVIII – первая треть XIX в.) М., 1995.

13 Цит. по: *Усов С.М.* Курс земледелия. М., 1837. С. 23. См. также: Положение практической школы земледелия и сельского хозяйства. СПб., 1798.

[14] Послание калужского помещика к членам Московского общества сельского хозяйства // Земледельческий журнал. 1821. № 1. С. 212. См. также: *Кузьмичев Ф.* Ратник за границею, или Рассказы, как в Германии принимали русских солдат в 1813 и 1814 гг. М., 1843; Записки графа М.Д.Бутурлина. 1813-1817 // Русский архив. 1897. № 3. С. 411.

[15] Подробнее см.: *Козлов С.А.* 175 лет Московскому обществу сельского хозяйства: традиции и новации // Научные труды Международного Союза экономистов и Вольного экономического общества России. М.;СПб., 1996. Т. 3. С. 232-240.

[16] ЦГИАМ. Ф. 419. Московское общество сельского хозяйства. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

[17] *Сомов О.М.* О романтической поэзии // Литературно-критические работы декабристов. М., 1978. С. 247-248.

[18] Там же. С. 249. Противоположного мнения придерживался В.К.Кюхельбекер. См.: *Кюхельбекер В.К.* О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие // Там же. С. 193.

[19] Там же. С. 264.

[20] Там же. С. 265-266. См. также: *Кайсаров А.С.* Славянская и российская мифология. М., 1810.

[21] *Бестужев А.А.* О романе Н.Полевого «Клятва при гробе Господнем» // Там же. С. 115.

[22] Там же. С. 116, 119.

[23] Там же. С. 117-118 и др.

[24] Там же. С. 124.

[25] См., напр.: *Кюхельбекер В.К.* Указ. соч. С. 196. Влияние природно-климатических условий России на формирование менталитета великорусского населения отмечалось в дальнейшем целым рядом отечественных историков. См.: *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Соч. В 9-ти т. М., 1987. Т. 1. С. 78-89; *Милов Л.В.* Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4-5; и др.

[26] *Кюхельбекер В.К.* Указ. соч. С. 196.

[27] Следует отметить, что в это же время жители Германии имели, как правило, весьма смутное представление как о культуре России, так и о российском хозяйственном быте. См., напр.: *Buddeus K.* Volksgemdlde und charakterkupfe des russischen Volks. Erster Heft. Leipzig, 1820. S. 5-8.

[28] *Тэер А.* Основания рационального сельского хозяйства. М., 1830-1835. Т. 1-3. Первый (неполный) перевод работ А.Тэера, сделанный в 1828 г. В.Левшиным, не получил широкого признания в России. См. также: *Klemm V., Meyer G.* Albrecht Daniel Thaer. Pionier der Landwirtschaftswissenschaften in Deutschland. Halle (Saale), 1968.

[29] *А.С.* Рациональное хозяйство // *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1899. Т. 26. С. 388.

30 *Тэер А.* Указ. соч. М., 1835. Т. 4. С. 23.

31 *Карнович Е.С.* Общие замечания о голштинском хозяйстве // Земледельческий журнал. 1835. № 4 (34). С. 552.

32 См.: Ueber die Leistungen der Keiserlichen Landwirtschaftsgesellschaft. 1841-1844. М., 1845; *Крейсиг В.А.* Основные правила земледелия и скотоводства. СПб., 1836; *Он же.* Вспомогательная книга для помещиков и сельских хозяев. СПб., 1836.

33 См.: *Крейсиг В.А.* О разведении свиней // Земледельческая газета. 1837. № 4 (12 янв.). С. 25-27; и др.

34 *К.Ш.* Округ Глюнден в Виртемберге // Там же. 1835. № 44 (31 мая). С. 352. См. также: *Preus A.L.* Preusische Lades und Volkskunde. Königsberg, 1835.

35 Подробнее см.: *Козлов С.А.* Ярославские помещики-рационализаторы дореформенной эпохи – представители «новой волны» российского общества XIX в. // Berliner Jahrbuch fur osteurordische Geschichte. 1997. № 1.

36 *Гакстгаузен А.* Исследования о внутренних отношениях народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 1870. Т. 1. С. 64.

37 Там же. С. 67. См. также: *Козлов С.А.* Помещик-рационализатор Ефим Карнович // Русь. 1991. № 1. С. 79-82.

38 Общие правила науки сельского домоводства // Земледельческий журнал. 1837. № 4. Сельское хозяйство. С. 19-48; № 5. Сельское хозяйство. С. 179-237.

39 Там же. № 4. Сельское хозяйство. С. 20.

40 *Личинин.* Замечания на статью Шелехова «Наука домоводства» // Там же. 1837. № 6. Хозяйственные ошибки. С. 447.

41 Цит. по: *Захарова Л.* «Не могу выразить тебе, милый Папа...» // Знание – сила. 1997. № 4 С. 135.

42 О заведении у казенных поселян четвертого, или овощного поля // Земледельческий журнал. 1835. № 6. С. 877.

43 В.Даль приводит 27 (!) русских пословиц со словом «авось», в том числе: «Авось – вся надежда наша»; «Авось не бог, а полбога есть»; «На авось мужик и хлеб сеет»; и др. См.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка М., 1989. Т. 1. С. 3-4.

44 *Козлов Х.* Ответы на хозяйственные вопросы // Земледельческая газета 1848. № 20 (9 марта). С. 157.

45 *Шелехов Д.* Старые и новые понятия о сельском хозяйстве. СПб., 1842. С. 3-4. См. также: *Straube F., Zeil W.* Geschichte Ruslands 1789-1861. Der Feudalismus in der Kriese. Berlin, 1978. S. 101-118.

46 *Шелехов Д.* Указ.соч. С. 6.

47 *Боде А.* Средство заслужить уважение, любовь и доверенность крестьян // Эконом. 1846. № 47. С. 371-372.

48 *Тейльс А.Д.* Замечания старого хозяина для молодых хозяев средней полосы России // Там же. 1845. № 11. С. 122.

49 *Мясоедов Г.* Нечто о сельских улучшениях // Земледельческая газета. 1847. № 34 (29 апр.) С. 267-268.

50 Там же. С. 268. Шуйский помещик А.И.Чихачев отмечал: «Изготовляясь на некоторые нововведения, общественный дух должно брать в соображение гораздо чаще, нежели размер той выгоды, которая от нововведения предполагается. Собственность, принадлежащую лицу, сделайте собственностью общественной, и вы охладите, застудите то теплое чувство в человеке, которое он ощущает, любуясь произведением своего трудолюбия, отдельно от собратий». *Чихачев А.И.* Мнение о нововведениях // Там же. 1845. № 101 (18 дек.). С. 805.

51 Там же.

52 См.: *Fleischhauer J.* Ebenda. S. 241-250.

53 См.: Советы поселянам на случай повальных болезней // Земледельческая газета. 1855. № 35 (1 мая). С. 273-275.

54 *Рачинский А.В.* Крестьянский вопрос не с одной помещичьей точки зрения // Сельское благоустройство. 1858. № 9. С. 137.

55 *Кашкаров В.* О некоторых условиях, препятствующих развитию сельского хозяйства в России // Сельское хозяйство. 1860. Т. 3. Отд. 2. С. 43-44.

56 Там же. С. 53.

57 Там же. С. 50, 54.

58 См.: *Блахин В.* Несколько слов к развитию крестьян-земледельцев // Экономические записки. 1857. № 36. (7 сент.) С. 283; и др.

59 Там же.

60 Цит. по: *Добровольский Л.М.* Запрещенная книга в России, 1825-1904. Архивно-библиографические разыскания. М., 1962. С. 100.

61 См., напр.: *Капустин М.Н.* Письма из Германии // Русский вестник. 1856. Т. 6. Кн. 1. Современная летопись. С. 134-143; 1857. Т. 7. Кн. 2. Современная летопись. С. 233-251; и др.

62 См.: *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. СПб., 1996. С. 42, 106-107, 146-166.

63 Там же. С. 145-146. Эту позицию во многом разделял и А.И.Герцен. См.: *Герцен А.И.* Русские немцы и немецкие русские // Колокол. 1859. Л. 53. 1 окт. С. 431-433; Л. 54. 15 окт. С. 439-441; Л. 56. 15 нояб. С. 459-461; Л. 57-58. 1 дек. С. 467-470; Л. 59. 15 дек. С. 483-487.

64 См., напр.: *Греч Н.И.* Поездка в Германию, или Роман в письмах // Соч. СПб., 1855. Т. 2; *Нольде Б.Э.* Юрий Самарин и его время. Paris, 1926. С. 122-123; Дневник И.С. Гагарина // Вопросы философии. 1996. № 7. С. 142-144.

65 *Нольде Б.Э.* Указ. соч.; *Мещерский А.* Записки русского путешественника. Германия, Бельгия и Нижний Рейн. М., 1842. С. 12-13; *Морозова Т., Лаперуз С.* Богатство и бедность // Москва. 1997. № 6. С. 111.

66 См.: *Noelle-Neumann E., Kocher R.* Die verletzte Nation. Uber den Versuch der Deutschen, ihre Charakter zu undern. Stuttgart, 1987; Что немцу хорошо... (*Холл Э.Т., Холл М.Р.* Понимание культурных различий: путь к успеху в Германии,Франции, Соединенных штатах. Главы из книги) // Человек и карьера. 1994. № 17, 19, 22.

67 *Данилов Н.П.* Практические взгляды на национальное русское образование // Журнал землевладельцев. 1859. Т. 4. № 14. Отд. 2. С. 55.

68 *Г-в Н.* Личное и общественное // Там же. № 23. Отд. 1. С. 432-434.

69 См.: *Седов А.А.* Место русской культуры среди других культур. (Приглашение к размышлению) // Политические исследования. 1994. № 4. С. 101-108.

70 См. также: *Астафьев П.Е.* Национальность и общечеловеческие задачи (к русской народной психологии) // Вопросы философии. 1996. № 12; *Померанц Г.* Европейская свобода и русская воля // Дружба народов. 1994. № 4. С. 137-147.

71 Этому способствовало и то обстоятельство, что социальные пути российского и западноевропейского крестьянства в XIX в. расходились в разные стороны: там — процесс динамичного врастания в рынок, здесь — усиление роли крестьянской общины.

III. РОССИЯ И АМЕРИКА В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Павловская А.В.

РУССКАЯ ТЕМА В АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Вторая половина XIX в. была поворотной в истории Соединенных Штатов. За короткий период в Америке произошли коренные изменения в политической, экономической, социальной, общественной и повседневной жизни. Это коснулось также процесса накопления знаний. В этот период наблюдается своеобразный информационный взрыв, связанный в первую очередь со своего рода революцией в сфере средств массовой информации.

Для Америки всегда был характерен повышенный интерес к новостям. С одной стороны, изолированность всей страны от Старого Света, с другой – американских городов и поселений друг от друга, вызывала своего рода информационный голод среди американцев. Любознательность можно назвать отличительной чертой американской нации. Русский путешественник, посетивший Америку в начале рассматриваемого периода, отмечал, что американец своими манерами, поступками и даже одеждой заметно отличается от европейца, так как он «гораздо проще и моложе... По дороге из Ковингтона в Лексингтон у меня был случай убедиться в его неисчерпаемой, подчас крайне утомительной любознательности.

Вопросам не было конца... о том как живут люди в России и какое там правительство»[1].

Особенно велико было значение печатного слова. В романе известного американского писателя, основоположника социальной прозы США У.Хауэллса (1831-1920) «Возвышение Сайласа Лафэма» один из персонажей говорит: «Вся цивилизованность сегодня приходит через литературу, особенно в нашей стране. Древний грек получал ее через беседы и созерцание, в какой-то степени парижанин сегодня все еще может поступать так же. Но мы, живущие в стороне от истории и памятников, мы должны читать или станем варварами...»[2].

Для Америки, начинавшей новую жизнь после Гражданской войны, вопрос о приобретении знаний был чрезвычайно важным. Таким образом появлялась возможность преодолеть оторванность от внешнего мира, приобщиться к кругу цивилизованных государств, сломать стереотипное представление об Америке как стране без собственных корней и культуры, а об американцах как о народе далеком от цивилизации.

Надо отметить, что речь в данном случае не идет о системе государственного образования, развитие которого шло своим чередом, а о распространении информации и популяризации научных знаний в широкой среде американского общества. Марк Твен, с иронией сквозь которую пробивалось патриотическое чувство, писал: «Мы не жалеем усилий, дабы приобрести знания. И достигли некоторых успехов. Кое-чему мы выучились; быть может, в глазах людей сведущих это пустяки, но нам наши познания доставляют радость, и мы так же гордимся своими незначительными достижениями, как и те, кто знает гораздо больше, и точно так же любим их показывать»[3].

Знания и информация распространялись в обществе различными путями: через разнообразную литературу, как художественную, так и научно-популярную, выпуск которой резко увеличился в 1860-70-е гг., через публич-

ные лекции, чрезвычайно популярные в Америке в середине прошлого века, и, конечно, главным образом, через прессу, игравшую ведущую роль в информационном буме второй половины XIX в.

Для данной работы наибольшее значение имеет вопрос о том, какое место занимали международные новости вообще, и о России в частности, в этом общем потоке разнообразных сведений, обрушившихся на голову рядового американца. Что мог узнать американский обыватель о России того времени, не выезжая из своей страны, каковы были основные источники информации, создавшие представления о русских во второй половине XIX в. и ставшие основой для достаточно устойчивых стереотипов восприятия России в Америке и в более позднее время?

Прежде всего отметим, что большинство исследователей обращает внимание на относительно небольшой интерес, проявляемый американцами в XIX-начале XX в. к международным новостям вообще. Внутренние проблемы волновали их гораздо больше, причем особое внимание уделялось местным новостям, касавшихся жизни своего населенного пункта, затем уже штата, далее страны в целом. Реагируя на этот интерес и в тоже время стимулируя его в соответствии со своими задачами, местная пресса подробно рассматривала каждое незначительное событие местного масштаба, порой только вскользь упоминая о крупных международных новостях.

Согласно более поздним опросам, проведенным в начале XX в., на вопрос о том, какие темы больше всего интересуют их в газетах, американские бизнесмены ответили следующим образом: для 70% наибольший интерес представляли общественные проблемы (public affairs), для 18% – местные новости, для 16% – политические, для 11% – финансовые, для 9,5% – международные, для 7% – общие новости, для 9% – редакционные статьи.

В отношении студентов колледжей результат был следующий: 67% – общественные проблемы, 20% – общие

новости, 15% — редакционные статьи, 12% — политические, 8% — финансовые, 6% — международные, 3,5% — местные новости, 3% — новости бизнеса[4]. Как видно из этого опроса, международные новости занимали далеко не главное место в интересах американцев. Во второй же половине XIX в. цифры, касающиеся международных новостей, скорее всего были бы еще ниже.

Американские исследователи, занимавшиеся проблемами общественного мнения в начале XX в., дали теоретическое обоснование этому явлению в своих работах, где говорится, что «общество всегда лучше информировано относительно внутренних дел, чем международных, так как в последнем случае почти полностью отсутствует прямое наблюдение. Международные проблемы находятся в области «невидимого окружающего мира», и знания о них поступают только через средства массовой информации, которые в свою очередь также находятся в отдалении от происходящих событий... Поэтому международная информация обращена главным образом к воображению человека, однако воображение широких демократических масс будоражат только случайные и сенсационные события, а, следовательно, нельзя рассчитывать на то, что таким образом сформируется устойчивое общественное мнение»[5].

Существовали и другие, более конкретные причины. Так, эмигранты, начиная новую жизнь, часто подчеркнуто игнорировали свое прошлое и оставляли без внимания события, потрясавшие Старый Свет.

Вместе с тем, генетическая связь с Европой безусловно не могла не влиять на американцев и прямо противоположным образом. Там оставались родные и близкие, корни и истоки, и порвать эту связь было не так-то просто. Новоиспеченные американцы привозили с собой частицу старого мира, а с ней вместе и определенный набор сведений. Историки отмечают, что «даже в относительно изолированных североамериканских штатах жите-

ли, и городские и сельские, были неплохо знакомы с внешним миром, что было результатом их эмигрантского прошлого, недорогих средств связи — пароходной, железнодорожной и телеграфной, преобладания грамотности и распространения конкурирующих между собой ежедневных газет»[6].

К тому же, как отмечалось выше, знание мировой культуры расценивалось как приобщение к цивилизованной жизни, как знак принадлежности к культурному обществу, признак воспитания, что было крайне важно для активно нарождающегося после окончания гражданской войны класса «новых» американцев. Не случайно в книгах о правилах хорошего тона, издававшихся в 20-е гг., именно международная тематика рекомендовалась для светских бесед во время обеда: «Всегда существуют художественные редкости, изображения иностранных предметов, картин или статуй, чтобы ими восхищаться, и разговор может постепенно сосредоточиться на египетской пирамиде или лондонском Тауэре»[7].

Таким образом, если в плане интереса к новостям мир стоял для американцев на втором месте, то в отношении приобретения знаний, безусловно, занимал первое. Этим объясняется популярность публичных лекций, посвященных жизни различных стран и народов, огромный интерес к литературе о путешествиях, большие тиражи популярных книг, рассказывающих о европейской культуре.

Россия занимала свое место в общей картине. С одной стороны, дружеские отношения между странами подогревали интерес к этой загадочной далекой державе. С другой — интерес этот вспыхивал главным образом в связи с крупнейшими событиями русско-американских отношений. Так, визит русской эскадры в Америку в 1863 г. повлек за собой ряд публикаций, посвященных государственному и общественному устройству России, а также быту и нравам русских. Затем внимание публики на некоторое время привлекли другие события вплоть до

нового визита в США русского флота под командованием великого князя Алексея Александровича в начале 1870-х гг.

Симпатии и интерес к России в Америке были велики, что отмечали и русские, путешествовавшие по заокеанской республике. Так, один из них, побывавший в Соединенных Штатах в середине XIX в., писал: «Любой, кто подобно мне путешествовал по Америке, может подтвердить, что русское имя вызывает у американцев самые нежные чувства и самые сердечные приветствия»[8]. Характерно, что американский писатель Марк Твен вынес из своего посещения России очень похожие впечатления касательно отношения русских к американцам. Он отмечал, что «еще ни в одной стране нас не принимали с таким радушием — здесь мы чувствовали, что достаточно быть американцем, никаких других виз нам уже не требовалось»[9].

Вместе с тем сведения о России в Америке были достаточно скудными, малосодержательными и редко достоверными. Она оставалась тайной, и все попытки приподнять завесу над этой тайной приносили неутешительные результаты. Россия по-прежнему была для американсцев самой малознакомой и малопонятной среди остальных европейских стран. Причин тому было много: и удаленность, главным образом культурная, хотя, безусловно, и географическая тоже, ведь чтобы попасть в сердце России, надо было пересечь океан и проехать через всю Европу и западную часть России; и отсутствие прямых контактов — американские журналисты добирались до России крайне редко и в своих статьях использовали главным образом европейские материалы, а американские предприниматели в этот период лишь начинали «отвоевывать» русский рынок у европейцев; и тот факт, что активная эмиграция из России началась только в 1880-е гг. Россия не попадала в сложную систему отношений «любви-ненависти» между Америкой и Европой, не была включена она в европейское «большое турне»

столь популярное в Америке с конца 1860-х гг. Однако, главным все-таки оставались культурные различия — в широком смысле понятия «культура». Государственная система, общественные отношения, социальная структура, быт и нравы русских были чужды и непонятны американцам. Европа отличалась, но так, как могут отличаться друг от друга кровные родственники, Россия же была членом другой семьи.

Вместе с тем дружеское отношение к русским подогревало интерес американцев к России и способствовало распространению знаний о ней, пусть поверхностных и не всегда точных. Русское было в моде. Так, например, книги об этикете всячески рекомендовали «обед по-русски» в качестве новшества и признака современного образа жизни: «Чтобы уменьшить чувство неудобства и у принимающего и у принимаемого, стали правилом обеды *a la Russe*». Во время таких обедов «и хозяева и гости освобождены от всякой ответственности. Блюдо следует за блюдом как по волшебству; и единственное, что всем остается — это угощаться и быть счастливым»[10]. Не совсем понятно, в чем же «чудесность» и «русскость» такого обеда, но важен сам факт проникновения пусть даже псевдорусских традиций в американский образ жизни.

Посланник США в России Т.Сеймур еще в 1856 г. писал госсекретарю Марси, настоятельно рекомендуя обратить внимание на Россию не только с сентиментальной точки зрения, но и по чисто практическим причинам: «До сих пор Россия была лучше знакома Великобритании, чем любому другому правительству, за исключением, может быть, только Пруссии. Вследствие этого Англия, через своих консулов и торговцев в России, в какой-то степени контролировала всю международную торговлю этой страны. Пришло время, когда мы должны взять в свои руки то, что скорее всего потеряла Британия, вступив в необдуманную, если не в ненужную, войну с Россией. Поэтому чем больше мы приумножаем

свои знания о России посредством книг и особенно карт, тем легче нам будет внедриться в эту более широкую, чем ранее известные нам, и новую область коммерции. Какие бы памятники искусства, которые создал гений этой страны, мы ни сохранили бы для наших общественных учреждений, они продемонстрируют, помимо всего прочего, что Россия не является варварской страной, как ее пытаются представить ее бывшие противники»[11].

Почти через десять лет новый посланник Куртин обратился с тем же призывом к госсекретарю Сьюарду (1864 г.): «Совершенно необходимо, чтобы Россия и Соединенные Штаты хорошо узнали друг друга. Мы знаем наших сегодняшних врагов, и самое малое, что мы можем сделать, это узнать наших друзей»[12].

Это мнение разделяли и многие рядовые американцы: «При существующем положении вещей, — писал американский священник в конце 1850-х гг., представляя читателям свою книгу, — американцам было бы хорошо самим изучить Россию, не доверяя прежним представлениям, пришедшим к нам через источники, склонные искажать и извращать правду. Нам не повредит взглянуть на великую северную державу с американских позиций; и издание этой книги было предпринято с надеждой, что может быть она заставит хотя бы кого-нибудь из моих соотечественников изучить положение и ресурсы, характер и политику этой европейской державы, которая до сих пор всегда оставалась верным другом Америки»[13].

Подобное отношение в сочетании с дружеским интересом публики и общим информационным бумом не могло не повлечь за собой попыток «открыть» Россию для американцев. Хотя в общеевропейском потоке информации Россия и занимала относительно небольшое место, в сравнении с предыдущими и многими последующими периодами «русская» тема в американской жизни рассматриваемого периода была достаточно заметна. Каковы же были основные каналы, по которым информа-

ция о России поступала в Америку, и те источники, из которых рядовой американец мог почерпнуть сведения о далекой дружественной стране?

Бесспорно, со второй половины XIX в. важнейшим фактором, определяющим общественное мнение в Америке стала пресса. Этот период характеризуется огромным взлетом популярности прессы в Соединенных Штатах, названным американским историком журналистики «одним из чудес того времени»[14]. К 1860 г. тираж газеты «Нью-Йорк Геральд» составил 77 тыс. экземпляров и стал самым большим в мире. В 1870 г. в Америке выходило около 4500 газет (т.е. почти в 3 раза больше, чем в Англии) и более 1000 других периодических изданий, и число их продолжало расти. Освоение новых земель, приток иммигрантов, новые условия жизни после окончания гражданской войны, развитие коммерции и предпринимательства в невиданном до сих пор масштабе — все это вызвало необходимость как увеличения тиража уже существующих изданий, так и появления новых. Еще в 1830-е гг. начинают издаваться так называемые «грошовые газеты» (penny papers), своей низкой ценой и вниманием к местным новостям и сенсациям существенно увеличившие число читателей. В 1860-70-е гг. эти тенденции углубляются, и к ним добавляется коммерческий фактор в виде рекламы, заполняющей страницы газет. Исследователь истории американской журналистики писал, что в 1870-е гг. «американская газетная пресса походила на огромный поток, распространяющий просвещение, миллионы слов, содержащих информацию о делах важных и тривиальных, поощряющий коммерцию путем рекламы»[15].

Если первоначально американские газеты были рассчитаны в первую очередь на избранную публику и четко разделялись по партийной принадлежности, то с середины XIX в. они обращаются к широким массам и ориентируются главным образом на вкусы и интересы рядовых американцев. Газета становится неотъемлемой частью

американской жизни. Американский писатель Оливер Вендел Холмс писал в 1861 г.: «Хлеба и газет» — это новая версия римского *Panem et Circenses* (хлеба и зрелищ — *Авт.*)... Мы должны иметь пищу, чтобы есть, и газеты, чтобы читать. Без всего остального мы можем обойтись... Газета обладает той же властью, что и русский указ; она будет получена и она будет прочитана. Все прочее должно уступить дорогу»[16].

Пресса становится важнейшим источником информации для американцев, через нее приобретаются знания, восполняются пробелы образования, составляется представление об окружающем мире. Исследователь в начале XX в. отмечал, что пресса в Америке имела больше влияния на умы, чем в любой другой стране когда бы то ни было. Никакая другая «неофициальная сила, кроме религии, не имела и половины ее власти»[17]. Вместе с тем, формируя общественное мнение, пресса одновременно являлась и выразителем его. Следуя за интересами публики, журналисты чутко реагировали на настроения в обществе, передавая его в газетных статьях. С этой точки зрения, пресса представляет несомненный интерес для исследователя и как важнейший фактор формирования общественного мнения, и как выразитель его.

Первоначально европейские новости доставлялись в Америку через трансатлантическую пароходную службу, отсюда и название международной рубрики в большинстве газет «Две недели спустя из Европы» (именно столько времени уходило в середине прошлого века на дорогу между Англией и Америкой). Таким образом Америка волей неволей всегда отставала от европейских новостей, к моменту их прибытия в страну они уже устаревали. В какой-то мере это тоже оправдывает невнимание американцев к международным известиям, ведь ни одна новость не может восприниматься как сенсация, если она уже отошла в область истории.

С изобретением телеграфа появилась возможность монополизировать сбор и распространение европейских новостей. Отличительной особенностью американской журналистики всегда являлась и продолжает оставаться большая роль местной прессы: огромная слабонаселенная территория, трудности доставки, интерес к местным новостям привели к тому, что каждый даже небольшой городок считал долгом иметь собственную газету. Вместе с тем совершенно очевидно, что в рассматриваемый период ведущую роль играла нью-йоркская пресса. Особенно это справедливо в отношении европейских новостей. На восточное побережье прибывали пароходы из Европы, отсюда информация доставлялась по всей стране. Значит, двухнедельная задержка европейских новостей для восточного побережья, оборачивалась трех, а то и четырехнедельной для других районов Америки в 1850-е и частично 1860-е гг.

В 1848 г. издатели шести крупнейших нью-йоркских газет объединились в независимое корпоративное объединение для сбора и распространения новостей, главным образом поступавших в Нью-Йорк по телеграфу с кораблей, прибывших в Бостон. Несколько позже это объединение получило название «Ассошиэйтед пресс» (Associated Press) и стало крупнейшим телеграфно-информационным агентством в Соединенных Штатах. С проведением трансатлантической телеграфной связи «Ассошиэйтед пресс» в 1866 г. заключило соглашение с телеграфной компанией «Вестерн Юнион» и фактически монополизировало телеграфные новости. Таким образом, самые свежие новости попадали в Нью-Йорк, а затем уже различными путями — в середине века через знаменитый «пони-экспресс», после завершения трансконтинентальной железной дороги в 1869 г. на поездах, а также телеграфом — доставлялась на места. Именно это объясняет тот факт, что информация о европейских событиях в различных американских газетах чаще всего совершенно

идентична и ошибка, попавшая в центральные нью-йоркские газеты, как правило, неизбежно обходила все местные издания.

До конца 1860-х гг. большая часть европейской информации поступала в Америку из Англии. Причин тому было много: общий язык, позволявший просто перепечатывать английские статья, генетическая связь, державшая американцев в определенной духовной зависимости от заокеанских сородичей даже в периоды напряженных отношений между государствами, тот факт, что большинство кораблей, прибывавших в Америку, отправлялось из английских портов и именно там можно было получить самые свежие новости. Все это ставило американскую прессу в прямую зависимость от Англии. Большинство сведений о событиях в мире, в том числе и в России, представляли собой просто перепечатки или пересказ английских газет. Можно сказать, что в тот период американцы смотрели на внешний мир глазами английской прессы.

Если вспомнить, что на протяжении второй половины XIX в. Россия находилась в состоянии постоянно сменяющих друг друга конфликтов с Англией, то становится очевидным, что содержавшаяся в английской прессе информация о России была далеко не самого доброжелательного свойства. Действия правительства, политическая и социальная система, характер и нравы русского народа подвергались постоянной критике со стороны английских журналистов, внимательно следивших за жизнью враждебной державы и не прощавших ей ни одного промаха.

Вместе с тем американская журналистика, учитывая общий дружеский настрой своего читателя по отношению к России, перепечатывая английскую информацию, сопровождала ее комментариями. Так, передав сообщение о смерти Николая I на основании сведений, содержавшихся в ливерпульских газетах, американский журналист осудил радость английского общества по этому поводу. В годы Крымской кампании практически вся ин-

формация о ходе военных действий поступала из Англии и Франции, что отнюдь не мешало прорусским симпатиям большинства американских газет.

Более того, американцы хорошо сознавали, что материалы о России, поступавшие из Европы, часто носят необъективный характер и даже видели в этом очередное проявление сходства судеб России и Америки. Американский автор писал в книге о России: «Заявления, которые делают европейские путешественники относительно царской империи, по своей абсурдности и безответственному искажению фактов могут быть сопоставимы только с теми высказываниями, которые исходят из тех же источников относительно Соединенных Штатов. То ли испорченность общества, то ли твердое намерение причинить боль привели к систематическому высмеиванию и искажению фактов, формирующих извращенные литературные средства, с помощью которых обе страны изображаются только в карикатурном виде. Таким образом Западная Европа насмехается над Америкой и янки; таким же образом американцы были введены в сильное заблуждение относительно России»[18]. Передавая информацию о России американский журнал в свою очередь предупреждал: «Публикуя эту небольшую зарисовку из жизни русских господ и слуг напоминаем, что она вышла из-под желчного и предвзятого пера британского обозревателя»[19].

Вместе с тем достоверные сведения о России были крайне необходимы, ибо, как писал один из ведущих американских журналов в 1877 г., «в этот период мировой истории внимание американского народа обращено в сторону России, и повсеместно высказывается общее настойчивое желание узнать побольше о ее правительстве, законах, народе, обычаях и традициях»[20].

Важными поставщиками информации из первых рук, особенно для американских журналов, были люди, посетившие Россию специально с целью сбора сведений или со своими личными целями, но пожелавшие опублико-

вать свои впечатления. Жанр путевых заметок считался модным в тот период, и поэтому пресса была переполнена описаниями путешествий, письмами и отрывками из дневников, очень разными по качеству написания и объективности информации. Конечно, в этом общем потоке России отводилась не самая большая роль, хотя бы в силу того, что число людей, посещавших ее, было значительно меньше тех, кто путешествовал по Западной Европе и жаждал поделиться своими впечатлениями. И все-таки эти статьи, хотя и написанные популярно и упрощенно в расчете на широкую публику, давали интересный материал для размышления.

Профессиональные журналисты вплоть до второй половины 1870-х гг. приезжали в Россию только эпизодически, по случаю каких-либо важных событий. Так, известно, что делегацию, возглавляемую Г.Фоксом в 1866 г., сопровождал собственный корреспондент газеты «Нью-Йорк Трибьюн». На коронации же Александра II американских корреспондентов не было, и США судили об этом важнейшем событии в жизни русского государства по отчетам английского репортера.

Первым американским постоянно действующим специальным корреспондентом в России стал Дж.Макгэхан (1844-1878) – личность яркая и неординарная. Жизнь его была полна одновременно и славы и невзгод. Он начал свою карьеру корреспондентом газеты «Нью-Йорк Геральд» в Париже во время франко-прусской войны в 1870-1871 гг. и сразу стал заметной фигурой на журналистском небосклоне. В 1871 г. в качестве корреспондента той же газеты Макгэхан отправился в Петербург. В 1872 г. он сопровождал генерала Шермана в поездке по Кавказу, побывал в Крыму, где был очень благосклонно принят императорским двором. В Ялте же он познакомился со своей будущей женой Варварой Николаевной Елагиной, женитьба на которой в Париже в 1872 г. окончательно связала его судьбу с Россией (Варвара Нико-

лаевна намного пережила своего мужа и впоследствии жила в Нью-Йорке вместе с их единственным сыном)[21].

Зимой 1873 г., получив отказ в просьбе сопровождать русскую армию в походе на Хиву, Макгэхан самостоятельно отправился в далекое и трудное путешествие и стал свидетелем падения Хивы. Свои впечатления он опубликовал в книге «Кампания на Аму-Дарье и падение Хивы», вышедшей в 1874 г. Сам автор очень скромно отзывался о своем труде: «Цель этой книги очень проста. Это скорее описание моего путешествия и приключений, чем упорядоченная история военной кампании. В большинстве случаев я просто описываю то, что я сам видел и слышал»[22]. В Хиве он познакомился со Скобелевым, в то время еще полковником, который оставался его близким другом до самой смерти.

Его описания, касающиеся главным образом жизни народов Средней Азии и состояния русской армии, отличаются яркостью и наблюдательностью. Интересно отметить, как Макгэхан оценивал отношение русских к различным народам: «Русские офицеры, – писал он, – имеют очень сильные симпатии и антипатии. К американцам и французам они испытывают сильные дружеские чувства... Немцев они ненавидят с тем же пылом, с каким любят французов... Таким образом Россия переполняется ненавистью к Германии, которая столь часто была ей верным другом; и любовью к Франции, которая в прошлом была ее злейшим врагом. Чувства русских офицеров к Англии очень противоречивы. Они относятся ко всему английскому если не с любовью, то с большой долей уважения; но это не мешает им быть готовыми к тому времени, когда столкновение русских и английских интересов может привести русскую и английскую армии к конфликту. Но в этот спор они не привнесут чувства национальной вражды»[23]. Конечно, подобные обобщения, может быть, и выглядят субъективными и надуманными, но они в какой-то мере отражают настроения рус-

ского офицерства, в среде которого много вращался американский журналист.

Однако главным делом жизни Макгэхана стало освещение событий русско-турецкой войны. Еще летом 1876 г. американский журналист посетил Болгарию, и его статьи в лондонской газете, описывающие зверства турок, произвели сенсацию в Англии, оказав большое влияние на общественное мнение в этой стране, да и во многих других странах, особенно у него на родине. Американская энциклопедия даже писала, что эти публикации «привели, в конце концов, к объявлению Россией войны Турции»[24]. Болгары называли его «Освободителем», в Америке его статьями зачитывались. В американской повести для юношества, описывающей путешествие молодых американцев в Россию накануне русско-турецкой войны, один из персонажей делает следующее заявление, подчеркивая влияние американских журналистов вообще, а Макгэхана в частности, на мировое общественное мнение: «Газета является подлинным властелином мира. Если верно то, что общественное мнение определяет действия правительства, то газета определяет общественное мнение. Я здесь в Москве представляю один из ведущих журналов. Я плохо справлюсь со своими обязанностями, если, прежде чем закончится год, в обществе не утвердятся сильные настроения в пользу войны. Дж.Макгэхан, один из самых талантливых и честных наших военных корреспондентов, революционизирует общественное мнение в Англии. Другие писатели говорят правду в Австрии, Германии и Франции. В следующем году мы пойдем на Константинополь»[25]. Обращает на себя внимание ясно прослеживающаяся в этом отрывке идея всемогущества прессы, внушавшаяся подросткам, которым предназначалась книга. Заметно также типично американское преувеличенное представление о своей роли в мировой истории — что бы делало человечество, если бы американцы не несли ему слово правды!

Однако при всем том вклад Макгэхана в распространение информации о событиях в Болгарии остается очень существенным, что и нашло отражение в различных документах той эпохи.

Макгэхан прошел с русской армией через всю войну и нелепо умер, заразившись тифом от своего друга Ф.Грина, за которым приехал ухаживать в Константинополь. Именно Грин, полностью разделявший его отношение к России, после выздоровления опубликовал книгу о русской армии и написал прощальный панегирик в адрес столь рано ушедшего друга: «11 июня 1878 г. он был похоронен на маленьком греческом кладбище на холме, на его похоронах присутствовали американский посланник и другие члены дипломатической миссии, офицеры американского военно-морского судна, находившегося в гавани в тот момент, и большое количество русских офицеров, самым известным среди которых был генерал Скобелев. За помин его души отслужили панихиду в Санкт-Петербурге и других городах России. Ни один человек его лет (он умер в 34 года — *Авт.*) за последнее время не сделал больше него для того, чтобы прославить имя американца по всей Европе и части Азии; ни один человек не служил с большей преданностью англоговорящим народам, рассказывая им правду о великих событиях в доступной форме в их ежедневных газетах. Его публикации могут быть взяты за образец тем, кто собирается посвятить себя его профессии, а его надежный характер, его мужество, его энергия — любым, кто хочет преуспеть в жизни честным путем»[26].

Однако и в 1870-е гг. собственный корреспондент американской газеты в России был скорее исключением, чем правилом. В этот период пресса продолжала преимущественно «питаться» европейской информацией и впечатлениями случайных путешественников, побывавших в России.

К сожалению, какими бы путями сведения о России не попадали в прессу, они нередко оказывались малодостоверными или ошибочными, причем часто чисто фактически, не говоря уже об оценках. Так, в момент прихода Александра II к власти наследником престола был его старший сын, великий князь Николай Александрович, и эта информация попала в различные периодические издания, поместившие биографию нового русского императора. В 1865 г. великий князь Николай умер и наследником престола стал его брат Александр Александрович, будущий император Александр III. Несмотря на это, в биографии Александра II, помещенной в 1869 г. в журнале «Эклектик Мэгэзин», наследником русского престола по-прежнему называется Николай Александрович[27]. В большой статье, опубликованной в газете «Сан-Франциско Пост» и посвященной прибытию в Америку младшего сына императора Алексея Александровича, известный американский журналист Генри Джордж призывает американцев оказать достойный прием наследнику престола дружественной державы[28]. Наконец, уже после гибели Александра II в 1881 г., когда интерес к наследнику резко возрос, многие газеты по-прежнему называют его Николаем[29]. Курьезом можно считать тот факт, что газета «Миссури Репабликан» даже поместила манифест нового императора, начинающийся словами: «Мы, Александр III...» и заканчивающийся подписью «Николай Александрович»[30]. Такого рода недоразумения сплошь и рядом встречаются в американской прессе того периода.

Среди журналов, больше всего уделявших место русской теме на своих страницах, надо отметить такие ведущие американские издания как «Atlantic Monthly», «Harper's New Monthly», «Living Age», «Nation», «North American Review», «The Overland Monthly», «Scribner's Monthly». Надо отметить, что в публикациях, помещенных в этих журналах, традициям, быту, нравам и характеру русского народа уделялось незначительное внима-

ние. По своей экзотичности статьи о жизни русских перекликались с аналогичными описаниями жизни африканских племен или азиатских народов. Среди наиболее известных в то время авторов, писавших в журналах о России, надо назвать Брауни, Скайлера, Тейлора.

Какого рода информацию американский обыватель черпал из этих сообщений, хорошо видно из писем жительницы Бостона своему сыну, путешествовавшему в 1867 г. по России: «Письмо от моей матери из Бостона, 10 февраля 1867 г.: "Ты видел газовое освещение в Москве? Судя по газетным сообщениям, это должно быть грандиозным зрелищем"». В другом месте: «Я прочла в сегодняшнем вечернем "Транскрипте", что самая большая комната в мире находится в Санкт-Петербурге, видел ли ты ее? Для ее освещения требуются двадцать тысяч восковых свечей». Далее она беспокоится, чтобы сын ее не замерз в русских снегах, о которых прочитала в журнале[31]. Такого рода мелкие новости и сообщения, как правило, и заполняли американские газеты, оставляя в стороне серьезные проблемы и важнейшие составляющие русской жизни.

Таким образом пресса, являясь для рядового американца во второй половине XIX в. важнейшим источником информации, уделяла «русской» теме довольно поверхностное и не слишком большое внимание. Анализ статей, посвященных России и русскому народу, заставляет согласиться с выводом, сделанным в 1928 г. американским исследователем: «Газеты имеют ярко выраженную тенденцию вызывать международное непонимание... Ни в одной стране в мирное время газеты не считают необходимым показывать хорошие и привлекательные черты чужих народов, зато в период войны они усиленно трудятся, чтобы с помощью постоянных клеветнических нападок превратить дружественных в прошлом людей в подобие дикарей и варваров»[32]. Действительно, о России писали в Америке гораздо больше в моменты напряжен-

ности в отношениях между двумя странами, чем в то время, когда между ними царили мир и согласие. Хотя дружеские отношения между двумя народами, пробудившие взаимный интерес, привели к увеличению числа публикаций, посвященных России в американской прессе, в общем масштабе европейской информации доля русских новостей оставалась относительно небольшой.

---

1 Цит.по: *Lakier A. A* Russian Looks at America. Boston, 1969. P. 161.
2 *Howells W.D.* The Rise of Silas Lapham. Boston, 1957. P. 96.
3 *Твен М.* Простаки за границей // Собр. соч. В 12-ти т. М., 1959. Т. 1. С. 245.
4 Readings in Public Opinion. N.Y., 1928. P. 1176.
5 Ibid. P. 1174.
6 *Saul N.T.* Distant Friends. The United States & Russia, 1763-1867. Kansas, 1991. P. 329.
7 *Maxwell S.B.* Manners & Customs of Today. Des Moines, 1890. P. 194.
8 *Lakier A.* Op. cit. P. 249.
9 *Твен М.* Указ. соч. С. 367.
10 *Schlesinger A.M.* Learning How to Behave. A Historical Study of American Etiquette Books. N.Y., 1946. P. 41-42.
11 *Saul N.T.* Op. cit. P. 294.
12 *Curtin J.* Memoirs. Madison, 1940. P. 12.
13 *Boynton Ch.B.* The Russian Empire. Cincinnati, 1856. P. IV.
14 *Mott F.L.* American Journalism. N.Y., 1950. P. 303.
15 Ibid. P. 411.
16 Atlantic Monthly. 1861. September. Vol. VIII. P. 346.
17 *Irving W.* «The American newspaper» // Collier's. 1911. January 21. P. 18.
18 *Boynton Ch.B.* Op. cit. P. 51.
19 Harper's New Monthly Magazine. Vol.XI. № 64. 1885. September.
20 Potter' American Monthly'. 1877. № 9. July. P. 341.
21 Dictionary of American Biography. Vol. XII. P. 45-46.
22 *MacGahan J.A.* Campaigning on the Oxus & the Fall of Khiva. N.Y., 1874. P. III.
23 Ibid. P. 337-338.
24 The National Cyclopaedia. Vol. VI. P. 187.
25 *Champney E.W.* Three Vassar Girls in Russia & Turkey. Boston, 1889. P. 194-195.
26 *Greene F.V.* Sketches of Army Life in Russia. N.Y., 1880. P. 162-163.

[27] Eclectic Magazine. № 72. 1869. June. P. 752-754.

[28] The American Image of Russia. N.Y., 1974. P. 138-139.

[29] Boston Herald. 1881. 14 March; Cincinnati Daily Gazette. 1881. 15 March.

[30] The Missouri Republican. 1881. 15 March.

[31] *Appleton N.* Russian Life & Society. Boston, 1904. P. 152.

[32] *Abbot W.J.* Dragon's Teeth: The Press & International Misunderstandings // Virginia Quarterly Review. Vol. IV. № 3. 1938. July. P. 372, 368.

Журавлева В.И.

КАК ПОМОЧЬ РОССИИ?
(Россия и американское общество в конце XIX века)

В конце прошлого столетия американское общество оставило позади период эгоцентризма и бросило взгляд на мир вокруг себя. Страдания жертв деспотизма и произвола, борьба за индивидуальные права и политическую свободу всегда вызывали симпатии американцев. Особенно волнующими они стали для послевоенного поколения, которое сохранило твердую веру в прогресс, однако не торопилось заниматься самоанализом и критикой собственных недостатков. В результате переосмысления национального идейного наследия изменилось понимание того, каким образом Америка явит другим нациям идеальную модель политического развития. На рубеже XIX-XX вв. происходит эволюция от пассивной позиции, подразумевающей влияние путем примера, к активной – через осуществление освободительной миссии. Американское общество оказалось готово к вмешательству в европейские дела, а конгресс и исполнительная власть в США начали поднимать вопрос о правах человека во внешней политике. Подобные действия находили теоретическое обоснование в доктрине гуманитарной интервенции, а по отношению к странам догоняющего типа модернизации в учении англосаксонской школы о цивилизаторском долге. Указанный процесс нашел свое отражение во взаимоотношениях России и США, что привело к неоднозначным и глубоким последствиям.

Конец XIX в. стал важным этапом в истории двухсторонних контактов. Именно в это время российско-американская «дружба» дала трещину. Оба государства переживали период бурного экономического роста и в менявшейся геополитической обстановке переходили к более активной внешней политике, что привело к столкно-

вению их интересов на Дальнем Востоке, поиску новых союзников, обострению конкуренции на мировом рынке. Параллельно возрос интерес американского общества к наиболее сложным проблемам внутреннего развития Российской империи: ужесточение политического режима и методы борьбы за его либерализацию, национально-конфессиональный вопрос, голод 1891-1892 гг. и бедственное положение русского крестьянства. За эмоциональной реакцией и выражением сочувствия последовали практические действия, был поставлен вопрос: «Как помочь России?».

В 80-90-е гг. прошлого века в США оформилось три движения, отличавшиеся по своему характеру, составу участников, целям и результатам и давшие различный ответ на поставленный вопрос: в поддержку дела русской свободы; в защиту прав российских евреев и американских граждан иудейского вероисповедания, посещавших территорию империи; а также по оказанию помощи жертвам голода в России 1891-1892 гг. Соприкосновение с реальностями российской действительности высветило противоположность политических систем двух стран, что вызвало обострение идеологических противоречий, привело к формированию нового образа России и россиян в сознании американцев, а также послужило причиной возникновения стойких «русских» стереотипов в общественном мнении США.

Избранная тематика представляет большой интерес для изучения истории взаимоотношений правительств и народов в XX в., когда столкновение идеологий начинает играть существенную роль, и позволяет рассмотреть ряд теоретических вопросов, связанных с проблемами истории международных отношений. Речь идет о дихотомии понятий «свое» и «чужое» в национальном менталитете (восприятие «другого» сквозь призму собственных традиций и ценностей; «чужое» как способ познания «своего»); механизмах формирования и функционирования

внешнеполитических представлений и стереотипов; влиянии особенностей национального развития на межгосударственные контакты и процесс взаимовосприятия.

Борьба за либерализацию политического строя в Российской империи впервые привлекла внимание американского общества в связи с событиями 1 марта 1881 г. После убийства Александра II в европейских странах и США преобладало резко враждебное отношение к русским революционерам-народникам. Большинство американских газет опубликовало статьи, откровенно осуждавшие террористическую деятельность нигилистов в России. Их называли «маньяками эпохи французского террора», «отвратительной бандой жестоких мужчин и полоумных женщин», «врагами свободы народа», «людьми, совершившими преступление против Бога и человека». Газета «Sun» напоминала о смерти А.Линкольна, утверждая, что в любых случаях и при любых обстоятельствах идея убийства жестока и отвратительна[1]. В резолюции сената, текст которой был передан царскому правительству через российского посланника в Вашингтоне, выражалось соболезнование дружественной нации и подчеркивалось, что никакие цели не могут оправдать политический террор[2]. Симпатии американцев оказались на стороне официальной России. Подобные настроения и покушение на американского президента Дж.Гарфильда помешали агитационной кампании народника Л.Гартмана. Он прибыл в США летом 1881 г. по заданию Исполнительного Комитета «Народной воли» и был вынужден дважды уезжать в Канаду, опасаясь выдачи русским властям[3]. Отношение к революционерам-народникам продемонстрировала дискуссия, проходившая в середине 80-х гг. на страницах журнала «North American Review» под заголовком «Выдача динамитных преступников». В дискуссии приняли участие американские специалисты в области международного права, которые пришли к выводу, что политическое убийство не имеет оправданий и должно подпадать под действие экстрадиционной конвенции[4].

Правительство Александра III воспользовалось подобными настроениями для того, чтобы заключить договор о взаимной выдаче преступников. Его подписание отвечало интересам обеих стран и состоялось 16(28) марта 1887 г.[5] Однако на общественном уровне экстрадиционная конвенция была встречена в штыки, так как изъятие цареубийц и их соучастников из разряда политических преступников позволяло официальному Санкт-Петербургу требовать выдачи всех политических беглецов. Сама же идея отказа в праве на политическое убежище в корне противоречила демократическим традициям США независимо от того, как в заокеанской республике относились к нигилистам и их методам.

Борьба против договора стала отправной точкой и кульминационным моментом кампании в поддержку дела русской свободы[6]. В ней приняли участие российские политэмигранты, прогрессивно настроенная часть американского общества, прямо или косвенно президент и конгресс. Американцы смогли ближе познакомиться с внутриполитическим курсом самодержавия, составить более объективное представление о методах борьбы за его либерализацию и переосмыслить свое отношение к официальной России.

Существенный вклад в данный процесс внес американский журналист Дж.Кеннан. В конце 80-х – начале 90-х гг., вернувшись из поездки по Сибири, он опубликовал на страницах журнала «Century» серию статей о политической ссылке в Российской империи и написал книгу на эту тему. Кеннан прочитал в США около 500 лекций, в которых разъяснялись задачи и цели революционного движения в России и содержалась критика режима политической реакции. Либеральный журналист не одобрял террористических методов «борцов за дело русской свободы», однако пришел к выводу, что они могли рассчитывать на симпатии американского общества, так как в стране, где отсутствуют индивидуальные и полити-

ческие права, оппозиция деспотическому правительству является моральным долгом любого честного человека[7].

Свидетельством подобных симпатий за океаном стали многочисленные публикации в прессе, которые российский посланник в США К.В.Струве назвал «чернильным походом» против России, массовые митинги в защиту тех, кто боролся за ее свободу, деятельность обществ, возникших в 1889-1891 гг. в Филадельфии, Денвере, Бостоне под влиянием деятельности Дж.Кеннана при активном содействии русских политэмигрантов в США[8]. Американцы, принимавшие участие в работе этих организаций (в основном представители интеллигенции и прогрессивные общественные деятели США: С.Сэкстон, М.Твен, Дж.Уиттер, Дж.Лоуэлл, Л.Уаймен, У. и Ф.Гаррисоны, Дж.Хоу и др.), видели свою задачу в том, чтобы путем сбора подписей под петицией на имя царя протестовать против жестокостей, допускаемых в отношении политических ссыльных, оказывать моральную поддержку российским патриотам в их борьбе за политическую свободу и конституционное правление, распространять достоверную информацию о ситуации в России и способствовать формированию правильного общественного мнения об этой стране в Америке[9].

Перечисленные общества являлись наиболее активными центрами борьбы против ратификации договора о взаимной выдаче преступников. Однако государственные интересы взяли верх над демократическими настроениями, и через три года, 10 (22) февраля 1893 г., Сенат все-таки ратифицировал нашумевшую конвенцию[10].

Друзья русской свободы в США решили превратить движение за отмену экстрадиционного трактата в чисто американскую, национальную кампанию, которая могла бы привести к реальным результатам и помочь политическим беглецам из России сохранить право на убежище в Америке. Оппоненты договора подчеркивали, что различия в системе судопроизводства делали невозможным под-

писание экстрадиционного соглашения такого содержания, ибо превращали судебные органы США в «карающий меч» Российской империи, и обращали внимание на забвение американских демократических традиций. Движение действительно вызвало широкий резонанс, но ненадолго и слишком поздно[11]. В апреле 1894 г. сенатор-демократ от штата Индиана Д.Тэрпи внес резолюцию об изменении § 2 ст. 3 конвенции, но не нашел поддержки в Сенате[12]. Этим и закончилась организованная американцами кампания в поддержку дела русской свободы.

У договора нашлось немало сторонников в американском обществе, что свидетельствовало о неоднозначном отношении к событиям в России. Самым авторитетным из них был Дж.Мур, в то время профессор международного права и дипломатии в Колумбийском университете. Он представил аргументированную юридическую защиту положений трактата и напомнил американцам о смерти президентов А.Линкольна и Дж.Гарфильда, призывая осудить убийства, с какими бы целями они не совершались[13]. Высказанная точка зрения импонировала тем социальным группам, которые связывали распространение анархизма в США с пагубным влиянием русских политэмигрантов с их террористическими методами, а рост социальной напряженности с «новой иммиграцией». Американское общество оказалось перед трудной моральной дилеммой: как политическое убийство, так и выдача политических беглецов осуждались, причем ни та, ни другая позиция не могла быть однозначной. Вызывала симпатии борьба за свободу, но «крайние», «ошибочные», «преступные» методы этой борьбы позволяли оправдывать репрессивные действия официальных властей.

Ратификация конвенции сенатом и прекращение деятельности Американского общества друзей русской свободы продемонстрировали ограниченные возможности международных акций подобного рода и господство «realpolitik» над морально-этическими проблемами. Дого-

вор о взаимной выдаче преступников отвечал охранительной иммиграционной политике администрации, которая к тому же рассчитывала на уступчивость императорского правительства в вопросе о натурализации[14] и его поддержку на переговорах с Англией по Берингову морю[15].

И все-таки движение друзей русской свободы в Америке имело свои результаты. Это была первая в истории США попытка создать международную оппозицию политическому режиму в России и оказать на него моральное давление через общественное мнение за границей. Участники движения стремились перенести принципы соблюдения гражданских прав в сферу иностранной политики и таким образом компенсировать отсутствие свободы слова в Российской империи. Хотя экстрадиционная конвенция действовала вплоть до 1917 г., политические эмигранты сохранили право на убежище за океаном[16]. Своего рода компромисс между исполнительной властью и общественным мнением (договор подписан, но не действует в отношении политических беглецов) проявился в сфере международных отношений, что стало свидетельством разрушения старого образа России в сознании американцев. К чувствам дружбы и благодарности за услуги, оказанные императорским правительством в ходе гражданской войны в США[17], начинают примешиваться враждебность и осуждение его внутриполитического курса. Террор и репрессии, отсутствие гражданских и политических прав, консервативная система судопроизводства создавали образ страны недостаточно цивилизованной, а традиции национального развития и особенности менталитета вызывали сомнения в наличии необходимого уровня правосознания в обществе, лучшие представители которого используют в борьбе за свободу методы, неприемлемые для самих американцев. Вскоре надежды, опасения и мессианские настроения последних оживит революция 1905-1907 гг.

Негативных красок в палитру представлений американского общества о России и русских добавляла национально-конфессиональная политика правительства Романовых. В 60-е гг. XIX в. в российско-американских отношениях возник еврейский вопрос, обострившийся в 80-90-е гг. в связи с новыми дискриминационными мерами царских властей и началом массового переселения евреев в Америку[18].

Он включал в себя три аспекта. *Гражданско-правовой* отражал реакцию американского общества, в первую очередь еврейской общины, на антисемитскую политику в империи, которая стала причиной созыва многолюдных митингов протеста[19], темой статей, заполнявших страницы газет и журналов[20], привлекала внимание конгрессменов[21] и дипломатов[22]. Еврейские погромы в России неизменно вызывали в США волну общественного осуждения и требований в адрес исполнительной власти оказать давление на официальный Санкт-Петербург с целью улучшить бесправное положение российского еврейства.

«Паспортный» конфликт сводился к тому, что при посещении империи гражданами США иудейского вероисповедания их права и свободы приравнивались к правам и свободам русских евреев. Подобная дискриминация расценивалась в заокеанской республике как неуважение американского паспорта, что вызывало однозначно негативную реакцию, как на государственном[23], так и на общественном уровнях[24].

И, наконец, в середине 80-х гг. в связи с неуклонным ростом русско-еврейской эмиграции в Америку возник *иммиграционный вопрос*. Толчком для резкого роста эмиграции послужили еврейские погромы, охватившие южные и западные районы России, а дополнительным стимулом стало введение в мае 1882 г. «Временных правил о евреях»[25]. Знакомство с новыми переселенцами вызвало сложные чувства и эмоции в различных слоях американского общества. Еврейские эмигранты были в основной

массе чрезвычайно бедны, оседали в гетто крупных портовых городов, создавая конкуренцию местным рабочим, не походили на старых иммигрантов и на своих американских единоверцев, к тому же прибывали в таком количестве, что вопрос об их американизации становился весьма проблематичным. Не случайно они стали менять образ еврея в американском сознании[26].

Еврейская община США, которая через созданные ей организации помогала приезжавшим из-за океана людям устроиться на новом месте, забила тревогу, т.к. филантропические возможности имели свои пределы, а эмиграция продолжала неуклонно нарастать[27]. Если учесть, что в начале 90-х гг. XIX в. в республику ежемесячно приезжало около 5 тыс. российских евреев, то становится понятным, почему политика царского правительства по отношению к еврейскому меньшинству приобрела для американцев особую остроту[28]. Их тревожили сомнения: смогут ли эти эмигранты ассимилироваться, приспособиться к новым условиям жизни, превратиться в законопослушных граждан приютившей их страны, не создадут ли они еврейский вопрос на американской почве, не станут ли причиной социальной напряженности.

В 1891 г. вашингтонская администрация образовала специальную комиссию из пяти человек с целью выяснить причины эмиграции из Европы в США. Изучением положения российского еврейства занимались председатель комиссии суперинтендант Нью-Йорка полковник Дж.Вебер и доктор Кемпстер из штата Висконсин. Увиденное в России потрясло их до глубины души. Лишь став свидетелями выселения евреев из Москвы летом 1891 г., побывав в Минске, Вильно, Белостоке, Гродно, Варшаве, ознакомившись с подлинными документами, американцы смогли поверить в то, что в цивилизованной стране может существовать подобная дискриминация. Они пришли к малоутешительному выводу: положение еврейского меньшинства безнадежно тяжелое, и един-

ственно возможным выходом из создавшейся ситуации является его эмиграция в другие государства. Вебер и Кемпстер вместе с другими членами комиссии составили отчет, который можно считать одним из самых полных, ярких и объективных документов, дающих американскому обществу представление об антисемитской политике в России в конце XIX в.[29]

С этого времени еврейский вопрос стал камнем преткновения во взаимоотношениях двух государств. Выступления американского общества, прежде всего еврейской общины, не ускорили процесс гражданско-правовой эмансипации русских евреев. Как следствие продолжала нарастать их эмиграция в США. Позиция официального Санкт-Петербурга в «паспортном вопросе» оставалась неизменной, так как она зависела от общей национально-конфессиональной политики царизма и объяснялась полярными различиями в социально-политическом устройстве стран. Госдепартамент последовательно отстаивал принцип равноправия всех американских граждан за рубежом вне зависимости от их веры, но не мог устранить конфликт, связанный с разным подходом к институту прав человека. Итогом противоречий по еврейскому вопросу стала денонсация торгового русско-американского договора 1832 г., проведенная в одностороннем порядке конгрессом США в декабре 1911 г.[30], ухудшение межгосударственных отношений, всплеск негативных эмоций по обе стороны океана и возникновение стойких идеологических стереотипов в сознании американцев.

Однако старые и новые представления продолжали сосуществовать в их восприятии образа далекой страны, о чем свидетельствовало филантропическое движение, организованное в Америке во время голода 1891-1892 гг. в России[31]. В ходе кампании милосердия американское общество получило возможность познакомиться с одним из аспектов ее социально-экономического развития и жизнью аграрного населения, что способствовало фор-

мированию объемного образа другого народа. Кроме того данные события оживили в США дискуссию о месте России в кругу цивилизованных держав, об особенностях процесса модернизации, развернувшегося в этой стране, об уровне развития большей части ее населения.

Филантропическое движение оформилось в декабре 1891 г. Его основными участниками стали фермеры ряда штатов Среднего Запада[32].

Сторонникам гуманитарной помощи пришлось столкнуться с враждебным по отношению к официальной России настроением прессы и общественного мнения в США. Смысл публикаций, появлявшихся на страницах американских изданий, сводился к тому, что неразумно и недостойно помогать правительству, которое отправляет наиболее энергичную и просвещенную часть общества в Сибирь, жестоко обращается с евреями, заставляя их эмигрировать в другие страны, преступно бездействует и, несмотря на разразившийся голод, продолжает обирать крестьян, потворствует взяточничеству и спекуляции. В данном случае в центре внимания оппонентов царского режима оказались налоговая политика, военные расходы, нерешенный крестьянский вопрос, а разразившийся голод трактовался ими как закономерный результат общего кризиса отсталой политической системы. Подводя итог развернувшейся дискуссии, «Chicago Daily Tribune» заявила: «США уже достаточно помогли России, приняв 50 тыс. евреев-беженцев из этой страны»[33]. Противники помощи жертвам голода поставили во главу угла соображения политического и идеологического характера: демократическая, свободная Америка не должна помогать деспотическому режиму. Сторонники кампании милосердия руководствовались словами организатора движения, редактора журнала «Northwestern Miller» У.Эдгара: «Это вопрос не политики, это вопрос гуманности!»[34].

Противоположные точки зрения столкнулись в палате представителей конгресса, где обсуждалась проблема

транспортировки за океан продовольствия, уже собранного к тому времени американцами. Происходившие дебаты продемонстрировали рост антирусских настроений в американском обществе. Конгрессмены не пожелали прислушаться к призыву У.Эдгара. Негативный образ официальной России выступил на первый план, и в конце концов палата представителей отказала морскому министерству в субсидии в размере 100 тыс. долл., а вопрос об оказании федеральной помощи российским голодающим был снят с повестки дня[35].

С этого момента филантропическое движение приобрело общественный характер. С конца февраля до середины июня 1892 г. к берегам России отплыли 5 пароходов с грузом помощи. На борту каждого из них было в среднем по 2 тыс.т продовольствия (в основном пшеничная и кукурузная мука)[36].

Пароходы сопровождали представители Американского общества Красного Креста и газеты «Christian Herald», комитетов, возникших в штатах Миннесота, Айова и г. Филадельфии. В своих письмах и отчетах они сообщали согражданам, что весь груз был сразу же отправлен страдающим от голода русским крестьянам и ни один фунт пожертвованного продовольствия не пропал даром[37], а также описывали гостеприимство и радушие россиян, оказавших сердечный прием посланцам далекой Америки. После разгрузки кораблей У.Эдгар, Р.Блэнкенбург, Ф.Ривс и Дж.Хаббель побывали в голодавших губерниях Российской империи. Во время этого путешествия американцы смогли оценить трагизм ситуации в местах, пострадавших от неурожая, познакомиться с деятельностью российской общественности по борьбе с голодом, встретиться с Л.Н.Толстым и его семьей, узнать быт и нравы русских крестьян[38]. Практически все иностранцы, посетившие в это время Россию, пытались найти объяснение голоду, случившемуся в стране. У.Эдгар пришел к заключению, что его причиной является сис-

тема общинного землепользования, лишавшая человека инициативы и заинтересованности в результатах своего труда. По его мнению, русские крестьяне, являясь временными собственниками того или иного участка земли и используя примитивную технику для его обработки, получали слишком маленький урожай, и после уплаты налогов и покупки самого необходимого для существования у них ничего не оставалось на черный день. Поэтому любой неурожайный, засушливый год угрожал им голодной смертью. Кроме того, У.Эдгар обратил внимание на негативные последствия крестьянской реформы 1861 г. С его точки зрения, она нарушила связь между двумя элементами аграрной и социальной системы, долгое время существовавшей в России, освободив помещиков от всякой ответственности за условия существования крестьян и развитие этого сектора экономики. Выход из создавшейся ситуации виделся ему в восстановлении утерянного взаимодействия между землевладельцем и землепользователем и постепенном усовершенствовании их отношений[39]. Подавляющее большинство американских наблюдателей пришло к выводу, что голод вызван не только засухой, но и истощением почвы, общим разорением крестьянского хозяйства, а следовательно кризисом самой аграрной системы России[40]. Однако некоторые из них в качестве объяснения обращали внимание на неграмотность, пьянство и пассивность жителей русской деревни[41]. Но какой бы ни была реакция американцев на трагические события в России, голод, повторившийся затем в 1897 и 1907 гг., стал для них символом отсталости страны и замедленных темпов ее обновления.

Значение филантропического движения не исчерпывается его реальными результатами. Кампания милосердия стала подлинно народным предприятием и первой международной гуманитарной акцией подобного масштаба для американской нации. В ней приняли участие представители практически всех слоев общества из раз-

ных уголков страны, которые не пытались вмешиваться во внутреннюю политику другой страны и навязывать ей свою систему ценностей. Их интересовала не позиция официальной России, а судьба голодающих русских крестьян. Они действовали во имя идеи христианского милосердия, отдавая дань тем, в целом дружественным, отношениям, которые в течение века существовали между государствами, дань благодарности за помощь, оказанную Россией во время гражданской войны в США. Это был пример народной дипломатии. Она действовала на уровне международных отношений в их «чистом виде» и говорила на языке понятном и американцу, и русскому. Филантропическое движение внесло совершенно особый, гуманистический акцент в российско-американские отношения, подчеркнув в то же время неоднозначность, двойственность существовавших в США представлений о «другой» стране и «другом» народе.

Итак, в конце XIX в. Америка вновь открывала для себя Россию, что приводило к формированию ее сложного и противоречивого образа в сознании американцев: Россия деспотизма и произвола, где отсутствуют элементарные гражданские и политические права, и Россия самоотверженных борцов за дело свободы, интеллигенции, готовой пожертвовать всем ради достижения благородной цели; Россия богатой культуры, самобытных традиций, напряженной научной мысли и безграмотного, нищенствующего населения; Россия огромных экономических возможностей, символом которых стало строительство крупнейшей в мире Транссибирской железнодорожной магистрали, и Россия голодающая. Американцы стремились понять, постичь эту далекую страну, но во многом и в конце XIX в. она оставалась для них «загадочной», что зачастую приводило к неоднозначным оценкам.

Движения, возникшие в США в конце прошлого столетия, внесли серьезный вклад в формирование этого образа. В его создании приняли также участие российс-

кие эмигранты и американцы, побывавшие в царской империи. Русская тема не сходила со страниц американской прессы. Постижение России происходило через произведения классиков литературы — И.С.Тургенева, Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского. Процесс узнавания активизировался благодаря расширявшимся научным, культурным и экономическим связям.

Наконец, очень важное влияние на общественное сознание оказывали процессы, происходившие в США на рубеже веков: распространение проанглийских и прояпонских настроений в американском обществе; формирование идеологии американского экспансионизма с присущей ему идеей единства и превосходства англосаксонских наций; всплеск враждебности по отношению ко всем неамериканцам в контексте общего роста национализма. Вот почему краски порой сгущались, и на первый план выступал негативный образ отсталой и недостаточно цивилизованной страны, где обычным явлением были репрессии и погромы, политический террор и анархия, религиозная нетерпимость и повторяющийся голод, где существовала консервативная система судопроизводства, а законы не соответствовали современным для того времени правовым нормам. По мере того как формировался этот образ, американское общество, руководствуясь идеей освободительной миссии Америки, попыталось перенести свою систему моральных и политических ценностей на русскую почву, не учитывая, что в тот момент она была неприемлема для России в силу специфики ее развития. Это привело к обострению идеологических противоречий и укрепило в США позиции тех, кто выступал за охлаждение отношений между двумя странами. Всплеск антирусских чувств в Америке обеспечил вашингтонской администрации необходимую общественную поддержку для проведения откровенно прояпонского курса накануне и в период русско-японской войны. Однако и до, и после пережитого кризиса по обе стороны океана сохра-

нялась взаимная заинтересованность в поддержании стабильных политических и экономических отношений. Американцы, конечно, могли рассуждать о либерализации политического строя в России, но не меньший интерес, к примеру, вызывали известия о строительстве Великого Сибирского пути, а также вопрос о том, как много жаток, локомотивов и тонн рельсов можно поставить на русский рынок.

Для Соединенных Штатов оппозиция царскому режиму стала частью прогрессистской традиции, которой, к тому же, был придан миссионерский импульс. В борьбу за денонсацию экстрадиционного договора вступили прежде всего бывшие аболиционисты, продолжавшие отстаивать равные права негров. Темнокожие жители Америки приняли живое участие в судьбе русских евреев, надеясь привлечь внимание своих белых сограждан к проблеме расовой дискриминации в собственном доме[42]. Среди участников движения в поддержку дела русской свободы и филантропической кампании было немало американских женщин, что способствовало активизации их роли в жизни общества, а, следовательно, стимулировало решение вопроса о расширении прав женского населения страны[43]. Так в национальном менталитете через познание «чужого» происходила, с одной стороны, идеализация «своего», а с другой — усиливалось критическое отношение к собственным недостаткам.

XX в. создал в сознании американцев новый образ — образ Советской России. Однако в центре внимания американского общества оказались старые проблемы: гражданские и политические права, политическая эмиграция, свобода передвижения, национально-конфессиональный вопрос, голод. И вновь Америка по-разному пыталась помочь России. И коль скоро события повторяются, очевидно, стоит обратиться к истории российско-американских отношений, чтобы уйти от старых стереотипов в восприятии образа «другой» страны и создать

условия для конструктивного диалога между нациями с различными политическими традициями, культурным наследием и менталитетом.

---

1 Цит. по: *Moore J.B.* The Russian Extradition Treaty // The Collected Papers of J.B.Moore. New Haven, 1944. Vol. 1. P. 269.

2 АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 154. 1881 г. Л. 33-35.

3 Там же. Л. 103-104, 109; Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/I. Д. 1. Папка 14. Л. 25-26; National Archives and Record Service. RG. 59. DI. Russia. M. 77. R. 139. P. 105-110.

4 North American Review. 1885. July. Vol. CXLI. P. 47-59.

5 АВПРИ. Ф.Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/I. Д. 617. Л. 1-5 об., 88-91, 93-98, 124-125, 134-138, 190-199, 262-269, 279 об. Правительство России получало возможность преследовать политических беглецов, скрывавшихся в Америке, т.к. цареубийцы и их соучастники исключались из разряда политических преступников и должны были выдаваться как лица, совершившие тягчайшее уголовное преступление (§ 2, ст. 3), а также надеялось развеять надежды русских революционеров на моральную поддержку заокеанской республики. Правительство США было заинтересовано не столько в том, чтобы получить преступников, сколько в том, чтобы их выдать. В этот период вашингтонская администрация заключила серию экстрадиционных трактатов с различными государствами, дабы ограничить въезд в страну преступников и прочих взрывоопасных элементов.

6 Подробнее об этом движении см.: *Журавлева В.И.* Кого демократическая Америка выдавала царской России? // Американский ежегодник. 1993. М., 1994. С. 116-126; *Она же.* Русско-американский договор 1887 года // Вопросы истории. 1991. № 9/10. С. 252-254.

7 О деятельности Дж. Кеннана подробнее см.: *Меламед Е.И.* Русские университеты Джорджа Кеннана. Иркутск, 1988; *Travis F.F.* George Kennan and American-Russian Relationship. 1865-1924. Athents, 1990.

8 АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 104. 1890 г. Л. 29-29 об.; 33а, 34-36; Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/I. Д. 42. Л. 52; Д. 45. Л. 15-19; Free Russia. 1890. June. № 1. P. 13; September. № 2. P. 13; 1891. January. № 1. P. 9; February. № 2. P. 8-9.

9 АВПРИ. Ф.Канцелярия. Оп. 470. Д. 104. Л. 30-30 об., 32; Ф.Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/I. Д.42. Л. 52; Д. 45. Л. 15-19; Д. 39. Л. 301-302; Д. 51. Л. 181, 213; РГАЛИ. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 32. Л. 44; Д. 424. Л. 1-6; Д. 544. Л. 1-2 об., 4-5, 13-16 об.; ГАРФ. Ф. 5799. Оп. 1. Д. 138. Л. 98; Д. 60. Л. 156 об.; Ф. 102. Оп. 88. Д. 86. Л. 9; Free Russia. 1890. June. № 1. P. 13-14; De-

cember. № 5. P. 13; 1891. January. № 1. P. 9; February. № 2. P. 8-9; March. № 3. P. 9.

10 АВПРИ. Ф. 137. Оп. 477. Л. 245-248; National Archives and Record Service. RG. 59. DI. Russia. M. 77. R. 139. P. 105-110.

11 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. Д. 295. Л. 1-1 об.; Ф. 5799. Оп. 1. Д. 102. Л. 29-30 об., 33а об.; АВПРИ. Ф.Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/I. Д. 617. Л. 13-14; Library of Congress. Manuscript Division. The Papers of George Kennan. Box 103,134; Free Russia. 1893. Vol. 3. February. № 7. P. 1-6; March. № 8. P. 4-13; April. № 9. P. 3-9; May. № 10. P. 3-12; June. № 11. P. 3-13; July. № 12. P. 4-15; Vol. 4. August. № 1. P. 7-11; December. № 5. P. 5-7; 1894. February. № 7. P. 5-7; April. № 9. P. 4-7; June-July. № 11-12. P. 3, 8-19; New York Times. 1893. April 2, 11; New York Tribune. 1893. March 8; Philadelphia Press. 1893. April 20; Daily Inter Ocean. 1893. April 24.

12 Congressional Record. 53 Congress. 2-nd Session. Vol. 26. Part 4. P. 3385; 3-rd Session. Part 5. P. 5498-5499, 5666.

13 The Collected Papers of J.B.Moore... P. 256-273; см. также: Weekly Review (Boston). 1893. March 11; Washington Post. 1893. April 5, June 8.

14 Во второй половине XIX в. американская администрация неоднократно пыталась подписать конвенцию о натурализации с царским правительством, дабы обеспечить свободный переход подданных Российской империи в гражданство США. Соглашение не состоялось, т.к. консервативная система внутреннего законодательства пришла в столкновение с современными для того времени нормами международных отношений. В России продолжала действовать ст. 325 Уложения о наказаниях, предусматривающая ссылку в Сибирь и конфискацию имущества за самовольное оставление подданства и получение натурализованного гражданства иностранного государства.

15 15/28 августа Парижский третейский суд принял решение, согласно которому устанавливались обязательные для Англии и США меры по охране котиков в американских водах в Беринговом море.

16 Документы АВПРИ свидетельствуют о том, что с 1893 по 1917 г. не было ни одного случая выдачи российских политических беглецов, скрывавшихся в США. См.: АВПРИ. Ф.Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/I. Д. 77,89 б, 120-124, 146-148, 198, 217, 233, 250, 268, 289, 308, 327, 348, 620-639; Library of Congress. Manuscript Division. The Papers of George Kennan. Box 103.

17 В период гражданской войны в США 1861-1865 гг. Россия заняла позицию дружественного нейтралитета и послала две военные эскадры к берегам Америки. Царское правительство, как выяснилось позже, стремилось уберечь свой флот на случай войны с европейскими государствами из-за польского вопроса, однако появление русских кораблей в Нью-Йорке и Сан-Франциско оказало важную моральную поддержку федерально-

му правительству и было воспринято американским народом как новое доказательство дружественных отношений, существовавших между двумя нациями.

18 Об этом см. подробнее: *Журавлева В.И.* Еврейский вопрос в России глазами американцев. (Из истории российско-американских отношений конца XIX в.) // Вестник Еврейского университета. 1996. № 3(13). С. 64-87.

19 АВПРИ. Ф.Канцелярия. Оп. 470. 1882. Д. 105. Л. 20-23; 46-50 об.; 53-54; см. также: *Healy A.E.* Tsarist Anti-Semitism and Russian-American Relations // Slavic Review. 1983. Fall. P. 414; New York Times. 1882. February 2, 3, 16; Evening Post. 1882. February 1; Commercial Advertiser. 1882. March 15; Harper's Weekly. 1882. February 11.

20 См. газеты: New York Times, New York Tribune, Evening Post; журналы: Harper's Weekly, Atlantic Monthly, Century Magazine, Nineteenth Century, Forum, Arena, Fortnightly Review; etc.

21 Congressional Record. 47 Congress. 1-st Session. Vol. 13. Part 1. P. 645,738; Part 7. P. 6691; Appendix. P. 651-658; 2-nd Session. Vol. 14. Part 3. P. 2939; 48 Congress. 1-st Session. Vol. 15. Part 1. P. 279; Part 6. P. 5798; 49 Congress. 2-nd Session. Vol. 18. Part 1. P. 288; 51 Congress. 1-st Session. Vol. 21. Part 9. P. 8529, 8892; 2-nd Session. Vol. 22. Part 1. P. 705; Part 2. P. 1752; 52 Congress. 1-st Session. Vol. 23. Part 3. P. 3003; Part 6. P. 5228.

22 См. например: У.Хант Ф.Фрелингхойзену. 6 ноября 1883 г. // National Archives and Record Service. RG.59. DD.Russia. M. 35. R. 37; Foreign Relations of the United States. Wash., 1895. Vol. 51. P. 525-535; См. также: *Adler C.M., Margalith A.M.* With Firmness in the Right. American Diplomatic Action Affecting Jews. 1840-1945. N.Y., 1946. P. 179-259.

23 Основные разногласия сводились к различному толкованию 1 ст. русско-американского торгового договора 1832 г. Ссылаясь на эту статью, правительство США настаивало на соблюдении принципа равноправия своих граждан, приезжавших в империю по коммерческим делам, вне зависимости от вероисповедания. В свою очередь, правительство России подчеркивало, что американские евреи не могут находиться в более привилегированном положении по сравнению с российскими евреями. См.: Foreign Relations of the United States. Wash., 1882. Vol. 37. P. 1030-1037.

24 С начала 80-х гг. XIX в. еврейская община США начала оказывать давление на вашингтонскую администрацию с целью улучшить положение российского еврейства. При этом до начала 90-х гг. госдепартамент и американские дипломаты в России придерживались принципа невмешательства во внутреннюю политику другого государства, когда это непосредственно не касалось граждан США.

25 В этом году российско-еврейская эмиграция составила 79,5% от общего числа евреев-эмигрантов, приехавших в Америку. С

1884 г. она приобрела экономический характер и тенденцию к нарастанию, став наиболее ярким проявлением ненормальных социальных и экономических условий жизни еврейского населения в пределах черты оседлости, а с 1887 г. в ней увеличилась доля людей с относительно высоким уровнем образования. См.: *Форнберг К.* Еврейская эмиграция. Опыт статистического исследования. Киев, 1908. С. 17-19, 23; *Маневич И.А.* Эмиграция евреев. М., 1916. С. 3, 15, 20; *Joseph S.* Jewish Immigration to the United States from 1881 to 1910. N.Y., 1914. P. 93-94, 98.

26 Новый образ еврея создавался на страницах американских газет и журналов. Это был человек скорее бедный, чем богатый, не хозяин, а работник. Он отличался от своих американских единоверцев фанатической приверженностью вере, привычками и внешним обликом, но, несмотря на свою экзотичность и чрезмерную набожность, обладал несомненными положительными качествами (воздержанность, забота о семье, трудолюбие, стремление к образованию). Этот образ не был однозначным, как не была однозначной оценка еврейской эмиграции из России. Полярные точки зрения выражали газеты «New York Tribune» и «New York Times». Однако позиция последней была скорее антииммиграционной, а не антисемитской.

27 *Прайс Г.М.* Русские в Америке. СПб., 1893. С. 8-11, 15-16, 38; *Петриковский И.М.* В Америку! Из памятной книжки студента-эмигранта. Киев, 1884. С. 78-176; The Russian Jew in the United States. Philadelphia, 1905. P. 64, 76-77; *Joseph S.* History of the Baron Hirsch Fund. The Americanization of the Jewish Immigrant. N.Y., 1935. P. 5-9.

28 В это время американский госдепартамент изменил свою позицию по еврейскому вопросу и заявил, что антисемитская политика царского правительства стала затрагивать интересы США в связи с растущей год от года русско-еврейской эмиграцией и превратилась в проблему международных отношений, т.к. речь шла о соблюдения взаимных обязательств наций. См.: АВПРИ. Ф. 138. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 118/124. Л. 8-11 об.; Foreign Relations of the United States. Wash., 1892. Vol. 48. P. 737-739; Vol. 49. P. 363-364.

29 U.S. Congress House. 52 Congress. 1-st Session. Vol. 1. Part 1. A.Ex. Doc. 235. Reports of Commissioners. P. 26-101; *Слиозберг Г.Б.* Дела минувших дней: Записки русского еврея. Париж, 1933. Т. 2. С. 42-66.

30 Об этом см. подробнее: *Энгель В.В.* Американский паспорт и русско-еврейский вопрос в конце XIX – начале XX в. // Американский ежегодник. 1991. М., 992. С. 104-120.

31 Подробнее об этом движении см.: *Журавлева В.И.* «Это вопрос не политики, это вопрос гуманности» // Исторический архив. 1993. № 1. С. 194-209; *Она же.* Американская помощь России в период голода 1891-1892 гг. (Из истории российско-американских отношений конца XIX в.) // Американский еже-

годник, 1997. М., 1998; *Saul N.E.* Concord and Conflict. The United States and Russia, 1867-1914. Lawrence, 1996. P. 335-364.

32 Northwestern Miller. 1891. December – 1892. July. Vol. 32. № 23-26; Vol. 33. № 21-25; Vol. 34. № 1-5.

33 New York Times. 1891. November 22; 1892. January 3; Iowa State Register. 1891. December 23, 25-27, 29; Chicago Daily Tribune. 1892. January 8, 10. Дж. Кеннан считал, например, главной причиной голода коррупцию и плохое управление страной. См.: New York Times. 1892. January 3. P. 13.

34 О его деятельности см.: *Edgar W.C.* The Russian Famine of 1891 and 1892. Minneapolis, 1893; *Smith H.* Bread for the Russians: William C. Edgar and the Relief Campaign of 1892 // Minnesota History. 1970. Summer. Vol. 42. P. 54-62.

35 Congressional Record. 52 Congress. 1-st Session. Vol. 23. Part 1. P. 157-177. Комментируя решение палаты представителей, «New York Daily Tribune» отмечала, что противники оказания федеральной помощи России в конгрессе голосовали прежде всего против дискриминационной политики царского правительства в отношении евреев.

36 Если попытаться оценить результат гуманитарного движения в деньгах, то сумма составит приблизительно 1.500 тыс.долл. (одни американские исследователи называют сумму в 1 млн. долл., другие в 1,6 млн. См.: *Queen G.S.* American Relief in the Russian Famine of 1891-1892 // Russian Review. 1955. April. № 2. Vol. 14. P. 148; *Simms G.Y.* Impact of Russian Famine 1891-1892 upon the United States // Mid-America. 1978. October. № 3. Vol. 60. P. 178). Цифра незначительная по сравнению с теми денежными средствами, которые были затрачены российским правительством на борьбу с голодом (приблизительно 75 млн. долл.), но если сравнить помощь народа США с поддержкой, оказанной России жителями других государств, и руководствоваться соображениями, что на эти средства можно было прокормить 800 тыс.чел. в течение месяца, движение выглядит достаточно результативным.

37 Разгрузкой всех пришедших из Америки кораблей заведовали американский вице-консул в Риге Н.П.Борнгольдт и генеральный консул США в Санкт-Петербурге Дж.Крауфорд. Распределением продовольственных и денежных пожертвований американцев занимался посланник США в России Ч.Э.Смит через Комитет помощи голодающим Британо-американской конгрегационной церкви в Санкт-Петербурге, Еврейский комитет помощи и Комитет Л.Н.Толстого. См.: National Archives and Record Service. RG. 59. DD. Russia. M. 35. R. 42. № 141, 142, 148, 151, 160, 168; R. 43. № 171, 187, 204, 233.

38 Northwestern Miller. 1892. May 6. Vol. 33. № 19. P. 680 a-b,707; June 10. Vol. 33. № 23. P. 896 a-b; July 15. Vol. 34. № 3. P. 80-81; July 22. Vol. 34. № 4. P. 117; July 29. Vol. 34. № 5. P. 157-158; *Reeves B.* Russia Then and Now, 1892-1917. N.Y., 1917. P. 57-76; *Tillinghast B.F.* Far-

Reaching Charity // Midland Monthly. 1894. Vol. 1. № 4. P. 417-426; *Blankenburg R.* Philadelphia and the Russian Famine. Philadelphia, 1892. P. 26-59. О деятельности Л.Н.Толстого в голодающих губерниях см.: Review of Reviews. Vol. 5. 1892. P. 39-42; Century Magazine. Vol. 46. P. 249-263; 560-570.

39 *Edgar W.C.* Russia's Land System: The Cause of the Famine // Forum. 1892. March-August. V. XIII P. 576-577; *Edgar W.C.* Russia's Conflict with Hunger // Review of Reviews. 1892. V. 5. P. 691-700; Northwestern Miller. 1892. June 10. Vol. 33. № 23. P. 896 b; December 25. Vol. 32. № 26. P. 889.

40 *Blankenburg R.* Op. cit. P. 49-50; *Reeves F.B.* Op. cit. P. 37-39, 41; *Halstead M.* Politics of the Russian Famine // Cosmopolitan. 1892. May 1. Vol. 13. P. 80-83.

41 См.напр.: The American Image of Russia, 1775-1917. N.Y., 1974. P. 22; *Reeves F.B.* Op. cit. P. 110.

42 *Shankman A.* Brothers Across the Sea. Afro-Americans on the Persecution of Russian Jews, 1881-1917 // Jewish Social Studies. 1975. Vol. 27. № 2. P. 114-121.

43 *Smith Sh.* From Relief to Revolution: American Women and the Russian-American Relationship, 1890-1917 // Diplomatic History. 1995. № 4. P. 601-616.

Сергеев Е.Ю.

ОБРАЗ США В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЯН. (Начало XX века)

Одной из наиболее актуальных проблем развития современных международных отношений является преодоление наследия эпохи «холодной войны» с ее диахромной интерпретацией событий и фактов, а также господством предельно мифологизированного и политизированного массового сознания.

Важное значение при этом имеет осмысление опыта межкультурных контактов по линии сосуществования и взаимодействия России и Запада, а в более узком плане – России и крупнейшего индустриально развитого государства планеты, США.

Нельзя сказать, что в историографии эта тема полностью обойдена вниманием политологов, культорологов и историков. За последние годы появился ряд интересных работ как у нас в стране, так и за рубежом[1]. Однако чрезвычайно важный для понимания эволюции обоих государств период двухсторонних отношений начала XX в., характеризовавшийся стремительной модернизацией российского общества, с одной стороны, и выходом США из состояния «провинциальной наивности» – с другой, заслуживает специального рассмотрения через призму процесса трансформации образа заокеанской республики в сознании россиян.

Анализ указанного феномена, на наш взгляд, целесообразно проводить в двух основных аспектах, выявляя сначала некие общие моменты перцепции северо-американской цивилизации представителями иной, славяно-православной культурной среды, а затем более подробно освещая особенности понимания США различными социальными группами Российской империи в эпоху кардинальных политических, экономических и культурных

сдвигов глобального масштаба, т.е. хронологически примерно с 1900 по 1914 г.

В последнее время на страницах работ, посвященных интерпретации места и роли России в мировом социокультурном пространстве, вновь активно обсуждается идея о промежуточном положении, которое занимает наша страна между Западом и Востоком, что обусловливает амбивалентность ее реакции на индустриальную, сциентистскую, западно-христианскую культуру вообще, и ее американскую модель в частности[2].

Этот тезис, как известно, неоднократно высказывался крупными отечественными мыслителями, начиная с П.Я.Чаадаева и кончая Н.А.Бердяевым. С нашей точки зрения, на протяжении всего многовекового исторического пути России в разные эпохи наблюдается чередование, так сказать, «прозападной» и «провосточной» (при всей условности этих понятий) культурной ориентации ее развития. Так, например, период Киевской Руси отмечен вступлением христианизируемого славянского государства в семью раннефеодальных европейских монархий. Татаро-монгольское завоевание послужило основой преобладания восточной составляющей в формирующейся российской культуре и государственности, что позволило Москве выстоять в борьбе с Литвой. Со второй половины XVI в., но наиболее заметно в период реформаторской деятельности Петра Великого, Россия вновь поворачивается лицом к Западу, причем эта тенденция усиливается к началу XX в., когда потребности модернизации огромной империи (догоняющей по своему типу) диктовали необходимость масштабных технико-культурных заимствований у передовых государств мира, включая, разумеется, и Америку. Как справедливо отмечает один из американских исследователей, опыт США «присутствовал во многих русских умах в качестве стимула для ориентации собственного развития России»[3].

В то же время отмеченная двойственность восприятия нашими соотечественниками образа далекой Америки содержала как черты сходства, рассматриваемые большинством россиян с позитивной точки зрения, так и отличия, которые, по их мнению, являлись серьезным препятствием на пути установления партнерских отношений между двумя государствами.

Иллюстрацией первой составляющей могут служить строчки из «Колокола» А.И.Герцена, который, учитывая мнение А.де Токвиля, еще в 1858 г. высказался на этот счет следующим образом: «Обе страны преизбытствуют силами, пластицизмом, духом организации, настойчивостью, не знающей препятствий; обе бедны прошедшим (замечание в духе П.Я.Чаадаева — *Авт.*), обе начинают вполне с разрывом традиций, обе расплываются на бесконечных долинах, отыскивая свои границы, обе с разных сторон доходят через страшные пространства, помечая везде свой путь городами, селами, колониями, до берегов Тихого океана, этого «Средиземного моря будущего»[4].

К началу XX в. упоминания российско-американской «похожести» приобретают заметный субъективный оттенок, который хорошо виден, например, в наблюдениях врача П.И.Попова, основанных на многолетнем пребывании в США: «Мы, русские, охотно останавливаемся на наших заатлантических друзьях; говорят, между нами и американцами много сходного. И нас и их природа щедро наделила своими дарами; и у нас и у них бездна плодородной земли, степей, каменного угля, железа и благородных металлов. Да и натуры-то, говорят, у нас сходные: простота, доброта, ширь и здравый смысл — отличительные черты и русского, и янки»[5].

В качестве демонстрации оборотной стороны медали, кроме полярной противоположности политических режимов со всеми вытекающими отсюда моментами, российские наблюдатели начала XX в. обращали внимание прежде всего на предельный утилитаризм и рационализм

американской культуры и образа жизни, отличавшие жителей Нового Света не только от россиян, но и вообще от европейцев. «В эстетическом отношении Соединенные Штаты далеко ниже европейских стран, – подчеркивал уже знакомый нам П.И.Попов, – в Штатах и до сих пор *полезное* предпочитается *прекрасному*, как это необходимо должно было быть в первый период заселения обширной страны, занятой дикими и воинственными краснокожими. Фантазия и ум американцев направляются не к созданию артистических произведений, а к изобретению бесчисленных машин и приспособлений всякого рода, начиная от машинки для чистки картофеля и кончая грандиозными мостами, равных которым нет нигде»[6].

Невиданные темпы урбанизации, характерные для Америки 1900-х гг., вызывали у наших соотечественников скорее сожаление, чем одобрение, ведь широкое развитие городской инфраструктуры, по мнению россиян, не позволяло американцам сосредоточиться на создании шедевров культуры. Характерно в этом смысле еще одно наблюдение П.И.Попова: «Их жизнь не течет спокойно, а быстро несется, как курьерский поезд, *on rapid transit plan,* по их характерному выражению; где тут созерцать и воспроизводить прекрасное? Вот почему у американцев пока еще нет первоклассных оригинальных представителей наук и искусств»[7].

Необычным для россиян казался также принцип равенства социальных возможностей жителей США, который входил в острое противоречие с традиционно-иерархической системой ценностных ориентиров подданных Николая II. При этом отсутствие дискриминации по расовому, национальному и половому признакам воспринималось в России как исключительно американский феномен, который трудно, если вообще возможно, перенести на родную почву[8].

Даже в такой традиционный для русского национального характера компонент, как патриотизм, американцы,

согласно наблюдениям посетивших заокеанскую республику гостей из России, вкладывали совершенно иной по сранению с соотечественниками смысл: «В наше чувство любви к Родине входят главным образом воспоминания о прошлом. Их же патриотизм покоится на доверии к настоящему и надежде на будущее». И далее: «Американец благодарен своей родине за то, что она предоставляет ему огромное поле деятельности, неисчислимые природные богатства, учреждения, которые дают всем равные шансы добиться своего и покровительствуют смелым игрокам в жизни. Отсюда вытекает активное чувство общего интереса, солидный, крепкий, общественный дух, патриотизм – не созерцательный и мистический, но практический и деятельный»[9].

Другой распространенной чертой русского восприятия США являлась идеализация социально-экономических и политических условий существования американской нации, объяснявшаяся недостатком информации в периодических изданиях. Правда, кроме литературы и прессы к 1914 г. получает распространение еще один важный канал поступления сведений о жизни в Новом Свете, который, однако, только усиливал мифологизацию образа Америки в сознании широких слоев населения Российской империи. Мы имеем в виду кинематограф с преобладанием в экспортном варианте комедийных и приключенческих лент (любопытно подчеркнуть в связи с этим, что приезд уже в Советскую Россию звезд Голливуда Мэри Пикфорд и Дугласа Фербенкса в 1927 г. вызвал небывалый энтузиазм зрителей)[10].

Здесь уместно привести мнение профессора Санкт-Петербургского университета, специалиста в области истории российско-американских отношений И.Х.Озерова, отраженное в книге, написанной под впечатлением неоднократных поездок за океан: «В Америке культура мысли, а затем развитие самодеятельности – культура характеров: людей здесь учат действовать, лепить новые фор-

мы жизни, класть на жизнь яркий, смелый отпечаток собственной личности, здесь все — творцы, все художники, и простор для живого творчества жизни и смелости мысли»[11].

Источники свидетельствуют, что практически во всех слоях русского общества начала XX в., от крестьянства до дворянской и разночинной интеллигенции, господствовало представление об Америке как о «земле обетованной», последнем прибежище гонимых и преследуемых людей со всего света. Не случайно в 1909-1912 гг. резко выросла эмиграция из России в США, причем основными путями ее осуществления наряду с традиционным трансатлантическим стал и транстихоокеанский, вызванный массовым выездом бывших крестьян, которые работали на постройке КВЖД, в Калифорнию и на Гавайи[12].

Определенную роль в формировании образа США — «Нового Иерусалима» сыграла также гуманитарная помощь России, оказанная различными американскими благотворительными организациями при молчаливой поддержке администрации во время голода 1891-1892 гг.[13]

Каким же представлялся типичный американец нашим соотечественникам в начале XX в.? Анализ высказываний путешественников из России, побывавших в США, позволяет сделать вывод, что их внимание привлекли три образа, которые, казалось, давали возможность современникам понять «душу» граждан Америки: «Мне хотелось показать русскому читателю, — подчеркивает П.И.Попов, — что самые оригинальные типы американского народа — *политикан*, *агент* и *репортер* (выделено нами — *Авт.*), — так сказать, проникают всю его жизнь (так в тексте — *Авт.*) и служат выразителями воли, потребностей и идей не отдельных классов или слоев, а целого народа; на них лежит печать американского гения более рельефно, чем на представителях каких-либо других профессий или религий»[14].

Что касается первого из представленных символов американского образа жизни, то перманентное участие всего, за редким исключением, населения США в избирательных кампаниях на разных уровнях представительной демократии резко контрастировало с робкими начальными опытами формирования вертикали выборной законодательной власти под «отеческой» опекой самодержавия в России.

Второй тип хорошо вписывался в процесс коммерциализации, который в рассматриваемый период охватил все социальные структуры Америки, хотя, как подчеркивали русские авторы книг о США, было бы упрощением думать об американцах, «поглощенных только наживой» или, другими словами, «неразрывно связанных со своим, будто бы, божеством – всемогущим долларом»[15].

Наконец, практически все наблюдатели подчеркивали особую роль прессы в повседневном существовании населения США. Так, если в России в 1902 г. увидели свет 800 периодических изданий, а в высококультурной Великобритании – более 9500, то в Америке их количество превысило 21300 наименований[16]. Страсть американцев к чтению периодики отмечали не только российские, но и европейские авторы[17]. Подтверждая сделанный вывод, сошлемся на высказывание одного из них: «В какую бы часть Соединенных Штатов вы ни отправились, везде вы встретите газету на первом плане. Действительно, с раннего утра до поздней ночи здесь приходится видеть американцев, старых и юных, мужчин и женщин, богатых и бедных, читающих всевозможные газеты и журналы»[18].

Именно массовое распространение периодических изданий, содержащих разнообразную информацию о внутриамериканских реалиях и событиях за пределами США, оценивалось нашими соотечественниками как свидетельство образованности (точнее было бы сказать, уровня грамотности), любознательности и материального достатка жителей Нового Света, несопоставимых по степени

развитости с аналогичными характеристиками подавляющей части русского народа.

Переходя к другому аспекту интересующей нас проблемы, а именно особенностям восприятия США различными слоями российского общества, подчеркнем, что по мере движения от «верхов» к «низам» идеализация и мифологизация образа Америки приобретали все более ярко выраженный характер.

В частности, среди достаточно узкого круга придворных и представителей высшей имперской бюрократии господствовало убеждение о некой «аномальности», «неестественности» американского пути развития, который рано или поздно должен завершиться катастрофой – распадом США на отдельные государства (как это произошло в период гражданской войны 1861-1865 гг.) с последующей их инкорпорацией в сферы влияния мировых держав[19]. Вполне понятно, что ни о каком восприятии элементов американского опыта в социально-политической и хозяйственной сферах, за исключением некоторых чисто технических нововведений, по мнению российской элиты, не могло быть и речи.

Не стоит также упускать из виду, что противодействие экспансии царской России на Дальнем Востоке со стороны Соединенных Штатов и особенно японофильская позиция, занятая Вашингтоном в ходе войны 1904-1905 гг., добавили черной краски в гамму восприятия Америки верхами российского общества, которые к 1914 г. оказались фактически расколотыми в своих симпатиях между странами Антанты и Германией.

Довольно пестрая мозаика представленческих образов заокеанской республики сложилась к началу XX в. в среде российской интеллигенции. Если для представителей образованных кругов Польши, Финляндии, Прибалтийских губерний, а также в определенной степени Украины и Белоруссии, США ассоциировались с чувством восхищения идеалами свободы и равенства, воплощенными на

американской земле эмигрантами из Европы, то собственно великорусская интеллигенция, продолжая мифологизировать многие аспекты жизни в Новом Свете, как правило, противопоставляла недостижимую для американцев глубину отечественной духовной культуры передовым образцам новой индустриальной цивилизации, которые тем не менее следовало бы взять за модель экономического прогресса России[20].

В подтверждение сказанному необходимо обратиться к очеркам и путевым заметкам В.Г.Короленко, В.Г.Богораза, А.М.Горького, посетивших США в конце XIX – начале XX в., или к стихотворению А.Блока «Новая Америка» (1913 г.) Знакомясь с этими произведениями, переживаешь вместе с авторами смешанное чувство разочарования бездуховностью, прагматизмом, космополитизмом американцев и уважения к разумному, целесообразному устройству их жизни на основе последних достижений технической мысли.

Позднее, уже в 20-е гг., аналогичное восприятие оказалось свойственно двум великим русским поэтам, Сергею Есенину («Железный Миргород» – с весьма символичным сочетанием противоположных по значению слов в названии) и Владимиру Маяковскому («Мое открытие Америки» – «открытие» тоже не случайно; известно, что Маяковский испытал сильное разочарование после путешествия за океан).

Указанная двойственность образа Америки в сознании российских интеллигентов видна, например, в следующей метафоре С.Есенина, употребленной им при описании эмиграции из Старого Света в США: «Европа курит и выбрасывает окурки; Америка подбирает окурки, но из них вырастает нечто великолепное»[21].

Любопытно, что сами американцы признавали неоднозначность характера типичного жителя Соединенных Штатов, в котором могли присутствовать одновременно скаредность и бесшабашность, холодный прагматизм и

сентиментальный альтруизм, религиозный фанатизм и широчайшая толерантность в вопросах веры, патриотизм и космополитизм. Стремясь нарисовать такой образ, известный научный и общественный деятель США, президент Колумбийского университета Николас Батлер, совершивший лекционное турне по ряду европейских государств в 1915 г., отмечал: «Типичный американец — это тот, кто... живет жизнью доброго гражданина и соседа, кто законопослушен и всем сердцем верит в институты своей страны, а также в основополагающие принципы, на которых они созданы, кто согласовывает свою личную и общественную деятельность со здравым смыслом, кто дорожит высокими идеалами и кто стремится воспитывать своих детей для полезной жизни и служения стране»[22].

Что касается простого народа, то у неграмотных или малообразованных россиян в начале XX в. большое распространение получили слухи о простоте и легкости быстрого обогащения в Америке, где каждому желающему найдется свободный участок земли или рабочее место на предприятии[23]. При этом крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы или рабочие, стремившиеся вырваться из нищеты и обеспечить достойное существование себе и своим детям, практически не представляли или просто не хотели задуматься о трудностях адаптации к жизни в чуждой для них социо-культурной среде, будь то плантации на Гавайских островах или «каменные джунгли» Нью-Йорка. Политические преследования, отсутствие демократических свобод, полное бесправие обывателя перед лицом всесильной имперской бюрократической машины на Родине создавали дополнительные стимулы для эмиграции за океан. Характерно поэтому, что после Февральской революции российские консульства в США оказались буквально завалены прошениями бывших подданных Николая II о содействии в реэмиграции.

Проблемы исторической имеджинологии как науки о формировании образов и представлений в социальной

среде приобретают дополнительную актуальность в кризисных условиях, условиях, говоря словами итальянского исследователя В.Страда, «поиска Россией собственной историко-национальной идентичности в рамках мировой действительности»[24], когда на страницах книг и периодических изданий, по радио и с экранов телевизоров высказываются неоднозначные, зачастую полярные точки зрения о выработке и принятии некоей новой национальной идеологической парадигмы[25].

Думается поэтому, что обращение к опыту прошлого способно как устранить стереотипы априорно отрицательного отношения к «иным странам и народам», в данном случае — Америке, так и помочь сегодняшним россиянам в преодолении идеализации образа США, внеся свою лепту в формирование объективного, основанного на реальных фактах представления наших соотечественников о великой атлантической республике.

---

1 См. напр.: *Куропятник Г.П.* Россия и США: экономические, культурные и дипломатические связи, 1867-1881. М., 1981; *Николюкин А.Н.* Литературные связи России и США: становление литературных контактов. М., 1981; Взаимодействие культур СССР и США XVIII-XX вв. М., 1987; *Шестаков В.П.* Русское открытие Америки // Россия и Запад: диалог культур. М., 1994. С. 74-86; Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX в. М., 1998; *Rosenberg E.S.* Spreading the American Dream. American Economic & Cultural Expansion, 1890-1945. N.Y.; Toronto, 1982; *Cohen S.F.* Sovieticus: American Perceptions & Soviet Realities. N.Y., 1985; *Allen R.V.* Russia Looks at America. The View to 1917. Wash., 1988; America Through Russian Eyes. 1874-1926. New Haven; L., 1988; etc.

2 См.: Россия и Запад: взаимодействие культур. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1992. № 6. С. 3-49; *Яковенко И.Г.* Россия и Запад: диалектика взаимодействия // Россия и Европа в XIX-XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996. С. 8-20.

3 *Allen R.V.* Op. cit. P. 274.

4 Цит. по: *Герцен А.И.* Собр. соч. М., 1961. Т. 21. С. 336.

5 *Попов П.И.* В Америке. СПб., 1906. С. 130.

6 Там же. С. 251.
7 Там же. С. 135.
8 Там же. С. 259.
9 *Бородин Н.А.* Северо-Американские Соединенные Штаты и Россия. Пг., 1915. С. 62-63.
10 *Allen R.V.* Op. cit. P. 110.
11 *Озеров И.Х.* Чему учит нас Америка? М., 1908. С. 44-45.
12 АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1439. Л. 18, 20-28. Донесение российского консула в Сан-Франциско П.Рождественского в МИД, 25 ноября (8 декабря) 1913 г., 5 (18) февраля 1914 г.
13 *Rosenberg E.S.* Op. cit. P. 33-34. См. также предыдущую статью данного сборника.
14 *Попов П.И.* Указ. соч. С. 178.
15 *Бородин Н.А.* Указ. соч. С. VIII-IX; *Попов П.И.* Указ. соч. С. 113.
16 *Попов П.И.* Указ. соч. С. 115.
17 См. напр.: *Roz F.* L'energie americaine. Paris, 1911. P. 56-109; *Ross E.A.* Changing America. N.Y., 1912. P. 111-136.
18 *Попов П.И.* Указ. соч. С. 113.
19 *Allen R.V.* Op. cit. P. 263-264.
20 America Through Russian Eyes... P. 12-13.
21 *Есенин С.* Железный Миргород // Известия. 1932. 16 сентября.
22 *Butler N.M.* The American As He Is. N.Y., 1915. P. 97.
23 Подробнее см.: *Govorchin G.* From Russia to America with Love: A Study of the Russian Immigrants in the United States. Kingston, 1990.
24 *Страда В.* Россия в меняющемся мире // Россия и Запад: диалог культур. Тверь, 1994. С. 3.
25 См. напр.: *Зюганов Г.А.* Империя США: 200 лет «американской мечты» // Наш современник. 1994. № 8. С. 105-115; *Гачев Г.* Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М., 1995. С. 439-449.

Листиков С.В.

АМЕРИКАНСКИЙ ДИПЛОМАТ О РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ.
События февраля-октября 1917 г. глазами М.Саммерса

Многих исследователей, посвятивших работы событиям русских революций 1917 г., волновал вопрос: какое влияние оказала политика западных держав, в том числе и США, на развитие ситуации в России в этот переломный для ее судеб период[1]. Внимание ученых концентрировалось, однако, на проблемах межгосударственных отношений. При этом как бы на задний план отходила тема видения ситуации в России ведущими американскими учеными, дипломатами, политическими деятелями. А между тем именно это восприятие позволяет не только объяснить многие решения и действия Вашингтона, но и изучить открывавшиеся перед американской политикой в России, чаще всего неиспользованные, альтернативы. В данной статье сделана попытка представить ситуацию в России от февраля к октябрю 1917 г. глазами опытного американского дипломата, консула в Москве Меддена Саммерса, стремившегося осмыслить происходящее под углом зрения собственного видения судеб русской демократии.

«Очень способный консул», — такую характеристику дал М.Саммерсу в начале сентября 1917 г. один из руководителей миссии Американского Красного Креста в России Раймонд Робинс[2]. Самого высокого мнения о Саммерсе был и журналист Уильям Буллард. Человек весьма влиятельный, он был доверенным лицом ближайшего друга президента В.Вильсона Эдуарда Хауза и находился осенью 1917 г. в России с целью политической разведки[3].

Эти оценки весьма отличались от иных, совсем нелестных, которыми наделяли современники посла США в

России Дэвида Фрэнсиса[4]. Однако, именно последний имел срочную связь с Вашитоном и оказывал реальное влияние на формирование политики США по отношению к России. У консула в Москве такой возможности не было. Его депеши достигали Вашингтона через 3-4 недели и, как правило, к ответственным чиновникам государственного департамента не попадали.

Учитывая эти важные обстоятельства, зарубежные исследователи концентрировали свое внимание на фигуре посла, отказывая М.Саммерсу в должном внимании, хотя и отдавая дань его уму и профессионализму. Показательной можно считать ремарку видного американского специалиста по проблемам международных отношений Дж.Гэддиса: «В то время, как Д.Фрэнсис был плохо подготовлен к анализу событий там (в России – *Авт.)*, его подчиненные, такие, как Уиншип в Петрограде и Саммерс в Москве, регулярно передавали в Вашингтон детальные и в целом содержательные доклады о происходившем... Кажется, однако, маловероятным, чтобы Вильсон когда-либо видел их или действовал на основании содержавшейся в них информации»[5]. Что касается отечественных специалистов, то фигура М.Саммерса почти полностью осталась ими незамеченной.

Говоря о биографии нашего героя, отметим, что из отпущенных ему судьбой 41 года (родился в г. Нэшвилл, штат Теннесси, 1 февраля 1877 г.) Меддил Саммерс половину посвятил карьере дипломата. Он был принят на консульскую службу в 1899 г.; за плечами остались учеба в двух университетах, Вандербильда и Колумбийском, а также работа в банке. Саммерс занимал различные консульские должности и выполнял поручения госдепа в ряде стран Латинской Америки и Испании (помимо пребывания в 1911-1913 гг. в Белграде). Так что Россия, куда Саммерс был переведен в августе 1916 г., была для него страной незнакомой. Однако последовавшая вскоре после его прибытия в Москву женитьба на дочери русского

дворянина Наталье Горяновой, позволила консулу не только обрести личное счастье, но и быстро войти в курс русской жизни[6].

Связи супруги открыли для Саммерса путь на самые «верхи» русского общества. «Я с глубоким удовлетворением узнал, – писал ему Фрэнсис, – что министр-председатель Львов – двоюродный брат вашей тещи, что и другие члены правительства связаны с Вашей семьей и что многих из них Вы лично знаете»[7]. Придерживавшийся весьма консервативных общественно-политических взглядов, консул общался с близкими ему по духу и воззрениям представителями московских торгово-промышленных кругов, интеллигенции, дворянства. Среда формировала его видение ситуации в России, которое он, вольно или невольно, переносил на страницы своих депеш в Вашингтон.

Так, последовавшее в двадцатых числах апреля 1917 г. донесение из Москвы можно было с полным основанием считать запоздалой реакцией на события Февральской революции. Причем принадлежало оно перу вице-консула в Москве Д.Макгована, которому Саммерс, видимо, солидарный с выводами своего подчиненного и коллеги, предпослал небольшое, но весьма значимое вступление. Американская консульская служба в Москве явно желала остудить царившую в Вашингтоне эйфорию по поводу победы «русской демократии» и давала понять, что ничего хорошего от дальнейшего развития событий ждать не приходится. В донесении рисовалась следующая картина: в Москве бремя лежащих на плечах людей проблем не стало легче, тот же недостаток продуктов питания и длинные очереди, многие продукты будут скоро распределяться только по карточкам. Цены подскочили стремительно, владельцы лавок и магазинов больше походят на спекулянтов. Беженцы наводнили столицу, но жилья не найти даже по самым высоким ценам[8].

Иными словами, революция не совершила чуда, и ответ на вопрос о том, сможет ли новая власть справиться с проблемами старого режима, был весьма проблематичным. Высокие слова о свободе и демократии прекрасны. Но многомиллионные армия и народ, как писал Саммерс, «хотят кушать», и это могло решить судьбу революции. Подобные оценки Февраля свидетельствовали о скептических прогнозах американских представителей относительно перспектив революции в России.

Настроения настороженности и пессимизма в отношении русских событий должны были еще более усилиться в Вашингтоне под влиянием майского послания, когда заговорил сам Саммерс. Пережив бурные события апрельского кризиса, он определял состояние русского общества как движение к хаосу и гражданской войне[9]. Стремясь объяснить суть происходившего на его глазах, Саммерс попытался сделать свой доклад более теоретичным и поразмышлять о судьбах России и проделанном ею в XX в. пути. Американский дипломат менее всего был склонен винить в чем-то русский народ, который считал жертвой многовекового угнетения военно-бюрократической верхушкой общества. Экскурс в историю России убеждал его: развитие демократических институтов шло крайне медленно, государство, церковь, высшие слои общества, вместо реформ и просвещения, воспитания у многомиллионной массы людей навыков жизни в демократическом государстве, тратили время и силы на внешнеполитические авантюры и войны. Именно они и привели царский режим сначала к поражению в русско-японской войне, затем — к трагедии 1914-1917 гг. После двух с половиной лет войны и крови, испытав на себе предательство, коррупцию и беззаконие, народ сверг утративший его доверие режим.

По Саммерсу, трагедия России была в том, что и после революции многомиллионная масса граждан осталась такой же забитой и темной. Ей не принес пользы столь

быстрый и резкий переход от тирании к свободе и демократии. «Неразвитое сознание» большинства восприняло их как право делать все, что заблагорассудится, как вседозволенность. Страна стала погружаться в хаос. Желание удовлетворить свои самые насущные потребности вылилось у многих не в стремление к разумной организации производства во имя общественного блага, а в широчайшее распространение радикальных, разрушительных идей «конфискации земли и собственности». Вместо наказания сравнительно ограниченного круга виновных в преступлениях царского режима, констатировал консул, у «низов» появилось желание отомстить тем социальным слоям, которые неоправданно причислялись к «угнетателям народа». Не случайно он приводит фразу, услышанную среди пассажиров трамвая: «Богачи высасывали нашу кровь поколениями, теперь наша очередь»[10].

К тому же в России было немало людей, использовавших развивавшиеся хаос и смуту в своих корыстных целях. Это — криминальные элементы, германские агенты. К этой группе Саммерс причислял и крайних радикалов, не делая больших различий между ними и двумя вышеназванными категориями. Он не ставил прямо вопроса, сможет ли Временное правительство укротить разбушевавшуюся стихию, взяв ситуацию в стране под контроль. Однако, судя по тексту донесения, его автор к подобной перспективе относился весьма скептически. Уже к середине мая, по мнению консула, процесс разложения власти зашел слишком далеко. Любое правительство, которое попытается действовать решительно и навести порядок в стране, будет восприниматься значительной частью захваченных революционной волной граждан России как фактор реставрации режима тирании и угнетения народа, считал он.

Вслед за майским посланием Саммерса последовал достаточно долгий перерыв. Нам не удалось найти его аналитических донесений, посвященных ряду крупней-

ших общественно-политических событий в России, например, неудаче июньского наступления русской армии и последующим волнениям в столице. Причины этого кроются, вероятно, в том, что другие американские корреспонденты и дипломаты в России достаточно полно освещали кризисные моменты русской революции. Или в том, что Саммерс находился на значительном удалении от эпицентра событий, в Москве, консерватизм и умеренность которой он склонен был противопоставлять зараженному вирусом радикализма Петрограду.

В двух следующих, обнаруженных нами посланиях, от 10 июля и 8 августа, Саммерс обратился к сюжету более спокойному и менее броскому, а именно к результатам муниципальных выборов в Москве и по стране в целом. Однако случайной эту тему назвать нельзя. Муниципальные выборы были для Саммерса своего рода моделью, генеральной репетицией судьбоносных для России выборов в Учредительное собрание. Дипломат пытался оценить перспективы наиболее вероятных претендентов на победу, давая Вашингтону повод призадуматься о будущей политике в отношении России.

Выборам в Москве Саммерс уделил особое внимание: он считал первопрестольную типичным для России, адекватно отражающим расклад общественно-политических сил по стране в целом, городом. С горечью признал он сокрушительное поражение кадетов[11]. При этом он считал сомнительными перспективы партии, которая не смогла приспособиться к порожденным революционной обстановкой условиям политической борьбы. Кадеты, констатировал консул, не использовали новых форм агитации (массовые митинги, разбрасывание листовок с автомобилей). Выдвигая достойных, сильных кандидатов, кадеты проигрывали там, где шло соперничество программных установок. Наконец, не в пользу буржуазных партий было и то, что выбор избирателей определяли

общенациональные проблемы, явно отводившие на второй план вопросы местной жизни.

Однако драматизировать ситуацию после неудачи кадетов Саммерс склонен не был. Сдержанный оптимизм консула был вызван впечатляющей победой на выборах социалистов-революционеров, получивших 58% голосов избирателей. Саммерс нашел в эсерах много достоинств. Партия с репутацией решительного, вплоть до использования террористических действий, борца против царской тирании, проделала сложную эволюцию и стала более умеренной. Саммерс считал, что осенью 1917 г. эсеры по своим идейно-политическим позициям были наиболее близки конституционным демократам. И, что особенно ценно для американских интересов в России, руководство партии выступало за войну до победного конца, за сохранение верности России союзническим обязательствам. Другой важнейший позитивный момент консул видел в том, что партия располагала широчайшей массовой базой, поддержкой привлеченных ее аграрными лозунгами многомиллионной массы крестьян. В Москве партия одержала внушительную победу благодаря голосам той части трудившихся на военных предприятиях жителей, которая имела тесные связи с деревней. Эта масса москвичей еще не свыклась с жизнью индустриальных рабочих и не приняла их социал-демократических ориентиров.

Считая эсеров подлинно крестьянской партией, консул усматривал в них реальный противовес социал-демократам — большевикам и меньшевикам. Последних Саммерс считал менее опасными, пропагандировавшими «постепенную эволюцию общества» в сторону социалистического идеала. Впрочем, доверия к ним дипломат не испытывал, утверждая, что они в целом придерживались тех же идейно-политических ориентиров, что и радикалы крайнего толка. «Крикливых сторонников Ленина» Саммерс ненавидел и боялся. Он предупреждал от недооцен-

ки этих решительных людей, способных вовлечь массу граждан в авантюры под лозунгами немедленного прекращения войны и достижения в ближайшем будущем социалистического рая.

Вместе с тем шансы большевиков на серьезный успех на выборах в Учредительное собрание консул, исходя из результатов муниципальных выборов в Москве, оценивал довольно скептически. Согласно его сообщению, несмотря на поддержку левых радикалов в Москве реакционерами всех мастей, включая сторонников сепаратного мира с Германией и криминальными элементами; несмотря на поступившую из Германии значительную финансовую помощь и исключительно высокую активность большевиков при проведении избирательной кампании, только один из 9 избирателей отдал им свой голос. Победу в Москве партий, не высказывавших «открытую враждебность к продолжению войны», Саммерс воспринял как явление позитивное. Убедившись, что буржуазные партии утратили популярность у граждан России, Саммерс по существу ненавязчиво советовал Вашингтону повнимательнее присмотреться к партии социалистов-революционеров, в своей политике активно используя ее и противопоставляя другим партиям социалистической ориентации.

Модель Саммерса имела одно весьма существенное неудобство: она была рассчитана на процесс относительно мирной, плавной, парламентской борьбы за власть. Однако случившиеся 3-4 (16-17) июля в Петрограде кровавые события, самое активное участие в которых приняли левые экстремисты, дали консулу новый повод поразмышлять о возможностях альтернативного, революционного варианта развития событий. Возвращаясь в начале августа к теме муниципальных выборов[12], Саммерс сместил акценты. Анализируя расстановку политических сил в стране он одновременно оценивал возможности

новых открытых выступлений радикалов по образцу июльских демонстраций в Петрограде.

Результаты голосования в 171 городе должны были немного успокоить американского консула. Саммерс докладывал в Вашингтон, что влияние большевиков было относительно незначительным и их попытка нового мятежа не могла не натолкнуться на негативное отношение огромной массы населения, уставшей от насилия и крови за три года войны. Позиции социалистов были весьма сильными и опасность леворадикального мятежа сохранялась лишь в губернских центрах и крупных городах. Сравнивая количество полученных здесь социалистами мест с результатами голосования в средних по величине городах, Саммерс делал вывод о том, что им удалось добиться избрания 62% своих кандидатов, а поддержка «самой крайней группы» (большевиков) со стороны населения была здесь в 6 раз слабее.

Что же касается небольших населенных пунктов, расположенных в сельской местности, то здесь успехи социалистов были весьма скромными. Больше половины голосов получили кандидаты, весьма далекие от радикализма, «независимые и представлявшие интересы местных групп». Он еще раз акцентировал внимание на успехах эсеров, указав, что социал-демократам они уступили только в Костроме, где победили большевики; в Красноярске меньшевикам удалось получить в городской думе половину мест.

Под влиянием результатов муниципальных выборов Саммерсу в начале августа казалось, что наметилась перспектива некоторой стабилизации ситуации в стране и укрепления власти Временного правительства. Он считал, что этому способствовали ослабление леворадикальных сил и некоторая дезорганизация социал-демократов после июльских событий, а также процесс консолидации политически активных буржуазных элементов общества и открывавшаяся перспектива их сотрудничества с Вре-

менным правительством, ряд ключевых позиций в составе которого занимали социалисты-революционеры[13].

Однако надежды Саммерса на достижение какого-то подобия национального единства при изоляции леворадикалов достаточно быстро растаяли. Передавая свои впечатления от заседаний II Всероссийского торгово-промышленного съезда 3-5 (16-18) августа 1917 г.[14], консул признавал, что собравшиеся на нем три сотни представителей деловой элиты к идее сотрудничества с Временным правительством отнеслись более чем прохладно. Наоборот, вступительная, дышавшая ненавистью к правительству, выдержанная в самых резких выражениях речь известного московского фабриканта и финансиста П.П.Рябушинского была выслушана с выражением «общего одобрения». Его поддержали монополист и банкир С.Н.Третьяков, видный специалист по проблемам транспорта А.А.Бубликов и др. Впрочем, по мере работы Совещания негативный пафос выступлений начал спадать, и в ряде речей прозвучали конструктивные предложения взаимодействия с правительством, путей вывода из бедственного положения отдельных отраслей промышленности, достижения modus vivendi с рабочими организациями. Свои размышления Саммерс подытоживал отрывками из статей «Русского слова» и «Биржевых ведомостей», отмечавших, что случившееся на конференции вполне точно отразило настроения торгово-промышленных кругов, их неприятие правительства, политических оппонентов из среды социалистов, стремление всех их приравнять к «партии крайне радикальной ориентации»[15].

В развитие темы консул информировал Вашингтон о состоявшемся 8-10 (21-23) августа Совещании общественных деятелей[16]. Москва решительно представлялась ему центром притяжения конструктивных, патриотических сил, формировавших штаб для борьбы за политическую власть и наведение порядка в стране. Саммерс явно симпатизировал собравшимся: представителям военной элиты

(генералы М.В.Алексеев, А.А.Брусилов, А.М.Каледин), торгово-промышленных кругов (П.П.Рябушинский, А.И.Коновалов), думских и кадетских лидеров (А.И.Шингарев, В.А.Маклаков, М.В.Родзянко), обрушивших шквал критики на правительство. Во всеуслышание звучали лозунги замены его правительством национального спасения из лиц, умудренных опытом государственнной деятельности, способных овладеть ситуацией в стране, ставивших благо отечества выше партийной принадлежности. Полным одобрением встретили собравшиеся текст приветственной телеграммы стороннику самых жестких мер по наведению порядка в армии главнокомандующему Л.Г.Корнилову. Предложенная лидером кадетов П.Н.Милюковым резолюция, говорившая, в частности, что правительство ведет страну по ложному пути, который должен быть немедленно покинут, была принята единодушно.

Так постепенно Саммерс, внимательно наблюдавший за активными действиями буржуазных политических сил в Москве, утрачивал надежду на перспективу выхода России из кризиса путем объединения широкого спектра политических сил, включаюших и значительную часть социалистических. Его внимание все более притягивала другая идея – необходимости утверждения сильной власти, диктатуры буржуазии, способной жесткой рукой навести порядок в стране и принудить ее продолжать войну.

Для обоснования своей позиции Саммерс в донесении от 8 сентября попытался передать состояние русского общества[17]. Консул утверждал, что Россия стоит на пороге национальной катастрофы. Разложение фронта и тыла достигло невиданных размеров. Широкие слои граждан пребывают в состоянии оцепенения, безразличия, которое наступило у россиян, согласно мнению Саммерса, после военных поражений весны-лета 1915 г. Успех брусиловского прорыва (май-июль 1916 г.) на время возродил интерес к событиям на фронте, но затем безразличие вернулось. Из него простых граждан не вы-

вело даже новое страшное поражение – потеря Риги 21 августа (3 сентября) 1917 г. Людей заботили мелкие житейские проблемы, они смертельно устали от войны, утратили чувство патриотизма.

Какие политические силы, задавался вопросом консул, могут остановить страну у края пропасти, мобилизовать силы нации для продолжения войны? Саммерс не верил в социалистов. Он полагал, что они сознательно скрывали правду о положении дел в армии и в тылу, не желали предпринимать решительных шагов для их оздоровления. Показательным считал Саммерс реакцию социалистической прессы на падение Риги. Она все списывала на военное превосходство противника, требовала ужесточения цензуры для сокрытия поступавшей с фронта правдивой, трагической информации, обходила молчанием вопрос о «вкладе» левых сил в разложение армии и потерю ею боеспособности. (Приказ № 1 Петросовета от 1(14) марта 1917 г., действия солдатских комитетов, бесправие и унижение офицеров и, как следствие, катастрофическое падение дисциплины). Нежелание социалистов, во имя сохранения политического влияния и амбиций, признать очевидное, стало для Саммерса доказательством бессмысленности союза с ними тех сил, на которые консул возлагал надежды на изменение ситуации в России к лучшему.

Он считал, что вирус безразличия проник даже в среду патриотически настроенных граждан, «отчаяние охладило даже самых пылких». Вместе с тем, значительная часть интеллигенции, военной элиты, деловых кругов, лидеры буржуазных партий и некоторые видные социалисты (в частности, Б.В.Савинков) не утратили веры в возможность круто изменить неблагоприятное течение событий на фронте и в тылу, были готовы идти ради этого на самые жесткие меры. Об этом свидетельствовали выражавшие их мнение статьи в таких газетах, как «Русское слово» и «Московские ведомости», где прямо

писали об утрате Россией статуса великой державы, проповедовали национальное единение во имя борьбы с внешним врагом, требовали создания ответственной и сильной власти.

Саммерс считал, что потеря Риги должна заставить теснее сплотиться всех тех, кто радеет о благе отечества, как это случилось летом 1917 г., когда понесенное в ходе июльского контрнаступления немцев поражение стало лейтмотивом Государственного совещания 12-15 (25-28) августа. Возвращаясь к его заседаниям на страницах другой депеши[18], Саммерс предпочел не давать комментариев. Он переслал в Вашингтон тексты речей А.Ф.Керенского и Н.Д.Авксентьева, министров торговли и промышленности С.Н.Прокоповича и финансов Н.В.Некрасова, депутата Государственной думы В.Д.Набокова и М.В.Родзянко, А.И.Гучкова и М.В.Алексеева, П.П.Рябушинского и А.А.Бубликова. «На конференции не было секретной дипломатии, и критическое положение было показано открыто», — сообщал консул в Вашингтон. Саммерс делал ставку на группу сильных личностей, способных, опираясь на поддержку прослойки патриотически настроенных граждан — пускай не столь многочисленную, но состоящую из людей деятельных — самыми решительными мерами поднять боеспособность армии и приступить к реорганизации тыла. К их числу Саммерс относил Савинкова, Алексеева, Керенского, Корнилова. Он считал их единомышленниками, стремящимися к достижению общей цели.

Вот почему корниловское выступление и его крах Саммерс переживал как крушение этих надежд. Событийная сторона конфликта (Саммерс описывал его «по горячим следам» 15 и 19 сентября) была для него не совсем ясна. На первый взгляд, произошло столкновение двух лидеров, претендовавших на руководство патриотическими силами России — Корнилова и Керенского. Симпатии американского консула были на стороне пер-

вого. Корнилов представлялся консулу прямым и честным, думающим только о судьбах отечества, воином. А вот образ Керенского — безусловно, сформировавшийся у Саммерса еще до мятежа — не был лишен темных тонов. Ему претили чрезмерная амбициозность, эмоциональность и постоянные колебания министра-председателя. Консул порицал стремление Керенского усидеть сразу на двух стульях, с одной стороны, сохранив репутацию популярного в народе социалистического вождя, с другой — утвердив себя в роли единовластного правителя России, якобы готового к самым решительным действиям.

И Керенский, и его противники перекладывали вину за случившееся друг на друга. Резонно полагая, что объяснение происшедшего, данное Временным правительством будет и без него известно Вашингтону, Саммерс приводил в своем донесении полученный по своим каналам текст «приписываемого» Корнилову заявления (прозвучавшего по радио 28 августа 1917 г.) Согласно версии сторонников Корнилова, генерала, «используя принятую в американской полиции терминологию», просто «подставили» — сознательно затягивая реализацию программы Корнилова по наведению порядка в армии, Временное правительство спровоцировало его выступление[19]. Сам консул полагал, что столкновение Корнилова и Керенского стало следствием цепи недоразумений и взаимных амбиций. Один из его участников проявил излишние нерешительность и колебания, другой — нетерпеливость и прямолинейность. Оба претендовали на концентрацию в руках всей полноты военной и гражданской власти. Крупные и мелкие инциденты: резкий тон главнокомандующего и неприятие его Керенским; неосторожные действия политических друзей Корнилова, создавших организацию в его поддержку и резко критиковавших премьера; нежелание правительства прислушать-

ся к предупреждению Корнилова о неизбежном падении Риги – все эти факторы готовили разрыв[20].

По мысли Саммерса, принципиальных разногласий между Керенским и Корниловым не наблюдалось. Не случайно во время конфликта «Русское слово» и «Русские ведомости» выражали надежду, что обеим лидерам правых сил хватит здравого смысла не доводить дела до кровопролития. Консул подчеркивал, что многочисленные почитатели Корнилова в Москве панически боялись крови, насилия и гражданской войны. Их вполне устроила бы «мирная» сдача одной из сторон, достигнутая посредством закулисных контактов и договоренностей (в этой связи Саммерс вспоминал неудачную попытку посредничества, предпринятую В.Н.Львовым 22-25 августа). Тогда проигравших фактически не было бы. А победитель, сконцентрировав в своих руках всю полноту власти, должен был предпринять решительные шаги по наведению порядка в армии и в тылу.

Размышляя о мятеже и его последствиях, американский дипломат, однако, совершенно не склонен был упрощать картину происшедшего, сводя все к столкновению двух личностей, Корнилова и Керенского. Мятеж привел в движение широкие слои населения, резко обострил борьбу общественно-политических сил, оказал самое глубокое влияние на развитие ситуации в стране. Стремясь более полно разобраться в природе корниловского движения, консул считал куда более объективным мнение о нем «думающих людей» из окружения своей семьи, чем социалистической пропаганды. Последняя обвинила Корнилова в организации контрреволюционного заговора с целью реставрации авторитарного режима. Саммерс считал это мнение по меньшей мере «лишенным серьезных доказательств». Он утверждал, что генералу симпатизировали сотни тысяч людей. Душой с ним были все, кто хотел сильной и устойчивой власти, кто разделял идею утверждения в обществе порядка, за-

конности, защиты жизни и собственности — тех ценностей, которые воодушевляли граждан демократическго общества. Однако на этот раз открыто выступить против Временного правительства решились лишь немногие. Одобрявшие действия Корнилова люди опасались только, что его выступление запоздало, и процесс разложения власти и раскола в обществе зашел слишком далеко, стал неконтролируемым.

Исходя из своего понимания логики событий, Саммерс утверждал, что генерал стремился к «быстрой и эффективной» реформе в армии (после падения Риги многим в Москве эта задача казалась самоочевидной). Вслед за этим открывалась перспектива наведения порядка и во всей стране. Власть неизбежно должна была перейти в руки «умеренных», по терминологии Саммерса, партий буржуазной ориентации, представлявших в первую голову интересы «профессионалов и собственников»[21].

Поражение Корнилова поставило крест на этих надеждах, последствия его были губительны. Сильной власти не получилось, с политической авансцены исчез верный интересам нации генерал, готовый действовать жестко и конструктивно. Армия, как признавал Саммерс, не пожелавшая следовать за Корниловым, продолжала разлагаться, терять боеспособность. По войскам прокатилась волна террора против заподозренных в симпатиях к нему офицеров. Силы «закона и порядка», хотя бы временно, оказались разобщенными и ослабленными. Впрочем, первый шок прошел и, как свидетельствовал консул, многие явные и тайные сторонники Корнилова вновь начинали действовать весьма решительно — идеи опального генерала разделял даже арестовывавший его генерал М.В.Алексеев. С Дона приходили вести о неповиновении Временному правительству генерала А.М.Каледина, о съезде казаков в Новочеркасске, решивших перед угрозой распада державы защищать каждую пядь родной земли.

Другим крайне неприятным следствием поражения Корнилова стал рост влияния социалистов в общественно-политической жизни страны. Они умело использовали в своих целях состояние хаоса и дезорганизации до выступления Корнилова. Понимая, что в случае его успеха их часы сочтены, левые со всей решительностью поддержали Керенского, сыграв, видимо, решающую роль в победе весьма разношерстной коалиции антикорниловских сил. Более всего беспокоил Саммерса бурный рост влияния большевиков, «получивших огромное влияние в советах» с целью повторить попытку захвата власти.

А что же Временное правительство, Керенский? У Саммерса вообще возникли сомнения, не был ли премьер формальным вождем тех сил, которые возглавлял; шел ли он сам впереди — или его влекли за собой куда более решительно настроенные социалисты и радикалы. Последнее было чревато тем, что Временное правительство не сможет вырваться из-под влияния левых, проводить самостоятельную линию; ему не удастся добиться утверждения сильной власти в России. Информация, полученная из лагеря победителей, подтверждала эти опасения. Керенский не смог сформировать новый кабинет и остался во главе директории из 5 человек, подвергаясь даже в своей партии острым нападкам и слева, и справа; оппозиция возглавлялась экс-министром В.М.Черновым[22]. Поляризация общественно-политических сил при слабой власти делала, по Саммерсу, угрозу гражданской войны в России все более реальной. Его не покидало предчувствие надвигавшейся беды.

Эта линия в донесениях Саммерса нашла вполне логичное завершение в депеше, направленной в Вашингтон за несколько дней до большевистского переворота[23]. Уверовав, что демократический эксперимент в России завершится неудачей, Саммерс предался размышлениям о ее причинах и той роли, которую сыграла в ней американская политика. Главный вывод: Россия страна слиш-

ком своеобразная, противоречивая и сложная, чтобы следовать чужим, пускай даже самым совершенным, общественно-политическим моделям. Американцы же настолько уверовали в превосходство собственной модели над всеми существующими, что полагают, будто другие народы готовы безоговорочно ее принять. Отсюда их склонность «видеть события так, как нам хотелось бы их видеть, и верить, что они могут произойти и развиватьтся только так, как мы того пожелаем». В этом корень непонимания многими в США сути событий в России, отсюда и ошибки реальной политики. «Нам нравится республиканская идея и мы посчитали, что это как раз то, что нужно для России, — писал Саммерс. — Нам не следовало бы навязывать народу того, что ему не нужно или того, что он не хотел. Или побуждать его предпринимать такие резкие шаги, которые он сделал».

Русское общество оказалось не готово к тому резкому рывку в сторону демократии, который поддерживали американцы. Последние «не учли психологической неготовности русского народа к столь решительным переменам». Результаты имели катастрофический характер: «Этот эксперимент почти развалил державу, фактически привел к проигрышу войны, вызвал анархию в стране, увеличил пропасть между социально-политическими партиями до почти непроходимых размеров и подготовил почву для скорой реакции. Может быть, я ошибаюсь в своем заключении, но я не верю, чтобы русский народ был готов к образованию республики, или что он понимает, что она означает», — писал американский консул.

Однако, как бы не складывались события в России, Саммерс считал очевидными две истины. Первая — огромный русский корабль двинулся в путь, и в старую гавань он не вернется. «У всех думающих, серьезных людей нет и мысли об утверждении какого-либо режима подобного тому, который существовал ранее», — писал он. Вторая — Временное правительство не удержится.

«Люди устали от экспериментов, и каждый день озлобляет их против нынешнего правительства и его политики. Наступление холодов вместе с отсутствием теплой одежды еще более ожесточит массы». Нет, Саммерс не ставил вопрос таким образом, что русский народ в принципе не может воспринять и реализовать идеалы демократии. Однако, он должен дорасти до понимания этих идей, «вымучив» их самостоятельно, без постороннего вмешательства, избрав ту форму политического устройства, которая определяется национальными традициями и предпочтениями населения России. Предстоит сложный, длительный, полный испытаний путь. «Конечным результатом потрясений здесь будет прогрессивная конституционная монархия, контролируемая соответствующими представительными органами, – считал Саммерс. – Она, однако, наступит лишь после того, как будет создана сильная военная диктатура и люди поймут, что свобода не есть вседозволенность, и что коммунизм не может существовать в современном мире». Иными словами, Саммерс прогнозировал захват власти леворадикалами, их свержение антибольшевистскими силами и утверждение диктатуры – с последующим постепенным переходом к конституционной монархии.

Две недели спустя Саммерсу пришлось признать, что сбылись самые худшие его предсказания, а американская политика в России по существу потерпела фиаско. Петроград оказался в руках большевиков. Армия, лишенная питания, безмерно уставшая от войны, драться не могла и не хотела. Рабочие были решительно настроены против союзников, якобы толкавших русского солдата на продолжение войны ради корыстных целей. Сепаратный мир был неизбежен. Однако в длительное пребывание у власти большевиков Саммерс не верил, а потому призывал Вашингтон предпринять конкретные шаги, которые ускорили бы поворот событий в России в благоприятном для него направлении. Во-первых, консул считал недопу-

стимым ослабление связей США с Россией ни при каких условиях. Следовало заботливо сохранять представительства всех имеющихся в этой стране учреждений и организаций, отправив на работу туда людей знающих, динамичных, не склонных опускать руки в случае неудачи. Во-вторых, во имя победоносного завершения войны над Германией, Саммерс предлагал активизировать действия на западном фронте, дабы возможно более воспрепятствовать продвижению немцев вглубь России. Мысль консула была понятна: необходимо всячески ограничить возможность использования Германией ресурсов России для продолжения войны. В-третьих, следовало начать мощную контрпропагандистскую кампанию против германского влияния в России.

Наконец, считал Саммерс, необходимо морально поддержать те «лучшие силы русского общества», которые готовы решительно бороться с большевиками и попытаются вернуть себе власть[24]. После октябрьского переворота М.Саммерс вместе с вице-консулом в Москве де Витт Пулем и консулом в Тбилиси У.Смитом вошли в группу тех американских дипломатов, которые заняли самую непримиримую позицию по отношению к новому правительству в Петрограде[25]. Они пытались наладить контакты с лидерами антибольшевистских сил – Алексеевым, Калединым, Корниловым, уповая на них как на единственную силу, способную спасти Россию. Однако последовавшая в мае 1918 г. смерть Саммерса прервала его активную деятельность.

Общая картина русской ситуации, которую он рисовал на протяжении нескольких месяцев от февраля к октябрю 1917 г., не была лишена внутренней логики. В апреле консул уловил, что развитие событий приобретает неконтролируемый характер, и Россия погружается в состояние хаоса. Поэтому он пытался нащупать противоборствующие тенденции, которые работали бы на стабилизацию ситуации в стране и укрепление центральной

власти, Временного правительства. Иногда, как это случилось в конце июля – начале августа, дипломат испытывал сдержанный оптимизм. В конце августа, по мере ухудшения ситуации в России, мысль о диктатуре как о наиболее вероятном варианте развития событий становится для Саммерса определяющей. После поражения Корнилова он ожидал установления диктатуры большевиками. Приход их к власти в ноябре казался Саммерсу вполне логичным: хаос в России не мог продолжаться бесконечно, противники большевиков оказались не способны создать сильную, устойчивую власть, и теперь эту попытку делали леворадикалы.

Саммерс проводил ту главную мысль, что Россия забежала вперед, двинулась слишком быстро и не рассчитала своих возможностей, тем самым обрекая собственные благие намерения встать в один ряд с передовыми западными демократиями. Поднятая Февральской революцией волна подхватила и понесла русское общество, и оно перескочило тот важный и необходимый этап своего развития, в ходе которого эволюционным путем, постепенно, должна была готовиться почва для последующих реформ и следования по пути демократии. Саммерс полагал, что возвращение на него возможно через торжество и диктатуру антибольшевистских сил.

Взгляды Саммерса, как и многих других американских дипломатов и военных в России (Н.Уиншип и У.Джадсон, руководители Американского Красного Креста в России Р.Робинс и У.Б.Томпсон, журналист С.Уошберн) остались без должного внимания тех, кто опрелелял американскую политику в отношении России. С другой стороны, ни посол США Д.Фрэнсис, ни ближайшие советники президента В.Вильсона – в частности, профессор Чикагского университета С.Харпер, известный либерал Дж.Кеннан – не смогли дать адекватной картины и оценок происходившим в России процессам. Приход большевиков к власти означал, в частности, что при формировании поли-

тики в отношении этой страны Вашингтон не смог найти верных подходов и ориентиров. Между тем, период от февраля к октябрю 1917 г. закладывал основы для развития русско-американских отношений на многие десятилетия вперед.

---

1 *Ганелин Р.Ш.* Россия и США. 1914-1917. Очерки истории русско-американских отношений. Л., 1969; *Kennan G.F.* Russia Leaves the War. Princeton, 1956. P. 23; *Shuman F.L.* American Policy Toward Russia Since 1917. N.Y., 1928. P. 30-54; *Williams W.A.* American-Russian Relations, 1781-1947. N.Y.; Toronto, 1951, P. 91-103; etc.

2 The Letters of Raymond Robins to His Wife. 1917. September 1. Raymond Robins Papers. Box 13. State Historical Society of Wisconsin. Madison, Wisconsin.

3 A.Bullard to G.Creel. 1917. October 19-November 1. P. 2-3; A.Bullard to B.Wright. 1917. October 11. Arthur Bullard Papers. Seeley G.Mudd Manuscript Library, Princeton, N.J.

4 См.: *David S.F.* A Missouri Democrat in Revolutionary Russia: Ambassador David R.Fransis & the American Confrontation with Russian Radicalism, 1917. Gateway Heritage. 1992. № 3. P. 22-46.

5 *Gaddis J.L.* Russia, The Soviet Union, and the United States. N.Y., 1978. P. 65.

6 Who Was Who in America. A Companion Volume to «Who's Who in America». V. I. 1897-1942. Chicago, 1962. P. 1205; *Williams W.A.* Op. cit., N.Y.-Toronto, 1952. P. 113.

7 Цит по: *Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 164.

8 M.Summers to R.Lansing, 1917. March 20. Records of the Department of State Relating to the Internal Affairs of Russia and the Soviet Union, 1910-1929. Box 9. Record Group 59. National Archives, Washington, D.C.

9 M.Summers to R.Lansing. May 18. 1917. Records of the Department of State Relating to the Internal Affairs of Russia and the Soviet Union, 1910-1929. Box 9. Record Group 59. National Archives, Washington, D.C.

10 Ibid. P. 2.

11 M.Summers to R.Lansingю. 1917. July 10. Records of the Department of State Relating to the Internal Affairs of Russia and the Soviet Union, 1910-1929. Box 9. Record Group 59. National Archives, Washington, D.C. О выборах в Москве в июне 1917 г. см.: *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 169; *Rosenberg W.G.* Liberals in the Russian Revolution. Princeton, 1974. P. 164-165. Кадеты получили около 17% голосов, меньшевики – 12%, большевики – 11%.

12 M.Summers to R.Lansing. 1917. August 8. Records of the Department of State Relating to the Internal Affairs of Russia and the Soviet Union, 1910-1929. Box 9. Record Group 59. National Archives, Washington, D.C.

13 Напомним, что в составе объявленного 24 июля Второго коалиционного правительства эсеры были представлены А.Ф.Керенским (министр-председатель и военно-морской министр), Н.Д.Авксентьевым (министр внутренних дел), В.М.Черновым (министр земледелия). Б.В.Савинков 19 июля был назначен товарищем министра, управляющим Военным министерством при министре Керенском.

14 M.Summers to R.Lansing. 1917. August 18, 20. Records of the Department of State Relating to the Internal Affairs of Russia and the Soviet Union, 1910-1929. Box 9. Record Group 59. National Archives, Washington, D.C. См. также: Второй Всероссийский Торгово-Промышленный съезд в Москве 3-5 августа 1917 г. Стенографический отчет о первом пленарном заседании Съезда 3 августа. М., 1917.

15 M.Summers to R.Lansing. 1917. August 18. P. 4.

16 M.Summers to R.Lansing. 1917. August 23. Records of the Department of State Relating to the Internal Affairs of Russia and the Soviet Union, 1910-1929. Box 9. Record Group 59. National Archives, Washington, D.C. См.также: Московское совещание общественных деятелей. 1917 г. Отчет о Московском совещании общественных деятелей. 8-10 августа 1917 г. М., 1917.

17 M.Summers to R.Lansing. 1917. September 8. Records of the Department of State Relating to the Internal Affairs of Russia and the Soviet Union, 1910-1929. Box 10. Record Group 59. National Archives, Washington, D.C.

18 M.Summers to R.Lansing. 1917. September 9. Records of the Department of State Relating to the Internal Affairs of Russia and the Soviet Union, 1910-1929. Box 10. Record Group 59. National Archives, Washington, D.C. См. также: Государственное Совещание. Стенографический отчет. М.-Л., 1930.

19 M.Summers to R.Lansing. 1917. September 19. P. 1-2. Records of the Department of State Relating to the Internal Affairs of Russia and the Soviet Union, 1910-1929. Box 10. Record Group 59. National Archives, Washington, D.C.

20 Ibid. P. 3.

21 M.Summers to R.Lansing. 1917. September 15. P. 3-5. Records of the Department of State Relating to the Internal Affairs of Russia and the Soviet Union, 1910-1929. Box 10. Record Group 59. National Archives, Washington, D.C.

22 M.Summers to R.Lansing. 1917. September 19. P. 3-4.

23 M.Summers to R.Lansing. 1917. November 2. Records of the Department of State Relating to the Internal Affairs of Russia and the

Soviet Union, 1910-1929. Box 10. Record Group 59. National Archives, Washington, D.C.

24 M.Summers to R.Lansing. 1917. November 17. Records of the Department of State Relating to the Internal Affairs of Russia and the Soviet Union, 1910-1929. Box 10. Record Group 59. National Archives, Washington, D.C.

25 *Williams W.A.* Op. cit. P. 119-120. Отметим, что по вопросу об отношении к большевикам мнения находившихся в ноябре 1917 г. в России американцев разделились. Глава Американской миссии Красного Креста Р.Робинс, военный советник посольства генерал У.Джадсон, представлявший интересы Комитета общественной информации в России Э.Сиссон готовы были, не акцентируя внимания на идейно-политических разногласиях, ради продолжения участия России в войне поддерживать контакты с их лидерами и искать компромиссные решения.

IV. ОБРАЗ ВРАГА И ОБРАЗ СОЮЗНИКА В XX ВЕКЕ

Саран А.Ю.

ВОСПРИЯТИЕ КИТАЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТОЙ СССР 1920-х ГОДОВ: Л.Д.ТРОЦКИЙ

Россия, евразийская держава, всегда проводила активную внешнюю политику как в Европе, так и в Азии. Смена власти в 1917 г. и новые границы не смогли изменить эту ориентацию. Внешнеполитическая активность имела разную интенсивность в зависимости от задач, ставившихся правящими кругами. В начале XX в. центр тяжести смещался на Дальний Восток, где Россия наиболее интенсивно расширяла сферы своего влияния. Пришедшие к власти большевики в 1918-1923 гг. были ориентированы на Запад, откуда ждали мировой революции, которая должна была спасти коммунистическую власть от гибели в капиталистическом окружении. Азиатское направление в этот период было второстепенным.

Когда стало ясно, что на Западе мировая революция не загорится, надежды советских вождей обратились на Восток. В крупнейшей стране Азии, Китае, в 1924 г. начали обостряться противоречия с иностранной буржуазией и внутриполитические проблемы. Это привело политическую элиту СССР к мысли, что приход мировой революции нужно ждать не с Запада, а с Востока. Но просто ждать большевики не считали возможным – как и в

Европе, они намеревались подталкивать революцию всеми доступными для них средствами. Поскольку в их распоряжении была целая страна, средства эти были достаточно разнообразны, а возможности широки. Как их использовать, зависело от установки и воли руководства. Установка в свою очередь определялась, во-первых, представлениями руководства о Китае, во-вторых, официальной идеологией, адаптированным марксизмом-ленинизмом, в третьих — интересами текущей политической борьбы.

В настоящей работе делается попытка реконструировать представления о Китае Льва Давидовича Троцкого — одного из видных представителей советской политической элиты 1920-х гг. по его работам, написанным в 1920-е и опубликованным в 1920-1990-х гг. Конечно, подобный образ в полном виде вообще невозможно зафиксировать имеющимися средствами сохранения информации. Тем не менее существующие и доступные источники позволяют начать эту работу, раскрывающую один из факторов внешней политики СССР, и хотя бы наметить возможные направления исследования (тем более, что эта проблема была уже поставлена в научной литературе[1]).

Л.Д.Троцкий в рассматриваемый период часто обращался к проблемам Китая. Это было связано с конкретной политической обстановкой в нашей стране — уже в августе 1919 г. нарком по военным и морским делам констатирует поражение революционных сил России и Европы на Западе и успехи на Востоке и предполагает, что «ареной близких восстаний может стать Азия»[2]. В 1926 г. он возглавил комиссию в составе Г.В.Чичерина, К.Е.Ворошилова и Ф.Э.Дзержинского, которая подготовила доклад «Вопросы нашей политики в отношении Китая и Японии»[3]. Политбюро ЦК ВКП(б) 1 апреля 1926 г. приняло резолюцию по этому вопросу. В 1926-1927 гг. китайские материалы неоднократно использовались в ожесточенной полемике внутри коммунистичес-

кой партии, как Л.Д.Троцким и его союзниками, так и их оппонентами. В 1928 г., уже в Алма-Ате, Троцкий написал работы «Итоги и перспективы китайской революции» и «Китайский вопрос после VI конгресса Коммунистического интернационала». В эмиграции в 1929 г. он составил проект программы китайской оппозиции, изложив ее в нескольких статьях. В изученных работах затрагиваются вопросы, касающиеся положения Китая в мире, его внешней и внутренней политики, положения в экономике и обществе; примечательно, что в них нет ни одного упоминания о китайской культуре.

Первые сведения о Китае Л.Д.Троцкий мог получить во время обучения в Одесском реальном училище св.Павла. Хотя в программах по истории для средних учебных заведений и соответственно в учебниках Китай даже не упоминался, бывший реалист спустя почти 40 лет напишет в своей автобиографии о том, что он увлекся историей и читал университетские курсы, а в них содержались некоторые данные о Древнем Китае. Одним из источников сведений о Китае в 1920-е гг. для Л.Д.Троцкого были встречи с китайцами. Китайские отряды наряду с латышами, венграми и другими охраняли советское руководство уже в 1917-1918 гг. 27 ноября 1923 г. он принял главу китайской делегации в СССР генерала Чан Кайши. При этом советский военный лидер и член Политбюро воздержался от конкретных советов по работе партии Гоминьдан[4], что придавало встрече скорее информационный характер. В своих работах Троцкий упоминал и о сборниках международных сообщений ТАСС с грифом «Не для печати», и о прессе, как источниках информации о Китае. А свою ссылку в Алма-Ату он рассматривал как прикосновение к Востоку, где ему не приходилось до того бывать, и в своих мемуарах отмечал, что «провел год на границе Китая»[5].

Обращался к китайским проблемам Л.Д.Троцкий с точки зрения интересов коммунистического руководства Рос-

сии и СССР, что вполне естественно для политика. Политические деятели и группировки Китая рассматривались им как друзья, союзники или «изменники и враги»[6].

Если в начале 1920-х гг. Троцкий почти не уделял внимания Китаю, в середине 20-х он активно пытался влиять на принятие советским руководством политических решений в отношении Китая. При этом он рассматривал коммунистическое руководство как «классовую силу истории», то есть активное начало, обладающее свободой воли, и упрекал его в пассивности, превращающей субъект в «бесклассовую инспекцию над историческим процессом в целом»[7].

В работах конца 1920-х гг. преобладает анализ уже прошедших событий и просматривается тенденция к сведению счетов со своими политическими оппонентами, одержавшими победу над ним, но проигравшими в Китае. Контент-анализ статей Л.Д.Троцкого в «Бюллетене оппозиции» за 1929 г. показывает, что в эти годы у него преобладало отношение к Китаю как к субъекту, а не объекту политики (25 против 7). Правда в последних случаях затрагивались существенные стороны жизни Китая:

– против Китая в 1926 г. формируется единый фронт империалистических держав и приостановить этот процесс можно лишь пойдя на компромисс с Японией и согласившись на сохранение временной оккупации Южной Маньчжурии[8];

– Китай как поле для контактов СССР с капиталистическими странами и неудача советского руководства на этом пути;

– руководство со стороны политической элиты СССР (ЦК ВКП(б) и ЦКК) всей китайской революцией. Правда, при этом Троцкий отмечал, что многие представители советского руководства не знали ни китайских реалий, ни даже имен видных китайских политиков[9];

– управление со стороны СССР аграрной революцией в Китае. Это выразилось в сворачивании аграрной ре-

формы «в интересах Северного похода» 1926 г. в соответствии с телеграфной директивой Политбюро ЦК ВКП(б)[10];

– контроль над партией Гоминьдан со стороны советника М.М.Бородина и контроль над компартией со стороны руководства ВКП(б)[11];

– управление со стороны СССР общественным мнением Китая путем давления на прессу и при этом маскировка великодержавности, «вызывающей представление об империализме»[12].

Китай в качестве субъекта в работах Л.Д.Троцкого анализируется в контексте внешней и внутренней политики этого государства.

Троцкий подходил к истории Китая с точки зрения формационного подхода. Он видел классический феодализм и появляющийся здесь классический капитализм. В описании китайских реалий им без оговорок применялись марксистские понятия, относящиеся к классовой структуре общества. Механизм перехода от одной формации к другой Лев Давидович видел в революциях европейского типа, применял в анализе событий китайской истории европейские закономерности, корректируя их только советским опытом (со ссылками на В.И.Ленина) и полуколониальным положением Китая. Революцию 1925-1927 гг. он сравнивал с революциями 1848 г. в странах Европы и революцией 1905-1907 гг. в России, а свои рекомендации строил на возможности самостоятельной политики рабочего класса, который под руководством китайских и советских коммунистов мог захватить власть, тем самым как бы реализовав неиспользованные возможности российской революции 1905-1907 гг.[13] При этом во второй половине 1920-х гг. Троцкий вынужден был с сожалением констатировать спад революционной волны как в Китае, так и в мире, и наступление периода стабилизации.

Троцкий считал, что и в 1920-е гг. в Китае остались представители феодальной формации. В стране развивается капитализм и буржуазия, но в основном зависимая от империалистов.

Крестьянские движения прежних веков, считал Троцкий, постоянно и неизбежно терпели поражение[14]. Это утверждение было вызвано простой неосведомленностью советского политика: крестьянские восстания в Китае не раз за долгую историю страны побеждали, как это произошло, к примеру, в XIV в., когда крестьянский сын Чжу Юаньчжан стал первым императором династии Мин.

Троцкий расматривал Китай как гигантскую, но отсталую по сравнению с другими страну[15], констатировал бессилие и полуколониальное положение Китая в системе международных отношений 1920-х гг.[16] Процессы 1925-1927 гг. в Китае расценивались Троцким как важнейшее мировое событие XX в. после октября 1917 г. в России. Характер революции 1925-1927 гг. он определял как антиимпериалистический.

В экономике Китая 1920-х гг. Троцкий констатировал наличие развитого капитализма, причем товарное хозяйство, по его мнению, играло «неоспоримо руководящую роль». Он отмечал переплетение национального и международного капиталов в промышленности[17]. Иностранное господство выражалось в лишении Китая таможенной автономии, в товарной экспансии, импорте в Китай капиталов. Именно иностранный капитал толкал китайскую экономику вперед, к капитализму. А во второй половине 1920-х гг. иностранный капитал, считал Троцкий, тормозил внутреннее накопление, дезорганизовал производительные силы Китая. Иностранное присутствие разоряло кустарную местную промышленность, что вело к пауперизации населения[18].

Троцкий вполне справедливо отмечал, что Китай 1920-х гг. разделен на сферы влияния милитаристов[19]. При этом он не анализировал феномен милитаризма,

может быть, в связи с тем, что не находил опоры для такого анализа у К.Маркса и В.И.Ленина. Явление принималось им как данность и использовалось в ходе рассмотрения расклада политических сил – милитаристов он ставит на второе по важности место после неких «внутренних сил» и впереди «внешних сил» – СССР и империалистических государств[20]. Как независимое образование, рассматривалась им территория, контролируемая Кантонским (Гуанчжоусским) правительством, чье дальнейшее существование в 1926 г. Троцкий видел только в случае достижения компромисса с Францией, что могло быть противовесом для влияния других держав.

Генералы играли важную роль в Китае, с точки зрения Троцкого, контрреволюционную. Вместе с тем они могли балансировать между СССР и другими державами[21]. Лев Давидович отмечал получение денег от империалистических держав некоторыми из милитаристов в 1927 г.[22], а Чжан Цзолиня прямо называл агентом империалистов[23]. Он считал, что необходимо разлагать армии милитаристов, создавать рабочие войска для противодействия генералам-помещикам[24].

Во время встречи с Чан Кайши в 1923 г., Троцкий заметил, что китайские революционеры увлекаются военной работой, пренебрегая политической, и добавил: «Хорошая газета лучше, чем плохая дивизия»[25]. Позднее он отмечал личный характер военных формирований Гоминьдана и КПК, ориентированных на определенного лидера, а не на программу[26]. В то же время Троцкий вполне одобрял материальную и политическую поддержку со стороны СССР Чан Кайши и Сунь Ятсена в середине 1920-х гг. Позднее он напишет: «мы питали, одевали, обували, рекламировали, приказывали китайским коммунистам подчиняться» Гоминьдану[27].

Троцкий верно определял классовый характер китайской военной элиты, подчеркивая, что офицерство в Китае состоит из буржуа и землевладельцев[28].

Революцию 1925-1927 гг. Троцкий рассматривал как буржуазно-национальную[30], а позднее — как стихийную. сравнивая ее с бурей. При этом он констатировал поражение авангарда рабочего класса, произошедшее в результате раскола 1927 г.[31] Однако и прежний союз Гоминьдана с КПК 1925-1927 гг. в рамках «единого антиимпериалистического фронта» в 1929 г. потерпевший поражение политик счел неверным шагом. Впрочем, против этого союза Лев Давидович выступал уже с 1926 г., когда он констатировал подъем революции и необходимость самостоятельного выступления рабочего класса[32]. При этом национально-освободительную борьбу Троцкий считал по своему характеру классовой[33]. А главную причину поражения китайской революции он видел в неверном руководстве ею со стороны Коммунистического Интернационала. Явная противоречивость вышеприведенных утверждений показывает эмоциональное напряжение автора, его стремление скорее выплеснуть раздражение, чем проанализировать реальность для выработки скорректированной политики в Китае.

В 1929 г. Троцкий писал: «Сейчас — межреволюционный период. Все три разгрома (2-й китайской революции — *Авт.*) явились прямым и непосредственным результатом ложной... политики Коминтерна и ЦК КПК». Гоминьдан — буржуазная партия. Ввели в нее коммунистов для обмана рабочих. Неверен курс на общий фронт борьбы с иностранным империализмом, поскольку китайская буржуазия колеблется[34].

Поражение этой революции, которую Троцкий считал антиимпериалистической, отчего-то констатировалось несмотря на победу войск Гоминьдана над всеми противниками и объединение Китая Чан Кайши в 1928 г. Неравноправные договоры были пересмотрены и Китай вернул себе основы суверенитета. Правда, при этом у власти в стране оказались не коммунисты, к чему стремились лидеры СССР, а националисты, и, видимо,

именно это подтолкнуло к подмене целей в исходных позициях и конечных выводах Троцкого о событиях в Китае в середине 1920-х гг. В личном письме к Н.К.Крупской он прямо раскрывает эту оценку: «поражение китайской революции чрезвычайно ослабило международный коммунизм»[35]. Во многом это было связано с идеологией военного противостояния, при которой не существует нейтральных событий, каждое оценивается как победа или поражение одной из сторон. Дихотомичные представления о мире заставляли Троцкого несколько панически относиться к поражению политики СССР в Китае и предполагать, что уж противник-то этим воспользуется и развернет наступление на Советский Союз. Это было бы естественно, с точки зрения коммунистического политика, провозглашавшего лозунг: «Через Варшаву — на Берлин!» в 1920 г. Следствием такого подхода стало ожидание войны против СССР в 1927 г.

В 1926-1927 гг. Л.Д.Троцкий выделяет три политических лагеря в Китае — реакционный лагерь, лагерь либеральной буржуазии и лагерь пролетариата[36]. Продолжался, по мнению Троцкого, распад КПК[37]. При этом он считал, что китайские коммунисты выступали против аграрной революции в стране. Перспективы китайских коммунистов он видел в переходе к обороне, уходу в подполье, возврате к экономической борьбе, к борьбе за демократию в Китае.

Троцкий выражал уверенность в перспективности развития Советов как формы организации власти рабочих и крестьян в Китае как во время, так и после поражения революции 1925-1927 гг. Китайские советские органы власти, по его мнению, должны были стать «грандиозным удлиннением советского фронта», укрепить мировые позиции СССР[38].

Троцкий выделял в социальной структуре Китая классы феодального и капиталистического общества. Китайская буржуазия 1920-х гг. склонялась, по его мнению, или

к феодалам, или к империалистам. Беднота, в отличие от интеллигенции, последовательная антиимпериалистическая сила[39], Многочисленная мелкая буржуазия не играла, по мнению Троцкого, самостоятельной роли, но была способна присоединиться как к крупной буржуазии, так и к пролетариату[40].

Опору китайской революции по Троцкому составляли рабочие, крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы[41]. В 1927 г. Л.Д.Троцкий считал, что и правый (Чан Кайши), и левый (Ван Цзинвэй) Гоминьдан занимают антирабочую и антикрестьянскую позицию[42]. Сам же китайский рабочий класс характеризовался им как «могучий», что подтверждалось победой рабочего восстания в Шанхае в 1927 г.[43]

Крестьяне Китая в конце 1920-х гг., утверждал Троцкий, вели самостоятельную «гражданскую войну против помещиков, чиновников, офицеров и ростовщиков», что рассматривалось им как стихийная аграрная революция[44].

Троцкий допускал возможность некапиталистического развития Китая, правда, он считал эту перспективу возможной в случае победы социалистических сил только при помощи извне. Во всяком другом случае, по его мнению, был неизбежен капитализм[45].

Говоря о перспективах коммунистической революции в Китае в мае 1927 г., Троцкий высказал мнение, что она «разбита, но не побеждена. Ее задачи остаются неразрешенными, ее силы – неисчерпанными... [Это] молодой рабочий класс, многомиллионное пауперизованное крестьянство, вынуждаемое к борьбе»[46]. События в Китае в течение 1920-х гг. он рассматривал в контексте мировой социалистической революции.

Полемизируя со своими противниками, Троцкий достаточно часто упрекал их в отходе от марксизма-ленинизма: «Марксизм забыт окончательно, – писал он о выступлениях М.И.Калинина и Я.Э.Рудзутака в 1927 г. – Забыты и тезисы Ленина»[47].

Обращение Л.Д.Троцкого к китайской проблематике представляется действием реального политика, использующего мировые проблемы как для распространения коммунистической революции, так и для победы над своими политическими противниками, прежде всего – над И.В.Сталиным. При этом он оперировал марксистской терминологией, да и все поле анализа не выходило за рамки марксизма в течение всего периода 1920-х гг.

В целом анализ положения в Китае у Троцкого, при всем его европоцентризме мировоззрения и непонимании особенностей истории страны, был достаточно верен и глубок для советского политика 1920-х гг. Однако разносный тон многочисленных высказываний о Китае и политике советского руководства скорее способствовал закреплению ошибок Сталина, чем их исправлению, так как не давал возможности скорректировать курс не теряя лица. Победитель в борьбе за власть в партийно-государственном аппарате в середине 1920-х гг. еще не мог открыто признаваться в ошибках, не настолько прочны были его позиции. Эта ситуация на фоне дальнейших поражений Советского Союза в Китае вынуждала Сталина выдавливать Троцкого вначале из Москвы, а затем – из СССР.

Представления Троцкого о Китае в 1920-е гг. были лишь частично адекватны китайской действительности, Это определялось как особенностями источников информации, так и жестким марксистским мировоззрением самого Троцкого.

---

[1] См. в частности: *Григорьев А.М.* Борьба в ВКП(б) и Коминтерне по вопросам политики в Китае (1926-1927 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 2. С. 103.

[2] *Троцкий Л.Д.* Записка в ЦК РКП 5.08.1919 // Архив Троцкого. М., 1990. Т. 1. С. 184.

[3] Архив Троцкого. Т. 1. С. 174-181.

[4] *Бородин Б.* Троцкий и Чан Кайши // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 2. С. 148-149.
[5] *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. М., 1991. С. 21.
[6] *Троцкий Л.Д.* Тезисы о внешней политике // Архив Троцкого. Т. 2. С. 250.
[7] *Троцкий Л.Д.* По поводу китайской революции // Там же. Т. 2. С. 201.
[8] *Троцкий Л.Д.* Вопросы нашей политики в отношении Китая и Японии // Там же. Т. 2. С. 175.
[9] *Троцкий Л.Д.* Вторая речь на заседании ЦКК // Там же. Т. 3. С. 115.
[10] *Троцкий Л.Д.* Ответ т.Троцкого китайским оппозиционерам // Бюллетень оппозиции. 1930. № 9. С. 30.
[11] *Троцкий Л.Д.* Китайская компартия и Гоминьдан // Архив Троцкого. Т. 2. С. 107.
[12] *Троцкий Л.Д.* Вопросы нашей политики в отношении Китая и Японии // Там же. Т. 1 С. 175.
[13] См. в частности: *Троцкий Л.Д.* Наше международное положение и опасность войны // Там же. Т. 4. С. 22-23.
[14] *Троцкий Л.Д.* Новый этап китайской революции от Чан Кайши к Ван Цзинвэю // Там же. Т. 3. С. 227.
[15] *Троцкий Л.Д.* Письмо Альскому // Там же. Т. 2. С. 212.
[16] *Троцкий Л.Д.* Некоторые итоги советско-китайского конфликта // Бюллетень оппозиции. 1930. № 9. С. 27.
[17] *Троцкий Л.Д.* Новый этап китайской революции от Чан Кайши к Ван Цзинвэю // Архив Троцкого. Т. 3. С. 228, 236.
[18] Там же. С. 235-236.
[19] *Бородин Б.* Указ. соч. С. 149.
[20] Архив Троцкого. Т. 1. С. 174-175.
[21] *Троцкий Л.Д.* Вопросы нашей политики в отношении Китая и Японии // Там же. Т. 1. С. 177.
[22] *Троцкий Л.Д.* В политбюро. В президиум ЦКК // Там же. Т. 2. С. 233.
[23] *Троцкий Л.Д.* Письмо в ЦК всем членам ЦК ВКП(б) // Там же. Т. 3. С. 193.
[24] *Троцкий Л.Д.* Вторая речь на заседании ЦКК // Там же. Т. 3. С. 114.
[25] *Бородин Б.* Указ. соч. С. 148-149.
[26] *Троцкий Л.Д.* Вопросы нашей политики в отношении Китая и Японии // Архив Троцкого. Т. 1. С. 179.
[27] *Троцкий Л.Д.* Письмо Н.К.Крупской к вопросу о «самокритике» // Там же. Т. 3. С. 57.
[28] *Троцкий Л.Д.* Новый этап китайской революции от Чан Кайши к Ван Цзинвэю // Там же. Т. 3. С. 225.
[29] Там же. С. 232.
[30] *Троцкий Л.Д.* Письмо Альскому // Там же. Т. 2. С. 214.

31 Бюллетень оппозиции. 1930. № 9. С. 26.

32 *Троцкий Л.Д.* Китайская компартия и Гоминьдан // Архив Троцкого. Т. 2. С. 103.

33 *Троцкий Л.Д.* Не надо мусору! // Там же. Т. 3. С. 13.

34 *Троцкий Л.Д.* Политическая обстановка в Китае и задачи большевиков-ленинцев (оппозиции) // Бюллетень оппозиции. 1929. № 1-2. С. 30.

35 *Троцкий Л.Д.* Письмо Н.К.Крупской к вопросу о «самокритике» // Архив Троцкого. Т. 3. С. 58.

36 *Троцкий Л.Д.* Письмо Альскому // Там же. Т. 2. С. 212.

37 *Троцкий Л.Д.* Политическая обстановка в Китае и задачи большевиков-ленинцев (оппозиции) // Бюллетень оппозиции. 1929. № 1-2. С. 30-31.

38 *Троцкий Л.Д.* Борьба за мир и англо-русский комитет // Архив Троцкого... Т. 3. С. 56.

39 *Троцкий Л.Д.* Политическая обстановка в Китае и задачи большевиков-ленинцев (оппозиции) // Бюллетень оппозиции. 1929. № 1-2. С. 30-31.

40 *Троцкий Л.Д.* Китайская компартия и Гоминьдан // Архив Троцкого. Т. 2. С. 104.

41 *Бородин Б.* Указ. соч. С. 148-149.

42 *Троцкий Л.Д.* Заявление на пленуме ИККИ после принятия резолюции // Архив Троцкого. Т. 3. С. 39.

43 *Троцкий Л.Д.* В центральный комитет ВКП(б) // Там же. С. 61.

44 *Троцкий Л.Д.* Новый этап китайской революции от Чан Кайши к Ван Цзинвэю // Там же. С. 235.

45 *Троцкий Л.Д.* Письмо Альскому // Там же. Т. 2. С. 212.

46 *Троцкий Л.Д.* Новый этап китайской революции от Чан Кайши к Ван Цзинвэю // Там же. Т. 3. С. 242.

47 *Троцкий Л.Д.* По поводу китайской революции // Там же. Т. 2. С. 200.

Невежин В.А.

ФИНЛЯНДИЯ В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ ПЕРИОДА «ЗИМНЕЙ ВОЙНЫ» (1939-1940 гг.)

«Финнов победить – ни бог весть какая задача».

И.В.Сталин. 17 апреля 1940 г.

Проблема пропагандистского обеспечения войны 1939-1940 гг. против Финляндии (так называемой «Зимней войны») со стороны СССР остается еще слабо изученной. В подобной ситуации представляется вовсе не случайным появление утверждений, что, будучи примитивной, нечеткой, построенной на нереальных предположениях и дезинформации, советская пропаганда не выполнила задач, стоявших перед ней в период этой войны[1].

Такие оценки, хотя и отвечают во многом реалиям «Зимней войны», представляются тем не менее слишком категоричными, не способствуя объективному изучению названной проблемы. В данной статье делается попытка проанализировать степень идеологической подготовки СССР к войне с Финляндией, проследить особенности ее пропагандистского обеспечения.

Финляндия, получившая независимость после Октябрьской революции, в 1920 г. подписала Тартуский договор с Советской Россией. В 1932 г. был заключен пакт о ненападении, продленный на 10 лет в 1934 г. Однако советско-финские отношения омрачали взаимная подозрительность и недоверие. В Финляндии вызывали вполне закономерные опасения великодержавные устремления Сталина, беспокоили сведения о массовых репрессиях, голоде, насильственной коллективизации в СССР, дискриминационных действиях, которые имели место в отношении карелов и финнов, проживавших на пограничной советс-

кой территории. Руководство Советского Союза, в свою очередь, не исключало, что какая-либо из западных держав может использовать Финляндию в качестве плацдарма для антисоветских военных действий. Уже в 1936 г. допускалась возможность возникновения вооруженного конфликта с этой страной. Вслед за полпредом СССР в Хельсинки А.А.Жданов высказал тогда угрозу, что в случае возникновения конфликта Советскому Союзу необходимо будет оккупировать часть финской территории[2]. С 1938 г. наркомат обороны все настойчивее стал выдвигать требование о передаче ему лесного массива на Карельском перешейке для строительства укрепленных районов.

Однако первоначально сталинское руководство по собственной инициативе решило провести переговоры с финской стороной, целью которых было принудить ее пойти на уступки по территориальным вопросам. Эти переговоры шли с перерывами с апреля 1938 до ноября 1939 г. На завершающем этапе в них принимал участие Сталин. Но ход и исход переговоров были предопределены, ибо к этому времени советско-финляндский конфликт стал все стремительнее перерастать в открытое вооруженное столкновение.

Советский Союз и Финляндия формально заявили о своем нейтралитете в условиях начавшейся Второй мировой войны. Однако внешнеполитические и стратегические позиции СССР значительно усилились, во-первых, после успешного завершения «освободительного похода» 1939 г. и присоединения Западной Белоруссии и Западной Украины, а, во-вторых, после заключения соглашений с Латвией, Литвой и Эстонией (конец сентября – начало октября 1939 г.), позволивших разместить на территории этих стран контингенты Красной Армии. В Хельсинки прекрасно понимали, что усиление Советского Союза на Балтике нарушило баланс сил в этом регионе в его пользу и перед лицом нового раунда переговоров в Москве надеялось в случае ужесточения советских требова-

ний опереться на поддержку Германии. Однако руководство последней считало свое вмешательство «излишним»[3]. Надежды Финляндии на помощь Англии и Франции тогда представлялись столь же эфемерными, поскольку западные державы находились в состоянии войны с Гитлером.

В этих условиях Сталин рассчитывал, очевидно, с помощью прямого давления добиться от финляндской делегации территориальных уступок. Он предложил финнам заключить пакт, аналогичный тем, которые Советский Союз подписал до этого с тремя Прибалтийскими республиками. Согласие финляндской стороны означало бы создание военных баз и размещение советских войск в Финляндии, чего так опасались в Хельсинки. Финский представитель на переговорах Ю.К.Паасикиви имел инструкцию: ввиду объявленного Финляндией нейтралитета отказываться от договора с СССР о взаимопомощи.

Тогда Сталин снял предложение о договоре и выдвинул другие варианты решения проблемы взаимной безопасности. Но финны не согласились на передачу СССР ряда островов в Финском заливе и части полуостровов Рыбачий и Средний в Баренцевом море в обмен на двойную по размерам территорию Советской Карелии. Однозначно отрицательным было их отношение к вопросу об аренде либо продаже полуострова Ханко для строительства там военно-морской базы советского ВМФ.

В начале ноября в Москву прибыл министр финансов Финляндии В.Таннер, который вместе с Ю.Паасикиви был включен в состав делегации на дипломатических переговорах с СССР. Одновременно в газете «Правда» появилась статья, из которой следовало, что министр иностранных дел Финляндии Э.Эррко якобы призвал к войне против СССР. На самом деле Эркко в своей речи 1 ноября лишь подчеркнул: «Финляндия не может пойти на предложение Советского Союза и будет защищать любыми средствами свою территорию, свою неприкосновенность и независимость». Данное высказывание было

воспроизведено в «Правде». Министра иностранных дел Финляндии многозначительно сравнивали в Москве с его коллегой из прекратившей существование Польши, который якобы совершил ошибку, ориентируясь в политике на западные державы. В упомянутой статье содержалась неприкрытая угроза в адрес самой Финляндии: «Наш ответ (Финляндии — *Авт.*) прост и ясен. Мы отбросим к черту всякую игру политических картежников и пойдем своей дорогой, несмотря ни на что, ломая все и всякие препятствия на пути»[4].

Полпреду СССР в Швеции А.М.Коллонтай, приехавшей в Москву накануне третьего этапа советско-финляндских переговоров, В.М.Молотов разъяснял, что в случае начала военных действий против Финляндии войска Красной Армии «через три дня будут в Хельсинки, и там упрямые финны вынуждены будут подписать договор, который они отвергают в Москве»[5].

Подобного рода недвусмысленные формулировки свидетельствовали о том, что в ответ на уже развернувшуюся в Финляндии антисоветскую кампанию в Москве намеревались приступить к адекватным пропагандистским акциям.

3 ноября, когда была опубликована статья в «Правде», В.М.Молотов безапелляционно заявил представителям финской делегации: «Мы, гражданские люди, не видим возможности дальше продвигать дело: теперь очередь военных сказать свое слово»[6]. Личный состав пограничного с Финляндией Ленинградского военного округа был настроен весьма решительно. В донесении политуправления округа сообщалось, что после публикации в «Правде» от 3 ноября среди красноармейцев стало распространяться убеждение: «Мы, если понадобится, продвинем границу от Ленинграда не только на десятки, но и на сотни километров»[7].

На завершающей стадии советско-финляндских переговоров в Москве Сталин выступил с собственной, довольно оригинальной аргументацией в пользу принятия

финнами предложенных им условий. Ссылаясь на свою беседу с Риббентропом 27-28 сентября, большевистский лидер разъяснял: немцы начали войну против Польши, поскольку желали «отодвинуть польскую границу от Берлина»: ведь до ее начала «от Познани до Берлина было около 200 километров». Советская же сторона, подчеркивал Сталин в беседе с Паасикиви и Таннером, просит, «чтобы расстояние от Ленинграда до границы было 70 км». Далее последовало сталинское замечание: «Ленинград мы отодвинуть не можем, а поэтому должна отодвинуться граница». Смысл ответа Ю.Паасикиви сводился к тому, что Финляндия не уступит СССР требуемые им территории Ханко и районов Карельского перешейка[8]. В совокупности с приведенными выше высказываниями В.М.Молотова и антифинляндскими пассажами газеты «Правда» от 3 ноября 1939 г. сталинская риторика прозвучала как неприкрытая угроза Финляндии.

Сталин все более склонялся к выводу, что военный путь – наиболее приемлемый для обеспечения безопасности Ленинграда. 29 октября 1939 г. военный совет ЛВО представил наркому обороны К.Е.Ворошилову «План операции по разгрому сухопутных и морских сил финской армии». План, в частности, предусматривал следующие действия: «По получении приказа на наступление наши войска одновременно вторгаются на территории Финляндии на всех направлениях с целью растащить группировку сил противника и во взаимодействии с авиацией нанести решительное поражение финской армии»[9]. Личный состав Ленинградского военного округа был значительно усилен дополнительными частями.

10 ноября 1939 г. в Политуправлении РККА проходило закрытое совещание начальника Политического управления Красной Армии (ПУРККА) Л.З.Мехлиса с писателями, освещавшими «оборонную тематику». Присутствовавший на совещании В.В.Вишневский зафиксировал в дневнике основное содержание выступления на-

чальника ПУРККА, который, в частности, подчеркивал, что СССР непременно добьется своего в Финляндии «не добром, так кровью». Части Красной Армии уже стояли на советско-финляндской границе, в готовности, поскольку, как заявил Л.З.Мехлис, нельзя было упускать «исключительный случай на Балтике»[10]. Без сомнения, начальник ПУРККА доверительно изложил писателям-«оборонщикам» сталинскую точку зрения на перспективы дальнейшего развития событий.

В это время глава финляндской делегации министр финансов В.Таннер, получивший непосредственную установку от Э.Эррко, ужесточил позицию, и 13 ноября 1939 г. переговоры в Москве между СССР и Финляндией были прерваны. В.Таннер и Ю.Паасикиви вернулись в Хельсинки.

17 ноября Сталин безапелляционно заявил: «Нам придется воевать с Финляндией». В тот же день полпред в Хельсинки В.К.Деревянский в своей докладной записке на имя В.М.Молотова рекомендовал предпринять ряд мер с целью оказания давления на финнов, среди которых — создание обостренно-напряженной обстановки, вплоть до провоцирования инцидентов на границе, начало пропагандистской кампании в советской печати, организация митингов и демонстраций под антифинлядскими лозунгами и, в конечном счете — разрыв пакта о ненападении с Финляндией[11].

Эта часть предложений полпреда начала реализоваться уже со второй половины ноября 1939 г. Советские газеты угрожали «финским забиякам», писали о непобедимости и несокрушимости РККА. По дипломатическим каналам в Москву передавалась информация о росте недовольства резервистов, призванных в финскую армию, о падении в ней дисциплины и появлении признаков разложения[12].

Сразу же после срыва советско-финляндских переговоров К.Е.Ворошилов отдал приказ Военному совету ЛВО завершить сосредоточение войск к 20 ноября и представить план конкретных действий. На другой день

соответствующее распоряжение было направлено в войска. СССР нацеливался на наступательные военные операции, а финны – на оборонительные[13].

После прекращения переговоров с СССР в Финляндии с новой силой развернулась антисоветская кампания. Финляндское правительство рекомендовало подчеркивать в периодической печати неприемлемость сталинских предложений, целью которых было вовлечение страны «в сферу влияния Советского Союза». Однако, как и польское руководство от Германии, финская сторона не ожидала от СССР решительных действий. Даже за пять дней до начала боевых действий ставка финляндской армии в одном из аналитических документов стремилась изобразить дело таким образом, что сосредоточившаяся на границе с Финляндией группировка советских войск не является наступательной[14].

Между тем в ответ на неуступчивость премьер-министра Финляндии А.Каяндера, который 23 ноября публично подтвердил нежелание идти навстречу предложениям СССР, в газете «Правда» 26 ноября была опубликована резкая по содержанию статья, в которой Каяндер был назван «шутом гороховым».

Затем В.М.Молотов принял финского посла А.С.Ирие-Коскинена и вручил ему официальную ноту Советского правительства, из которой следовало: 26 ноября 1939 г., в 15 часов 45 минут финны подвергли артиллерийскому обстрелу воинскую часть Красной Армии, расположенную в деревне Майнила на Карельском перешейке, в результате чего погибли и получили ранения несколько красноармейцев и командиров. Эти действия были охарактеризованы в ноте как «враждебный акт против СССР, *уже приведший к нападению на советские войска и к жертвам* (курсив мой – *Авт.*)».

В ответной ноте финляндского правительства от 27 ноября не только отрицалась причастность финнов к обстрелу в Майниле, но и содержалось основанное на

собственном расследовании утверждение, что роковые артиллерийские выстрелы были произведены «с советской пограничной стороны». В то же время, в финской ноте за подписью А.С.Ирие-Коскинена со ссылкой на сообщение В.М.Молотова, выражалась уверенность: «правительство СССР не намерено преувеличивать значение пограничного инцидента, якобы имевшего место»[15].

Однако вряд ли можно сомневаться, что именно эти роковые «выстрелы в Майниле», вопреки утверждению А.С.Ирие-Коскинена, рассматривались СССР как повод для вооруженного вторжения в Финляндию. Из документов, выявленных в личном фонде А.А.Жданова, следует: «инцидент в Майниле» советская сторона намечала использовать для демонстрации всеобщего возмущения против «белофиннов», распространения пропагандистских листовок, выступления главы Советского правительства с перечислением «агрессивных действий» финляндской стороны и, наконец, обнародования так называемого «Обращения ЦК финской Компартии к трудящемуся народу Финляндии»[16]. Вся эта цепь событий действительно имела место с 26 ноября по 1 декабря 1939 г.[17]

Помимо уже введенных в научный оборот источников имеется и еще одно (правда, косвенное) свидетельство того, что весь инцидент с артиллерийским обстрелом был заранее задуман сталинским руководством. Речь идет о содержании опубликованной в № 22 за 1939 г. печатного органа Политуправления Красной Армии журнала «Пропагандист и агитатор РККА» заметки под заголовком «Финляндия (краткая справка)», которая включена в раздел «Консультация». Судя по выходным данным, этот номер был сдан в производство 11-22 ноября 1939 г., т.е. еще до «Майнильского инцидента». Название «Майнила» в нем не упоминалось вообще. Данное обстоятельство представляется очень важным, ибо в заметке встречаются следующие пассажи: «Советский народ достойным образом *ответит на провокационные выстрелы* зарвавшихся и

потерявших разум финляндских правителей. Финляндская буржуазия и те круги, по указке которых строятся *провокации финской армии на нашей границе*, будут долго помнить ответ советского правительства... (курсив мой – *Авт.*)».

Но о «провокационных выстрелах», «гнусной вылазке» финской стороны на границе советские официальные лица заговорили лишь 26-28 ноября. Следовательно, автор упомянутой «краткой справки» (подписавшийся лишь инициалами «Ф.Л.») по крайней мере, за три дня до инцидента в Майниле знал, что во главу угла в антифинляндских пропагандистских материалах будут положены обвинения в адрес финнов, якобы несущих ответственность за обстрел советской территории.

В целом его заметка была выдержана в вызывающе-грубой форме. В частности, указывалось на факт получения Финляндией независимости от Советского правительства, за что страна должна была быть благодарной «своему великому соседу», но «этого не случилось». Автор «краткой справки» счел уместным напомнить и о том, что Ленин называл правительство Финляндии во главе со Свинхувудом «свиноголовым», поскольку оно не проявляло особой лояльности к большевикам. Говорилось также о сосредоточении 7 финских дивизий на Карельском перешейке, в 32-х км. от Ленинграда и делался однозначный вывод: «Печать и руководители правительства [Финляндии] разжигают бешеную антисоветскую пропаганду. Они *прямо угрожают войной* Советскому Союзу» (курсив мой – *Авт.*).

В заметке перечислены (явно на основании донесений советских дипломатических представителей из Хельсинки) негативные последствия военных мероприятий «финляндских заправил», которые якобы привели к обнищанию трудящихся и голоду. По этому поводу автор многозначительно восклицал: «Не мешало бы финляндским «свиноголовым»... вспомнить о непрочности своего тыла. Не пора ли *заткнуть рот этим зарвавшимся*

«воякам!» (курсив мой – *Авт.*). Далее цитировался вышеприведенный пассаж из газеты «Правда» о «нашем ответе» финнам.

Заканчивалась «краткая справка» весьма характерным абзацем: «Советский народ не поддастся на провокации хозяев финляндской буржуазии, но он также не оставит без расплаты гнусную вылазку шутов гороховых (явный намек на премьер-министра Финляндии А.Каяндера – *Авт.*) из потомства «свиноголовых».

В том же номере журнала «Пропагандист и агитатор РККА», в разделе «Консультация» была помещена статья, посвященная принципу мирного сосуществования СССР с капиталистическим окружением. Ее автор, в частности, предостерегал «поджигателей войны», что СССР способен не только обороняться. «Мы уничтожим любого врага на его же собственной территории», – заявлял он[18]. В условиях все разраставшегося конфликта между Советским Союзом и Финляндией подобного рода высказывания, опубликованные в печатном органе ПУРККА, звучали весьма зловеще.

В оставшиеся дни между «инцидентом в Майниле» и вторжением Красной Армии на финскую территорию были организованы массовые собрания и митинги рабочих, служащих, личного состава воинских частей под антифинляндскими лозунгами, которые лишь способствовали обострению конфликта с Финляндией[19]. 28 ноября Советское правительство официально уведомило финскую сторону о денонсации договора о ненападении, заключенного в 1932 г. На другой день заместитель наркома иностранных дел В.П.Потемкин вручил А.С.Ириекоскинену ноту с уведомлением об отзыве советских политических и хозяйственных представителей из Финляндии в связи с невозможностью «поддерживать нормальные отношения» с этой страной.

29 ноября В.М.Молотов выступил по радио с обращением к гражданам Советского Союза. Из радиообраще-

ния следовало, что финское правительство проводило враждебную СССР политику, а именно: организовало «возмутительные провокации финляндской военщины, вплоть до артиллерийского обстрела наших воинских частей», его действия якобы отличались «неприкрытым стремлением и впредь держать Ленинград под непосредственной угрозой». По этой причине, как подчеркнул В.М.Молотов, Советское правительство пришло к выводу, что «больше оно не может поддерживать нормальных отношений с правительством Финляндии», отозвав своих политических и хозяйственных представителей, а также дало распоряжение Красной Армии и Военно-Морскому Флоту «быть готовым ко всяким неожиданностям и немедленно пресекать возможные новые вылазки со стороны финляндской военщины»[20].

30 ноября 1939 г. 8 часов утра войска Ленинградского военного округа перешли границу с Финляндией. В тот же день президент страны К.Каллио на заседании Государственного совета объявил, что республика находится в состоянии войны[21].

Согласно вышеупомянутому «Плану операции по разгрому сухопутных и морских сил финской армии» она должна была иметь продолжительность немногим более двух недель. Заместитель наркома обороны Г.И.Кулик отдал приказание вести расчеты, касавшиеся действий артиллерии, с учетом 12-дневной операции[22].

Вряд ли можно предполагать, что Сталин, особенно после инцидента в Майниле, нацеливался на мирный исход кризиса. Думается, всемерное раздувание этого инцидента советской пропагандой, сосредоточение для нападения на Финляндию четырех армий (7, 8, 9 и 14) в составе 18 стрелковых дивизий и 5 танковых бригад говорят сами за себя.

В сталинском окружении в преддверии «Зимней войны» царили «шапкозакидательские» настроения. Примечательно, что на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), со-

стоявшемся 27 ноября 1939 г., выяснилось, что руководство наркомата обороны имеет весьма смутное представление о характере укреплений, пересекавших Карельский перешеек — «линии Маннергейма», а члены Политбюро впервые услышали о наличии у личного состава финляндской армии автоматического стрелкового оружия[23].

«Шапкозакидательские» настроения присутствовали и среди командного состава. Некоторые командиры и политработники не желали и слышать о необходимости внимательно изучать потенциального противника, избегать условностей в боевой подготовке. При этом они ссылались на «указания высших инстанций»[24].

Сталин, его соратники, а вслед за ними командный и политический состав РККА, вероятно, имели все основания для оптимизма, начиная войну против Финляндии. Части Красной Армии, пересекшие советско-финляндскую границу 30 ноября 1939 г., явно превосходили противника в живой силе и технике. Они насчитывали 240 тыс. чел., свыше 1900 орудий, свыше 1000 танков, около 1000 самолетов (по другим данным: 450 тыс. чел., свыше 1500 орудий, около 1500 танков и около 2500 самолетов). Им противостояла группировка финских войск численностью 140 тыс. чел., имевшая 400 орудий, 60 танков и 270 боевых самолетов[25].

В сентябре 1939 г., начиная «освободительный поход» в Польшу, большевистское руководство умело использовало реальный факт оставления польским правительством своей столицы и перехода его на румынскую территорию. Этот факт был взят на вооружение в советской пропаганде для обличения «незадачливых руководителей» и обоснования антипольской акции, проводившейся с привлечением крупных контингентов Красной Армии. Замышляя финскую кампанию, в Москве намеревались использовать подобного рода неблаговидный предлог с целью бросить тень теперь уже на правительство Финляндии. В.М.Молотов, принимая 4 декабря 1939 г. в

Москве шведского посланника В.Винтера, безапелляционно заявил, что советская сторона не признает правительства, «покинувшего г. Хельсинки и направившегося в неизвестном направлении». В то же время глава советского внешнеполитического ведомства напомнил о подписании договора о дружбе и взаимопомощи между СССР и Народным Правительством Финляндской Демократической Республики (НПФДР), назвав его «надежной основой развития мирных и благоприятных отношений между СССР и Финляндией»[26].

Так называемая «Финляндская Демократическая Республика», согласно официальной советской версии, была создана 1 декабря 1939 г. в местечке Терийоки, только что занятом частями Красной Армии. Этому якобы предшествовало «Обращение ЦК Компартии Финляндии» от 30 ноября, адресованное «трудовому народу» страны, в котором анализировались причины, приведшие к возникновению советско-финляндского вооруженного конфликта, а также содержался призыв к созданию правительства левых сил[27].

Однако данная версия не выдерживает никакой критики. Вызывает сомнение, что текст вышеупомянутого «Обращения...» и «Декларации Народного Правительства Финляндии» был получен с помощью «радиоперехвата», как это утверждалось в советской прессе 1-2 декабря 1939 г. Проекты обоих документов, а также так называемого «Договора о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и Финляндской Демократической Республикой», заключенного 2 декабря 1939 г. в Москве, были составлены на русском языке (а не переведены с финского) в НКИД СССР, правлены рукой В.М.Молотова и А.А.Жданова и, несомненно, их окончательная редакция принадлежит И.В.Сталину[28].

Так, В.М.Молотов предлагал, в частности, особо подчеркнуть в тексте «Обращения», что исходная цель «народного правительства» — «не поддержка Советского Со-

юза», а «восстание» против существующего правительства Финляндии. По его мнению, следовало также зафиксировать тезис о том, что «независимая и самостоятельная Финляндия возможна лишь в дружбе с СССР»[29].

В свою очередь, именно А.А.Жданов начертал слова «Радиоперехват. Перевод с финского», которые появились в заголовке «Декларации Народного Правительства Финляндии». Он же вписал фамилии членов «правительства Финляндской Демократической Республики», перечисленных в этом документе[30].

Имеются и другие факты, свидетельствующие о том, что «Обращение...» и «Декларация...» являлись своеобразными «домашними заготовками» сталинского руководства на начальном этапе вооруженного вторжения в Финляндию. 28 ноября 1939 г. О.Куусинен доверительно сообщил резиденту советской разведки, что в Москве в ближайшее время будет объявлено о признании его (Куусинена) правительства, а «через 2-3 дня последует сообщение о подписании с правительством Демократической Республики Финляндии... договора о сотрудничестве и взаимопомощи»[31]. 30 ноября в Ленинграде состоялось совещание О.В.Куусинена с будущими членами его «кабинета», где были изложены ближайшие задачи еще не провозглашенной ДРФ[32].

Что касается текста «Обращения ЦК компартии Финляндии», то он изобиловал пропагандистскими штампами явно не финляндского происхождения. Так, в документе говорилось: «Больше чем в течение 21 года наша страна была, подобно *панской Польше* (курсив мой — *Авт.*), *гн*ездом антисоветских интриг...». Совершенно ясно, что несомненный приоритет в изобретении бессмысленного термина «панская Польша» («пан» — вежливое обращение к лицам мужского пола в Польше) принадлежит сталинской пропаганде.

В вышеупомянутом «Обращении...» утверждалось, что правительство Финляндии (не путать с «Народным Пра-

вительством Финляндии»!) не может защищать дело мира, ибо оно является правительством *поджигателей войны* (курсив мой – *Авт.*)». Между тем, хорошо известно, что выражение «поджигатели войны»– одно из наиболее распространенных в советской (да и в нацистской) пропаганде конца 30-х гг.

В «Обращении...» и в «Декларации...» встречается утверждение: Красная Армия якобы придет в Финляндию не как завоеватель, а как освободитель финского народа, не как враг, а как друг этого народа[33]. Но стереотипная формулировка «мы идем не как завоеватели, а как освободители», адресованная к личному составу частей РККА, уже использовалась в период антипольской сентябрьской акции. Она же встречается в приказе войскам Ленинградского военного округа, изданном в день начала войны против Финляндии[34].

В «Декларации...» зафиксировано следующее утверждение: «Для участия в совместной борьбе рука об руку с героической Красной Армией СССР народное правительство Финляндии уже сформировало первый финский корпус (здесь и далее выделено в тексте документа – *Авт.*), который в ходе предстоящих боев будет пополняться добровольцами из революционных рабочих и крестьян и должен стать крепким ядром будущей народной армии Финляндии»[35]. Между тем, хорошо известно, что формирование «финского корпуса» («финской народной армии») началось сразу после провозглашения «Народного правительства Финляндии» в г. Терийоки 1 декабря 1939 г. В программе «правительства» Куусинена, провозглашенной в тот день, говорилось в частности и о формировании воинского соединения с таким названием, который должен был стать ядром «народной армии Финляндии»[36]. В этом документе недвусмысленно подчеркивалось: «Первому финскому корпусу предоставляется честь принести в столицу (Хельсинки – *Авт.*) знамя Финляндской демократической республики и водрузить его на

крыше президентского дворца, на радость трудящимся и страх врагам народа»[37]. В приведенном пассаже зловещий термин «враги народа» явно выказывает «московское» авторство всего документа.

Все вышеизложенные факты и наблюдения дают основание предположить, что «Обращение ЦК компартии Финляндии», адресованное «трудовому народу» страны, и «Декларация Народного Правительства Финляндии» от 1 декабря 1939 г. (равно как и «Договор о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и Финляндской Демократической Республикой», датированный 2 декабря 1939 г.) являлись чисто пропагандистскими документами, составленными в Москве под диктовку В.М.Молотова и А.А.Жданова не без сталинского участия, и не имели никакой юридической силы. Именно так и воспринимались они здравомыслящими современниками событий. Один из них записал в дневнике 3 декабря 1939 г.: «Конечно, договор этот (с НПФДР – *Авт.*) не имеет юридического и фактического значения, ибо то правительство – еще не правительство. Оно станет таковым, когда его посадят по меньшей мере в Хельсинки. Но этот договор имеет колоссальное агитационное значение, ибо нужно показать финской армии, что проливать кровь в сущности не за что»[38].

Советская природа пропагандистской подготовки «Зимней войны» не внушала доверия. Противопоставление «народного правительства» законному, названному «плутократическим», правительству социал-демократов и центристов само по себе казалось финнам невероятным. Соглашение от 2 декабря 1939 г. предусматривало пересмотр границ. В нем, а также в «Обращении...» и в «Декларации...» говорилось, что «вековая мечта» финского и карельского народов о воссоединении «в едином независимом финляндском государстве» имеет возможность воплотиться в жизнь[39]. Для большинства финнов это означало присоединение Финляндии к советской Восточной Карелии, где, как было известно, царили репрессии. Призна-

ние СССР исключительно «правительства» Куусинена, утверждения советской пропаганды о «белогвардейском терроре» в самой Финляндии, противоречившие действительности, ставили финнов перед выбором: бороться либо подчиниться новому режиму, который имел советскую природу. Подавляющее большинство финского населения выбрало первый путь[40].

Финский народ, имевший широкую поддержку со стороны общественного мнения на Западе, в первую очередь в США и Великобритании, был намерен до конца бороться за свою независимость. Кроме того, западные державы предоставили Финляндии значительную помощь вооружением и боевой техникой, на театре военных действий появились добровольцы из ряда стран, сражавшиеся против Красной Армии.

В период советско-финляндской войны, когда потерпела крах установка на возможность достижения легкой победы «малой кровью на чужой территории», морально-политическое состояние личного состава Красной Армии ухудшилось. Среди красноармейцев и командиров, несмотря на угрозу наказания в судебном порядке по законам военного времени, были распространены разговоры о несправедливом характере действий СССР в отношении Финляндии, о нежелании народа и армии воевать против нее[41]. Различными инстанциями отмечались многочисленные случаи невыполнения приказов, самовольного ухода с передовой. Именно в тот период, несмотря на официальные, весьма оптимистические пропагандистские установки в сознании красноармейцев и командиров стали возникать «стихийные мифы», к числу которых относятся слухи о так называемых «кукушках» (финляндских снайперах), «многоэтажных», «покрытых резиной» дотах на линии Маннергейма, от которых «отскакивали артиллерийские снаряды» и т.д. и т.п.[42]

4 января 1940 г., когда стали приходить первые известия о неудачных действиях Красной Армии против фин-

ских войск и ее больших потерях, В.И.Вернадский записал в дневнике: «Очевидно, допущена крупная ошибка: плохая разведка. Зарвались»[43]. Действительно, представители разведки Ленинградского военного округа были настроены таким образом, что «с первых же дней войны белофинны побегут, в их тылу будет хаос». Поэтому они, в частности, считали вполне достаточным дать своим агентам простое задание: «с помощью радио сообщать о путях отступления финской армии»[44].

Позднее, в мае 1940 г. руководство наркомата обороны было вынуждено признать, что настоящей «политической разведки» среди населения в районах, где приходилось действовать частям Красной Армии, не велось. Оно попросту не знало, «с какими лозунгами идти к этому населению и вести работу среди него». В целом, столкновение с действительностью нередко «ошарашивало» бойцов и командиров, знавших население зарубежных стран по «трафаретным лозунгам и упрощенной пропаганде»[45].

Наносили свой вред и «шапкозакидательские» настроения предшествовавшего времени, а также «победный» настрой политического и военного руководства. В начале декабря 1939 г. некоторые из писателей, направленных на финский фронт в качестве военкоров, в полном соответствии с установкой В.М.Молотова, желали друг другу «свидания через три дня в Гельсинфорсе» (Хельсинки). В начале финской кампании бытовало представление, что «достаточно Красной Армии дунуть, как весь мир капитализма рассыпется подобно миражу». Установки политического характера, которые давались войскам, основывались на том, что «со стороны трудящихся и рядовых солдат» Финляндии не будет серьезного противодействия. Внедрялось в сознание и следующее убеждение: население этой страны даже в случае вступления его в войну против СССР, не будет рассматривать Красную Армию в качестве противника и чуть ли не сразу восстанет и будет переходить на ее сторону[46].

Позднее поэт А.А.Сурков приводил свой разговор с капитаном лыжного батальона, который понес большие потери в боях с финнами. На прямой вопрос Суркова, обращенный к командиру батальона, кто виноват в «этом страшном конфузе», т.е. разгроме его подразделения, последний ответил: «Во-первых... виноват я, во-вторых, командование, в-третьих – больше всего кинокартины "Истребители" и "Горячие денечки"»[47]. В названных кинокартинах, созданных соответственно в 1939 и 1935 гг., военная служба изображалась как легковесное времяпрепровождение.

Л.З.Мехлис подчеркивал после окончания войны с Финляндией, что в ходе нее выявилась истина: без военных знаний комиссары и политработники не могли быть «полноценными руководителями»[48]. Живая картинка, дающая наглядное представление об уровне пропагандистской работы среди личного состава Красной Армии в начальный период финляндской кампании, представлена в воспоминаниях одного из ее участников, разведчика 17-го отдельного лыжного батальона. Это подразделение, находясь еще на границе с Финляндией, во время краткой передышки перед походом получило «патриотическую зарядку со стороны подвернувшегося малограмотного политрука». Разъяснения последнего сводились к следующему: «Наши самолеты бомблят и бомблят, а финны убегают»[49].

Война с Финляндией 1939-1940 гг. нашла отражение в советском кинематографе. Фронтовыми операторами был отснят материал для хроникально-документального фильма «Линия Маннергейма». В.В.Вишневский 30 апреля 1940 г. таким образом излагал в дневнике свои впечатления от просмотра этой картины: «Вчера смотрел «Линию Маннергейма». Ни одного аплодисмента. Зрители молча, испытующе смотрят на тяжести войны. Натурализм документа предельный... Витает смерть и разрушение... А

вырезано все, что только можно: нет подл[инных] смертей, раненых, нет обмороженных, нет трагизма...»[50].

Режиссер В.В.Эйсымонт работал над художественным фильмом «Фронтовые подруги», который должен был показать «героическую работу советских девушек-медсестер в период борьбы с белофиннами»[51]. Впоследствии, уже в годы Великой Отечественной войны картина шла под другим названием («Девушки из Ленинграда»). Впрочем, руководство ВОКС'а посчитало нецелесообразным популяризировать ее в Англии и США, ставших союзниками СССР, лишь потому, что лента была отснята во время советско-финляндского вооруженного конфликта, когда симпатии общественного мнения этих стран были на стороне финнов[52].

По словам современницы событий Р.Д.Орловой, в период кампании 1939-1940 гг. была произведена «простейшая филологическая операция»: финны стали называться «белофиннами». Эта метаморфоза способствовала упрощению понятий и как бы расставляла все на свои места: «захватническая война превращалась в другую». К тому же, опять, как и в случае с Польшей, на Запад «отодвинулась граница» СССР[53].

Война против Финляндии стала серьезным испытанием не только боеспособности Красной Армии, но и действенности большевистской пропаганды. С одной стороны, проявилась порочность прежних установок о военной слабости потенциального противника, расчета на молниеносные боевые действия «малой кровью», «на чужой территории». С другой стороны, не получили развития замыслы идеологического обеспечения «экспорта» революции в Финляндию, пропагандистской поддержки марионеточного правительства Куусинена. Не случайно сразу же по завершении боевых действий и подведения неутешительных для советского руководства, Красной Армии и ПУРККА итогов «Зимней войны» началась всесторонняя перестройка пропаганды, в ходе которой была

поставлена задача коренного пересмотра взглядов на характер и содержание военной пропаганды.

---

1 *Ксенофонтова Н.Ф.* Советско-финлядская война в освещении советской пропаганды (1939-1940 гг.) // Великая Отечественная война в оценке молодых. Сборник статей студентов, аспирантов, молодых ученых. М., 1997. С. 45.

2 Зимняя война 1939-1940 гг. Кн. 1. Политическая история. М., 1998. С. 55.

3 Оглашению подлежит: СССР-Германия, 1939-1941. Документы и материалы. М., 1991. Док. № 78, 79.

4 Правда. 1939. 3 ноября.

5 Зимняя война 1939-1940. Кн. 1. С. 126.

6 Там же. С. 127.

7 Хрестоматия по отечественной истории (1914-1945 гг.). М., 1996. С. 485.

8 *Ланкур-Лаферриер Д.* Психика Сталина. Психоаналитическое исследование. М., 1996. С. 134-135.

9 Локальные войны XX века: роль СССР // Отечественная история. 1992. № 4. С. 14.

10 *Невежин В.А.* Идея наступательной войны в советской пропаганде 1939-1941 гг. // Преподавание истории в школе. 1994. № 5. С. 9.

11 *Барышников В.Н.* От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997. С. 271.

12 Документы внешней политики СССР. 1939. Кн. 2 (1 сент. – 31 дек. 1939 г.). М., 1992. Док. № 772.

13 Родина. 1995. № 12. С. 55.

14 *Килин Ю.* Оптимизм: на что надеялись финны в 1939 году? // Родина. 1995. № 12. С. 51.

15 Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV: 1935 – июнь 1941 г. М., 1946. Док. № 373, 374.

16 Зимняя война 1939-1940. Кн. 1. С. 135.

17 Родина. 1995. № 12. С. 57.

18 Пропагандист-агитатор РККА. 1939. № 22. С. 35.

19 *Барышников В.Н.* Указ. соч. С. 283.

20 Внешняя политика СССР... Т. IV. Док. № 374, 376, 377.

21 По обе стороны Карельского фронта, 1941-1944. Документы и материалы. Петрозаводск, 1995.

22 *Воронов Н.Н.* На службе военной. М., 1961. С. 136.

23 *Синицын Е.* Резидент свидетельствует. М., 1996. С. 36-37.

24 *Воронов Н.Н.* Указ. соч. С. 135.

25 *Мельтюхов М.И.* Правители без подданных. Как пытались экспортировать революцию // Родина. 1995. № 12. С. 60.
26 Внешняя политика СССР... Т. IV. Док. № 381.
27 Борьба финского народа за свое освобождение. Сборник материалов. Изд. 2-е. М.-Л., 1939. С. 8-20.
28 *Донгаров А.Г.* Война, которой могло не быть. К политической и дипломатической истории советско-финляндского вооруженного конфликта 1939-1940 гг. // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 38; Зимняя война 1939-1940. Кн. 1. С. 177-178.
29 Зимняя война 1939-1940. Кн. 1. С. 177.
30 РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 888. Л. 1-9.
31 *Синицын Е.* Указ. соч. С. 41.
32 Зимняя война 1939-1940. Кн. 1. С. 178.
33 Борьба финского народа... С. 9, 10, 13, 17.
34 *Барышников В.Н.* Указ. соч. С. 270; *Донгаров А.Г.* Указ. соч. С. 39.
35 Борьба финского народа... С. 18.
36 Зимняя война 1939-1940. Кн. 1. С. 179.
37 Борьба финского народа... С. 18.
38 *Маньков А.* Из дневника 1938-1941 гг. // Звезда. 1995. № 11. С. 181.
39 Борьба финского народа... С. 12, 18, 21.
40 *Вихавайнен Т.* Чудо «зимней войны»: разобщенная нация приобретает единство // Родина. 1995. № 12. С. 76.
41 *Хорьков А.Г.* Грозовой июнь. Трагедия и подвиг войск приграничных военных округов в начальном периоде Великой Отечественной войны. М., 1991. С. 82.
42 *Воронов Н.Н.* Указ. соч. С. 146-147; *Степаков В.Н.* Указ. соч.; Зимняя война 1939-1940. Кн. 1. С. 172.
43 *Вернадский В.И.* Дневник 1940 года // Дружба народов. 1993. № 9. С. 174.
44 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 293. Л. 88.
45 *Данилов В.Д.* Горькая победа в финских сугробах // Сегодня. 1994. 30 ноября.
46 Зимняя война 1939-1940. Кн. 1. С. 134.
47 РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 1401. Л. 4, 40.
48 Из истории Великой Отечественной войны // Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 194.
49 *Шилов П.* Тогда не было моды награждать // Родина. 1995. № 12. С. 65.
50 РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2077. Л. 46.
51 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 71. Л. 110.
52 *Невежин В.А.* Из истории культурных связей СССР с Великобританией и США в рамках антигитлеровской коалиции (1941-1945 гг.) // Духовный потенциал победы советского народа в Великой отечественной войне, 1941-1945 гг. М., 1990. С. 221.
53 *Орлова Р.Д.* Воспоминания о непрошедшем времени. М., 1993. С. 235-236.

Сенявская Е.С.

ФИННЫ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ВЗГЛЯД С ДВУХ СТОРОН

Советско-финское военное противостояние является весьма благодатным материалом для изучения формирования образа врага. Причин тому несколько. Прежде всего, любые явления лучше всего познаются в сравнении. Возможности для сравнения в данном случае открывает само развитие советско-финского конфликта, историческое разделение его на две неравные части.

Первая – так называемая «Зимняя война» (1939-1940 гг.) – столкновение огромной державы с небольшой соседней страной с целью решить свои геополитические проблемы. Ход и исход этой войны известен. Непропорционально большими жертвами СССР удалось вынудить Финляндию отдать часть стратегически и экономически важных территорий. Известен и международный резонанс этого конфликта: начатый в контексте разворачивающейся Второй мировой войны, он вызывал ассоциации с германскими вторжениями в Австрию, Чехословакию и Польшу и привел к исключению СССР из Лиги Наций как агрессора. Все это должно было воздействовать и на взаимное восприятие непосредственных участников боевых действий с обеих сторон. Для финнов это была, безусловно, справедливая война, и дрались они с большим патриотическим подъемом, ожесточенно и умело, тем более, что бои протекали на их территории. Советским же солдатам командование должно было еще обосновать, почему «большой» должен обижать «маленького». Вот как выглядело это обоснование.

В своем выступлении по радио 29 ноября 1939 г. Председатель СНК СССР В.М.Молотов заявил: «Враждебная в отношении нашей страны политика нынешнего правительства Финляндии вынуждает нас принять не-

медленно меры по обеспечению внешней государственной безопасности... Запутавшееся в своих антисоветских связях с империалистами, [оно] не хочет поддерживать нормальных отношений с Советским Союзом... и считаться с требованиями заключенного между нашими странами пакта ненападения, желая держать наш славный Ленинград под военной угрозой. От такого правительства и его безрассудной военщины можно ждать теперь лишь новых наглых провокаций. Поэтому Советское правительство вынуждено было вчера заявить, что отныне оно считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении, заключенного между СССР и Финляндией и безответственно нарушаемого правительством Финляндии»[1].

В то же время и финская сторона идеологически обосновывала свое участие в этой войне, что нашло отражение в приказе главнокомандующего вооруженными силами Финляндии Г.Маннергейма о начале военных действий против СССР: «Доблестные солдаты Финляндии!.. Наш многовековой противник опять напал на нашу страну... Эта война – не что иное, как продолжение освободительной войны и ее последнее действие. Мы сражаемся за свой дом, за веру и за Отечество»[2].

Конечно, рядовые участники боев с обеих сторон отнюдь не мыслили формулами правительственных директив и приказов командования, однако последние, безусловно, накладывали отпечаток и на обыденное восприятие противника. Хотя идеологические наслоения присутствуют в обоих цитируемых документах, формула приказа Маннергейма о том, что финны сражаются за свой дом и за свое Отечество, все же была более близка к истине и пониманию финского солдата, нежели натянутые формулировки об угрозе огромному СССР со стороны маленького соседа.

Второй этап советско-финского конфликта принципиально иной. Выступив на стороне германского фашиз-

ма, напавшего на СССР, Финляндия сама превратилась в агрессора. Конечно, свое участие в этой войне она снова пытается представить как справедливое, как попытку вернуть отнятые земли. В приказе того же Маннергейма в июне 1941 г. СССР обвиняется как агрессор, ставится под сомнение искренность и постоянство заключенного после зимней войны мира, который «был лишь перемирием», и содержится призыв к финнам отправиться «в крестовый поход против врага, чтобы обеспечить Финляндии надежное будущее». Однако в том же приказе содержится намек на это будущее – на Великую Финляндию вплоть до Уральских гор, хотя здесь пока как объект притязаний выступает только Карелия. «Следуйте за мной еще последний раз, – призывает Маннергейм, – теперь, когда снова поднимается народ Карелии и для Финляндии наступает новый рассвет»[3]. А в июльском приказе он уже прямо заявляет: «Свободная Карелия и Великая Финляндия мерцают перед нами в огромном водовороте всемирно-исторических событий»[4].

Поэтому не вполне искренне звучит утверждение профессора Хельсинкского университета Юкка Невакиви о том, что «если бы не «зимняя война», в которой мы потеряли десятую часть территории, Финляндия, быть может, не стала бы союзницей Гитлера в сорок первом, предпочтя нейтралитет «шведского варианта». Финская армия двинулась в то лето только забирать отобранное»[5].

Хотя доля правды в его оценке присутствует: развязав 30 ноября 1939 г. военные действия против суверенного соседа и одержав над ним пиррову победу ценой огромных потерь, сталинское руководство предопределило тем самым его позицию в грядущей большой войне, превратив вероятного или даже маловероятного противника в неизбежного. Ни одно оскорбление национальной гордости другого народа не может остаться безнаказанным. И Финляндия ринулась на недавнего обидчика, не слиш-

ком заботясь о том, в какой сомнительной компании оказалась.

Впрочем, «возвратом отобранного» дело не ограничилось. Дойдя до старой советско-финляндской границы, финская армия, не задумываясь, двинулась дальше, занимая территории, ранее ей не принадлежащие. В финской пропаганде утверждалось, что Яанислинна (Петрозаводск), а затем и Пиетари (Ленинград) будут принадлежать Финляндии, что Великая Финляндия протянется на восток до Урала, «на всю свою историческую территорию»[6]. Хотя — есть и такие свидетельства — финны действительно охотнее сражались на тех землях, которые были утрачены ими в 1940 г.

Официальные установки финского руководства о справедливости их участия в войне полностью согласовывались с общественной атмосферой. Вот как вспоминает бывший финский офицер И.Виролайнен о настроениях общественности Финляндии в связи с началом войны против СССР: «Возник некий большой национальный подъем и появилась вера, что наступило время исправить нанесенную нам несправедливость... Тогда успехи Германии настолько нас ослепили, что все финны от края до края потеряли рассудок... Редко кто хотел даже слушать какие-либо доводы: Гитлер начал войну и уже этим был прав. Теперь сосед почувствует то же самое, что чувствовали мы осенью 1939 г. и зимой 1940 г. ... В июне 1941 г. настроение в стране было настолько воодушевленным и бурным, что каким бы ни было правительство, ему было бы очень трудно удержать страну от войны»[7].

Однако теперь уже советский народ чувствовал себя жертвой агрессии, в том числе и со стороны Финляндии, вступившей в коалицию с фашистской Германией. Великой и Отечественной война 1941-1945 гг. была для советских солдат независимо от того, на каком фронте и против какого конкретного противника они сражались. Это могли быть немцы, румыны, венгры, итальянцы, фин-

ны — суть войны от этого не менялась: советский солдат сражался за родную землю.

Финские войска участвовали в этой войне на фронте, который советская сторона называла Карельским. Он пролегал вдоль всей советско-финляндской границы, то есть места боев во многом совпадали с театром военных действий Зимней войны, опыт которой использовался обеими сторонами в новых условиях. Но на том же фронте рядом с финнами воевали и немецкие части, причем, по многим свидетельствам, боеспособность финских частей, как правило, была значительно выше. Это объясняется как уже приведенными психологическими факторами (оценка войны как справедливой, патриотический подъем, воодушевление, стремление отомстить и т.п.), так и тем, что большая часть личного состава финской армии имела боевой опыт, хорошо переносила северный климат, знала специфические особенности местности. Характерно, что советские бойцы на Карельском фронте оценивали финнов как противника значительно выше, чем немцев, относились к ним «уважительнее». Так, случаи пленения немцев были нередки, тогда как взятие в плен финна считалось целым событием. Можно отметить и некоторые особенности финской тактики с широким применением снайперов, глубоких рейдов в советский тыл лыжных диверсионных групп и др. С советской стороны опыт Зимней войны мог быть использован меньше, так как ее участники были в основном среди кадрового командного состава, а также призванных в армию местных уроженцев.

Таков общий исторический, событийный и общественно-психологический фон взаимовосприятия противников в двух взаимосвязанных войнах. Но в данном случае нас больше интересует финская сторона — как ее самовосприятие и самооценка в ходе описываемых событий, так и взгляд с советской стороны. Анализ мы построим на основе нескольких документов.

Три года продолжались бои на Севере между советскими и финскими войсками — до сентября 1944 г., когда Финляндия вышла из войны, заключив перемирие с СССР и Великобританией и объявив войну бывшему союзнику, Германии. Этому событию предшествовали крупные успехи советских войск по всему советско-германскому фронту, в том числе наступление на Карельском фронте в июне-августе 1944 г., в результате которого они вышли к государственной границе, а финское правительство обратилось к Советскому Союзу с предложением начать переговоры.

Именно к этому периоду, связанному с наступлением советских войск и выходом Финляндии из войны, относятся обнаруженные нами документы из Центрального архива Министерства обороны.

В первом из них приводятся данные советской разведки о настроениях в финской армии в июле 1944 г., а также выдержки из показаний военнопленного капитана Эйкки Лайтинена. Во втором рассказывается об обстоятельствах его пленения и допросе, но уже не сухим слогом военного донесения, а ярким языком газетного очерка, автор которого — советский капитан Зиновий Бурд. Эти документы предоставляют нам уникальную возможность взглянуть на одно и то же событие глазами двух противников, воевавших на одном участке фронта в одинаковом воинском звании и встретившихся в схватке лицом к лицу.

Для первого документа характерны оба интересующих нас аспекта: и самооценки финской стороны, и сделанные на этом основании выводы советского командования о морально-психологическом состоянии финских войск незадолго до выхода Финляндии из войны (июнь-июль 1944 г.). К этому времени настроения финнов явно изменились, о чем свидетельствуют солдатские письма. Перелом в войне, отступление, в том числе и на советско-финском участке фронта, явно влияли на настроения в войсках. Однако анализировавший документы советский

полковник делает вывод, что «моральный дух финских войск еще не сломлен, многие продолжают верить в победу Финляндии. Сохранению боеготовности способствует также боязнь того, что русские, мол, варвары, которые стремятся к физическому уничтожению финского народа и его порабощению»[8].

Об этих опасениях свидетельствует выдержка из письма одного неизвестного финского солдата: «Больше всего я боюсь попасть в руки русских. Это было бы равно смерти. Они ведь сперва издеваются над своими жертвами, которых потом ожидает верная смерть»[9]. Интересно, что среди советских бойцов также было распространено мнение об особой жестокости финнов, так что попасть к ним в плен считалось еще хуже, чем к немцам. В частности, были хорошо известны факты уничтожения финскими диверсионными группами советских военных госпиталей вместе с ранеными и медицинским персоналом[10].

Для финнов было также характерно дифференцированное отношение к гражданскому населению занятых ими территорий по этническому принципу: распространены были случаи жестокого обращения с русскими и весьма лояльное отношение к карелам. Согласно положению финского оккупационного военного управления Восточной Карелии о концентрационных лагерях от 31 мая 1942 г., в них должны были содержаться в первую очередь лица, «относящиеся к ненациональному населению и проживающие в тех районах, где их пребывание во время военных действий нежелательно», а уж затем все политически неблагонадежные[11]. Так, в Петрозаводске, по воспоминаниям бывшего малолетнего узника М.Калинкина, «находилось шесть лагерей для гражданского русского населения, привезенного сюда из районов Карелии и Ленинградской области, а также из прифронтовой полосы. Тогда как представители финно-угров в эти годы оставались на свободе»[12]. При этом к лицам финской национальности (суоменхеимот) причислялись финны, каре-

лы и эстонцы, а все остальные считались некоренными народностями (вератхеимот). На оккупированной территории местным жителям выдавались финские паспорта или разрешение на право жительства, единой формы, но разного цвета, в зависимости от национальной принадлежности[13]. Проводилась активная работа по финизации коренного населения, при этом всячески подчеркивалось, что русское население в Карелии не имеет никаких корней и не имеет права проживать на ее территории[14].

Особенностью финской психологии была большая привязанность к родным местам. Это сказывалось и на характере боевых действий. Так, пленный капитан Эйкки Лайтинен показал: «Когда наш полк отходил с Малицкого перешейка, солдаты шли в бой с меньшим желанием, чем теперь, ибо для финского солдата Восточная Карелия является менее важной, чем своя территория. На территории Восточной Карелии солдаты вступали в бой только по приказу. У деревни Суоярви, когда мы уже миновали свои старые границы, солдаты моей роты прислали ко мне делегацию с просьбой приостановить наступление. Это и понятно, т.к. большое количество солдат моей роты – уроженцы районов Ладожского озера, которые хотели защищать свои родные места. Около недели тому назад из моей роты дезертировало два солдата, которые после нескольких дней, однако, вернулись обратно и доложили, что они хотят искупить свою вину в бою. Я их не наказал»[15].

Вызывают интерес биографические данные этого финского офицера, участника обеих войн, награжденного двумя крестами, первый из которых он получил еще на Карельском перешейке в 1940 г. за «доблестную оборону», а второй в 1942 г. – за «доблестное наступление». Эти сведения приводятся в статье З.Бурда, где также упоминается жена пленного капитана – военный врач, член шюцкоровской организации «Лотта-Свярд», тоже награжденная двумя крестами[16].

Поэтому можно доверять свидетельствам этого офицера, с достоинством державшегося на допросе, когда он рассуждает о влиянии Зимней войны на отношение финнов не только к восточному соседу, но и к идее социализма в целом. «Мнение финнов об СССР, о социализме, коммунизме за последние 10 лет сильно изменилось, — говорит он. — Я уверен, что если бы 10 лет тому назад солдаты моей роты должны были бы воевать против Красной Армии, они бы все перебежали на вашу сторону. Причиной тому, что их взгляды теперь изменились, являются события 39-40 гг., когда русские начали войну против Финляндии, а также оккупация русскими прибалтийских стран, чем они доказали свое стремление поработить малые народы...»[17].

Советская пропаганда, как правило, стремилась нарисовать крайне неприглядный образ финского противника. Даже на основании частично описанных выше материалов допроса капитана Э.Лайтинена, судя по которым он проявил себя как заслуживающий уважения пленный офицер, в красноармейской газете «Боевой путь» в заметке под названием «Лапландский крестоносец» фронтовой корреспондент изобразил его карикатурно и зло. «Трижды презренный лапландский крестоносец», «матерый враг Советского Союза», «белофинский оккупант», «убежденный фашист», «шюцкоровец», «ненавистник всего русского, советского» — такими эпитетами он был награжден, причем даже слово «шюцкор» — то есть название финских отрядов территориальных войск — воспринималось в их ряду как ругательство. Впрочем, финны в своей пропаганде тоже не стеснялись в выражениях, говоря об СССР, большевиках, Красной Армии и русских вообще. В быту была распространена пренебрежительная кличка «рюсси» (что-то вроде нашего «фрицы» по отношению к немцам). Но это и не удивительно: для военного времени резкие высказывания в адрес противника являются

нормой поведения, обоснованной не только идеологически, но и психологически.

В заключении следует отметить, что в целом в общественном сознании советской стороны финны воспринимались как враг второстепенный, ничем особо не выделявшийся среди других членов гитлеровской коалиции, тогда как на Карельском фронте, на участках непосредственного с ними соприкосновения, они выступали в качестве главного и весьма опасного противника, по своим боевым качествам оттеснившего на второй план даже немцев. Все прочие союзники Германии не могли похвастать уважением к себе со стороны неприятеля: ни венгры, ни румыны, ни итальянцы, с которыми приходилось сталкиваться советским войскам, не отличались особой доблестью и были, по общему мнению, довольно «хлипкими вояками».

Среди всех сателлитов Германии, пожалуй, лишь у Финляндии присутствовал элемент справедливости для участия в войне против СССР, который, впрочем, полностью перекрывался ее захватническими планами. Интересно, что мотивация вступления в войну и выхода из нее была практически противоположной. В 1941 г. Маннергейм вдохновлял финнов планами создания Великой Финляндии и клялся, что не вложит меч в ножны, пока не дойдет до Урала, а в сентябре 1944 г. оправдывался перед Гитлером за то, что «не может больше позволить себе такого кровопролития, которое подвергло бы опасности дальнейшее существование маленькой Финляндии» и обрекло бы ее 4-миллионный народ на вымирание[18]. Мания величия прошла. А лекарством от этой болезни послужило наше успешное наступление, отбросившее финнов к их довоенным границам.

---

1 По обе стороны Карельского фронта 1941-1944. Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 7.

2 Там же. С. 11.

[3] Там же. С. 60.
[4] Там же. С. 70.
[5] Цит. по: *Чудаков А.* Реквием Карельских болот // Комсомольская правда. 1989. 14 ноября.
[6] По обе стороны Карельского фронта... С. 261.
[7] Там же. С. 67-68.
[8] ЦАМО. Ф. 387. Оп. 8680. Д. 17. Л. 85.
[9] Там же.
[10] По обе стороны Карельского фронта... С. 190-191.
[11] Там же. С. 242.
[12] Там же. С. 259.
[13] Там же. С. 248, 266.
[14] Там же. С. 156-169, 184-186, 191-193, 198-199, 206-208, 250-251, 264-266.
[15] ЦАМО. Ф. 387. Оп. 8680. Д. 17. Л. 86.
[16] Там же. Д. 8а. Л. 36. Газета 32-й армии «Боевой путь». 1944. 7 августа
[17] ЦАМО. Ф. 387. Оп. 8680. Д. 17. Л. 86.
[18] По обе стороны Карельского фронта... С. 525-526.

Голубев А.В.

«ЦАРЬ КИТАЮ НЕ ВЕРИТ...». Союзники в представлении российского общества 1914-1945 гг.*

В течение длительного времени Россия, хотя бы неосознанно, ощущала свою чуждость по отношению и к Европе, и к Азии. Именно это ощущение отразил Н.Я.Данилевский в своей теории культурно-исторических типов. Возможно, сама открытость огромных российских границ вызывала подсознательное желание как-то отгородиться от враждебного мира, окружить себя своеобразной «буферной зоной» – не только в военном, но и в культурном отношении. Отсюда – постоянные попытки представить себя центром если не мира в целом, то некоей сравнительно небольшой общности вокруг собственных границ, например, «мира православного», позднее – «мира славянского», еще позднее – «социалистического лагеря».

Взаимодействие России и внешнего мира происходило в разных сферах, а интенсивность и эффективность всякого рода контактов зависела от закономерностей как внутреннего развития, так и взаимного восприятия. Восприятие культур подчинено определенным механизмам, характерным для массового сознания, в котором по-прежнему господствует древнейший тип сознания, получивший наименование мифологического. Он описан в классических трудах К.Леви-Стросса, Дж.Фрейзера, А.Ф.Лосева и других.

Рациональный XX в. привел к тому, что современные мифы зачастую претендуют на научность, пользуясь соответствующей терминологией, и внешне могут выглядеть достаточно рационально. Но механизм их возникно-

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Цивилизационная специфика России и внешнеполитические традиции советской эпохи». Грант № 96-01-00306 предоставлен Российским гуманитарным научным фондом.

вения и особенности восприятия остаются прежними и все свойства мифа сохраняются.

Мифологический тип сознания всегда играл значительную роль в истории. Массовые движения самого разного типа и политической ориентации искали, сознательно или бессознательно, и находили себе опору именно в этих свойствах массового сознания. С особой отчетливостью это проявилось в политической истории XX в.[1]

Внешний мир для мифологизированного сознания предстает как арена борьбы светлых и темных сил, причем все его многообразие воспринимается в черно-белой цветовой гамме. Картина мира предельно упрощена и наполнена враждующими началами, что заставляет вспомнить выводы К.Леви-Стросса о роли так называемых бинарных оппозиций в мифологии первобытного общества[2].

Представление о других странах и народах зависит от культурных традиций, которые вырабатываются в ходе экономического, политического и других видов развития[3]. Восприятие может быть разной степени адекватности, но в любом случае опирается на стереотипы, составляющие основу менталитета. Причем национальный менталитет не является единым, но специфичен для разных социальных слоев, имеющих собственные цели, связанные с объектом восприятия.

Американский исследователь У.Липпман определил стереотипы как «упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой "картинки мира" в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценностные позиции и права»[4]. От представлений, формирующихся в соответствии с механизмами рационального типа сознания, которые принято называть образами, стереотипы отличаются в первую очередь своей одномерностью и отсутствием обратной связи с реальностью, что и позволяет связать их с механизмами мифологического массового сознания.

Необходимо оговориться, что роль стереотипов нельзя оценивать только негативно; они выполняют важные функции, в частности, способствуют селекции и структурированию информации, поступающей извне[5]. Роль стереотипов возрастает в кризисные эпохи, когда мозг не справляется с переработкой информации. И тогда у политических лидеров – и не только у них – «возникает изначальная тенденция строить доминирующий в сознании образ-концепцию и ассимилировать в него все происходящее»[6]. С другой стороны, их влияние зависит и от личного опыта освоения действительности. Чем больший подобный опыт накоплен у каждого конкретного человека, тем менее он склонен в данной области мыслить стереотипами. Но верно и обратное: в тех областях, где личный практический опыт невелик или полностью отсутствует, иногда весь процесс мышления сводится к воспроизводству стереотипных суждений. Это в полной мере относится к представлениям «среднего человека» об иных странах, об этносах, не живущих в непосредственной близости, и т.п.

В истории советского общества мифологическое сознание сыграло особую роль. Уже революцию 1917 г. (включая и Февраль, и Октябрь) нельзя объяснить, не анализируя процессов, происходящих в массовом сознании. Победа революции привела к дальнейшей мифологизации массового сознания. В свое время Р.Коллингвуд подметил сходство марксистского мировосприятия с христианской эсхатологией, правда, вместо Страшного Суда в качестве переломного момента истории выступала социальная революция, означающая переход из царства тьмы в царство света[7].

Но особого размаха мифологизация сознания достигла в эпоху существования тоталитарного политического режима, в 1930-50-е гг. Этот режим, как и все режимы данного типа, отличался двумя особенностями. Во-первых, он стремился контролировать не только те или

иные действия, но также эмоции и мысли населения. Во-вторых, подобные режимы обладают способностью создавать для себя массовую поддержку; как отмечает американский исследователь М.Кэртис, тоталитаризм «основывается на массовой поддержке и массовых движениях в большей степени, чем на экономических и социальных группах, составляющих элиты ранних обществ»[8]. Одним из основных средств достижения этого являлась мобилизация общества или его значительной части для достижения единой цели, имеющей общенациональное значение.

Уже эти особенности тоталитарных режимов указывают на их тесную связь с процессами, происходящими в массовом сознании. С ними связано возникновение этого типа режимов; с другой стороны, тоталитаризм не мог не наложить отпечаток на общественное сознание. В частности, он способствовал консервации мифологического типа сознания, на который опирался[9].

В качестве общенациональной цели, способствующей его легитимизации, сталинский режим выдвигал программу качественного обновления страны, включающую индустриализацию, преобразование сельского хозяйства и культурную революцию. В сущности это была программа модернизации (хотя сам термин и не употреблялся), ведущая к превращению России в индустриальное общество. Процесс модернизации сам по себе сокращал сферу мифологического сознания, по крайней мере, это происходило в других обществах. впрочем, эти последствия модернизации проявились лишь какое-то время спустя.

В отличие от режимов авторитарных, тоталитарный режим не стремился держать массы в стороне от политики, напротив, происходила всеобщая, сознательно подталкиваемая политизация массового сознания. Уже в первые годы после революции была создана невиданная в истории система учреждений и механизмов, преследующих чисто пропагандистские цели, что позволило американскому историку П.Кенезу определить СССР как

«пропагандистское государство»[10]. Определенная картина внешнего мира представляла собой неотъемлемую часть официальной мифологии. В полном соответствии с описанными выше механизмами мифологического сознания она представляла мир как арену великой борьбы между силами прогресса, олицетворяемыми в первую очередь коммунистическим и рабочим движением, и силами реакции, причем победа первых была неотвратима, как второе пришествие Христа в представлении верующих.

Среди самых устойчивых внешнеполитических стереотипов, характерных для разных культур и эпох – образ врага и образ союзника, конкретное содержание которых, тем не менее, может меняться самым неожиданным образом[11]. В течение XX в. Россия дважды в ходе двух мировых войн выступала в качестве участника могущественной коалиции, и «образ союзника» играл в сознании российского общества важную роль, причем не только в отношении к внешнему миру, но и при решении внутриполитических проблем.

Для мифологизированного сознания внешний мир представляет собой *«темную»*, или, в лучшем случае, *«серую»* зону, то есть область повышенной опасности, враждебную или недоброжелательную по отношению к человеку, где все иное и все неустойчиво[12]. И даже *союзник*, также принадлежащий к миру за пределами освоенной территории (то есть внешнему миру), воспринимается как нечто неустойчивое, сомнительное, потенциально враждебное. Подобное отношение к союзникам фиксируется не только в годы Великой Отечественной войны, но и на других этапах русской (и не только русской) истории.

Отношение к союзникам, реальным или потенциальным, и общая мифологизация представлений о внешнем мире в массовом сознании ярко проявились в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. В частности, крестьяне разных губерний были убеждены, что «все “англичанка” портит дело, она помогает туркам» (Новгородская губ.),

что «если бы не помешала “англичанка”, то русские непременно бы взяли Константинополь» (Рязанская губ.)[13]. В народном сознании в качестве союзника России (кроме славян, в частности, болгар, и греков, которые тоже считались «славянами»), выступал... Китай: «Китай за нас подымется. Царь Китаю не верит, боится, чтобы не обманул...», — говорили крестьяне[14]. Характерна, при всей фантастичности этих утверждений, нотка недоверия к «союзнику».

Как в общественном мнении, так и в массовом сознании России к началу XX в. традиционным было недоверие к Англии. При этом в исторической реальности в годы самых крупных коалиционных войн, в которых участвовала Россия (в частности, наполеоновские войны, в том числе война 1812 г., первая и вторая мировые войны), вследствие различных геополитических и прочих обстоятельств Англия становилась союзником России, что, конечно, действовало на отношение к ней, но затем все быстро возвращалось на свои места[15]. Эта инерция была преодолена лишь в 60-80-е гг. нашего века, когда Англия потеряла статус мировой державы. Поэтому, как отмечает В.А.Емец, накануне первой мировой войны, после того, как фактически сложился англо-франко-русский союз, «требовалась решительная ломка стереотипов... в общественно-политическом сознании правящих кругов и целых социальных групп населения»[16]. Эту задачу решал, в частности, министр иностранных дел А.П.Извольский, который первым начал «работать» с прессой в целях изменения общественного мнения. Тем не менее в общественном сознании недоверие к Англии в значительной степени сохранялось, к Франции же отношение было лучше.

В отличие от второй мировой войны, в 1914-1917 гг. военные действия велись одновременно на Западном и Восточном фронте. Союзники, как водится, склонны были недооценивать усилия друг друга, тем не менее чув-

ство «общего дела» находило свое отражение в массовом сознании.

В годы войны предпринимались целенаправленные усилия по формированию в общественном мнении и массовом сознании «образа врага»[17]. Наряду с этим, хотя, к слову сказать, с гораздо меньшей интенсивностью, пропаганда работала и над формированием позитивного и достаточно наглядного образа союзника. Примеров множество; в частности, в России были изданы открытки с изображением симпатичных солдат в форме стран Антанты с текстами государственных гимнов, причем русский солдат ничем не выделялся в этой серии[18].

Порой понятие «союзник» принимало более широкий характер; так, в ходе войны в официальных кругах России и части русского общества возникла идея сделать союзниками в борьбе с Германией поляков. Это требовало определенной корректировки политики по отношению к ним, и порой такая корректировка принимала довольно курьезные формы: так, в Большом театре дирекция решила убрать из оперы Глинки «Жизнь за царя» сцену убийства поляками Ивана Сусанина[19].

Конечно, ход многолетней, тяжелой войны не мог не отражаться в массовом сознании и помимо пропаганды. Иногда вспоминали и о союзниках. Так, стабилизация Восточного фронта после русских неудач в Восточной Пруссии и предотвращение взятия немцами Парижа в самом начале войны («чудо на Марне») тут же нашли отклик в частушке, записанной в 1914 г.

Немец битву начинал
И в Варшаве быть желал;
Шел обедать он в Париж —
Преподнес французик шиш[20].

Здесь следует отметить, во-первых, равнозначность событий на Западном и Восточном фронте для автора частушки, и, во-вторых, то, что уменьшительное

«французик» носит явно доброжелательный, даже ласковый характер.

Постепенно, однако, по мере усталости от войны в российском общественном мнении все ярче вырисовывается тенденция к подчеркиванию главной роли России в войне и обличению корыстных союзников, стремившихся за ее счет достигнуть своих целей. Вот что предлагал товарищ председателя Тамбовского «Союза русских людей» А.Н.Григорьев Совещанию уполномоченных монархических организаций в августе 1915 г.: «Ввиду того, что вся тяжесть войны в настоящее время легла на Россию, просить Англию вновь формируемые ею армии посылать на русский фронт через Архангельск, а также привлечь и японцев к участию в сражениях на нашем фронте»[21]. В воспоминаниях британского генерала А.Нокса, относящихся к 1915 г., приводится беседа с генерал-квартирмейстером Западного фронта генералом П.Лебедевым, который «упрекал Англию и Францию за то, что они взвалили основную тяжесть войны на Россию»[22]. После кровопролитных сражений 1916 г. эти настроения усилились. «В народных массах доверие к правительству и *вера в союзников* были окончательно подорваны», – писал начальник штаба 7-й армии генерал-лейтенант Н.Н.Головин (курсив мой – *Авт.*)[23].

К концу 1916 – началу 1917 г. подобные взгляды получили широкое распространение, особенно среди нижних чинов и младших офицеров. Как всегда, наиболее негативно оценивалась роль Великобритании, готовой «воевать до последнего русского солдата», для чего англичане «втайне сговорились с начальством, подкупив его на английские деньги». Весной 1918 г. видный российский публицист А.Изгоев отмечал исчезновение симпатий к союзникам и повсеместное распространение «немецкопоклонства»[24].

Вместе с тем в сознании российского общества с самого начала войны присутствовал и такой мотив: союз-

ники не понимают и не хотят понять Россию. Уже в сентябре 1914 г. З.Н.Гиппиус записала в своем дневнике: «Наши счастливые союзники не знают боли раздирающей, в эти всем тяжкие дни, самую душу России. Не знают, и, беспечные, узнать не хотят, понять не хотят. Не могут». И позднее, в апреле 1915 г.: «Я люблю англичан, но я так ярко понимаю что они нас не понимают (и не очень хотят)»[25]. В ходе войны подобные настроения усиливались, получали новые подтверждения и только подогревали недоверие к союзникам.

После Октябрьской революции союзники, фактически встав на одну из сторон в гражданской войне, для победителей (и для значительной части населения) оказались врагами, организаторами интервенции и многочисленных заговоров («дело Локкарта», «дело Рейли» и т.д., и т.п.) и это, разумеется, отразилось в массовом сознании. Для другой же части населения они по-прежнему оставались союзниками, только теперь не против немцев, а против большевиков, как в прошлом, так, вероятно, и в будущем. Любопытно отметить, что в 1920-е г. чаще всего в роли потенциального противника и возможного «освободителя» от власти большевиков выступала Англия. Германия, недавний враг в мировой войне и ближайший партнер советского правительства в эти годы, в массовом сознании присутствует слабо, в то время как Польша фигурирует достаточно часто, упоминаются также Франция, Япония, США, Китай (этот набор менялся в зависимости от географического положения той или иной губернии).

«Союзники» избирались массовым сознанием, исходя прежде всего из внутриполитических, а не внешнеполитических рассуждений (или Запад против «коммуны», или рабочие и крестьяне Запада как союзники СССР).

Например, летом 1928 г., ободряя верующих, один из священнослужителей Омского округа заявил: «Мы не одни, *у нас есть союзники в лице Америки, Англии и других.*

Они нам очень и очень много помогают и Вы, граждане, не отказывайте нам в помощи (курсив мой – *Авт.*)»[26]. Иногда встречались явно преувеличенные представления об общности интересов Запада и российского крестьянства. Так, в мае 1927 г. один из крестьян Амурского округа уверял, что «Англия предъявила коммунистам – сдаться без бою, и в России поставят президента, *которого пожелают Англия или крестьяне России* (курсив мой – *Авт.*)»[27].

Любое значительное событие в международной жизни, а иногда просто сообщения газет, приводили к появлению новых предполагаемых союзников. Так, в связи с конфликтом на КВЖД зимой 1930 г. в Поволжье распространился совсем уж экзотический слух о том, что изъятое у крестьян имущество власти возвратят, так как «коммунисты перепугались китайцев, которые обратно пошли на Россию». Зимой того же года в Архангельской области было зафиксирован лозунг «Долой Советскую власть, даешь поляков». От подобных лозунгов оставался только шаг и до практических выводов: «Как только Англия объявит войну на СССР, то мы в тыл советской власти пойдем и не оставим в Москве ни одного живого коммуниста...», – говорилось в одном из писем 1927 г. в «Крестьянскую газету»[28].

Новый тип союзника в 20-30-е гг. – революционный пролетариат всего мира. Официальная пропаганда всячески поддерживала подобные представления. Так, в информационном письме агитмассотдела Орловского окружкома (июль 1930 г.) подчеркивалось: «День 1 августа в настоящем году совпадает с 16-ти летием Империалистической войны. В этот день рабочие Запада свой гнев против капиталистов-поджигателей войны выразят в массовой забастовке, которая должна показать, что на случай войны рабочие сумеют остановить заводы, фабрики и остановят машины, производящие средства истребления человечества. В этот день громко будет звучать лозунг «Руки прочь от Советского Союза» и т.п.»[29].

В 1938 г. вышел в свет сборник «Красноармейский фольклор», полностью состоявший из произведений того же жанра, что и частушки о подвигах Кузьмы Крючкова. В одной из вошедших в сборник «красноармейских песен» звучала такая строфа:

К нам из Венгрии далекой,
Из баварских рудников,
Мчатся лавиной широкой
Красных тысячи полков.

В этих словах отразились реальные события – появление Венгерской и Баварской советских республик. Но подобные представления часто экстраполировались и на будущее:

От Петрограда до Вены
Тянется фронт боевой,
Скоро от Темзы до Сены
Встанет гигант трудовой[30].

В результате возникли и прочно утвердились в массовом сознании соответствующие иллюзии, которые впоследствии мучительно изживались в годы второй мировой войны. В том же 1927 г. достаточно типичными были такие высказывания – «пусть Англия идет на нас воевать, а пока рабочие и крестьяне Англии сбросят свое правительство, как было в Германии»[31].

Впрочем, советское руководство уже в середине 30-х гг., несмотря на заверения пропаганды о приближающейся победе революции в странах Запада, охваченных тяжелым кризисом, все более испытывало скептицизм относительно ее ближайших перспектив. Еще в 1932 г. М.И.Калинин оптимистично утверждал: «Стабилизация (капитализма – *Авт.*) оказалась короче, чем можно было ожидать: накопление революционной энергии идет бешеным темпом и события как разбушевавшаяся волна вновь одно набегает на другое»[32]. Но уже в марте 1934 г. тот же Калинин, выступая перед делегацией иностранных

рабочих, заявил буквально следующее: «Можете рассказать и то, что я вам сейчас рассказал открыто перед всеми. Калинин сказал, что им (пролетариям Запада – *Авт.*) не хочется ставить свои головы на баррикады, им хочется миром завоевать власть, как-нибудь обойти буржуазию»[33].

Постепенно у советской политической элиты исчезали и иллюзии относительно масштабов поддержки со стороны западного пролетариата в случае войны против СССР. Если в 1930 г., в обстановке мирового экономического кризиса С.М.Киров записывал: «Союзники наши вне СССР с каждым днем увеличиваются ибо видят пример и выход в социалистической революции»[34], то уже в 1933 г. в черновых записях М.И.Калинина содержится следующее любопытное признание: «пролетарии Запада нас поддерживают, но слабо»[35]. Он же, выступая перед членами иностранных рабочих делегаций, прибывших в Москву на празднование 1 мая 1934 г., заявил: «Мы каждый день ждем нападения от буржуазии, в первую очередь английской, мы не уверены, что английский пролетариат наденет намордник на буржуазию»[36]. Еще более откровенно он высказался на подобной встрече в ноябре того же года: «Товарищи, я не знаю, ведь вы же разумные люди, ведь вы же должны понять, что против Советского Союза ощетинился весь буржуазный мир... Ведь мы же не можем надеяться, что вы нас поддержите. Что вы нам сочувствуете, что вы, так сказать, морально будете поддерживать – в этом я не сомневаюсь, но ведь ваше моральное сочувствие имеет очень малое значение...»[37].

Международная обстановка обострялась, и вопрос о союзниках приобрел особое значение. Однако по мнению советского руководства страны Запада как таковые могли выступать в качестве полноценных союзников СССР лишь в одном случае – в случае победы там социалистической революции. В тезисах доклада Г.Е.Зиновьева на Пленуме ЦК РКП 22 сентября 1923 г. говорилось, что в случае советизации Германии, «союз советс-

кой Германии и СССР в ближайшее же время представит собой могучую хозяйственную силу... Союз советской Германии и СССР представит собою не менее могучую военную базу. Общими силами обе республики в сравнительно короткое время сумеют создать такое ядро военных сил, которое обеспечит независимость обеих республик от каких бы то ни было посягательств мирового империализма...»[38].

Однако после неудачной попытки «подтолкнуть» революцию в Германии, надежд на скорую советизацию Европы не было, и в будущей европейской войне союзниками могли быть только капиталистические страны. В опубликованной в начале 20-х гг. брошюре И.И.Вацетиса предполагалось, что в будущей войне столкнутся два блока – Великобритания, Франция, Япония и Америка, с одной стороны, и Россия, Германия, Австрия (страны, оказавшиеся после мировой войны в состоянии внешнеполитической изоляции) – с другой[39]. Но уже к концу 1920-х гг. ситуация в Европе изменилась, и в опубликованном в 1928 г. исследовании в число потенциальных противников СССР были включены практически все западные страны, за исключением традиционно нейтральных Швейцарии и Швеции, а в качестве потенциальных союзников выступали лишь Китай и колониальные владения[40]. После поражения китайской революции и конфликта на КВЖД в 1929 г. и Китай был исключен из списка возможных союзников.

В результате при разработке планов на 2-ю пятилетку была поставлена задача «обеспечить Красной Армии возможность вести борьбу *с любой коалицией мировых капиталистических держав* и нанести им сокрушительное поражение, если они нападут на СССР (курсив мой – *Авт.*)»[41]. Даже страны Восточной Европы воспринимались в первую очередь как потенциальные противники.

И после прихода нацистов к власти в Германии и подписания в мае 1935 г. советско-французского и совет-

ско-чехословацкого договоров о взаимопомощи ни в пропаганде, ни в общественном сознании эти страны почти не фигурировали в качестве союзников. Конечно, сам факт подписания подобных договоров произвел позитивное впечатление на общественность. Так, 15 мая 1935 г. прибывшему в Москву для подписания соглашения о взаимопомощи министру иностранных дел Франции П.Лавалю публика, присутствовавшая в Большом театре, устроила «восторженную овацию»[42]. Но постепенно эти первоначальные впечатления, ничем не подкрепленные, развеялись практически без следа. В марте 1938 г. академик В.И.Вернадский записал в своем дневнике: «Агитаторы в домовых собраниях указывают, что, конечно, договоры есть с Чехословакией и Францией, но Сталин считает, что больше всего дорога жизнь людей и договоры можно толковать иначе»[43]. Таким образом, союз с Францией и Чехословакией не достиг цели в военно-дипломатическом отношении, и почти не оставил следа в массовом сознании[44].

Если политическая элита не доверяла потенциальным союзникам из соображений в первую очередь идеологических, то военная элита весьма критически относилась к боеспособности западных армий, чему есть ряд свидетельств. В частности командарм 2-го ранга А.И.Седякин, занимавший в разное время посты начальника Управления ПВО РККА, заместителя начальника генштаба, командующего ПВО Бакинского района, вернувшись из поездки во Францию в 1935 г., заявил, что на маневрах «находился рядом с Гамеленом и другими генералами, и я чувствовал, что мне нечему у них учится, а они, несомненно, чувствовали наше военное превосходство»[45]. Впрочем и советские дипломаты скептически относились к идее союза с Западом, исходя из своих представлений о настроениях западной политической элиты. И все эти настроения, бытовавшие «наверху», проникали по различным каналам в массовое сознание.

В общественном сознании в эти годы преобладали антифашистские настроения, но вопрос о возможных союзниках возникал редко. Более того, в документах НКВД зафиксированы позитивные отзывы о Гитлере и его политике. После 1933 г. немецкие фашисты, как наиболее вероятный противник, рассматривались некоторой частью населения как потенциальные союзники против сталинского режима[46].

В предвоенный период традиционное недоверие советского руководства к европейским державам, бывшим и, одновременно, потенциальным союзникам, стало одной из причин неудачи политики коллективной безопасности. «Союзников у нас не было, – говорил впоследствии В.М.Молотов. – Тогда бы они объединились с Германией против нас. Америка-то была против нас, Англия – против, Франция не отстала бы»[47].

С началом второй мировой войны вопрос о выборе союзников приобрел особую актуальность. После подписания пакта Риббентропа-Молотова на роль потенциального союзника, казалось, могла претендовать Германия. Во всяком случае, на Западе противники Германии советско-германское партнерство рассматривали как нечто весьма близкое к союзническим отношениям. Но в советском общественном сознании фашистская Германия все равно оставалась скорее наиболее опасным и вероятным противником, чем союзником; пакт 1939 г. и последовавшие за ним соглашения воспринимались в лучшем случае как тактический ход советского правительства, чему имеется достаточно свидетельств[48].

В 1939-1940 гг. в официальной пропаганде Англия и Франция рассматривались как главные виновники войны, агрессоры, потенциальные противники. Это не могло не отразиться в массовом сознании, но одновременно сохранялась и память о союзе в первой мировой войне; с другой стороны, память о прошлой германской войне и немецкой оккупации Украины, образы и представления,

внедрявшиеся антифашистской пропагандой 30-х гг., вели к росту антинемецких настроений.

Постепенно, по ходу войны, в советском массовом сознании, наряду с традиционным недоверием к Англии, складывается уважительное и сочувственное отношение к ее борьбе с фашизмом; отношение же к Франции, которую традиционно воспринимали в России с симпатией, было тем более позитивным несмотря на все зигзаги официальной пропаганды. Британский журналист А.Верт приводит такие высказывания своих собеседников в СССР, относящиеся к 1940 году: »Знаете, сама жизнь научила нас быть против англичан – после этого Чемберлена, Финляндии и всего прочего. Но постепенно, как-то очень незаметно мы начали восхищаться англичанами, потому, очевидно, что они не склонились перед Гитлером»[49].

Повороты в пропаганде и полная неопределенность в общественных настроениях хорошо иллюстрируются в воспоминаниях современника: «...помню газеты с портретами улыбающихся вождей В.М.Молотова и И.Риббентропа, мамины слезы, чей-то успокаивающий голос: "Это – ненадолго. Там, наверху, соображают". Еще помню разговоры такого рода: будем ли мы сражаться с Англией?.. Уже с зимы 40-го года пошли разговоры, что Гитлер на нас непременно нападет. Но в окнах ТАСС – плакаты с совсем иным противником. На одном из них изображен воздушный бой; наши самолетики красные, а вражеские – из них половина уже сбита и горит – черные, с белыми кругами на крыльях (белый круг – английский опознавательный знак)»[50].

Однако международная ситуация, сложившаяся к весне 1941 г., многих наблюдателей, особенно хорошо информированных, подталкивала к определенным выводам. Писатель Вс.Вишневский возглавлял Оборонную комиссию Союза советских писателей, редактировал журнал «Знамя», присутствовал на закрытых совещаниях в Главном управлении политической пропаганды Красной Армии, общал-

ся с крупными военными деятелями того времени, к тому же, зная иностранные языки, постоянно слушал сообщения английского, германского, французского радио. Весной 1941 г. в его дневниках появляются записи о возможных вариантах дальнейшего развития событий. Запись от 10 февраля: «Наше выступление против Германии и "оси" – в выгодный момент, в блоке с "демократическим блоком"»... Запись от 15 марта: «Мы выступаем, чтобы доломать Гитлера, в коалиции с "демократиями" Запада. *Вариант наиболее ходовой в общественных разговорах* (курсив мой – *Авт.*)». И вместе с тем – в записи от 3 марта – «с англо-американским миром – враги второй очереди – возможен компромисс, лет на 10-15»[51].

Однако ни политическое, ни военное руководство попрежнему не рассчитывало в будущем столкновении с Германией, которое становилось все более вероятным, на каких-либо союзников. Об этом говорит в частности тот факт, что на стратегических играх в Генштабе РККА в январе 1941 г. во вводных союзники СССР не фигурировали (союзником «западных», то есть Германии, во второй игре выступали «южные», очевидно, Румыния)[52]. В беседе с Вс.Вишневским в апреле 1941 г. К.Е.Ворошилов «еще раз сказал о полной ненадежности англичан»[53].

Даже в первые дни войны, в речи И.В.Сталина 3 июля 1941 г., говорилось о том, что советский народ имеет «верных союзников *в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа* (курсив мой – *Авт.*)»; сочувственные заявления западных правительств были упомянуты лишь вскользь[54]. Однако уже 12 июля в Москве было подписано советско-английское соглашение о совместных действиях против гитлеровской Германии, положившее начало оформлению антигитлеровской коалиции. Тон советской прессы и пропаганды стал меняться в благоприятную для союзников сторону. Выступая на торжественном заседании 6 ноября 1941 г., Сталин упомянул о существующих в США и Англии демократических

свободах и подчеркнул, что «Великобритания, Соединенные Штаты Америки и Советский Союз объединились в единый лагерь, поставивший себе целью разгром гитлеровских империалистов и их захватнических армий»[55].

Иногда изменения в пропаганде приобретали самые неожиданные формы. В частности, в сборнике пословиц, выпущенном в 1942 г. Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), на первой же странице было приведено несколько пословиц (с пометкой «новая»), говорящих о «близости» Америки и СССР. Одна из них звучала так: «Эка благодать – от Москвы до Америки стало рукой подать»[56].

Изменения в советской пропаганде, конечно, не остались незамеченными обществом. Московский врач Е.И.Сахарова 6 января 1942 г. записала в дневнике: «Газеты наши стали очень интересны, читаешь их с захватывающим желанием прочесть все, что есть,– и из области наших событий, и сообщения наших могучих союзников. Сегодня очень интересна речь по радио Идена о поездке в СССР, даже не лишена некоторой поэзии»[57].

Впрочем, отмеченные изменения в пропаганде не стоит преувеличивать. Выше упоминалось о попытках формирования «образа союзника» в годы первой мировой войны. Во время второй мировой войны такие усилия предпринимала, в частности, пропаганда США; так, вышел комплект фотоплакатов с изображением английского, канадского, австралийского, русского и других солдат с общей надписью – «Этот человек твой друг. Он воюет за свободу». Плакаты были явно рассчитаны на образное, эмоциональное восприятие, характерное для массового сознания, причем образ союзника отличался не только привлекательностью, он был *персонифицирован*. В советской же пропаганде военных лет эта тема развития практически не получила.

По-прежнему в настроениях советского политического руководства преобладало недоверие к союзнику. Беседуя с корреспондентами в декабре 1942 г., М.И.Калинин, в час-

тности, давал следующие указания: «Будут вас спрашивать о союзниках, как тут говорить? Я говорю, что в драке на других надеяться трудно. Будем бить сами немцев, и союзники у нас будут, а если нас будут бить, трудно ожидать союзников. Во всяком случае нужно быть готовыми к тому, чтобы драться нам, а никому другому»[58].

Помощь союзников, их участие в войне с общим врагом порой недооценивались советской прессой и официальными лицами; об этом, как правило, не говорил в своих речах Сталин[59]. Одним из немногих исключений явилось его выступление 6 ноября 1941 г., где было упомянуто о поставках военной техники и стратегического сырья и предоставлении займа СССР.

Выступая на совещании Совинформбюро в феврале 1943 г. его глава С.А.Лозовский заявил: «В Англии, США, Канаде возникли комитеты помощи Советскому Союзу. Правда, эти комитеты посылали некоторые вещи, например: медикаменты, продукты и т.д. Так вот, эти комитеты посылают запросы с просьбой сообщить им, каким образом оказанная ими помощь воздействовала на победу Красной Армии. Это значит, нужно им сообщить, как их 5 банок консервов помогли угробить 300 тыс. немцев под Сталинградом»[60]. В результате гуманитарная помощь союзников воспринималась, в соответствии с существующими стереотипами, как «подарки рабочих и крестьян» США и Великобритании, а порой даже как товары, *закупленные* Советским правительством[61].

Позитивные отзывы о союзниках строго дозировались, даже в специальных изданиях. Например, в июле 1944 г. Управление агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) отметило как ошибку Главлита разрешение на выпуск в свет статьи об организации производства в машиностроительной промышленности в условиях военного времени, в которой «весьма скупо характеризуются достижения отечественного производства и дается непомерно восторженная оценка успехов производства США и Анг-

лии». По мнению составителей процитированной записки, адресованной секретарю ЦК А.С.Щербакову, автор «не только переоценивает достижения Америки и Англии и снисходительно отзывается о наших успехах, но и имеет вредную тенденцию – смазывать различие двух систем»[62].

Подобная позиция советской пропаганды не раз вызывала дипломатические осложнения. Например, в марте 1943 г. посол США в СССР У.Стэндли на специальной пресс-конференции заявил, что советская информация по проблемам ленд-лиза необъективна[63]. Характерно, что советские средства массовой информации на первый план выдвигали поставки продовольствия, хотя по стоимости поставки вооружения и военных материалов их намного превосходили. Необходимый «внутренний» результат был таким образом достигнут: подавляющее большинство советских граждан, лишенных альтернативных источников информации и обладавших достаточно устойчивым, сформированным еще в предвоенные годы набором негативных стереотипов относительно Запада в целом, имело весьма слабое представление о реальном вкладе союзников в войну, о боевых действиях в Северной Африке или на Тихом океане и о гуманитарной помощи (справедливости ради нельзя не отметить, что послевоенная западная историография в свою очередь принижала значение Восточного фронта для общей победы; с другой стороны, в современной отечественной публицистике роль союзников вообще и «ленд-лиза» в частности порой явно преувеличивается). Плохо представляли себе советские люди повседневную жизнь американцев и англичан.

Конечно, были и противоположные тенденции. Так, по подсчетам Н.Д.Козлова, общий объем материалов о жизни союзных стран в газетах и журналах увеличился в среднем в четыре раза, при этом вместо сюжетов об обострении классовой борьбы, росте эксплуатации, агрессивности внешней политики Запада появились более объективные и нейтральные материалы об истории и

культуре, системе образования и военной экономике этих стран, их действиях на различных фронтах[64]. Вместе с тем непропорционально большое место занимали публикации о росте авторитета СССР на Западе, о положительных высказываниях в его адрес как западных лидеров, так и рядовых трудящихся, о позитивном восприятии советской культуры, и так далее.

Любые осложнения в отношениях с союзниками вызывали изменение тона советской прессы, появление различного рода критических комментариев и карикатур. С другой стороны, при необходимости тон прессы мгновенно менялся в благоприятную для союзников сторону. Так, накануне конференции в Тегеране в СССР была развернута пропагандистская кампания по поводу 10-летия установления дипломатических отношений между СССР и США. По этому поводу новый посол США А.Гарриман выразил В.М.Молотову «большое удовлетворение»[65].

Еще более активная кампания развернулась после успешного завершения Тегеранской конференции. «Весьма знаменательными были полученные от американского посольства в Москве сообщения о реакции русских газет, которая свидетельствовала о “почти революционном изменении” в отношении Советов к Соединенным Штатам и Великобритании. Казалось, что вся пропагандистская машина была направлена на то, чтобы вызвать энтузиазм по поводу “исторических решений” в Тегеране...», — отмечал американский мемуарист Р.Шервуд[66].

Перелом в ходе военных действий заставил советское руководство задуматься об очертаниях послевоенного мира и будущем межсоюзнических отношений. Современные исследователи отмечают появление уже в 1943 г. «симптомов известной жесткости в отношении союзников, особенно в вопросах, связанных с послевоенными перспективами, с определением судеб стран и народов, освобождающихся от фашистской оккупации»[67]. Советская пропаганда получает указания об усилении ее «насту-

пательного характера» — в первую очередь в отношении союзников по антигитлеровской коалиции[68]. В частности, было решено создать новый двухнедельный журнал «Война и рабочий класс» (с 1945 г. — «Новое время»), чтобы иметь возможность критически высказываться в адрес союзников, не давая повода для официальных претензий. Формально журнал считался профсоюзным изданием, однако фактическим его редактором был нарком иностранных дел В.М.Молотов. Как вспоминает бывший помощник Молотова В.М.Бережков, «я мог видеть, как тщательно не только он (т.е. Молотов — *Авт.*), но порой и Сталин дозировали критические статьи»[69]. Впрочем, справедливости ради нельзя не отметить, что к подобным же выводам пришли и аналитики Великобритании и США. Советская сторона имела достаточно подробную информацию о различных планах, разрабатываемых союзниками уже с 1943 г., основная политическая цель которых «сводилась к предотвращению распространения влияния СССР в Европе и обеспечению для США и Великобритании решающего голоса на мирной конференции»[70].

Вместе с тем советское руководство не стремилось форсировать приближение периода конфронтации, и отсюда — «ряд жестов, адресованных США и Великобритании и призванных в тот момент убедить союзников и всю мировую общественность в том, что Советский Союз готов к компромиссам в самых принципиальных вопросах, что он идет по пути либерализации политической жизни, по пути создания цивилизованного демократического государства»[71]. Речь в данном случае идет о роспуске Коминтерна и некоторой нормализации отношений с церковью.

Что касается массового сознания, то в нем в годы войны образ союзника предстает в самых различных ипостасях. Наряду с позитивными представлениями часто встречаются и проявления традиционного недоверия (особенно в отношении Англии), которое лишь усугубилось в предвоенные годы. Вместе с тем нельзя не согла-

ситься с В.В.Позняковым, который пришел к выводу, что «советской внутренней пропаганде удалось добиться многих из поставленных перед нею целей... ей удалось отделить в массовом сознании советского народа "простых людей" этих стран от их политических и государственных структур»[72]. Впрочем, существует и иная точка зрения. Так, А.В.Фатеев полагает, что «советский пропагандистский аппарат, пресса сделали немало для создания позитивного образа союзников по оружию – США, Великобритании. В результате среди значительной части народа, интеллигенции возникли иллюзии относительно возможностей длительного послевоенного сотрудничества с либеральными державами антигитлеровской коалиции»[73]. Представляется, однако, что подобные настроения существовали не столько *благодаря*, сколько *вопреки* официальной пропаганде.

Уже в первые дни войны в сводках НКВД были отмечены высказывания о том, что политика Литвинова, направленная на союз с Англией и Францией, была верной. Характерно, что подобные высказывания проходили по разделу «антисоветских», один из говоривших это был арестован[74]. Очевидно, «органы» еще не успели осознать новую международную реальность, несмотря на заявления с обещаниями помощи со стороны правительств США и Англии, прозвучавшие 22 июня. Впрочем, в дальнейшем, особенно в 1941-1942 гг., в таких же сводках НКВД, сомнения относительно результативности отношений с союзниками, не совпадающие с тоном прессы на данный день, также проходили по разряду «антисоветских»[75].

Пожалуй, наиболее позитивно союз с Англией и США оценивала интеллигенция. Академик В.И.Вернадский, например, 16 июля 1941 г. отметил в дневнике: «Общее удовольствие, что отошли от Германии, и очень популярен союз с Англией и демократиями»[76]. В августе 1941 г. на 1-м Всеславянском митинге писатель А.Н.Тол-

стой говорил о «могучей союзнице», «могущественной и свободолюбивой Великобритании»[77].

Впрочем, инициативы в этом направлении не всегда встречали однозначную поддержку «сверху». Так, в конце 1941 г. в Алма-Ате С.М.Эйзенштейн по собственной инициативе перерабатывал сценарий «Ивана Грозного». В письме председателю Комитета по делам кинематографии И.Г.Большакову он отмечал: «В Ливонской войне несколько ослабляется самостоятельная роль Польши и заостряется анти-немецкая линия... *Вводятся мотивы англофильства Ивана Грозного, его политические связи с Англией и Елисаветой Английской...* (курсив мой – *Авт.*)» Позднее, в письме к А.А.Жданову, Эйзенштейн подчеркивает главный вопрос – нужна ли вообще в сценарии тема взаимоотношений с Англией. Ответ на этот вопрос был получен лишь в сентябре 1942 г.: Большаков «порекомендовал» практически снять английскую тему[78].

Порой в официальных выступлениях подчеркивалось единство действий союзников на разных фронтах – так, на антифашистском митинге работников искусства и литературы в ноябре 1942 г. композитор Д.Д.Шостакович заявил, что, «как это делают армии, сражающиеся под Сталинградом и в Африке, должны объединить свои усилия и художники всех демократических стран для того, чтобы помочь армиям, которые завтра встретятся для окончательного разгрома гитлеризма на полях Европы»[79].

В информационных документах НКВД были отмечены высказывания советских граждан о том, что речь Сталина 3 июля 1941 г. была рассчитана на завоевание симпатии в Англии и Америке, «которых мы объявили союзниками». Были, впрочем, и обратные высказывания, например: «Надеяться на помощь Англии и Америки – безумие»[80]. Подобные настроения существовали и в офицерском корпусе. Так, генерал-майор М.И.Потапов, попавший в плен к немцам, на допросе в сентябре 1941 г. безапелляционно заявил, что «русские считают Англию

плохим союзником»[81]. Вместе с тем, как вспоминает известный философ А.А.Зиновьев, «мы знали о том, что западные страны вроде Англии, Франции и США гораздо больше боялись победы гитлеровской Германии, чем нашей... Мы были уверены, что страны Запада, враждующие с Германией, рано или поздно присоединятся к нам в борьбе с Германией и помогут нам разгромить ее»[82]. Определенный оптимизм подкреплялся уверенностью в экономической мощи союзников (в первую очередь Англии и США), их превосходстве в ресурсах, особенно учитывая и возможности СССР[83].

Разноречивые отклики вызвал доклад И.В.Сталина 6 ноября 1941 г., где он впервые говорил о реальной помощи союзников. Наряду с удовлетворением и надеждами на скорое открытие «второго фронта» были и такие оценки: «Сталин теперь открыто расписался в полном бессилии СССР в войне с Германией. Из доклада следует понимать, что теперь все зависит от помощи Америки и Англии»[84].

По свидетельству А.Верта, в СССР в 1942 г. постоянно «делались нелестные сравнения между отчаянным сопротивлением русских в Севастополе и "малодушной" капитуляцией англичан в Тобруке», высказывалось убеждение, что «англичанам верить нельзя» и так далее[85]. Уже в октябре 1941 г. московский журналист Н.К.Вержбицкий записал в дневнике: «На нас обрушилась военная промышленность всей Европы, оказавшаяся в руках искуснейших организаторов. А где английская помощь? А может быть, английский империализм хочет задушить нас руками Гитлера, обессилить его и потом раздавить его самого? Разве это не логично, с точки зрения английских империалистов? Весь мир знает, как тонко умеет "англичанка гадить"...»[86].

Подписание англо-советского и американо-советского соглашений в мае-июне 1942 г. вызвало следующие комментарии: «Договору с Америкой нельзя придавать существенного значения, так как он составлен в крайне запу-

танных выражениях и предусматривает главным образом выгоды Америки, а не интересы СССР... Договор означает предоставление американским банкирам концессий, а стало быть и расширение частной инициативы внутри Советского Союза... В нашей смертельной борьбе против Германии у нас нет другого выхода, чем этот тесный союз с Англией, но боюсь, что договор все же более выгоден Англии, чем нам. Англия основательно связывает нас по рукам и ногам не только на время войны, но и на послевоенное время...»[87].

Своеобразным напоминанием о пропаганде и утвердившихся массовых стереотипах предвоенных лет служили довольно распространенные высказывания о том, что «для американцев и англичан одинаково ненавистен гитлеризм и коммунизм», что «Англия изменит нам и воевать придется долго – пока не ослабнет и Советский Союз и Германия, тогда Англия и Америка продиктуют свои условия и нам, и Германии», что, наконец, «у нас такие союзники, которые в одинаковой степени ненавидят и Германию, и Советский Союз»[88].

Порой в народном сознании образ союзника сливается с образом врага:

Ты, Германия и Англия,
Чего наделала!
Мою буйную головушку
Без дроли сделала!
Ты, Германия и Англия,
Давайте делать мир!
По последнему милому
Все равно не отдадим![89]

По свидетельству того же Верта, отношение к союзникам со стороны населения временами было намного более прохладным, чем отношение властей. «Обычно предполагается, что "добрый русский народ" настроен гораздо больше в пользу Запада, чем его правительство. В тот момент наблюдалось обратное», – заключает он,

имея в виду 1943 г.[90] Это было связано с ожиданиями «второго фронта».

И в пропаганде, и в массовом сознании тема «второго фронта» занимала особое место. Хотя боевые действия против Италии и затем Германии велись союзниками в Северной Африке, а с 1943 г. и на Апеннинском полуострове, то есть в Европе, в качестве настоящего «второго фронта» советское руководство соглашалось признать лишь массированную высадку союзных войск на территории Франции. Как известно, подобная высадка была осуществлена в Нормандии летом 1944 г. Тем временем тема задержки «второго фронта» стала одной из любимых для «официальных» сатириков. Важное место заняла она и в массовом сознании, тем более что отсутствие «настоящего второго фронта» было объявлено одной из основных причин тяжелых поражений Красной Армии летом 1942 г. По мнению многих, открытие «второго фронта» означало скорый конец войны и его ждали постоянно. Так, уже в декабре 1941 г. московский врач Е.И.Сахарова записала в своем дневнике: «Сегодня Англия объявила войну Финляндии, Румынии и Болгарии. Это очень хорошо. Это очень хорошо. Это то, что т. Сталин назвал “вторым фронтом”. Если активна будет деятельность Англии, то нам, безусловно, станет значительно легче и не будут так дробиться наши военные силы»[91]. Политрук Ю.И.Каминский писал домой с фронта в июне 1942 г.: «Поздравляю вас всех с договором 26 мая и соглашением о втором фронте. Это сразу вернет войне ее первоначальные темпы, но только в другую сторону, с нашей земли в Европу»[92].

Однако, вслед за официальной пропагандой, большинство советских граждан к идее второго фронта относилось скептически. Так, физик В.С.Сорокин писал в апреле 1944 г. в частном письме: «Наши проклятые союзники собираются продемонстрировать, что они собираются предпринять демонстрацию, что они собирают-

ся... (и так далее) предпринять наконец вторжение. Они описывают с величайшей обстоятельностью корабль, который они построили для перевозки войск, искусство своих будущих операций и все, относящееся к делу, из чего следует, что это все одни разговоры»[93].

Виновниками в задержке «второго фронта» считали все тех же англичан, в первую очередь У.Черчилля. Один из собеседников А.Верта в 1942 г. утверждал, что русские должны были быть благодарны Черчиллю уже за то, что он не встал на сторону немцев, и предсказывал, что пока Черчилль остается у власти, «второго фронта» не будет[94].

Бомбардировки, которым подвергали союзники территорию Германии, вызывали в общем удовлетворение. Вот как эта нетрадиционная тема преломляется в традиционном народном творчестве:

Ой, яблочко,
Да из Америки,
Довело ты врага
До истерики.
Ой, яблочко,
Да из Британии,
Будет помнить тебя
Вся Германия[95].

Но, конечно, подобные действия, так же, как и кампания в Северной Африке, не могли заменить открытия «второго фронта», под которым, вслед за официальной пропагандой, советские граждане подразумевали либо массовое вторжение союзнических войск на континент через Ла-Манш, либо (это особенно характерно для ленинградцев) широкомасштабные боевые действия в Финляндии, упоминались также южная Франция, Италия, Балканы.

Помимо «второго фронта», еще два конкретных аспекта отношений с союзниками были зафиксированы в массовом сознании военного времени. Это тема ленд-лиза, поставок продовольствия, снаряжения, военной

техники. И кроме того – осмысление перспектив, которые открывал на будущее сам факт возникновения антигитлеровской коалиции. В 1942-1944 гг. постепенно укрепляется ожидание позитивных изменений после войны, и в значительной степени это было связано как раз с ролью союзников. Предполагалось, что союз с США и Великобританией должен привести к некоторой демократизации советского общества, тем более, что продолжение союза военных лет казалось многим необходимым для послевоенного восстановления СССР.

Так, В.И.Вернадский 15-16 ноября 1941 г. записал в дневнике: «Невольно думаешь о ближайшем будущем. Сейчас совершается сдвиг, и, вижу, многим тоже кажется – огромного значения... Союз с англосаксонскими государствами – демократиями, в которых в жизнь вошли глубоким образом идеи свободы мысли, свободы веры и формы больших экономических изменений с принципами свободы... Впереди неизбежны коренные изменения – особенно на фоне победы нашей и англосаксонских демократий...»[96].

Впрочем, и здесь были разные мнения. Так, уже упоминавшийся В.С.Сорокин писал в январе 1944 г.:
«Насчет того, что планируют союзники, прочти в № 10-11 "Мирового хозяйства" о том, что они собираются сделать в Европе после войны. Вот уж кто мерзавцы, так это они. Ханжи и бандиты, каких больше не найдешь нигде. Не далее как в 1947 г. мы будем иметь с ними дело»[97].

Изменения политического строя под давлением союзников ожидала не только интеллигенция. Подобные настроения существовали и в деревне. Так, один из крестьян Тихвинского района Ленинградской области в 1944 г. говорил, что «после войны у нас коммунистов не будет. Партия большевиков должна отмереть и отомрет, потому что наши союзники Англия и Америка капиталисты, поставят дело так, как им нужно»[98]. Особенно вероятным представлялась ликвидация колхозов. Характерно, что и

здесь надежды во многом возлагались на союзников. Вот примеры подобных высказываний: «Они требуют, чтобы не было больше колхозов, а наши не соглашаются. Возникнет новая война и нам тоже уж не справится, заберут нас англичане и не будет больше колхозов... Скоро дождемся того момента, когда будем работать на себя и жить самостоятельно, без палки. Так хотят наши союзники Англия и Америка»[99].

Любопытно, что в межсоюзнической полемике (в частности, в западных средствах массовой информации) на первый план выступали требования свободы вероисповедания в СССР, а отнюдь не ликвидации колхозов. И этот сюжет нашел отражение в массовом сознании. Некоторое изменение политики в отношении православной церкви в годы войны комментировалось порой следующим образом: «Наше отношение к духовенству диктуется требованиями союзников – Америки и Англии... Двадцать восемь лет не говорили о попах, а тут заговорили, когда мы стали союзниками Англии... Англия и Америка повернут нас на старый лад...»[100].

Подобные ожидания, казалось бы, подкреплял роспуск Коминтерна в 1943 г. Независимо от общей – позитивной или негативной – оценки этого решения, причину его практически единогласно видели в стремлении СССР сделать шаг навстречу союзникам: «Это очень тонкое, продуманное и дипломатическое решение, которое безусловно способствует укреплению связи между СССР и союзниками... Нам начинают диктовать и вообще сейчас мы во многом зависим от союзников... Роспуском Коминтерна мировую революцию похоронили навечно... Компартии на западе влачили жалкое существование, а теперь и эта система рухнула под нажимом Америки и Англии». И вполне логичным казался следующий вывод: «Коминтерн как неугодная нашим союзникам организация уже распущена и роспуск этот совпал с пребыванием у нас серьезных представителей от союзни-

ков. Надо полагать, что это сделано по их предложению, теперь надо ждать дальнейших изменений в государственном строе в СССР»[101].

Ленинградец И.И.Жилинский, начальник отделения Управления дорожного строительства Октябрьской железной дороги в своем блокадном дневнике в январе 1942 г. сделал, пожалуй, наиболее трезвый вывод: союзники «имеют попытку повлиять на внутренний режим в нашей стране в смысле свободы слова и вероисповедания в полном смысле этих терминов на демократических началах. Однако наши в этом, конечно, проявят достаточно увертливости, а Америка и Англия отступят и разрешат нам "вариться в собственном соку"[102].

Иногда в массовом сознании на союзников возлагались совсем уже невероятные надежды. Например, в Ленинграде в 1942 г. появились слухи о том, что ведутся переговоры о сдаче города «в аренду» на 25 лет. В результате «скоро будет изобилие продуктов и разных товаров, так как город сдают в аренду англичанам и американцам»[103].

Встречались и такие предположения, что в результате ленд-лиза и заключенных в годы войны соглашений, «все наши ценности союзники заберут и мы на них работай»[104].

Конечно, наиболее симпатичным и близким к реальности образ союзника рисовался в тех случаях, когда основывался на личных впечатлениях. В условиях войны появились элементы так называемой «народной дипломатии». Однако, если со стороны союзников это была, как правило, инициатива отдельных лиц или небольших групп (например, мать троих погибших на фронте сыновей, группа английских моряков, лечившихся в советском госпитале), то с советской стороны ответные письма, как отмечает современный исследователь, «составлялись в коллективах, на митингах и общих собраниях трудящихся, публиковались в газетах»[105]. Любопытно, что этот же исследователь устроенные для иностранных моряков «встречи со знатными советскими людьми, экскурсии на

предприятия и в учебные заведения, посещение госпиталей» расценивает как «общение и контакты *неформального* характера (курсив мой – *Авт.*)»[106]. Вообще именно контакты с иностранными моряками в портах Архангельска, Мурманска, Владивостока всегда приводятся в качестве примера, хотя количественно и территориально они носили ограниченный характер, да и вообще общение с иностранцами не поощрялось даже для тех, кто работал с ними «по долгу службы». Так, выступая на заседании Совинформбюро в январе 1944 г. секретарь ЦК, руководитель Совинформбюро А.С.Щербаков заявил: «Мы предупреждали товарищей и хочу еще раз сделать предупреждение, что всякого рода встречи, беседы, советы должны быть только с разрешения и ведома руководства (курсив мой – *Авт.*)»[107].

Контакты рядовых советских граждан с представителями союзников на протяжении почти всей войны происходили на некоторых участках фронта (моряки и летчики на Севере, челночные полеты американцев, французские летчики знаменитой эскадрильи «Нормандия-Неман»), на территории Ирана, и, наконец, в немецком плену. Пожалуй, лишь в последнем случае они были и достаточно массовыми, и подлинно неформальными.

В воспоминаниях офицера-политработника рассказывается, что при освобождении Данцигского лагеря им были найдены многочисленные рукописные сборники песен, принадлежавшие содержавшимся в лагере советским девушкам. Офицер использовал их для политбесед с бойцами. По его словам, помимо известных, в сборниках было много песен, сочиненных в лагере. Они по своей тематике делились на несколько групп, и одну из них составляли песни, где выражалось сочувствие военнопленным из славянских и союзных стран, особенно чехам, югославам, французам[108]. Необходимо помнить, что в подобного рода фольклоре находит отражение лишь то,

что является, хотя бы неосознанно, для безымянного автора жизненно важным.

В ходе войны был подписан ряд соглашений со странами Восточной Европы, оккупированными гитлеровцами. На территории СССР формировались польские и чехословацкие соединения (армия Андерса в 1941-1942 гг., дивизия им. Т.Костюшко и чехословацкие части в 1943 г.), впоследствии непосредственно принимавшие участие в боевых действиях, причем, за исключением армии Андерса, на советско-германском фронте. Вместе с тем относительная немногочисленность этих соединений и то, что они снабжались (а частично и комплектовались) в основном за счет ресурсов Советской Армии, привело к тому, что массовое сознание, особенно в тылу, зачастую не воспринимало их в качестве полноценных союзников. Напротив, по поводу Ялтинской конференции, например, были зафиксированы такие высказывания: «Польшу освобождали мы и значит наше влияние в Польше будет главным»[109].

В последний период войны Советская Армия, перейдя границу, заняла территорию сначала стран Восточной Европы, затем Германии. В 1944-1945 гг. союзниками СССР стали такие вчерашние противники как румыны. Но опять-таки в массовом сознании преобладало недовольство «слишком мягкими» условиями перемирия с Румынией (хотя встречались и другие мнения)[110].

На территории Германии в 1945 г. миллионы советских солдат встретились с американскими и английскими товарищами по оружию. Образ союзника стал меняться, конкретизироваться; одновременно размывались, теряя жесткость и однозначность, пропагандистские стереотипы. Но этот процесс выходит за рамки данной статьи.

Не в первый уже раз в истории России победоносный заграничный поход привел к серьезным изменениям в массовом сознании. «Новое знание представляло для режима реальную угрозу, но это знание уже нельзя было просто перечеркнуть, изолировав от общества всех, кто

побывал по ту сторону государственной границы. Тогда пришлось бы помимо репатриированных изолировать еще и всю армию. Так или иначе, но после 1945 г. один из цементирующих советскую идеологию мифов – миф о безоговорочных преимуществах социализма перед капитализмом – теперь нуждался в дополнительных серьезных аргументах»[111] – справедливо отмечает Е.Ю.Зубкова. Впечатления военных лет, в том числе и от прямого контакта с союзниками, сыграли свою роль в дальнейшей постепенной эрозии господствующей мифологии.

---

1 Подробнее об этом см.: *Голубев А.В.* Мифологическое сознание в политической истории XX в. // Человек и его время. М., 1991. С. 48-56.

2 *Леви-Стросс К.* Структура мифов // Вопросы философии. 1970. № 7. С. 152-164.

3 Иногда исследователи пытаются учитывать и анализировать самые неожиданные факторы; так, по мнению А.К.Бондарева, ничто иное, как «состояние платежных балансов (речь идет о зях – *Авт.*) во многом предопределяло и продолжает определять соотношении экспорта и импорта в двусторонних торговых свя- взаимное восприятие народов, проникающее и в их повседневный быт и культуру». См.: *Бондарев А.К.* Советская повседневность первой половины 20-х гг. в свете внешнеэкономической деятельности // Российская повседневность 1921-1941 гг.: новые подходы. СПб., 1995. С. 140.

4 Цит. по: *Васильева Т.Е.* Стереотипы в общественном сознании: Социально-философские аспекты. М., 1988. С. 14.

5 Там же. С. 16.

6 *Егорова Е., Плешаков К.* Бэконовские «призраки» в современном мире // Международная жизнь. 1988. № 8. С. 93.

7 *Коллингвуд Р.* Идея истории. М., 1984. С. 32.

8 *Curtis M.* Totalitarianism. New Brunswick-L., 1980. P. 4.

9 Подробнее см.: *Борисов Ю.С., Голубев А.В.* Тоталитаризм и отечественная история // Свободная мысль. 1992. № 4. С. 61-71; *Голубев А.В.* Мифологизированное сознание как фактор российской модернизации // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI – XX вв.) М., 1994. С. 187-204; *Он же.* Россия, век XX-й... // Отечественная история. 1997. № 5. С. 80-92.

10 *Kenez P.* The Birth of the Propaganda State. Soviet Methods of Mass Mobilisation. 1917-1929. Cambridge, 1985. P. 4.

11 О формировании и функционировании «образа врага» в российском обществе первой половины XX в. см.: *Сенявская Е.С.* «Образ врага» в сознании участников первой мировой войны // Россия и Европа в XIX-XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996. С. 75-85; *Она же.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997. С. 36-75; Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 235-274.

12 См. об этом: *Элиаде М.* Космос и история. М., 1987.

13 *Буганов А.В.* Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. М., 1992. С. 180.

14 *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. 1872-1887. М., 1960. С. 235.

15 Подробнее см.: *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825-1853 гг. М., 1982; *Орлов А.А.* Русские и англичане друг о друге (1787-1815) // Россия и внешний мир: Диалог культур. М., 1997. С. 216-229; *Гелла Т.Н.* Англия конца 60-х – начала 70-х годов XIX века глазами русских // Россия и Европа в XIX-XX в.: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996. С. 155-165; *Сергеев Е.Ю.* Образ Великобритании в представлении российских дипломатов и военных в конце XIX – начале XX века // Там же. С. 166-174; *Рудая Е.В.* Союзники-враги: Россия и Великобритания глазами друг друга в 1907-1917 годах // Там же. С. 175-183; и др.

16 *Емец В.А.* А.П.Извольский и перестройка внешней политики России (соглашения 1907 г.) // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 344.

17 См. напр.: *Сенявская Е.С.* «Образ врага» в сознании участников первой мировой войны // Россия и Европа в XIX-XX вв....С. 75-86.

18 Тиражи подобных изданий были так велики, что еще в 1940-1941 гг. в Ленинграде из продажи изымались открытки с изображением «серии гимнов союзных держав царской России». См.: История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997. С. 500.

19 *Фалькович С.М.* Влияние культурного и политического факторов на формирование в русском обществе представлений о Польше и поляках // Культурные связи России и Польши XI-XX вв. М., 1998. С. 192.

20 *Симаков В.И.* Частушки про войну, немцев, австрийцев, Вильгельма, казаков, монополию, рекрутчину, любовные и т.д. Пг., 1915. С. 9.

21 «Борьба наша проиграна». Документы правых. 1914 – февраль 1917 гг. // Исторический архив. 1994. № 5. С. 44.

22 Цит. по: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 277.

[23] Цит. по: *Нелипович С.Г.* Наступление русского Юго-Западного фронта летом-осенью 1916 года: война на истощение? // Отечественная история. 1998. № 3. С. 48.

[24] Россия и Запад... С. 65, 277.

[25] *Гиппиус З.Н.* Петербургские дневники. 1914-1919. М., 1990. С. 27, 33.

[26] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти т. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. М., 1999. С. 360.

[27] Трагедия советской деревни... С. 73-74.

[28] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 19. Л. 138.

[29] ГАОО. Фонд П-48. Оп. 1. Д. 316. Л. 105.

[30] Красноармейский фольклор. М., 1938. С. 112, 114.

[31] Цит. по: Россия и Запад... С. 278.

[32] РГАСПИ. Ф.78. Оп. 1. Д. 468. Бл. 3. Л. 40.

[33] Там же. Д. 481. Л. 24.

[34] Там же. Ф. 80. Оп. 14. Д. 18. Л. 47.

[35] Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 469. Л. 15.

[36] Там же. Д. 481. Л. 12.

[37] Там же. Д. 508. Л. 9.

[38] «Назначить революцию в Германии на 9 ноября» // Источник. 1995. № 5. С. 134.

[39] *Вацетис И.И.* О военной доктрине будущего. М., 1923. С. 48-49.

[40] Будущая война. М., 1928. С. 35-36.

[41] *Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. С. 44.

[42] См.: «Основная цель его приезда...». Отчеты сотрудников ВОКСа о пребывании в СССР деятелей науки и культуры Великобритании. 1934-1936 гг. // Исторический архив. 1996. № 3. С. 139.

[43] *Вернадский В.И.* Дневник 1938 года // Дружба народов. 1991. № 2. С. 244.

[44] Подробнее см.: *Орлов Б.М.* В поисках союзников: командование Красной Армии и проблемы внешней политики СССР в 30-х годах // Вопросы истории. 1990. № 4. С. 40-53.

[45] Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 8.

[46] См.: *Davies S.* Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda & Dissent, 1934-1941. Cambridge, 1997. P. 96-98.

[47] *Чуев Ф.И.* Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 45.

[48] См. об этом: *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939-1941 гг. М., 1997.

[49] *Верт А.* Россия в войне 1941-1945. М., 1967. С. 64-65.

[50] *Лабас Ю.* Черный снег на Кузнецком (война глазами восьмилетнего москвича) // Родина. 1991. № 6-7. С. 36.

[51] *Вишневский Вс.* «...Сами перейдем в нападение». Из дневников 1939-1941 годов // Москва. 1995. № 5. С. 107.

[52] *Бобылев П.Н.* К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 г.? // Отечественная история. 1995. № 5. С. 6-7.

[53] *Вишневский Вс.* Указ. соч. С. 108.

[54] *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1948. С. 16.

[55] Там же. С. 33.

[56] Пословицы. Вып. 1. М., 1942. С. 1.

[57] Москва военная. 1941-1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 671.

[58] Цит.по: Михаил Иванович Калинин: Краткая биография. М., 1980. С. 278.

[59] Впрочем, тут не стоит упрощать. Когда в одной из советских газет появилась написанная, очевидно, с лучшими намерениями, заметка о том, что американские трубы, полученные по ленд-лизу, используются при прокладке газопровода Саратов-Москва, американская сторона незамедлительно прекратила поставку труб вообще под тем предлогом, что они используются не для нужд фронта. См.: *Лебедев И.П.* «Кобры» летят к фронту. Авиационный ленд-лиз в годы Великой Отечественной войны. М., 1992. С. 61.

[60] Цит. по: *Иванов Р.Ф., Петрова Н.К.* Общественно-политические силы СССР и США в годы войны: 1941-1945. Воронеж, 1995. С. 197-198.

[61] См. об этом: *Позняков В.В.* Внешняя политика трех великих держав и образ союзников в советской пропаганде в годы второй мировой войны. 1939-1945 гг. // Ялта. 1945. Проблемы войны и мира. М., 1992. С. 175.

[62] История советской политической цензуры... С. 88.

[63] Союзники в войне 1941-1945 гг. М., 1995. С. 377.

[64] *Козлов Н.Д.* Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). СПб., 1995. С. 64-65.

[65] Союзники в войне... С. 379-380.

[66] Цит.по: Сталин. Рузвельт. Черчилль. Де Голль: Политические портреты. Минск, 1991. С. 213.

[67] *Терещук А.В.* СССР, его союзники и противники в годы второй мировой войны: международно-правовые и нравственные аспекты взаимоотношений // Россия и Запад. СПб., 1996. С. 221.

[68] О советской пропаганде в годы войны подробнее см.: *Козлов Н.Д.* Указ. соч.; *Невежин В.А.* Из истории культурных связей СССР с Великобританией и США в рамках антигитлеровской коалиции (1941-1945 гг.) // Духовный потенциал победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. М., 1990. С. 202-226; *Поздеева Л.В.* Межсоюзнические переговоры о координации пропаганды (1941-1944 гг.) // Ялта. 1945 год. Проблемы войны и мира. М., 1992. С. 144-151; *Позняков В.В.* Указ. соч.; Союзники в войне... С. 326-347; и др.

69 *Бережков В.М.* Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993. С. 255.

70 См.: *Титков А.Э.* Союзники-соперники (к истории антигерманского союза СССР с США и Великобританией в 1941-1945 гг.) // Советская внешняя политика, 1917-1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992. С. 308.

71 *Терещук А.В.* Указ. соч. С. 222.

72 *Позняков В.В.* Указ. соч. С. 175.

73 *Фатеев А.В.* Образ врага в советской пропаганде. 1945-1954 гг. М., 1999. С. 29.

74 Москва военная... С. 50-52.

75 См. напр.: Международное положение глазами ленинградцев, 1941-1945. (Из Архива Управления Федеральной Службы Безопасности по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области). СПб., 1996. С. 23, 44, 48-49 и др.

76 *Вернадский В.И.* «Коренные изменения неизбежны...». Дневник 1941 года // Новый мир. 1995. № 5. С. 204.

77 Москва военная... С. 74, 75.

78 Цит. по: *Рошаль Л.М.* «Я уже не мальчик и на авантюру не пойду...». Переписка Эйзенштейна с кинематографическим руководством // Киноведческие записки. № 38. М., 1998. С. 146-147, 152.

79 История советской радиожурналистики: Документы. Тексты. Воспоминания. 1917-1945. М., 1991. С. 14.

80 Москва военная... С. 68-69.

81 Вопиющая некомпетентность // Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 58.

82 *Зиновьев А.А.* Русская судьба, исповедь отщепенца. М., 1999. С. 231.

83 См. напр.: *Жилинский И.И.* Блокадный дневник (осень 1941 – весна 1942 г.) // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 4.

84 Международное положение глазами ленинградцев... С. 14.

85 *Верт А.* Указ. соч. С. 339.

86 Москва военная... С. 477.

87 Международное положение глазами ленинградцев... С. 52-53.

88 Там же. С. 49, 53, 75.

89 Эти частушки были записаны в 1943 г. в Никольском районе Вологодской области. См.: Частушки в записях советского времени. М.-Л., 1965. С. 164.

90 *Верт А.* Указ. соч. С. 480.

91 Москва военная... С. 666.

92 Речь идет об англо-советском договоре о союзе и сотрудничестве от 26 мая и об англо-советском и американо-советском коммюнике относительно «второго фронта» от 12 июня 1942 г. Цит. по: *Сенявская Е.С.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997. С. 166.

[93] Данный абзац в письме написан по-английски, возможно, автор опасался цензуры. Цит. по: *Сорокин В.С.* Из военных лет // Ивановский государственный университет глазами современников. Иваново, 1995. Вып. 2. С. 163.

[94] *Верт А.* Указ. соч. С. 264.

[95] Русский советский фольклор. Антология. Л., 1967. С. 401-402.

[96] *Вернадский В.И.* Указ. соч. С. 215-216. См. также: *Bailes K.* Soviet Science in the Stalin Period: The Case of V. I. Vernadskii & his School. 1928-1945 // Slavic Review. Vol. 45. № 1. P. 36.

[97] *Сорокин В.С.* Указ. соч. С. 161.

[98] Международное положение глазами ленинградцев... С. 125.

[99] Там же. С. 126.

[100] Цит. по: *Зубкова Е.Ю.* Мир мнений советского человека. 1945-1948 гг. По материалам ЦК ВКП(б) // Отечественная история. 1998. № 3. С. 36.

[101] Международное положение глазами ленинградцев... С. 94-95. Что касается «серьезных представителей от союзников», речь, очевидно, идет о сенаторе Дж.Дэвисе, который был послом США в СССР в 1936-1938 гг., а в мае 1943 г. привозил в Москву предложения Ф.Д.Рузвельта о советско-американской встрече на высшем уровне. См.: *Исраэлян В.Л.* Дипломатия в годы войны (1941-1945). М., 1995. С. 148-149.

[103] *Жилинский И.И.* Указ. соч. С. 6.

[104] Там же; Международное положение глазами ленинградцев... С. 44.

[105] Международное положение глазами ленинградцев... С. 124.

[106] *Козлов Н.Д.* Указ. соч. С. 70.

[107] Там же. С. 72.

[108] РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 998. Л. 46. О том, насколько затруднено было в годы войны общение, в частности, с иностранными корреспондентами, в том числе представителями коммунистической или социалистической прессы, и какими последствиями такое общение грозило, рассказывает в своих воспоминаниях Н.М.Улановская, в годы войны работавшая в отделе печати НКИД. См.: *Улановская Н.М., Улановская М.А.* История одной семьи. М., 1994. С. 133-170.

[108] Русская частушка. Л., 1950. С. 401-402.

[109] Международное положение глазами ленинградцев... С. 136.

[110] Там же. С. 111-113.

[111] *Зубкова Е.Ю.* Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 году // Отечественная история. 1995. № 3. С. 95.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аввакум, протопоп 60, 63, 64
Август, император 43
Авессалом 61
Авксентьев Н.Д. 259
Авраамий, епископ Владимиро-Суздальский 7, 9, 13
Адамс К. 27
Адриан, патриарх 63
Аксаков И.С. 49
Аксаков К.С. 49
Аксаков С.Т. 113
Александр II (Александр Николаевич) 177, 205, 209, 215
Александр III (Александр Александрович) 209, 215, 216
Алексеев М.В. 257, 259, 261, 266
Алексей Александрович, великий князь 197
Алексей Михайлович 48,56, 57. 58, 60, 107, 108, 111
Алексей Петрович, царевич 61, 69, 95, 96, 104
Алпатов М.А. 19
Альбий Тибулл 76
Амброджини А. (Политианус) 79
Ангел Г. 55
Ангел И. 55
Андерс В. 349
Аполлодор 74
Апулей 74
Арат Солский 75
Аристипп 54
Аристотель 54, 73, 75
Арсений Елассонский 27
Атеней Навкратийский 76
Бадалич И. 43
Барбаро И. 20, 21
Бароний Ц., кардинал 83
Бассевич Г.Ф. 87, 88, 99, 10 102
Батлер Н. 244
Батюшков К.Н. 124
Бельский М. 84
Бердяев Н.А. 236
Бережков В.М. 338
Бернанд Веймарский, князь 55
Берхгольц Ф.В. 96, 99
Бессонов П.А. 41
Бестужев А.А. 173
Бидлоо Н. 111
Бицилли П.М. 148, 163
Блок А. 243
Блэнкенбург Р. 224
Богораз В.Г. 243
Боде, барон 179
Бокаччо Дж. 79, 85
Боктранек, генерал 55
Болотов А.Т. 167, 168
Большаков И.Г. 340
Борис Годунов 38
Борисов Ю.С. 4, 5
Бородин М.М. 275
Брауни 210
Брунеллеско Ф. 13
Брусилов А.А. 257
Бубликов А.А. 256, 259
Будный С. 59
Буллард У. 247
Бурбоны 142
Бурд З. 311, 313
Буссов К. 27
Бухвостов Я. 71
Бэкон Ф. 109
Бюргер 172

Ван Цзинвэй 279
Варкоч Н. 36
Василий III 19, 23
Василий Великий 57
Вацетис И.И. 329
Вебер Дж. 221, 222
Вебер И. 39
Вебер Х.Ф. 87, 89, 93, 96, 98, 99, 101-105
Везалий А. 60
Вержбицкий Н.К. 341
Вернадский В.И. 301, 330, 339, 345
Верт А. 332, 341-343
Веспуччи А. 67
Виже-Лебрен 121. 125, 129-131
Вильсон В. 247, 267
Винтер В. 296
Виролайнен И. 309
Витрувий 73
Витт Пуль, де 263
Вишневский В.В. 288, 302, 332, 333
Владимир Мономах 43
Вольтер 120
Вольф Г. 112
Воронцов А.Р. 169
Воронцов М.С. 136
Ворошилов К.Е. 272, 288, 289, 333
Вюртц П. 54

Габсбурги 47
Гагарин С.И. 171
Гай Плиний Секунд 78
Гай Светоний Транквилл 77
Гакстгаузен, фон А. 176
Галятовский И. 59
Гамелен М. 330
Гарриман А. 337
Гаррисон У. 217
Гаррисон Ф. 217
Гартман Л. 215
Гартполь Лекки В.Э. 182
Гарфилд Дж. 215, 218
Гассман Х. 87, 88, 91, 93, 97, 102, 104, 105
Гваньини А. 84
Гейс С. 36, 37
Геллий 73
Герасимов Д. 26
Герберштейн С. 20, 23-30, 34
Геродот 75
Герцен А.И. 237
Гесиод 75
Гете И.В. 172
Гиппиус З.Н. 325
Гитлер А. 286, 308, 309, 331-333, 341
Глинка М.И. 323
Гоголь Н.В. 148, 159, 161
Годунова К. 38
Голицын В.В. 70
Головин Н.Н. 324
Гомер 75, 80
Гонсевский, гетман 55
Горсей Д. 27
Горький А.М. 243
Горянова Н. 249
Григорьев А.Н. 324
Грин Ф. 208
Густав, принц шведский 38
Гучков А.И. 259
Гэддис Дж. 248

д'Алессандро А. 82
Данилевский Н.Я. 183, 317
Данилов Н.П. 184
Данилова И.Е. 7
Де ла Гарди М., граф 56, 57
Де ля Круа 55
Де ля Туш М. 124, 126, 130
Девлет Гирей 33
Демидов В.А. 127
Деревянский В.К. 289

Мясоедов 179

Набоков В.Д. 259
Наполеон I 140, 142, 161
Невакиви Ю. 308
Неизвестный Суздалец 7-13
Нейгебауэр С. 27
Некрасов Н.В. 259
Нектарий, игумен 63
Никодим 61
Николай I 177, 203
Николай II 238, 244
Николай Александрович, великий князь 209
Никон, патриарх 61, 113
Новокомский П. 26
Нокс А. 324
Ньютон И. 109

Озеров И.Х. 239
Оксеншерна А. 57
Олен 74
Ордин-Нащокин А.Л. 70
Орлова Р.Д. 303
Отрош д·Ш. 121

Паасикиви Ю.К. 286, 287, 289
Павел, апостол 60
Павел, митрополит Сарский и Подонский 58
Павсаний 76
Палеолог Софья 21, 23
Палл 57
Папроцкий В. 84
Перкамот Г. 20, 21, 23, 29
Перштейн И. 27
Петр I 61, 64, 81, 87, 88, 90-96, 98-105, 107-117, 120, 128, 155, 236
Пикфорд М. 239
Платон 54
Плутарх 76
Погодин М.П. 49
Позняков В.В. 339
Полибий 80
Полидор Вергилий Урбинский 67
Полторацкий Д.М. 167, 168
Полуектов Я. 71
Помпей Трог 77
Попов П.И. 237, 238, 240
Поршнев Б.Ф. 151
Поссевино А. 27, 34, 35
Потапов М.И. 340
Потемкин В.П. 293
Принтц Бухов фон 34
Прокопович С.Н. 259
Прокопович Ф. 114-117
Прокофьев Н.И. 7
Протасович Я. 67
Публий Вергилий Марон 77
Публий Корнелий Тацит 77
Публий Овидий Назон 73, 76
Пушкин А.С. 51, 148

Радзейовский И. 56
Радзивилл Б. 55
Радзивилл Я. 55
Ракоци Г. 57
Рачинский А.В. 180
Рейли С. 325
Риббентроп И. 331, 332
Ривс Ф. 224
Риддерхельд И.И. 55
Римский-Корсаков И. (см.: Игнатий, митрополит Сибирский и Тобольский)
Римский-Корсаков Н.А. 70
Робинс Р. 247, 267
Родзянко М.В. 257
Ромм Ж. 121, 130, 131
Ромодановский Ф.Ю. 58
Ростопчин Ф.В. 168, 169
Ртищев Ф.М. 58
Рудзутак Я.Э. 280

Рутский И., митрополит 58
Рюйш Ф. 109
Рюльер К.-К. 126
Рябушинский П.П. 256, 259

Савинков Б.В. 256, 258, 258
Самарин Ю.Ф. 117
Саммерс М. 247-267
Сапунов Б.В. 61
Сахарова Е.И. 334, 343
Свинхувуд П.Э. 292
Сегюр 121
Седякин А.И. 330
Сеймур Т. 198
Сен-Пьер де, Б. 121
Сергий Радонежский 62
Симеон Полоцкий 54-61, 63-68, 108, 114
Скайлер 210
Скобелев М.Д. 208
Сколярди П. 48
Скорина Ф. 64
Славинецкий Е. 60, 62
Смит У. 266
Сократ 54
Солтанов Б. 71
Сомов О.М. 172
Сорокин В.С. 343, 344
Софья Алексеевна, царевна 78, 102, 103, 108
Спагноло Дж.Б. 81
Сталин И.В. 5, 281, 284-287, 294, 296, 333, 338, 341
Сталь де, Ж. 121, 124
Сталь-Голстейн 172
Стенбок 55
Страбон 72, 76, 80
Страда В. 245
Струве К.В. 217
Стрыйковский М. 84, 85
Стэндли У. 336
Сунь Ятсен 277
Сурков А.А. 302
Сусанин И. 323
Сьюард 199

Таннер В. 286, 287, 289
Тартаковский А.Г. 136
Тассо Т. 83
Твен М. 193, 197, 217
Тедальди Дж. 32
Тейлор 210
Тейльс А.Д. 179
Тесби де Белькур 122, 125, 129
Тессинг Я. 109
Тимашев А.Е. 183
Тиммерман Ф. 108
Тит Ливий 77
Титов В. 68, 71
Токвиль де, А. 237
Толстой А.Н. 339, 340
Толстой Л.Н. 224, 227
Томпсон У.Б. 267
Третьяков С.Н. 256
Троцкий Л.Д. 272-281
Тургенев И.С. 227
Тьеполо Ф. 31
Тэер А. 174
Тэрпи Д. 218

Уаймен Л. 217
Уиншип Н. 248, 267
Уитворт Ч. 87, 94, 97, 98, 100
Уиттер Дж. 217
Уошберн С. 267
Ушаков С. 71

Фабий 71
Фатеев А.В. 339
Федор Алексеевич, царь 58, 64, 67, 74, 79
Федор Иоаннович, царь 19, 35
Фербенкс Д. 238
Ферсен, граф 55

Флетчер Дж. 27
Фоккеродт И.Г. 87, 89, 90, 93, 97-99, 102, 104, 117
Фокс Г. 205
Фома, посол 9
Фортиа де Пиль 122, 126, 127, 129, 131
Фоскарино М. 27, 30, 31
Фрейзер Дж. 317
Фрэнсис Д. 248, 249, 267

Хаббель Дж. 224
Харпер С. 267
Хауз Э. 247
Хауппт Л. 57
Хауэллс У. 193
Хернер Т. 27
Хитрово Б.М. 58
Хлебников В. 51
Холмс О.В. 201
Хомяков А.С. 113
Хоу Дж. 217
Хусейн-Алибек 37

Цицерон 74, 78

Чаадаев П.Я. 236, 237
Чан Кайши 273, 277-279
Чемберлен Н. 332
Ченслор Р. 27, 36
Чернов В.М. 263
Черчилль У. 344
Чжан Цзолинь 277
Чжу Юаньчжан 276
Чичерин Г.В. 272
Чудовский Е. 61

Шелехов Д.П. 178
Шелохаев В.В. 171
Шепелев А. 71
Шервуд Р. 337
Шерман У.Т. 205
Шиллер И.Ф. 172
Шингарев А.И. 257
Шмальц К. 175
Шостакович Д.Д. 340
Штаден Г. 27, 32, 33
Шумахер 112

Щербаков А.С. 336, 348

Эдгар У. 223-225
Эйзенштейн С.М. 340
Эйсымонт В.В. 303
Эпикур 54
Эразм Роттердамский 67, 69, 82
Эркко Э. 286, 289

Юль Ю. 87, 88, 92, 94, 97, 98, 100, 101, 104
Юстиниан, император 11

Яворский С. 61, 114

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
ВЭО – Вольное Экономическое общество
ГАОО – Государственный архив Орловской области
ГАРФ – Государственный архив РФ
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РНБ – Российская народная библиотека
РГАСПИ (быв. РЦХИДНИ) – Российский государственный архив социально-политической истории
СПбФ ААН – Санкт-Петербургский филиал Архива Академии наук
ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны
ЦГИАМ – Центральный государственный исторический архив г. Москвы
ЦНАУ – Центральный научный архив Украины
ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей Российских

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

I. ЗАПАД И РУССКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ В XV-XVII ВЕКАХ

Малето Е.И. (ИРИ РАН). Западный мир глазами русских путешественников XV века 6

Морозова Л.Е. (ИРИ РАН). Иностранцы об изменениях в образе жизни русских людей. (Конец XV-XVI век) .. 18

Пушкарев Л.Н. (ИРИ РАН). Юрий Крижанич о западных соседях славянского мира 41

Звонарева Л.У. (Институт педагогики социальных проблем РАО). Польша, Литва, Россия в наследии Симеона Полоцкого 54

Богданов А.П. (ИРИ РАН). Европейский историк в России XVII века 69

II. РОССИЯ И ЕВРОПА В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Агеева О.Г. (ИРИ РАН). Петр I глазами западноевропейских мемуаристов начала XVIII века 87

Балошина Н.Ю. (СПб. филиал ИИЕТ РАН). Протестантская и католическая традиция в российском образовании 107

Артемова Е.Ю. (ИРИ РАН). Французские путешественники о Москве. (Вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) 120

Губина М.В. (МГУ). Франция в восприятии русских военных: эволюция стереотипов (1814-1818 гг.) 136

Фролова О.Е. (ИРЯ РАН). Восток и Запад в русском художественном повествовательном тексте первой половины XIX века 148

Козлов С.А. (ИРИ РАН). Проблема немецкого «ratio» и русского «авось» на страницах отечественной печати дореформенной эпохи 165

III. РОССИЯ И АМЕРИКА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Павловская А.В. (МГУ). Русская тема в американской прессе второй половины XIX века 192

Журавлева В.И. (РГГУ). Как помочь России? (Россия и американское общество в конце XIX века) 213

Сергеев Е.Ю. (ИВИ РАН). Образ США в представлениях россиян. (Начало XX века) 235

Листиков С.В. (ИВИ РАН). Американский дипломат о революционной России. События февраля-октября 1917 г. глазами М.Саммерса 247

IV. ОБРАЗ ВРАГА И ОБРАЗ СОЮЗНИКА В XX ВЕКЕ

Саран А.Ю. (Орловская сельхозакадемия). Восприятие Китая политической элитой СССР 1920-х годов: Л.Д.Троцкий 271

Невежин В.А. (ИРИ РАН). Финляндия в советской пропаганде периода «зимней войны» (1939-1940 гг.) 284

Сенявская Е.С. (ИРИ РАН). Финны во второй мировой войне: взгляд с двух сторон 306

Голубев А.В. (ИРИ РАН). «Царь Китаю не верит...». Союзники в представлении российского общества 1914-1945 гг. 317

Указатель имен 356

Список сокращений 363